ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

7'2017

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО
СОЛЬ

СЕРГЕЙ СИНЯКИН
ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ
МАРИЯ ГАЛИНА
ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ

ЕВГЕНИЙ ВОЙСКУНСКИЙ:
ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СНЕГОВЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В выпуске:
Олег Овчинников. Гуашь с кровью
Павел Амнуэль. Простые числа
Сергей Синякин. Вулканолог Званцев и его техноморфы
Мария Галина. Не оглядываясь
А. А. Аттаназио. Телефункен ремикс
Марина и Сергей Дяченко. Соль
И прочее…

- ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
  - ПРОЗА
    - Олег Овчинников
    - Павел Амнуэль
      -
    - Сергей Синякин
      - ПРОЩАНИЕ
      - ЗАРАЗА
      - КТО, КТО…
      - НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ
      - СПАСАТЕЛИ
      - САЛАМАНДРА
      - О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ
      - ВОЗВРАЩЕНИЕ
    - Мария Галина
      -
    - А. А. Аттаназио
      - Переход
      - Шифрованный циферблат часов
      - Непараллельная вселенная
    - Марина и Сергей Дяченко
      -
  - ВИДЕОДРОМ
    - Александр Ройфе
    - РЕЦЕНЗИИ
    - АДЕПТЫ ЖАНРА
      - Дмитрий Караваев
  - ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
    - Евгений Войскунский:
  - ВОСПОМИНАНИЯ
    - Евгений Войскунский
  - РЕЦЕНЗИИ

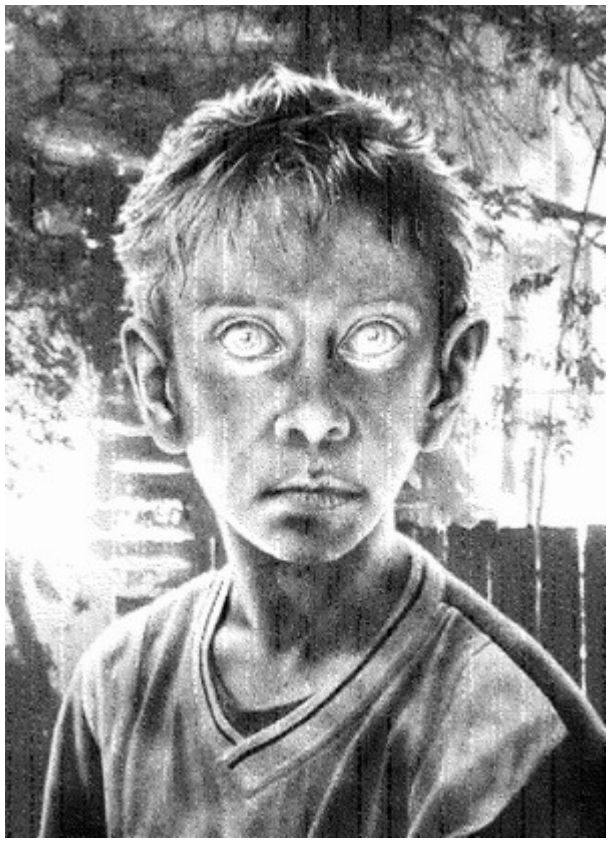
- ■
- КРУПНЫЙ ПЛАН
  - ■ РАЗВЕ МЫ С ВАМИ УЖЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ?
- ВЕХИ
  - ■ Вл. Гаков
- КУРСОР
  - ■ ХРОНИКА
  - ■ PERSONALIA

• notes
- 1
- 2
- 3
- 4

ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
2007 № 07

ПРОЗА

Олег Овчинников
ГУАШЬ С КРОВЬЮ



Вспомнилось: раньше я носился по этому коридору, размахивая руками. Потом стал ходить, сцепив пальцы за спиной. Теперь вот складываю руки на животе. Любовь Николаевна шутит, что походка у меня стала, как у священника. Я не спорю — ей виднее. Когда-то, по молодости, я собирался уйти в монастырь. Потом попал в Дом и понял, что здесь не хуже. Правда, пару раз, шутки ради, отпускал бородку клинышком, но дольше чем на месяц меня не хватало. За ней же, аккуратной, уход нужен. А когда тут…

— Сергей. Серге-ей! — позвал я, а когда он остановился, взял за худые плечи. — Что ж ты по левой-то, а?

— Да какая разница, Александр Вла… Борисович. Тихий же час!

— Все равно. Тут ведь малыши, а ты вон какой большой. Налетишь — растопчешь! — Я улыбнулся, голос всегда меняется

от улыбки, и худые плечи расслабились. — Давай-ка вот сюда. Вот так. По правой, всегда — по правой. Хочешь, провожу тебя?

— Спасибо, — сказал он, как фыркнул. — Сам справлюсь.

Его привезли к нам шесть дней назад, через две недели после неудачного пиротехнического эксперимента. В четырнадцать легче легкого запомнить простые правила общежития, сложнее заставить себя их соблюдать. «Ничего-ничего, привыкнет», — подумал я, глядя вслед Сергею, потом приоткрыл дверь в спальню для мальчиков.

Протиснулся бочком. Если открыть до конца — дверь заскрипит так, что всех перебудит. И приходящий по пятницам Матвей говорит, что ничего с этим поделать нельзя. Что эта тварь питается петельным маслом. И наконец, что тут надо не смазывать, а менять, вместе с петлями, коробкой, а по-хорошему, и весь этаж давно пора перелицовывать, а то живете как в прошлом… тьфу ты, в позапрошлом веке. В общем, как говорится, человек ругается, дверь скрипит.

Я оглядел комнату и сказал себе: ага, трое. Мишка и Степка — у ближней стены, хоть и лежали, накрытые до подбородка, но при этом слишком уж старательно щурились, а Андрюшка — тот не скрываясь сидел на краю кровати и, склонившись над большой деревянной табуреткой, что-то чертил. Нет, не чертил — рисовал, поправился я, когда вышел на середину комнаты и свет из окна перестал бить в глаза. Вот же кисточка, вот баночки с гуашью. Значит, рисует.

— Почему не спишь? — шепотом спросил я.

— Не хочется, Александр Борисович, — просто ответил он. Я подошел вплотную.

— А что рисуешь?

— Погодите! — Андрюшка совсем уж навис над табуреткой, плечом загородив от меня свое творение. — Я почти дорисовал, осталось чуть-чуть.

— Ладно-ладно, я подожду. — Я отвернулся к окну. — Смотри с кровати не упади. — Минуту спустя спросил: — Все?

— Совсем почти уже все, — пообещал маленький художник. — А теперь, пожалуйста, наклонитесь чуть-чуть. Только не подглядывайте! Спасибо… — Я ощутил прикосновение теплых и наверняка не самых чистых пальцев к моему лицу. — Мне нужны взрослые брови, — пояснил он. — Теперь считайте до трех и можете смотреть.

— Раз, два, три, — послушно произнес я, но открыл глаза чуть раньше, поэтому успел увидеть, как перепачканный в гуаши указательный палец уткнулся в середину листа, а кисточка сделала два уверенных мазка — слева и справа от него.

И хорошо, что раньше. Эти «раз, два, три» помогли мне собраться с духом. И когда Андрюшка протянул мне листок со словами: «Ну как?», вздрогнул только я, но не мой голос.

— Хорошо.

— Правда? — Андрюшка запрокинул лицо и неуверенно улыбнулся.

— Правда. — Я положил ладонь на его затылок, машинально отметив, что пора уже приглашать парикмахера, опять обросли мальчишки. Потом покосился на Мишку со Степкой, которые уже пару минут давились беззвучным смехом, и специально для них твердо повторил:

— Очень хорошо.

— Как у Него?

— Почти, — уклончиво ответил я. — Надо будет еще потренироваться. Кстати, что… кто это на рисунке?

— Разве непонятно? — удивился Андрюшка. — Это Христос.

— Ну… я же никогда его в живую не видел, — натужно отшутился я.

— Я тоже. — Он улыбнулся во всю ширь. — Только во сне.

А вот два мелких пакостника у ближней стены совсем перестали улыбаться. На пунцовых лицах — настороженное недоумение: что мы сделали не так? Вроде все крышечки на баночках поменяли, почему же шутка не удалась?

— Можно я возьму его себе? — попросил я, избегая смотреть на рисунок. — Хочу поставить под стекло в моем кабинете.

— Конечно, берите, — обрадовался Андрюшка. — Я себе еще нарисую. Я теперь столько всего нарисую…

— Только не сейчас. — Я бросил взгляд на часы. — До подъема еще сорок пять минут, так что давай укладывайся.

Проходя мимо коек Мишки и Степки, я покачал головой и подумал: «Все так, обормотики мои, все так. Просто такие шутки редко удаются. Когда слепые подшучивают над незрячим, обычно получается не смешно».

* * *

Говоря «Он», «о Нем», «у Него», маленький Андрюшка имел в виду своего великого тезку и почти что однофамильца. Почти что — поскольку у нашего в свидетельстве о рождении значилось Рублев-Успенский.

Двойная и какая-то шоссейная фамилия досталась малышу от родителей, которые сперва не знали, как поделить долгожданного сына, а когда спустя три месяца стало ясно, что это не задержка в

развитии, а полная и окончательная слепота, долго не могли решить, как от него избавиться. В конце концов отдали в приют. Хотя слово «приют» мне не нравится. И слово «центр» не нравится. Я предпочитаю называть это место Домом. Отдали не на реабилитацию — какая в три месяца реабилитация, — а насовсем. Но не о том речь.

С тех пор как кто-то из летних практиканток — кажется, Леночка — рассказал детям об Андрее Рублеве, Андрюшка просто загорелся. Он попросил фломастеры и карандаши, чертил кружочки и треугольнички по трафарету, спрашивал: какого цвета солнце? а стол? а человек? Потом уже я раздобыл эти краски с четкими оттисками на крышечках: «красная», «зеленая», «синяя»… А на Андрюшкин день рождения привез из города огромный альбом с репродукциями. Мы иногда листали его перед сном, Андрюшка водил пальцами по страницам, а я рассказывал, что на них изображено.

Во второй раз Андрюшка не загорелся даже, а вспыхнул, когда на той неделе услышал в новостях про церковную школу, где слепых детей учат писать иконы. «Я тоже научусь! Как Он! — светился от восторга мальчишка. — Ведь Он рисовал иконы!» «Конечно, Андрюша, конечно. Только не рисовал, а писал», — ответил я и умолчал о том, что слепота слепоте рознь. С точки зрения здравоохранения, слепые — все, у кого острота зрения ниже 0,1. Они могут различать цвета, узнавать форму предметов, реагировать на направленный в глаза свет. А тех, у кого полный ноль, я бы все-таки называл незрячими.

Да и незачем об этом говорить. Все, что дает надежду — хорошо. А вот жить совсем без нее, наверное, невыносимо.

* * *

В кабинете я сел за стол, надел очки для чтения и скрепя сердце заставил себя рассмотреть рисунок. В этот раз он не произвел на меня такого гнетущего впечатления, как поначалу, и все же что-то с ним было не так. Я пытался понять, что именно, но это мне плохо удавалось. Казалось, рисунок сам отталкивает взгляд. Я то и дело ловил себя на том, что рассматриваю стаканчик с авторучками или основание настольной лампы, но не лист бумаги, лежащий на столе между моими ладонями.

На первый взгляд, в нем не было ничего пугающего. Белый фон и человеческое лицо — выполненное, я бы сказал, на удивление хорошо, учитывая, что художник никогда не видел человеческого лица. Большой овал, на нем — два овала

поменьше, почти треугольный нос, прямая линия губ, обрамление волос, не имеющее внятной формы. Скорее, дело было в подборе цветов. Волосы, например, были светло-зелеными (кстати, ни усов, ни бородки на рисунке не было). Губы — желтыми. Глаза… Мне пришлось сделать усилие, чтобы сосредоточиться на них. Глаза были ярко-красными, как будто в них отражается пламя, а само лицо — голубым. Только брови были почти естественного цвета — серыми. Тоже вроде бы ничего страшного, и все-таки… Все-таки когда Андрюшка рисовал треугольные деревья и круглых птиц, мне было как-то спокойнее.

Я убрал рисунок в шкаф, под стекло, как и обещал мальчику. Правда, поставил белой стороной наружу. Потому что краски еще не до конца подсохли и могли запачкать стекло. Только поэтому.

* * *

— Жму три раза, теперь чашка полная. Шаг сюда. Открываю дверцу. Ставлю чашку. Закрываю, чтобы щелкнула. Большая кнопка — тик, тик, тик. Потому что надо не вскипятить, а только разогреть. Все, жму. Жму, Александр Борисович?

— Да, Ксюшенька, только…

— Ну что опять не так? Маленькая Ксюша хмурит бровки.

— Ты забыла вынуть ложку. Она железная. С ложкой нельзя. Ксюша вздыхает, я — вместе с нею.

— А ты, Сергей, сделал слишком большой огонь. Поверни ручку, чтобы стала горизонтально. А сковородку пока на другую конфорку поставь. И помешай, а то пригорит.

— Да знаю я!

— Помешай… — повторил я и вышел из кухни.

Мне надо было взять из кабинета список для сверки и приготовить деньги. Скоро должны были привезти продукты.

Одно из отделений шкафа было переоборудовано под сейф. Здесь я хранил текущую наличность, расходные ордера, счета и данные на наших ребят. Данные время от времени менялись, наличность все больше утекала, зато счета и квитанции прибывали с пугающей быстротой, так что в целом бумажная кипа росла из месяца в месяц. Список продуктов на две недели и маленький конверт с заранее отсчитанной суммой лежали на самом верху.

Я взял их, закрыл шкаф и уже начал поворачивать ключ в замке, когда увидел на стекле справа от сейфа маленькое пятнышко, которое не заметил сразу, а после его загородила распахнутая дверца. Пятнышко было круглое, темно-коричневого

цвета. Я потрогал стекло в этом месте, оно оказалось сухим. Пятно находилось с другой стороны — там, где к стеклу был прислонен белый лист бумаги. Ей-богу, я не сразу вспомнил, что это — вчерашний Андрюшкин рисунок (язык не поворачивался назвать его портретом).

— Все-таки запачкалось.

Я положил на стол список и деньги, вынул листок из-за стекла и потер пятнышко ногтем. Оно осыпалось мне в ладонь мелкими струпьями, почти не оставив следа на бумаге.

— Вот так.

Я развернул листок рисунком к себе и вздрогнул — совсем как в первый раз. Я-то был уверен, что на изнанке отпечатался один из красных глаз нарисованного человека, но с этой стороны пятно располагалось выше, над бровями, точно посреди лба. На голубом фоне оно казалось фиолетово-черным. Хуже того, оно было еще влажным, не считая двух засохших потеков по краям, один из которых спускался к переносице. Влажным, несмотря на то, что рисунок простоял в кабинете без малого сутки. Но самым неприятным было, конечно, то, что еще вчера никакого пятна на этом месте не было. И в этом я мог поклясться.

Что ж это такое? Очередная глупая шутка? Каюсь, первым делом я подумал о двух обормотиках, Мишке и Степке, но войти в мой кабинет… Я, конечно, никогда его не запираю, только сейф, и все же — не слишком ли это для них? Я осторожно коснулся влажного пятна, растер каплю на кончике указательного пальца и поднес к носу. Жидкость пахла не как краска.

На столе не оказалось ничего подходящего, чтобы вытереть палец. Жаль, что тетрадки с промокашками теперь не выпускают. Пришлось воспользоваться платком. Им же я аккуратно промокнул пятно на рисунке. Оно, разумеется, никуда не делось, просто стало сухим и более светлым.

Тут за окном прогудела машина. Я быстро запер сейф, машинально бросив рисунок Андрюшки поверх бумаг, подхватил со стола список и конверт и поспешил к выходу. Водитель, который привозит продукты, очень не любит ждать.

* * *

Времени на разгрузку ушло вдвое больше обычного. В этот раз водитель почему-то приехал без напарника, и таскать мешки и коробки в кладовую на второй этаж пришлось нам двоим. Сорванцы, конечно, рвались помочь, и я разрешил нескольким, которые живут здесь давно, сделать по одной ходке до машины и

обратно. Разумеется, ничего тяжелого и бьющегося, но кто-то все-таки рассыпал на лестнице пакет макарон, так что я погнал всех в классную комнату — читать.

Помимо продуктов в этом заказе было кое-что из посуды и двадцать новых матрасов для детских кроватей. Пока я отнес коробку с тарелками и чашками на кухню и вернулся, водитель подъехал задом к дверям склада (бывшему гаражу) и выгрузил матрасы на кусок брезента у входа. С этими дверями вышла непредвиденная заминка, что-то там заклинило в замке. Пока я громыхал ключами, нервный водитель ругался и спрашивал, кто ему заплатит за простой. Я попытался урезонить его, напомнив, что он и так получит за разгрузку обычную плату, хотя следовало бы ее уполовинить, но есть такие люди, которые слышат только себя. В общем, я расплатился и отпустил его, а матрасы оставил там, где лежали, только прикрыл другим куском брезента. Я рассудил так: место с дороги не просматривается, фабричная упаковка на матрасах непромокаемая, так что ни дождь, ни дурной глаз не повредят им до пятницы, когда придет Матвей и либо починит замок, либо поможет мне отнести все это добро наверх.

Я помог Веронике разложить по местам продукты и наклеить бирки на пакеты с крупой. Вероникой звали нашу бывшую воспитанницу, которая по окончании курса реабилитации решила остаться в Доме поварихой. После кладовой заглянул в класс. Ребята читали. Вернее, читал Аркаша, а остальные, сдвинув стулья, сидели вокруг него. Когда Аркаша дочитывал до конца страницы, книжку пускали по кругу, чтобы потрогать картинку. Книжек с такими картинками в Доме всего пять. Сегодня это «Конек-Горбунок».

Ярким пламенем сверкая,
встрепенулася вся стая,
кругом огненным свилась
и за тучи понеслась…

— услышал я и, улыбнувшись, прикрыл за собой дверь.

Пока я отпирал сейф, в левой руке у меня была накладная на продукты. Когда отпер — она уже лежала на полу. Да и сам я, признаться, с трудом удержался на ногах. Промямлил только:

— Что ж это, а? Как это?

Ведь правда же страшно и странно. Час назад все было в порядке. Вот счета, рассортированные по прозрачным пакетикам, вот папочки-скоросшиватели с детскими фамилиями, вот пачка денег, перетянутая резинкой. А вот — все то же самое, но в

потеках красной жидкости. И не где-нибудь, а в сейфе, самом надежном, казалось бы, месте в самом надежном, казалось бы, Доме. Н-да, страшно и странно…

Я двумя пальцами извлек Андрюшкин рисунок из сейфа — пятно на голубом лбу снова было влажным и почти черным, — бросил на стол поверх развернутой газеты и начал наводить порядок. Уже не жалея платка, протер личное дело поступившего последним Сергея, разгладил целлофан на пачке счетов за свет, смахнул пару капель с металлической дверцы… На самом деле, не так и много оказалось этого красного, просто очень уж неожиданно. Все-таки сейф… надежное, казалось бы…

То есть до сих пор мне так казалось.

Я бросил платок на стол и медленно вышел из комнаты. Остановился у двери в класс, немного послушал про Жар-Птицу и двинулся дальше, в спальню для мальчиков.

Как и следовало ожидать, здесь оставалось четверо ребят того возраста, в котором сказки уже не интересны. Трое сидели на стульях у раскрытого окна, четвертый, Сергей, — на подоконнике.

Я не скрывался. На скрип двери обернулись все четверо — довольно нервно, как мне показалось.

— Так, — объявил я с порога, стараясь не повышать тона. — Я никому не хочу угрожать. Тем более не хочу никого обыскивать. Так что давайте договоримся так: вы просто отдаете мне ЭТО, и я ухожу.

— Алекса-андр Борисович!.. — протянул Мишка, явно приготовившись врать.

— Еще раз повторяю, — сказал я уже строже. — Вы отдаете мне ЭТО, я ухожу, и никто из вас не будет наказан. Иначе мне придется…

Тут я засек краем глаза подозрительное движение и обернулся к окну.

— Сергей! Во-первых, встань с подоконника. Разве я не говорил тебе, что у нас нельзя сидеть на подоконниках? И окна открывать без спроса, кстати, тоже нельзя. Во-вторых, что там у тебя в руке?

— В какой руке, Александр Борисович?

— Спасибо, хоть отчество выучил!

Я отодвинул паренька в сторону и выглянул в окно. На жестяном карнизе по ту сторону оконной рамы дотлевала помятая сигарета.

— Так. Это откуда? — спросил я, стараясь не показать растерянности. И как это я сразу не уловил запаха табачного дыма? Когда никто не ответил, спросил иначе: — Еще есть?

Сергей пожал плечами и достал из заднего кармана джинсов

початую пачку сигарет.

— Вот. Последняя.

— А спички? Или что там у вас? Зажигалка?

— Там, в пачке, — сказал Сергей.

— Понятно. — Я обвел взглядом притихшую троицу. — Еще у кого-нибудь есть сигареты или зажигалки? Точно ни у кого? Тогда вот что… — Снова повернулся к новенькому: — Сергей. Через три недели, если все пойдет по плану, ты вернешься домой. Или, если хочешь, я прямо сейчас позвоню твоему отцу и попрошу забрать тебя уже сегодня. Хочешь, нет? — Упрямый затылок едва заметно качнулся из стороны в сторону. — Хорошо. В таком случае, раз ты хочешь остаться здесь, запомни, пожалуйста, несколько простых правил. Первое…

Пять минут спустя я вышел из комнаты, комкая в кармане трофейную пачку сигарет. Хотя, честно говоря, я надеялся обнаружить у ребят что-то другое. Ключ или, я не знаю, отмычку.

* * *

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, я подожду, — попросил я, отступая на шаг назад.

Любовь Николаевна кивнула и снова склонилась над детским коленом.

— А это йод или зеленка? — страдальческим голосом спросила Марина.

— Перекись водорода. Она не жжется, так что прекрати дрожать подбородком.

— У-у… А-а-а… — на всякий случай приготовилась девочка, но когда ватка коснулась свежей ссадины, сразу успокоилась. — Представляете, Александр Борисович, кто-то оставил лошадку посередине комнаты. Не которая с колесиками, а которая качается, с хвостом. А я пошла и… и вот!

Я вздохнул. Наверное, человек со стороны может подумать, что половина нашего бюджета уходит на зеленку и бинты. На самом деле мы расходуем их не так много. Не больше, чем группа обычного детского сада, а, скорее, даже меньше. Потому что нашим детям *приходится* быть осторожными.

Когда Марина ушла, я достал из-за спины платок.

— Вот. Посмотрите, пожалуйста, Любовь Николаевна. Что это…

— Что это? — строгим эхом отозвалась она. — Это из носа или… Ну-ка, встаньте лицом к свету.

— Да нет. Это вообще не мое… — попробовал отмахнуться я,

но замолчал, когда мне на язык опустилась холодная палочка.

— Так, теперь легкие. Молчите. Дышите. Глубже. Теперь спиной. Все, можете опустить рубашку. — Объявила, снимая стетоскоп: — Вы в порядке, Александр Борисович. Так что это?

— Я, собственно, у вас хотел спросить.

— Вы так странно спрашиваете… — Любовь Николаевна еще раз со всех сторон осмотрела платок и пожала плечом. — Да нет, точно кровь.

— А… чья это кровь?

— В каком смысле? А-а, поняла. Опять где-то стекло разбили? Так вы посмотрите ребят: у кого порез, того и кровь. Кстати, пришлите этого голубчика ко мне, йода на него не пожалею.

— Не знаю. Про стекло не знаю. Вы лучше скажите… Можно вообще понять, человеческая это кровь или… какая-то другая?

— Александр Борисович, я — педиатр, — улыбнулась она. — Но знаете что? Да что с вами? Не волнуйтесь так! Помните, я вам про зятя своего рассказывала? Он ведь в Институте Крови как раз работает. Хотите, я ему позвоню?

* * *

Его пальцы и запястья были в краске, а губы дрожали от подступивших слез.

— Не получается, Александр Борисович! Ничего не получается!

— Ну-ну… — Я положил ладонь на нестриженый затылок, и Андрюшка уткнулся носом мне в живот. — Давай посмотрим, что тут у тебя.

Один за другим я брал со стола испачканные листки и рассматривал на вытянутой руке (очки для чтения остались в кабинете). То есть, конечно, это были рисунки, но воспринимались они как испачканные листки. Я честно старался выбрать какой-нибудь получше, чтобы обнадежить мальчика, но пока ничего не находил. Десять, двадцать, пятьдесят неудачных попыток изобразить человеческое лицо. Цвета на сей раз были подобраны верно, как я учил: «губы красные, волосы коричневые, глаза… пусть будут голубые», не удавались сами черты лица — они были не той формы и то наползали друг на друга, то разбегались по разным углам листа. Собственно, таким и должен быть портрет, написанный ребенком, который в жизни не видел человеческого… да ничего не видел, если разобраться. Это первый рисунок Андрюшки оказался странным исключением. Удивительным исключением. Я погладил мальчика по голове и в

сотый уж, наверное, раз подумал с тревогой: «Что же ты такое нарисовал, сынок?»

Андрюшка запрокинул лицо.

— А тот рисунок, позавчерашний, он у вас?

— Конечно. У меня, на самом видном месте.

Я не покривил душой. Лежащий на столе полиэтиленовый пакет было видно с порога. Спрятанный внутри рисунок был с обеих сторон обложен старыми газетами.

— А можно мне его… ну, взять?

— Зачем?

— Не знаю. Но он же почему-то получился, а эти… — мальчик не договорил.

Я вздохнул и посмотрел на часы.

— Давай попозже, хорошо? Вечером. А то я уже опаздываю.

До электрички в самом деле оставалось меньше сорока минут. Времени в обрез, учитывая, что нужно еще взять билеты.

— Остаетесь за старшую, Любовь Николаевна, — улыбнулся я, столкнувшись с доктором в коридоре. — Я постараюсь недолго. Если что, попросите Веронику…

— Справимся, — отмахнулась она. — Не волнуйтесь.

— Вашему зятю что-нибудь передать?

— Да. Передайте, что он… Хотя нет. Привет передавайте.

* * *

Зять Любови Николаевны вышел к проходной в распахнутом белом халате поверх джинсов и свитера. Обратился первым:

— Уважаемый! Александр Борисович — вы?

— Да. А вы…

— Стас. Просто Стас.

— Любовь Николаевна передавала вам привет.

— Смешно. — Он действительно усмехнулся. — Ладно, пойдемте, уважаемый. — Кивнул охраннику: — Это со мной. — И помчался по коридору, не оглядываясь. Полы халата взметнулись, как крылья.

— Теща сказала, вам нужен анализ крови? Образец с собой? Давайте.

— Да, с собой. Сейчас… — Я еле поспевал за ним. — Вот.

Склянку с широким дном и завинчивающейся крышкой, которую мне выдала Любовь Николаевна, я оставил на ночь под рисунком. К утру натекло примерно полсантиметра красной жидкости.

— Все, ждите здесь. — Стас резко остановился. Он зачем-то

посмотрел склянку на просвет, покачал головой и скрылся к кабинете.

Ни стульев, ни каких-нибудь диванчиков в коридоре не было. Стендов с полезной информацией — тоже. «Это институт, а не поликлиника», — напомнил я себе и начал слоняться. Раз пять прогулялся по коридору из конца в конец, потом облокотился о подоконник и стал смотреть в окно.

Ждать пришлось больше полутора часов. Наконец дверь кабинета распахнулась.

— Уважаемый! — позвал Стас. — Войдите, пожалуйста.

— Но я же без халата…

— Ничего-ничего. — Он сбросил свой, как будто из солидарности. — Заходите. Садитесь!

Стас катнул в мою сторону вертящийся стульчик со спинкой, а сам присел на край стола.

— Строго между нами, уважаемый. Откуда у вас этот образец?

— Это… — Я пожал плечами. — Это… В самом деле, как тут ответишь?

— Понимаю. — Он театрально вздохнул, потом посмотрел мне в лицо и улыбнулся. — Тогда по существу. Как практикующий гематолог могу авторитетно заявить: то, что вы принесли, уважаемый, не что иное как кровь. Человеческая. Первой группы. Резус-фактор положительный. Иными словами, самая распространенная. Что касается болезней, тут все чисто. Лимфу, правда, я бы еще раз проверил. Девяносто девять процентов, что все в порядке, и все-таки есть вероятность лейкоза в ранней стадии. А так, — он развел руками, — все в норме. В общем, если б эта кровь была вашей…

— Нет-нет, — сказал я, испытывая непонятное облегчение, — это не моя кровь. Спасибо, Стас, вы очень, очень…

— Да погодите вы! — неожиданно обиделся он. — Испортили мне весь эффект. Я как раз собирался сказать «но» и многозначительно поднять указательный палец… Еще пять минут можете послушать?

— Могу. — Я откинулся на спинку стула. Отступившая было тревога привычно обосновалась под сердцем.

— Так слушайте. Все это я вам сказал как практикующий гематолог. Но! — Стас поднял указательный палец. — Как выпускник кафедры генетики и цитологии… Только не смейтесь!

— Почему я должен смеяться?

— Не знаю. Обычно в этом месте все хихикают. Так вот, как генетик-цитолог не могу не заметить, что хромосомный набор этих вот кровяных клеточек вышел из моды о-очень давно.

— А поточнее? — Я поймал себя на том, что поправляю очки, хотя они лежат у меня во внутреннем кармане. — Что это значит?

— Поточнее? — Он наклонился ко мне, прищурился и заговорил очень тихо и вкрадчиво: — Этой вашей кровушке, уважаемый, тысяча лет в обед. А то и все две. Это если поточнее. — Потом провел по лицу ладонью и спросил уже обычным голосом: — Что, жутковато? Мне тоже, если честно, не по себе. И все-таки, между нами, где вы взяли этот образец?

* * *

«Тысяча лет… — думал я, шагая по мокрому тротуару. — Две тысячи лет… Иконы… Кровоточение… Гуашь для рисования по шестьдесят рублей за набор… Куда мне теперь со всем этим? В библиотеку? В церковь? В сумасшедший дом?»

Я остановился. Фиолетовая вывеска на доме через дорогу погасла на пару секунд и загорелась снова. Мне показалось, что это знак.

Я никогда не бывал в подобных заведениях, но кое-что слышал о них. Если слухи не врут, здесь я найду и библиотеку, и церковь, и сумасшедший дом. А если повезет, то и булочку с изюмом.

Только есть ли у меня на это время? Я и так задержался в Институте дольше, чем планировал.

Вывеска еще раз погасла и загорелась. Я стал искать пешеходный переход.

«Чистенько», — подумал я, оказавшись внутри, и украдкой бросил взгляд на свои ботинки.

— Клуб «Встреча» — два раза направо, со двора, — объявила мне девушка на входе вместо приветствия.

— Нет-нет, я к вам. Мне нужно…

— Проходите. — Кажется, она удивилась.

Подростки за плюшевой перегородкой провожали меня настороженными взглядами.

— Вот сюда. Что будете пить?

— Да мне не пить. Я хочу…

— Напиток обязателен, — строго заметила девушка.

— Хорошо. Тогда сок. Яблочный есть у вас? А булочки? — Я подумал и добавил: — С изюмом.

— Булочки? — Она нахмурилась, глядя в блокнот. — Есть чизкейк. Хотите?

— Наверное, нет. — В городе я часто чувствую себя иностранцем. — А вы научите меня, что тут и как?

— Конечно. Что вы хотите?

— Мне нужно найти…

— Секунду. Вводите запрос.

— Та-ак…

С грехом пополам я отыскал нужные клавиши.

— Набрали? — Она нагнулась над моим плечом и хихикнула: — Голубой Христос? Ладно. Жмите «Поиск», кликайте по ссылкам.

Десять минут спустя я вышел на улицу. Фиолетовые буквы, отразившись в луже на асфальте, разом зажужжали и погасли. Через мгновение вспыхнули снова. «Интернет-кафе», — прочел я в последний раз и все-таки выругался:

— Др-р-рянь!

* * *

— Да не ферма это. Ферма дальше.

— Какое дальше?

— Да дальше, я тебе говорю. А это — приют для этих… как их…

— Смотри-смотри, опять полыхнуло!

— Ну что, заходим, а то ведь уйдет сейчас.

— Да ладно, на следующей поедем. Давай досмотрим!

— Ага. Сейчас как раз пожарные должны…

Толпу у сетчатого ограждения я заметил, едва ступив на платформу. Десяток мужичков с рюкзаками и удочками, собравшиеся для последней в этом сезоне ночной рыбалки.

— Дайте… — Я прочистил горло. — Пропустите, пожалуйста.

Двое мужичков, загородившие спуск с платформы, расступились передо мной. Только перешепнулись за спиной: «Смотри, этот…» — «Который?» — «Ну…» — «Что ж он тут-то?»

«Что ж я тут-то? — думал я, сбегая по ступенькам. — Что ж я тут-то, Господи!»

Капля скатилась по щеке. Я с надеждой посмотрел на небо, но дождя не было. Да и не помог бы уже дождь.

Пожарная пронеслась мимо, когда я выбежал на перекресток за станцией. Я махнул рукой, но машина, конечно же, не остановилась. «Поскорей, ребята, поскорей!» — подумал я, провожая взглядом беснующуюся мигалку, и потрусил следом.

Обычно путь от станции к Дому я прохожу за восемнадцать минут быстрым шагом. На этот раз уложился, кажется, в семь, но и этих минут мне хватило, чтобы проклясть себя многократно. За то, что уехал.

За то, что оставил детей на Любовь Николаевну и Веронику. То есть, получается, на одну Любовь Николаевну. За то, что так много времени потерял в Институте. А сильней всего — за это грешное кафе. Зачем только поперся туда? Что надеялся найти? Какую правду? Вон она — правда, полыхает на полнеба в вечерних сумерках.

Когда закончились заводские постройки и бетонный забор, Дом стало видно как на ладони. Первый этаж горел весь. На втором — пока только левое крыло. Пламя мелькало в окнах классной комнаты и спальни для девочек. Хуже всего, что именно в этом крыле в конце коридора располагался запасной выход.

Когда я добрался до выбитых машиной ворот, пожарные только закончили разворачивать шланги. Одновременно с первой струей из брандспойта над классной комнатой обрушилась крыша. За разбитыми стеклами было видно, как огненный смерч промчался по коридору второго этажа, выбив боковую оконную раму вместе с куском стены. Пламя гудело. Глаза слезились. Взгляд метался от окна к окну, но находил только языки огня. Не было никого за черными окнами, и во дворе никого не было. Только пожарные.

Я тронул одного за плечо.

— Кто-нибудь… — начал я и не смог договорить. — Где… кто-нибудь?

Пожарный странно посмотрел на меня и кивнул куда-то себе за спину.

— Александр Борисович! — донеслось с той стороны, потом слова перешли в кашель, и я снова побежал.

Они были здесь, за пожарной машиной, сидели кто на чем. Любовь Николаевна с Ксюшей, Вероника, Марина, Антон… Дети галдели, а я выхватывал взглядом то одного, то другого и едва узнавал. Аркадий, Света, Мишка… А где же? Ну да, конечно, и Степка. Неужели все? Двойняшки Леня и Маргарита, Димка, второй Димка и Настенька, Коля, Никитушка, Маша и Игорек. Все!

— Вы успели! — выдохнул я, проглотив комок в горле. — Слава Богу, вы успели выйти!

— Не совсем. — Любовь Николаевна снова закашлялась, и Ксюша погладила ее по руке. — Когда Коля прибежал и сказал: «Любовь Николавна, там что-то горит», по лестнице на первый было уже не спуститься. Потом пока я всех собрала… Эта вот… — она качнула Ксюшу на руках… — негодница… забралась под кровать и надышалась дымом. Разве можно? — Девочка шмыгнула перепачканным сажей носиком. — В общем, к тому времени, как я ее вытащила, пожарная лестница тоже была в огне.

— Как же вы выбрались?

— Нас вывел Андрей.

— Как? Как Андрей мог вас… — Я остановился, так как понял, что иначе начну заикаться.

Любовь Николаевна посмотрела мне в глаза.

— Александр Борисович, я не знаю. Я — педиатр и… я не знаю. Он прижал к лицу свой рисунок, а потом сказал…

— Какой… Какой рисунок?

— Из вашего кабинета. Вы уехали, а Андрюшка очень просил принести рисунок. Еле нашла его в пакете, среди газет. Так вот, прижал к лицу рисунок и сказал: «Идемте за мной». И все пошли — на кухню. Там Андрей сказал: «Откройте окно», и…

— Это я открыл, — влез в разговор Сергей. — Ничего, что без спроса?

И ойкнул, когда я схватил его за худое плечо и притянул к себе. От подростка пахло страхом и табачным дымом. Пальцы правой руки сами сжались в кулак… потом разжались.

Я отпустил его. Сказал только:

— Молчи! — И вновь обратился к Любови Николаевне: — Что было дальше?

— Так вот, Андрей сказал: «Откройте окно», и окно открыли. А потом он сказал: «Прыгайте», и все прыгнули. Я тоже прыгнула. Никто не разбился. Там оказалось мягко.

— Матрасы! — Я почувствовал, как от облегчения подгибаются ноги, и прислонился плечом к гладкому боку пожарной машины.

— Да, внизу были матрасы. Только Леня прыгнул слишком далеко и ушиб ногу. Но ничего страшного…

— А где… — Я огляделся. — Где Андрей? Я не вижу его. Андрей! — позвал я в полный голос.

— Я здесь, — раздалось совсем рядом.

Я обернулся. Он сидел под самым бортом на каком-то ящике.

— Я здесь, Александр Борисович, — повторил Андрюшка и запрокинул лицо.

Я сказал: запрокинул лицо? Нет, он поднял на меня *глаза.* Они были ярко-красными, потому что в них отражалось пламя, а само лицо — голубым. И мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы коснуться его щеки. Мне просто надо было убедиться, что это сажа или, я не знаю, пепел.

Павел Амнуэль
ПРОСТЫЕ ЧИСЛА

Я не жду от жизни ничего хорошего. Не жду с тех пор, как умерла Софа, меня отправили на заслуженный отдых, а Вадик с семьей уехал в Штаты и поступил работать в престижную, по его словам, компьютерную фирму, где (опять же по его словам) ценят «русские» мозги, подразумевая под этим мозги, скорее, советские, старой закваски. Сейчас, конечно, наши тоже кое-чего стоят, но разве можно сравнить нынешнее образование с тем, когда…

Ну вот. Как только начинаю о чем-то думать, мысль сразу сворачивает на проторенную колею — что это, если не свидетельство старости? С другой стороны, ведь действительно. Не скажу ничего о математике или, скажем, о биологии с химией, но в моей родной астрофизике разве не в семидесятые годы прошлого уже века сложилось поколение, с которым до сих пор считаются на Западе и на работы которого и сейчас можно найти ссылки в самых престижных журналах? Какие имена! Рашид

Сюняев, Витя Шварцман, Коля Шакура, а чуть позже Коля Бочкарев, Володя Липунов, Толя Черепащук… Конечно, я понимаю, что никому, кроме профессионалов, эти имена не скажут ничего, но тем, кто хоть что-то понимает в астрофизике…

И опять я не о том. Об астрофизике я не собираюсь говорить ни слова — из науки я ушел… нет, если по-честному, то ушли меня, и, что совсем было не по-человечески, произошло это ровно на седьмой день после смерти Софы. Ко мне пришли коллеги, все такие же… ну, или почти такие же, как я — возраст пенсионный, но кто по своей воле оставит работу, которой посвятил жизнь? — и мы сидели, поминали Софу, говорили о том, какой она была отзывчивой, домовитой и умной. О ее уме вспоминал в тот вечер каждый, даже Анатолий Гаврилович, который Софу терпеть не мог, потому что она всегда говорила ему в лицо ту правду, которой никто, кроме нее, ему не сказал бы. И уже когда собирались расходиться, Анатолий этот Гаврилович поднялся и сообщил, будто не приговор зачитал, а великую радость поведал: мол, дирекция вас очень просит, Петр Романович, учитывая ваш возраст и то, что в последнее время в обсерватории стало плохо со ставками… В общем, пенсия у вас будет хорошая.

Вот тогда время для меня и остановилось. Не биологическое, оно-то, конечно, движется независимо от сознания и только в одну сторону, как река, которую невозможно перегородить плотиной и заставить изменить русло. Я имею в виду собственное психологическое время, которое то течет подобно великой реке Волге, то вдруг останавливается, застывает, как скованный льдом ручей, а бывает, что несется, будто горный поток, подбирая по дороге валуны воспоминаний, или даже словно цунами сметает все, оставляя позади груды развалин прошлого — самых страшных развалин на свете, потому что разрушенный бомбой город можно восстановить, а сломанная, уничтоженная жизнь не денется уже никуда…

Нет, положительно, старость — такая болезнь, которая неожиданно приходит и так же неожиданно забывается: сначала ты эту болезнь остро осознаешь, а потом, видимо, не то чтобы привыкаешь, но перестаешь считать болезнью. Это, мол, жизнь, а жизнь не болезнь, хотя и заканчивается всегда летальным исходом…

Вообще-то, я хотел рассказать о человеке, которому, в отличие от меня, не удалось дожить до старости, но почему-то начал рассказ с себя, хотя по сравнению с покойным Олегом Николаевичем Парицким я, конечно, личность в истории маленькая. Впрочем, о масштабе личности человека, погибшего на нашем пруду 15 февраля, судят сейчас по-разному: одни

говорят, что такого мощного ума земля не рождала лет сто или больше, другие считают, что разговоры о гениальности Парицкого сильно преувеличены, а то, чем он занимался, вообще говоря, ближе не к математике, а к самому что ни на есть научному шарлатанству.

На мой же непросвещенный взгляд…

Впрочем, свой взгляд я еще смогу высказать и даже попробую его обосновать, но сначала, как говорит наш участковый инспектор Михаил Алексеевич Веденеев, «голые факты, не прикрытые одеждами следственных версий»…

* * *

В тот день я ездил в Репино за продуктами. Это недалеко — минут двадцать автобусом. Правда, автобусы через наш поселок проходят редко, но если знать расписание, то времени на ожидание теряешь не так уж много. Знать расписание, однако, дано не каждому, потому что, как однажды предположил все тот же Олег Николаевич, меняется оно, похоже, еженедельно и составляется с помощью генератора случайных чисел. О числах, впрочем, Парицкий мог говорить по любому поводу, и автобусное расписание, действительно странное, было поводом не хуже прочих.

Прошу прощения. Вместо того чтобы излагать неприкрытые факты, я опять начал философствовать. Факты же таковы. В Репино я выехал автобусом в 11.45, а вернулся в 15.30. Еще подъезжая к остановке, увидел милицейскую машину с проблесковыми маячками, стоявшую у дома, где жил Парицкий. Естественно, мне и в голову не пришло, что Олег Николаевич чем-то нарушил наше уголовное или любое иное законодательство, и потому я решил, что милиция прибыла в наш поселок по каким-то своим делам, знать которые простым смертным не следует. Я отнес домой сумку с продуктами (конкретное ее содержание к моему рассказу не имеет ни малейшего отношения) и вышел посмотреть, куда направятся товарищи милиционеры, покинув поселок. Тогда я и увидел, что дверь в домик Парицкого раскрыта настежь, двое милиционеров топчутся у порога, а на противоположной стороне улицы собралось человек двадцать, даже Никита приковылял на своем костыле.

Подошел и я, предчувствуя какую-то беду, но еще не понимая — какую именно.

— Что тут происходит? — спросил я у стоявшего ближе ко

мне Никиты, потерявшего ногу во время одной из чеченских кампаний, не знаю — первой или второй, в то время я еще в поселке не жил, а спрашивать не хотел.

— Олег Николаевич, — хмуро сказал Никита.

— Что? — нетерпеливо спросил я. — Что Олег Николаевич?

— Утонул, — сообщил Никита.

— Утонул? — Это было все равно что сказать, будто Парицкого задрал медведь. Где он мог утонуть в середине февраля? Не в собственной же ванной! Речка наша, впадавшая в Неву, давно застыла, пруд тоже, а до Финского залива далеко, и чтобы там утонуть, нужно быть моржом, в то время как Олег Николаевич даже в августовскую теплынь не любил купаться, о чем сам мне как-то рассказывал.

Оставив Никиту, я направился к одному из милиционеров, представился и задал тот же вопрос: «Что происходит?»

На этот раз ответ оказался более пространным и точным. Более того, меня даже попросили войти в дом, усадили в маленькой гостиной на стул, на котором я обычно и сидел, когда приходил к Парицкому, и, прежде чем сообщить интересовавшую меня информацию, устроили перекрестный допрос. Перекрестный в том смысле, что вопросы задавали сидевший справа от меня гражданин в штатском и сидевший слева участковый Веденеев, знакомство с которым у меня было шапочным — однажды, вскоре после того как я переехал в поселок, Михаил Алексеевич явился ко мне вечером, выпил три стакана чая с вареньем и выпытал всю биографию, начиная со дня рождения 3 апреля 1948 года в городе Клинцы Брянской области и заканчивая покупкой дачного домика после смерти Софы и выхода на пенсию.

Ответив на вопросы, которые не могли иметь отношения к какому бы то ни было происшествию с Олегом Николаевичем, я задал — в третий уже раз — свой: «Что тут, в конце концов, происходит?»

Тогда участковый Веденеев и сообщил, что час примерно назад тело Парицкого было обнаружено в пруду, расположенном метрах в пятистах от поселка в направлении Питера. Пруд, понятно, замерз еще в ноябре, переправляться по льду на противоположный берег никому — и тем более Парицкому — в голову прийти не могло, потому что, во-первых, делать там было решительно нечего, а во-вторых, вокруг пруда шла тропа, по которой идти было куда удобнее, чем по льду, не очень-то прочному по причине мягкости нынешней зимы. Именно по этой тропе и шел некто (имени свидетеля Веденеев мне не назвал, и я лишь потом узнал, что это был Антон Челяев, добиравшийся пешком от станции), увидевший, что метрах в десяти от берега

лед сломан, образовалась довольно большая полынья и в ней (могу себе представить, что почувствовал Антон!) виднеется человеческое лицо с выпученными глазами и раскрытым ртом.

Антон сразу понял, что спасать тут некого, и потому, не сходя с места, достал мобильник и позвонил в «скорую» и милицию. Участковый прибыл на место спустя семь минут (это Михаил Алексеевич особо подчеркивал, чтобы все обратили внимание на его оперативность), а «скорая» не приехала вообще, и тело пришлось вывозить в морг на милицейской машине.

Предварительные следственные действия, предпринятые еще до моего возвращения из Репино, заставили (именно так Веденеев сказал — заставили, и никак иначе) прийти к единственно верному заключению: Парицкий сдуру решил за каким-то чертом пересечь пруд по льду, но лед нынче сами знаете какой и, понятно, проломился, в результате чего Олег Николаевич оказался в ледяной воде, из которой не смог выбраться. Несчастный случай, да.

Скорее всего.

— Чисто теоретически, — сказал участковый, массируя себе затылок, — можно допустить, что Парицкий… э-э… покончил с собой. Зачем, скажите, в здравом уме переть по льду, когда… ну, вы понимаете. Но мы должны отработать обе версии. Вот потому мы вас и спрашиваем. Вы лучше других знали покойного. Вы с ним общались. Что вы можете сказать о его душевном состоянии? Может быть… Депрессия?

— Нет, — сказал я. — Даже теоретически — нет. Олег Николаевич вел такой образ жизни, какой ему нравился. Он делал то, что считал нужным. Скорее уж я бы покончил с собой, чем он…

Я бы с собой тоже не покончил, но об этом я участковому, тем более в присутствии штатского следователя, говорить не стал. Но если чисто теоретически рассуждать о поводах, то у меня их было достаточно, а у Парицкого не было вообще. Чушь.

— Чушь, — убежденно сказал я. — Не мог он покончить с собой. Тем более так.

— Ага, — с удовлетворением произнес штатский и записал в свой блокнот длинную фразу.

— Я тоже так думаю, — кивнул Веденеев. — Спасибо, Петр Романович, за помощь, идите домой, на вас прямо лица нет.

— Да, — вспомнил он, когда я встал и на нетвердых ногах направился к двери, — скажите, Петр Романович, вы ведь хорошо знали Парицкого… Кому сообщить о его смерти? Я знаю, что у него была жена, верно?

— Лена, — кивнул я. — Она в Питере живет. Если хотите, я

ей позвоню…

— Да-да, — с готовностью согласился Веденеев, — позвоните. Скажите, что тело отвезли в Репино, пусть она обратится в тамошнее отделение милиции, вот телефон, спросит майора Кандыбу, он ей объяснит, что дальше делать.

Я взял листок, положил в карман куртки и вышел из полумрака комнаты в полумрак наступившего вечера. Звонить Лене мне не хотелось. Что я ей скажу? Но еще меньше мне хотелось, чтобы Лене звонил Веденеев или этот в штатском. Чужой голос и слова, которые не приведи Бог услышать… Лучше я сам.

Но почему, черт побери, Олег поперся, как выразился участковый, по льду нашего пруда на противоположный берег?

* * *

Познакомились мы летом, я уже не помню точную дату, хотя Олег Николаевич сказал бы, что запомнить ее очень легко, потому что если что-то очень известное умножить на что-то, известное еще больше, то как раз это число и получится — какие проблемы? У Парицкого с запоминанием чисел проблем не было никогда, но ведь это профессиональное: так библиотекарь помнит по фамилиям всех читателей (точно знаю, Софа моя почти полвека работала в научной библиотеке обсерватории), а актер — текст длинной и неинтересной пьесы. Олег Николаевич был по профессии математиком, диссертацию защищал по теории чисел, название я здесь приводить не стану, хотя — в отличие от даты нашего знакомства — прекрасно помню.

И помню, что день, когда мы познакомились, был очень теплым и солнечным, я только что переселился в купленный довольно дешево домик, сын помог с перевозкой вещей и сразу уехал в Пулково — не в обсерваторию, конечно, а в аэропорт, но дорога шла мимо моей бывшей работы, и я хотел проводить Вадика, чтобы по пути туда и обратно еще раз бросить взгляд на знакомые с юности купола и вспомнить… «Нет, — сказал сын, — зачем тебе лишний раз расстраиваться?» Тоже верно.

Вадик уехал, а я побродил по обеим пока еще не обжитым комнатам, стало мне тоскливо, и я пошел в лес, благо до ближайших деревьев было ходу минут десять, если не торопиться, а идти и думать о вечном.

Я и думал о вечном, когда увидел сидевшего на пне молодого мужчину — лет тридцати или чуть больше — с узким лицом и широко расставленными глазами, густыми бровями и

распадавшейся на три потока каштановой шевелюрой. Рост я сразу определить не смог — это потом, когда Парицкий встал, представившись, я увидел, как он высок: больше метра восьмидесяти точно, на голову выше меня.

— Вы сегодня переселились? — спросил он. — Астрофизик, да? Знаете, это замечательно. А то ведь…

Он как-то неопределенно махнул рукой, а я, впустив наконец в сознание названное им имя, воскликнул:

— Постойте! Вы тот самый Парицкий?

Мне сразу стало неловко, и я хотел принести свои извинения, ну, сорвалось с языка, не всем приятно, когда о них говорят «тот самый».

Парицкий действительно поморщился, будто проглотил ломтик лимона, и сказал:

— Тот самый. Если вы имеете в виду…

— Нет-нет, — поспешил откреститься я от всего, что могло приписать мне воображение нового знакомого. — Ничего я в виду не имел. Вы математик?

— Математик, — кивнул он и добавил: — Тот самый. И если нам повезло оказаться рядом в этом поселке — мне так повезло точно, — то не объясните ли, Петр Романович, почему в космологии принято говорить о темной энергии, когда это, насколько я понимаю, всего лишь возрождение известной эйнштейновской космологической постоянной?

— Ну как же! — воскликнул я, обрадовавшись, что могу поговорить с умным человеком на профессиональные темы. — Есть разница, и не только терминологическая.

Дальнейший разговор опускаю, поскольку содержание его имело бы смысл изложить на страницах академического журнала.

Вечером мы сидели в гостиной у Парицкого, пили чай с вафлями и спорили о кризисе современного образования. Домой я ушел засветло, но совершенно не представляю, сколько на самом деле было времени — стояли белые ночи, и на дворе могла быть и полночь, и пресловутый Час Быка, а может, наоборот, было еще рано, и меня просто сморили усталость и неожиданное умственное напряжение этого тяжелого дня?

Так мы познакомились и потом — до наступления холодов — ходили друг к другу в гости едва ли не каждый вечер, а порой и в дневные часы, если у него или у меня возникала неожиданная идея, которую следовало срочно обсудить. Парицкий не обзавелся ни обычным телефоном, ни мобильным, так что визиты наши всегда происходили неожиданно, но никогда не казались обременительными.

* * *

— Не могло этого быть, — уверенно сказала Лена, когда я сообщил ей о том, как погиб ее бывший муж.

Я долго готовился к этому звонку, не выношу женских слез, и по всем человеческим законам жена, пусть и бывшая, должна была охнуть, услышав о том, что случилось, потом воскликнуть «Нет!», а после этого заплакать в трубку или долго молчать, переживая и не находя слов.

— Быть такого не могло! — повторила Лена. — Вы сами, Петр Романович, можете поверить в то, что Олег поперся по тонкому льду на какой-то там противоположный берег?

Вот и она сказала «поперся», будто нет в русском языке других слов для обозначения этого действия.

— Но ведь… — сказал я и замолчал, потому что мне наконец послышались в трубке звуки, напоминавшие ожидаемый плач. Но это, скорее всего, были помехи на линии, потому что Лена правильно закончила начатую мной фразу, сказав совершенно трезвым, хотя и немного взволнованным голосом:

— Но ведь он пошел, да? Вот я и спрашиваю вас, Петр Романович — почему? Что заставило Олега сделать это? Что-то совершенно экстраординарное, вы понимаете?

Ах, какая разница… Может, он что-то увидел? Услышал? Показалось что-то? Кто сейчас на это ответит, да и смысл-то какой в поисках ответа? Олег Николаевич погиб так, как погиб, и этот наблюдательный факт невозможно изменить любыми предположениями.

По-разному люди реагируют на трагическое известие. Когда умерла Софа… Нет, не буду я это вспоминать, не буду, не хочу, не стану…

— Где, вы сказали, сейчас Олег? В Репино? Спасибо, что позвонили, Петр Романович, спокойной ночи.

Можно было подумать, услышав эти слова, что Парицкий напился, буянил, попал в милицию и сейчас спал там на узкой деревянной скамье, а дежурный милиционер составлял в это время протокол. Странный человек — Лена всегда казалась мне странной, но я и знал-то ее больше по рассказам самого Олега Николаевича, потому что, когда мы с ним познакомились, он уже давно состоял в разводе. Лену я видел дважды, когда она приезжала к бывшему мужу, чтобы то ли забрать у него какие-то вещи, то ли, наоборот, привозила какие-то бумаги.

Как бы то ни было, но цели своей Лена добилась: положив трубку, я долго ходил по комнате из угла в угол, думал о соседе, вспоминал и, чем более в эти воспоминания углублялся, тем

меньше понимал, за каким, действительно, чертом Олег поперся на противоположный берег нашего небольшого пруда прямо по льду, прекрасно понимая, что это не Финский залив, и толщина ледяной корки здесь вряд ли превышает пару-тройку сантиметров. Прежде чем ступить на лед, Олег должен был *выбрать,* должен был принять решение, и я не мог себе представить, почему он не обошел пруд кругом. Торопился? Значит, увидел на противоположном берегу такое…

Что?

Я посмотрел на часы: было двадцать два тридцать шесть. Время, вообще-то, не очень позднее, тем более для нашего участкового, который, по его же словам, раньше двух спать не ложился. Не потому что дела, а потому что бессонница.

— Михаил Алексеевич? — спросил я, хотя, конечно, прекрасно узнал голос.

— Петр Романович? — узнал и меня по голосу участковый и спросил участливо: — Тоже Парицкий из головы не идет?

— Да, — признался я. — Как-то это все… странно. Ужасно, я хочу сказать. Такой молодой… Тридцать шесть. Жить бы и жить… Но… Странно.

— Вы не против, если я к вам сейчас загляну? — спросил Веденеев.

Вообще-то… Михаил Алексеевич непременно принесет бутылку, а пить мне совершенно не хотелось, даже за помин души, тем более, что и Олег не одобрил бы… Но и сидеть наедине со своими мыслями мне хотелось еще меньше.

— Конечно, — сказал я, — заглядывайте.

Я выставил на стол консервы, коробку вафель, банку маринованных огурцов — что еще можно было использовать в качестве закуски? И думал о том, под каким предлогом отказаться пить за упокой души раба Божия Олега. Но странное дело — Веденеев пришел с пустыми руками и приступил к делу, едва переступив порог.

— Я, собственно, вот о чем, — сказал он, сбросив полушубок и шапку на диван, и присел к столу, отодвинув на противоположный край приготовленную закуску. — Вы мне тогда так и не ответили: почему…

— Олег Николаевич поперся по льду на противоположный берег, — закончил я. — Да, я все время об этом думаю. Лена… Я ей звонил… Она тоже считает, что не мог он этого сделать, будучи в здравом уме.

— Вот, — согласился Веденеев. — К сожалению, темнеет нынче рано. В четыре уже темно, вытащить-то его успели еще при свете, а потом… И следы, когда вытаскивали, затоптали.

— Следы? Какие следы?

— Не знаю, — резко сказал Михаил Алексеевич. — Но если Парицкий при всей его осторожности полез на лед, то была причина! Что-то он увидел. Или кто-то его повел. Может — позвал.

— С противоположного берега? — спросил я.

— Почему нет? Что-то там было. Так я подумал. Но сейчас темно, не увидишь.

— А ночью может выпасть снег, — мрачно сказал я.

— Вряд ли, — покачал головой Веденеев. — Небо ясное, мороз. Наоборот: если есть какие-то следы, к утру они только четче обозначатся. Когда рассветет… Думаю, часов в девять самое время. Как вы…

— Конечно, — сразу согласился я. — Будете идти, позвоните, я выйду.

— Значит, договорились, — сказал Михаил Алексеевич и, вытащив двумя пальцами из банки огурец, отправил его в рот. — Надо бы помянуть Олега Николаевича, но это потом. Завтра. Когда разберемся.

Он ушел, а я с трудом уснул в три часа ночи. Может, в четыре. А может, и вовсе не спал, потому что все время вспоминал что-то, и было ли это во сне или в реальности, я сказать не мог — да и какая, собственно, разница?

* * *

Парицкий был «тот самый», и после нашего знакомства в лесу я специально вышел вечером в интернет, нашел посвященный работам Олега Николаевича сайт (на английском, по-русски сделать такой сайт ни у кого почему-то не дошли руки) и перечитал резюме основных его статей, полный текст которых был для меня вообще-то недоступен — математику я знал, конечно, неплохо, но ровно настолько, насколько мне это было нужно для решения астрофизических задач, достаточно сложных для физика и вполне примитивных для математика-профессионала.

О Парицком заговорили в научных кругах еще тогда, когда он учился на четвертом курсе питерского матмеха — в одной из курсовых студент, как выяснилось, доказал неполноту «решета Аткина» для простых чисел. Доказательство, как оказалось потом, было недостаточно общим, но сначала шум в научных кругах получился изрядный — даже у нас в обсерватории теоретики из отдела небесной механики посвятили исследованию

талантливого студента семинар, на котором я высидел до середины и смылся, не поняв и половины того, что было написано на доске и сказано с кафедры.

После университета Парицкому предложили остаться на кафедре и писать диссертацию на любую понравившуюся ему тему из любимой им теории чисел. Он же, однако, предпочел пойти младшим научным в Стекловский институт, где и числился до того дня, когда о нем заговорили по совершенно иной причине, с математикой связанной косвенно. За несколько лет Парицкий опубликовал десятка два работ, каждая из которых получила известность как замечательная, неожиданная, уникальная… Честно говоря, меня это не интересовало ни в малейшей степени — современная теория чисел так же далека от астрофизики звезд на поздней стадии эволюции, как белые карлики — от голубых сверхгигантов. Но фамилию Парицкого невозможно было не услышать, работая в любом научном учреждении, хоть как-то связанном с математикой: в двадцать четыре года он усовершенствовал тест Миллера-Рабина, в двадцать шесть расправился с задачей Виттинге-ра, в двадцать семь… И все ждали, когда Парицкий иссякнет — известно ведь, что математики лишь до тридцатилетнего возраста радуют своими оригинальными идеями и научными изобретениями, а затем наступает спад. Почему происходит именно так, не знает толком никто, но факт остается фактом — науке не известны математические открытия, сделанные учеными старше тридцатника.

Несколько лет назад о Парицком действительно говорить перестали, как и следовало ожидать, фонтан идей иссяк, статьи продолжали появляться в математических журналах, но не содержали в себе ничего экстраординарного. К тому же поговаривали, будто Парицкий женился, и жена ему попалась суровая в том смысле, что требовала от мужа внимания и отвлекала от научной деятельности.

Потом я слышал еще краем уха, что жена Парицкого бросила — а может, он сам от нее ушел, в таких делах никогда не знаешь правды, да ее, наверное, и не существует. Кто-то сказал на семинаре, что теперь, возможно, Парицкий опять что-нибудь выдаст этакое… и он действительно выдал, но экстравагантный его поступок не имел прямого отношения ни к теории чисел, ни вообще к математике. Год назад Французская академия присудила Парицкому — первому из российских ученых — золотую медаль за доказательство бесконечности количества простых чисел Мерсенна. К медали прилагалась денежная премия в миллион евро, сумма немалая даже для хорошо обеспеченного

европейского ученого, а для нашего — так вовсе клад. Парицкого пригласили в Париж, об этом писали все газеты, даже те, чьи сотрудники вряд ли отличали Евклида от Эйлера. Проблема состояла не в том, что давать интервью Парицкий наотрез отказался. Он попросту исчез — не показывался на работе, не появлялся дома, в маленькой своей квартирке на Суворовском проспекте, не приехал на телевидение, где должна была состояться запись передачи о положении в современной российской науке. Не появился Парицкий и в Париже, а свет на таинственное исчезновение лауреата пролил репортер желтой газетки, название которой я успел забыть за ненадобностью. Фамилию репортера, впрочем, запомнил, да и трудно было выбросить ее из памяти — Попандопуло была его фамилия, попробуйте забыть, ничего не получится. Так вот, этот потомок персонажа «Свадьбы в Малиновке» нашел Парицкого в доме его матери в деревне… так и хотелось написать «Гадюкино», но на самом деле деревня называлась Гадырино и находилась километрах в пятидесяти от Владимира, где старушка, оказывается, жила, выйдя на пенсию, после смерти мужа, который при жизни был (слушайте! слушайте!) служащим в Счетной палате. Считать числа — сделал вывод журналист — Парицкого научил отец, вот откуда у него эта тяга к арифметическим вычислениям.

Как бы то ни было, никакой новой информации Попандопуло в Гадырино не получил — видать, его и в дом не впустили. Во всяком случае, в статье, которую репортер опубликовал после возвращения в Питер, дом Парицких был сфотографирован только снаружи, правда, с разных ракурсов и даже сверху — видимо, для съемки журналисту пришлось залезть на дерево. Вывод, который сделал Попандопуло, исходя из разговоров с соседями и личных наблюдений: ехать во Францию Парицкий не собирается, премия ему нужна, как рыбе зонтик, пусть отдают свой миллион кому-нибудь другому и не мешают ему заниматься цифрами. «Миллион, — писал журналист, — такая цифра, от которой никто не откажется в здравом уме. Значит, ум у Парицкого не здравый, как, видимо, у всех гениев, известно ведь, сколько среди них было в истории шизофреников».

На следующий день в интернете появилось небольшое письмо Парицкого — единственная его публикация, связанная с этой скандальной историей. Письмо было примерно такого содержания: «Прежде чем писать о математике, надо бы знать, что в русском языке есть всего десять цифр — от 0 до 9, все остальное — числа, которые записывают с помощью цифр. Цифры «миллион» не существует. Что касается медали, то я от нее

официально отказываюсь, как и от денежной премии, которая меня абсолютно не интересует. И вообще, отцепились бы вы все, а?»

Понятно, что журналисты поступили наоборот: в Гадырино отправился десант, но акулы пера застали только мать лауреата, крепкую женщину, встретившую незваных гостей кочергой («из краеведческого музея, должно быть», — писали назавтра в газетах) и не пожелавшую сказать ни единого слова. Односельчане же сообщили, что Олег Николаевич уехал, а куда — не сказал.

* * *

Я поднялся рано, еще не начало светать, и ощущение было таким, будто вовсе не ложился. Не люблю зимние ночи — не за то, что они такие долгие, а потому, что только зимними ночами явственно ощущаешь, как шелестит время. Летом почему-то такое ощущение не возникает, а зимняя ночь кажется тихой, только если не прислушиваться. Но когда напряжешь слух (чем еще заниматься, если не удается уснуть?), то слышишь тихое и внятное шебуршение и шелест, будто в быстрой речке перекатываются с места на место камни. Слушаешь и понимаешь: это не секунды текут — секунды, минуты, часы придумал человек, чтобы измерять нечто, названное им временем. В зимние ночи слышно, как сквозь сознание течет поток частиц, отделяющих следствие от причины, сегодня от вчера, меня-молодого от меня-старого. Это не время, такое, как мы его понимаем, это нечто более глубокое и темное, подобное темному веществу в галактиках, заставляющему звезды двигаться быстрее, чем им положено по закону всемирного тяготения, или темной же энергии, расталкивающей Вселенную, будто локтями…

Я поднялся рано, чтобы не слышать, как сквозь меня течет темная энергия, вездесущая и не описанная пока никакими формулами. Мне почему-то показалось, что именно сейчас, пока еще темно и ночь продолжается, я смогу сопоставить ряд прошлогодних наблюдений, к анализу которых приступил перед уходом на пенсию, а потом забросил — самому заниматься не хотелось, а у молодых своя тематика, свои задачи, и идеи, как им казалось, у них тоже были свои…

Я вызвал программу сортировки изображений и стал сравнивать две цифровые фотографии галактики NGC 6745 — по пикселям, по маленьким кусочкам пространства, которые на самом деле были огромными областями, по двадцать-тридцать

парсеков каждая. Я был уверен, что мне удастся…

Участковый позвонил в дверь, когда у меня начали уставать глаза. Наверное, вовремя. Из-за его спины в прихожую заглядывало серое утро, тучи опустились еще ниже и, казалось, царапали коньки крыш, снег не шел, как и предсказывал Михаил Алексеевич, но если он действительно хотел обнаружить какие-то следы на месте вчерашней трагедии, то надо было поторапливаться, потому что снегопад мог начаться в любую минуту.

— Вы еще не готовы, Петр Романович? — недовольно пробубнил Веденеев, войдя в прихожую, но здесь и остановившись. — Скоро повалит снег, надо…

— Да-да, — поспешил объяснить я. — Заработался… Рано утром, пока голова свежая…

— Свежая бывает колбаса, — резонно возразил участковый, — а голова бывает ясной.

— Ясной бывает погода, — не остался я в долгу, — а голова бывает соображающей, если на то пошло.

— Вот-вот, — проворчал Михаил Алексеевич, — соображение нам сейчас с вами понадобится.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, когда мы уже шли к пруду, миновали последние дома и вышли на поляну, откуда начинался лесной массив, о котором говорили, что через год-другой все здесь вырубят и начнут строить новый поселок для людей богатых, не нам, пенсионерам, чета. — Что вы имеете в виду? — повторил я, потому что Веденеев шел молча и целеустремленно, глядя на дорогу. — Вы что-то заметили вчера, о чем не сказали милиции?

— Я сам милиция, — буркнул участковый. — И не люблю, когда мне начинают…

Он оборвал себя — хотел, наверное, сказать какую-то колкость в адрес вчерашних оперативников, но не в моем же присутствии.

— Да, заметил, — продолжал Веденеев, немного помолчав. — И вы заметите тоже, когда придем на место. А пока…

А пока мы шли молча, миновали поваленное прошлогодней грозой дерево, пересекли вырубленный участок, по которому проходила высоковольтная линия, углубились в чащу и минут через пять вышли наконец к пруду.

Полынья, из которой вчера извлекли тело Олега Николаевича, за ночь замерзнуть не успела и виднелась черным большим глазом метрах в десяти от берега. Снег вокруг был весь истоптан, и какие следы тут мог еще обнаружить дотошный Веденеев, я не мог себе представить.

— Ну? — спросил он, сделав по льду несколько шагов и остановившись, не доходя до полыньи: лед здесь был тоньше, и Веденеев не хотел оказаться вдруг в ледяной воде. — Видите?

Я увидел. По ту сторону полыньи тянулись к противоположному берегу две цепочки следов. Непосредственно у кромки все было, конечно, затоптано, а дальше… Вот одна цепочка: кто-то шел к полынье. А рядом, почти параллельно, другая: кто-то шел обратно.

— Что это? — спросил я. — То есть кто?

— Увидели, значит, — удовлетворенно проговорил Веденеев. — Давайте обойдем вокруг и посмотрим, откуда пришел человек. И куда ушел.

Веденеев быстро пошел вокруг пруда, я едва за ним успевал, ноги скользили, а участковый шагал уверенно и обогнал меня метров на пятьдесят. Когда я приблизился, он, наклонившись, рассматривал на снегу что-то такое, чего я совершенно не различал: углубления, ямки, оттаявшие, а потом опять замерзшие участки…

— Валенки, — сказал он, не поднимаясь, — кто-то шел в валенках сначала к полынье, а потом вернулся и отправился вокруг пруда… к поселку, скорее всего. И пришел из поселка, а не со стороны станции.

— Что вы хотите сказать? — воскликнул я. — Кто-то хотел помочь Олегу Николаевичу выбраться, а когда не получилось, улизнул, даже не попытавшись позвать на помощь?

Не ответив, Веденеев поднялся, отряхнул с колен снег и ступил на лед. Медленно, внимательно глядя под ноги, он пошел вдоль следов к полынье, до которой с нашего берега было метров сорок, а то и больше. Я стоял и смотрел, следовать за участковым мне и хотелось, и было боязно, да что там боязно, я панически боялся, что лед треснет под моим весом, проломится… Господи, только не это. А ведь Веденеев тоже грузный мужчина…

Что могли означать следы? Может, ничего. Ну, был кто-то на пруду, так ведь не обязательно одновременно с Парицким. Может, раньше. Кто-то шел к станции, больше на этой стороне и делать нечего, кто-то шел… И свернул к полынье? Просто так? С противоположного берега было значительно ближе. А если не просто так, значит… Подошел, посмотрел на тонувшего Парицкого… Почему же вернулся на этот берег, если гораздо ближе — противоположный?

Веденеев тем временем приблизился почти к самой полынье, до того места, где следы еще вчера были затоптаны оперативниками и спасателями. Постоял он там недолго, минуты две, и вернулся ко мне с видом задумчивым, я бы сказал, немного

поэтическим, а вовсе не сумрачным, как следовало бы ожидать.

— Так я и думал, — пробормотал он.

— Что? — не вытерпел я. — Кто-то действительно видел, как тонул Олег Николаевич…

— Глупости, — прервал меня Веденеев. — Наоборот все было, понимаете?

— Наоборот? — я действительно не понял.

— Идемте, — вздохнул участковый. — Боюсь, что…

Чего боялся Михаил Алексеевич, я так и не узнал, потому что всю дорогу до поселка участковый упорно молчал.

Я думал, что мы зайдем ко мне, я поставлю чайник, и за чашкой чая Михаил Алексеевич все-таки расскажет о своих выводах, но с Балтийской улицы мы свернули на Покровку, и только тогда Веденеев повернулся ко мне и сказал:

— Петр Романович, вы знаете Асю Перминову?

Вопрос был неожиданным, и я не сразу нашелся, что ответить. Проще всего было сказать «нет», потому что никакой Аси Перминовой я не знал, в нашем отделе в Пулково работала лет десять назад Перминова, но звали ее Лидией Семеновной, занималась она теорией пульсаций короткопериодических переменных и ушла на пенсию, когда у нее родился второй внук, а зарплаты младшего научного, которую она получала всю жизнь, стало не хватать даже на месячный билет от города до обсерватории. Других Перминовых я не знал, но имя Ася, в отрыве от фамилии мне все-таки было знакомо, и потому я молчал, глядя на Веденеева, а он ждал моего ответа, остановившись на углу Покровки и Балтийской, будто именно от меня зависело, в какую сторону повернуть.

— Ася… — пробормотал я. — Это которая… ну…

— С приветом, — закончил за меня Веденеев. — Да, я о ней говорю.

— Не знал, что ее фамилия Перминова. Никто ее по фамилии при мне не называл.

Участковый кивнул.

— Вы ее вчера видели, Петр Романович?

— Я? Не помню. Давно перестал обращать на нее внимание. Она все время где-то тут ходит, бормочет что-то, понять ее трудно… А в чем, собственно…

— Вчера, — сказал Веденеев, — когда у пруда, а потом у дома Олега Николаевича собрался народ, Аси я в толпе не видел.

— Ну… — я попытался вспомнить. — Мне тоже кажется, что ее там не было.

— Странно, да? Она же везде появляется, как только что-то происходит. Любопытная. А вот днем я ее встретил, она шла по

Покровке и что-то бубнила. И позавчера я ее видел, и днем раньше.

— Ну и что? — спросил я с нетерпением.

— Она в валенках была, вот что, — сказал Михаил Алексеевич суровым тоном и посмотрел на меня так, будто я перестал понимать очевидные вещи, не смог сложить два и два.

— В валенках… — повторил я и присвистнул. Сам от себя не ожидал — не свистел с тех пор, когда студентом вызывал на свидание из общежития Лизу, с которой мы три года встречались, а потом расстались без всякого сожаления.

— Вы хотите сказать, что это она была на пруду и ушла, даже не позвав на помощь?

— Это мы сейчас выясним. То есть попробуем выяснить, с Асей никогда не знаешь… Вы пойдете со мной или…

Веденеев, похоже, хотел, чтобы я сказал «нет, не пойду, идите сами». Но я сказал:

— Пойду, конечно.

Михаил Алексеевич посмотрел на меня испытующе, но возражать не стал, наверное, думал, что я ему все-таки пригожусь, хотя я не понимал — в каком именно качестве. Повернулся и пошел — теперь я хотя бы точно знал, куда мы направлялись, и даже, как мне тогда казалось, понимал — зачем.

Ася была местной дурочкой. Бедная девочка… илидевушка, ей было, скорее всего, лет семнадцать или даже восемнадцать, хотя выглядела она на двенадцать, не старше. Толстушка, с короткими пальцами, которые все время находились в движении, будто она хотела что-то кому-то объяснить с помощью азбуки для глухонемых. По уровню развития Ася была сущим ребенком лет, скажем, трех или четырех. Увидел я ее впервые в тот же день, когда переехал в поселок. Грузчики переносили мебель, а мы с сыном таскали книги; Ася подошла и что-то затараторила, пыталась подхватить одну из пачек, та выпала из ее рук, развалилась, девочка перепугалась и заплакала, к ней подошел какой-то мужчина и увел прочь, а присутствовавший при этом мой сосед Аристархов (на зиму он переехал в городскую квартиру) сказал, чтобы я не обращал внимания: это, мол, Аська, местная юродивая, почти даун, но на самом деле не классический, у девочки генетическое отклонение, кое-что она понимает, говорит прилично, но читать не может…

Потом я, конечно, много раз встречал Асю в поселке — летом она, по-моему, весь день проводила на улице, а когда настала зима, то выпускать ее, видимо, перестали, я, во всяком случае, встречал ее очень редко, она брела, глядя в пространство перед собой, что-то по обыкновению бормотала и… да, я теперь

вспомнил, на ногах у нее были валенки.

Мне почему-то никогда не приходило в голову спросить у кого-нибудь, кто Асины родители, как ее фамилия, где ее дом, в конце-то концов. Ася была объективной данностью, как статуя, стоящая на площади, — стоит себе и пусть стоит, никому не мешает.

— Вы думаете… — сказал я, прерывая молчание.

— Что? — Веденеев размышлял о чем-то и не сразу понял мой вопрос. — А, вы об… В валенках сейчас мало кто ходит, Петр Романович. А размер следа небольшой, детский скорее. Вот.

— Даже если на пруду была Ася, — сказал я неодобрительно, — надо ли ее тревожить? Она же не отвечает за свои поступки. Если и видела, как тонул Олег Николаевич, то все равно не могла позвать на помощь, ее бы просто не поняли.

— Она не видела, как тонул Олег Николаевич, — покачал головой Веденеев.

— Но вы только что сказали…

Веденеев остановился напротив двухэтажного дома, за которым начинался пустырь. Я никогда не бывал в этой части поселка, делать мне здесь было нечего, лес находился в противоположной стороне, дорога к станции тоже. В двухэтажке жили, скорее всего, четыре семьи, это был обычный кирпичный дом, выглядел он старым и унылым, но и день тоже сегодня был не радостным…

— Я сказал, — Веденеев подошел к обшарпанной двери, когда-то коричневой, а теперь похожей на покрытого струпьями больного проказой, остановился и повернулся ко мне. — Я сказал, что Ася, скорее всего, была вчера на пруду, верно. Но она не видела, как тонул Парицкий. Похоже, все было наоборот.

— Наоборот? — я все еще не понимал, хотя мог бы уже сложить те самые два и два.

— Может, она что-то помнит, — вздохнул Михаил Алексеевич, — а если нет… Ну, значит, уйдем тогда, что с нее взять…

Он наконец поднял руку и трижды позвонил — знал, наверное, к кому сколько звонков. Когда дверь открылась, на пороге возникла женщина удивительной красоты, и у меня перехватило дух: купчиха с картины Кустодиева! Впрочем, одета она была просто: в теплую коричневую юбку и тяжелую шерстяную кофту, каштановые волосы забраны на затылке в пучок, а глубокие синие глаза смотрели отчужденно и даже, по-моему, враждебно. Она совсем не походила на Асю, но по тому, как отреагировал на ее появление Веденеев, я все-таки решил, что это — Асина мать, да так оно сразу и оказалось, когда женщина

спросила, глядя не в глаза участковому, а на его форму:

— Асенька что-то…

— Ничего, Наталья Никитична, — быстро сказал Веденеев. — Уверяю вас, все в порядке.

— Вы… — она посмотрела на меня, и мне показалось, что она меня узнала, хотя я точно мог сказать, что никогда прежде ее не видел.

— Это Петр Романович Амосов, — представил меня Веденеев. — Сейчас на пенсии… Мы можем войти?

— Да, конечно, — Наталья Никитична посторонилась, и мы вошли сначала в темный подъезд, потом поднялись на второй этаж по типичной питерской лестнице с оббитыми ступеньками и оторванными перилами и вошли в квартиру, где ощущался странный запах чего-то пряного.

Я все еще не понимал, о чем собирался говорить Веденеев — с Асиной мамой или с самой Асей, что, по-моему, было не только бессмысленно, но и, возможно, не очень-то полезно для душевного здоровья девушки, если, конечно, ее состояние можно было хоть в какой-то степени назвать душевным здоровьем. Мне почему-то стало не по себе, когда я представил, как Ася смотрит на Веденеева ничего не понимающим взглядом, а тот задает вопросы, совершенно ей непонятные, и девушка начинает нервничать…

К счастью, в комнате, куда завела нас Наталья Никитична, Аси не было — возможно, ее вообще не было дома, потому что нас окружала вязкая тишина, и каждый шаг отдавался в ушах, будто удар тяжелого молота о мягкую, податливую наковальню.

Я думал, что участковый спросит сейчас, где Ася, но Михаил Алексеевич, так и не сев на предложенный ему стул у круглого стола, покрытого белой скатертью, задал неожиданный вопрос:

— Скажите, Наталья Никитична, Ася вчера не простудилась?

— Слава Богу, — не найдя в этом вопросе ничего странного, ответила Асина мама. — Вроде обошлось. Но я, конечно, сразу поставила ее под горячий душ, потом насухо обтерла и… ну… дала выпить граммов пятьдесят. Шубка была мокрая насквозь. Не представляю, она, видимо, вывалялась в сугробе, я спросила, но вы же знаете…

— Да-да, — быстро ответил Веденеев. — Вы, значит, спросили, а она не сказала.

— Она что-то не то сделала? — опять забеспокоилась Наталья Никитична. — Почему вы спрашиваете?

— Ничего она не сделала, — повторил Веденеев. — Уверяю вас. Это Асины валенки в передней?

— Да, — кивнула Наталья Никитична. — А что?

— Они до сих пор мокрые, я видел.

— Мокрые, — вздохнула Наталья Никитична. — И еще будут сохнуть, они медленно высыхают. Поэтому я сегодня Асю на улицу не пустила. Да она сама… Как вчера заснула, так и спит до сих пор. Я все щупаю лоб — нет ли жара. Нет, слава Богу.

— Ну и замечательно, — улыбнулся Веденеев и встал. — Не будем вам мешать, Наталья Никитична.

— Но… Вы так и не сказали…

— Да не беспокойтесь вы, — отмахнулся Веденеев, топая в прихожую, где рядом с обувным ящиком действительно стояли темные небольшие валенки, аккуратные и, похоже, не очень-то дешевые. — Все в порядке, я просто обход делаю, вот мы с Петром Романовичем и зашли по дороге…

— Понимаю, — сказала Наталья Никитична, закрывая за нами дверь. Она, похоже, действительно ничего не поняла, в то время как до меня дошел наконец ход мыслей Веденеева.

— Значит, вы считаете, — начал я, когда мы вышли на улицу и двинулись обратно, в сторону Балтийской, — что Ася попала в полынью, Олег Николаевич увидел, бросился спасать…

— …И спас, — думая о чем-то своем, отрешенно отозвался Михаил Алексеевич. — Вытолкнул ее на лед, да. Она и убежала. Той же дорогой, что пришла к пруду.

Я живо представил эту картину. Олег Николаевич медленно бредет по тропинке, думает, как обычно, о своих числовых конструкциях, слышит чей-то крик, видит, как барахтается в ледяной воде Ася, только голова торчит, сейчас тяжелый полушубок утащит ее на дно, что делать, Парицкий бросается на помощь, дальше не знаю, может, и под ним проваливается лед, а может, он доползает до полыньи, тянет Асю за руки, а она сопротивляется…

— О чем вы думаете, Петр Романович? — прервал мои размышления Веденеев.

Я вздрогнул. Мы уже дошли до угла, мне надо было налево, а участковому, если он собирался к себе на работу, — направо.

— Надо, наверное, чтобы все знали, что произошло на самом деле, — пробормотал я. — Олег Николаевич поступил, как…

— А сам бы он хотел, чтобы узнали все? — прервал меня Веденеев.

— И Асина мама хотела бы, чтобы все узнали? На Асю и без того косятся, а если пойдут разговоры, что из-за нее человек погиб…

— Но…

— Вот именно — но. Надо подумать. Подумайте, хорошо, Петр Романович? У меня еще много работы сегодня. Потом мы с

вами поговорим об этом.

Мы обменялись рукопожатиями и разошлись в разные стороны. Я шел домой и думал вовсе не о том, о чем, как представлялось Веденееву, должен был думать. Я думал о том, что Парицкий, направляясь вчера к пруду, знал… Не предчувствовал, но знал точно. Что именно? Что увидит барахтающуюся в полынье девочку? Или знал только то, что именно сегодня должен будет принять решение, которое…

Если он что-то знал, то мог оставить какой-нибудь знак. Дом заперт, конечно. Возможно, опечатан. И у Веденеева есть ключ. Не к комнатам, в которых теперь нет жизни, а к тайне, которую Парицкий унес с собой.

«Потом мы с вами поговорим об этом». Я попрошу его об одолжении. А может, ключ есть у Лены, она ведь время от времени приезжала к бывшему мужу.

Я пришел домой, скинул куртку, сел возле теплой батареи и стал думать.

* * *

Олег Николаевич не любил рассказывать о своей жизни, да и я тоже не особенно о своей распространялся. Мы ходили друг к другу в гости, часто — пока погода позволяла — гуляли в роще и у пруда, летом и ранней осенью там было замечательно. Говорили мы не о бытовых проблемах, а о науке — о чем еще могут говорить два научных работника, пусть даже между ними четвертьвековая разница в возрасте? Мы даже оба могли называть себя бывшими, хотя и по совершенно разным причинам. Я-то уже был на пенсии, и должность, которую занимал последние четверть века, досталась другому. Что до Парицкого, то формально он оставался сотрудником Стекловского института, членом редколлегии журнала «Вопросы математики», но на работу не ездил, по его словам, около полугода, на зарплате это, в общем, не сказывалось, поскольку платили все равно нерегулярно, а научные свои работы Олег Николаевич предпочитал размещать на собственном сайте в интернете и уверял, что это гораздо эффективнее, чем публикация в любом западном журнале, не говоря о российских. Журналы (даже в их электронной форме) сейчас читают все меньше, а интернетовские блоги ученых — все больше. Именно здесь, в блогах, самая свежая информация от авторов, не искаженная вмешательством рецензентов и редакционной цензуры, именно здесь можно в лицо высказать автору все, что думаешь о его творении — в

общем, именно так делается современная наука, в этом Парицкий был совершенно убежден. Может, он даже был прав: во всяком случае, работа, за которую Французская академия присудила Парицкому медаль и миллион евро, появилась сначала на сайте Олега Николаевича и уже потом была растиражирована на множестве прочих сайтов и форумов.

Я приглашал Парицкого на чай, а он меня — на кофе, так мы и ходили друг к другу в гости: я заваривал мой самый любимый чай, смесь пяти сортов, никаких пакетиков, неповторимый аромат, только такой чай я и пил, тем более, что в последние годы мог позволить себе это удовольствие. Раньше, в советские еще времена, чуть ли не единственным относительно приличным чаем был индийский со слоном, тоже, надо сказать, изрядно подпорченный нашими упаковщиками. А Парицкий к моему приходу готовил замечательный кофе — в отличие от чая, в сортах кофе я не очень-то разбирался, но вкус всякий раз был немного другим и всегда замечательным.

— Знаете, Петр Романович, — рассказывал Парицкий, мелкими глоточками отпивая из чашки, чтобы по-настоящему ощутить аромат, — я долго не мог отыскать для себя область математики, которая точно соответствовала бы моему характеру и тому, чего я ждал от жизни. Я имею в виду жизнь в науке, которая одна только и является истинной жизнью разумного человека, в отличие от многочисленных трепыханий, которые приходится совершать, чтобы соответствовать тому, что называет жизнью все остальное человечество.

— Насколько я знаю… то есть слышал, — вставил я свое слово, — извините, сам я ваших работ не читал, я ведь астрофизик, математика для меня — только аппарат, которым…

— Ну что вы, Петр Романович! — воскликнул Парицкий. — Вы не читали! Я бы сильно удивился и, честно скажу, попросту вам не поверил, если бы вы сказали, что читали хотя бы один мой опус. Большую их часть не читали даже мои коллеги по кафедре. Извините, я перебил вас…

— Да… — протянул я. — Я хочу сказать, что только слышал о теме ваших исследований. Теория чисел, верно?

Парицкий хмыкнул.

— В принципе, — кивнул он. — Это, знаете, все равно как, если бы вы сказали о себе, что занимаетесь релятивистской астрофизикой. Слишком общо, да?

— Конечно. Я вас понимаю. Премию эту вам присудили за…

— Ради Бога, Петр Романович, я вас очень прошу: ни слова о премии! Если и вы приметесь выспрашивать меня, почему я от нее отказался…

— Не собираюсь, — заверил я. — Меня совершенно это не интересует.

Боюсь, что Парицкий мне не поверил, но мы все-таки перешли к другой теме и весь вечер обсуждали возможные квантовые особенности черных дыр. Самая светская беседа, как говорила мышь в кэрролловской «Алисе». В физике Олег Николаевич, как выяснилось, понимал все-таки больше, чем я в теории чисел, и к полуночи мы пришли к согласованному выводу о том, что, скорее всего, квантовые эффекты действительно приводят к сохранению информации, поглощаемой черной дырой.

— Завтра, — сказал Парицкий, когда около часа ночи обнаружил вдруг, что засыпает, — завтра приходите ко мне. Очень приятно с вами общаться.

— Взаимно, — ответил я.

К Парицкому я пришел точно в назначенное время, встречен был без суеты, но с должным благожелательством, и за чашкой замечательного кофе, приготовленного по какому-то экзотическому, как сказал хозяин, рецепту, мы продолжили обсуждение «наших баранов». Подавая мне вторую чашку кофе, Парицкий неожиданно сказал:

— А женился я в точном соответствии с теорией чисел, и поэтому брак мой оказался таким счастливым.

Я молчал, пытаясь понять две вещи: что он положил в кофе, отчего напиток стал таким терпким, и что он подразумевал под счастливым браком, если сейчас, судя по всем признакам, женат не был.

По достоинству оценив мое деликатное молчание, Парицкий с задумчивым видом продолжил:

— Скажите, Петр Романович, когда вы принимаете какое-нибудь важное решение, какими принципами вы обычно руководствуетесь?

Вопрос показался мне не то чтобы неожиданным, но, во всяком случае, не связанным со словами о счастливом браке.

— По-разному, — сказал я, думая о том, как бы не сморозить глупость. Задавая вопрос, Парицкий наверняка имел в виду какие-то конкретные принципы, но ничего путного мне в голову не пришло, и я сказал, что думал: — Всякий раз нужно учесть по возможности все обстоятельства, но чаще всего сделать это не удается, если решение действительно важное и сложное, — и, знаете, Олег Николаевич, часто получается так: вроде бы сопоставляешь, решаешь, а потом оказывается, что мог и не думать, просто ткнуть пальцем в один из вариантов, результат был бы ровно таким же.

— Вот-вот! — оживленно подхватил Парицкий. — Я тоже обратил на это внимание. Собственно… еще в школе. Я с раннего детства любил числа. Все время что-то с чем-то складывал, умножал… Вундеркиндом, кстати, не был, в уме считал плохо, постоянно ошибался. По математике у меня до десятого класса были тройки, а по тригонометрии как-то даже жирная единица, потому что мне совершенно не давались формулы тройных углов. Но я не о том. Меня заворожили простые числа. Не знаю почему. Однажды я вот так же оказался сражен картиной в Эрмитаже. Нас привели на экскурсию — в девятом классе, помню как сейчас. Я никогда не интересовался живописью. Да и скульптурой тоже. И уж совсем был равнодушен ко всяким украшениям, которых в Эрмитаже видимо-невидимо. Шел со всеми из зала в зал, думал о чем-то и неожиданно, как из пещеры на воздух, вышел в зал, в дальнем конце которого висела небольшая картина в раме. Рама, кстати, была больше самого полотна, и почему именно эта картина привлекла мое внимание, я не имею ни малейшего понятия. Но я направился прямо к ней, встал и стоял так, пока меня не начал искать наш учитель истории. Оказывается, класс мой давно ушел, а я этого и не заметил.

— Что же это была за картина? — с любопытством спросил я.

— Не поверите! Портрет какой-то старухи, вовсе не королевских кровей, и автор неизвестен, там так и было написано: «неизвестный автор XVIII века». Но что-то было в этом портрете… Не могу объяснить. Тогда не мог и сейчас не могу. Вот так и с простыми числами. Просто понял однажды, что это не математический казус, а очень большая человеческая проблема. Сейчас простым числам нашли практическое применение — в криптографии. Двадцать лет назад теория простых чисел была совершенно абстрактной областью… А о том, как я женился на Лене, вы, конечно, не знаете? — неожиданно перешел он к совсем другой теме, и я смутился, потому что меня всегда раздражали упорные попытки обывателей копаться в интимных сторонах жизни людей, хоть сколько-нибудь известных.

Я знал, что жену Парицкого звали Еленой, я не мог этого не знать, потому что половина интернетовских материалов о «математическом скандале» выходила под заголовками вроде: «Елена Метельникова, бывшая жена гениального математика Парицкого, сказала, что…» Мне было совершенно не интересно, что говорила эта женщина. Я невзлюбил ее уже за то, что она могла сказать что-то не очень лестное о человеке, которого наверняка не стоила.

Я так и сказал, а Парицкий в ответ широко улыбнулся и налил мне новую чашку кофе — какой-то странный сорт или

странный способ приготовления, напиток оказался солоноватым и должен был, по идее, быть невкусным или просто отвратительным, но выпил я его тремя большими глотками и удивился, что чашка уже опустела.

— Понравилось? — спросил Парицкий, но повторять не стал. — О нашей с Леной свадьбе писали столько… Я думал, вы знаете.

— Нет, — отрезал я.

— Дело было так, — заговорил Олег Николаевич, глядя в пространство, будто видел в воздухе голографическое изображение события, о котором шла речь. — Я шел на работу, повернул с Суворовского на Невский, время было раннее, улица пустая, семь утра, да еще январь — кто же выходит так рано и в такую погоду?…

Действительно, хотел сказать я, кто? Вы-то почему шли на работу в такую несусветную рань?

— И вижу, — продолжал Парицкий, — навстречу идет девушка. Длинная, как спичка, в огромных очках, абсолютно не мой тип, мне всегда нравились толстушки, но ведь это на самом деле не имеет значения — кто нравится. А тот день, точнее — утро, был у меня уже выделен и просчитан, так что на самом деле выбора не оставалось, я не мог поступить иначе. Это журналисты потом понапридумывали… Но вы не читали, наверное? И хорошо. Когда мы поравнялись, как корабли в море, и должны были разойтись встречными курсами, я сказал: «Девушка, прошу прощения, выйдите, пожалуйста, за меня замуж». Понимаете, если бы я сказал что-то другое, то Лена успела бы отойти на пару шагов, оборачиваться не стала бы… А эта фраза заставила ее остановиться. Не знаю, что испытывают девушки, когда им так запросто на улице предлагают выйти замуж. Говорят, замуж хотят все, и когда слышат это слово, оно как-то действует на подкорку… Мне-то было решительно все равно, что она ответит. В тот момент существенным был сам факт принятия решения, понимаете? Любого решения, потому что это было важно и для моей жизни, и для жизни Лены. Да или нет.

— И она сказала «да»? — поразился я.

— Она не сказала «нет», — поправил меня Парицкий. — Мы стояли посреди тротуара, притоптывали от холода, и в конце концов нас стали толкать прохожие, потому что оказалось — уже девятый час, представляете, на работу торопился уже весь город, а мы загораживали… Без десяти девять, когда надо было срочно расходиться, чтобы не опоздать, она сказала «хорошо, я подумаю», что, как вы понимаете, было эквивалентно положительному ответу. Кстати, твердое «да» Лена сказала

только в загсе, когда служащая спросила ее, согласна ли она взять в мужья стоящего рядом Парицкого Олега Николаевича.

— Очень романтично, — пробормотал я.

— При чем здесь романтика? — воскликнул Парицкий. — Терпеть не могу романтику! В ней нет ни грана расчета! Это не математика, это…

Он выразительно пожал плечами. Минут пять мы оба молчали — я думал о том, что человек, даже самый умный, знает себя хуже, чем какой-нибудь дотошный журналист, впервые пришедший брать интервью. Не романтик он! А кто же, кроме неисправимого романтика, может остановить в семь утра девушку и, даже не спросив имени, предложить ей выйти за него замуж? Если это он называет расчетом…

— Почему вы назвали это расчетом? — спросил я. — И если это был расчет, то почему он оказался неправильным? То есть, я хочу сказать, решение этого уравнения…

— Это не было уравнением, в том-то все и дело, — вздохнул Парицкий. — Теория простых чисел только показывает момент, а выбор…

Я покачал головой. Слова Олега Николаевича не имели смысла. О чем он хотел сказать?

В тот вечер я так этого и не узнал, потому что направление разговора опять изменилось, и лишь много дней спустя я понял, что Парицкий продолжил тогда все ту же тему, просто я еще был не в курсе и воспринимал сказанное не так, как следовало бы. О женитьбе речь больше не заходила, и, вернувшись домой, я не удержался, отыскал какой-то сайт, где рассказам о жизни знаменитостей были посвящены практически все материалы, и прочитал довольно гнусную, на мой взгляд, статейку о том, как великий математик обошелся с несчастной девушкой Еленой Метельниковой. Поскольку Парицкого называли великим, ясно было, что статью журналистка написала уже после скандала с премией. Оказывается, великий математик сделал Лене ошеломившее ее предложение, поскольку с детства обожал длинноногих девчонок (а вовсе не толстушек) и всегда дергал их за косы. Лена же сказала «да» потому, что, оказывается, сразу почувствовала в этом странном человеке огромную внутреннюю силу, ту самую, которой не обладает абсолютное большинство современных российских мужиков.

Как бы то ни было, прожили они вместе четыре года, во время которых было все: от безумной (по словам Лены) страсти до безумной же ревности, для которой у Парицкого (по словам все той же Лены) не было никаких оснований. На самом деле (этот вывод можно было сделать по многочисленным намекам

журналистки) оснований для ревности у Парицкого было более чем достаточно, но он никогда не ревновал, потому что ему было решительно все равно, чем занимается его жена. Интересовала его одна лишь математика, и вот к ней-то Лена в конце концов взревновала сама, да так страстно, что однажды отхлестала мужа по физиономии (этот процесс был описан госпожой Приходько в изысканно французском стиле, явно скопированном с ранних рассказов Мопассана) и выставила из… Нет, она не могла выставить Парицкого из его квартиры, в которой они жили, а потому собрала свои вещи и покинула дом в неизвестном (для побитого мужа) направлении.

Что ее больше всего возмутило: Олег Николаевич не сделал ни малейшей попытки отыскать беглянку и сказать ей: «Ты, только ты, и никакой математики!»

Тогда она сама подала на развод и отсудила у будущего лауреата половину жилой площади и кое-что из мебели, хотя ни то, ни другое ей, в общем-то, было совершенно не нужно. Свою половину квартиры Лена несколько месяцев спустя с выгодой продала бывшему мужу, а мебель попросту ему подарила, чем тоже чрезвычайно гордилась.

И никакой романтики.

* * *

Новостные сайты пестрели сообщениями о трагической гибели известного математика. В каждой заметке непременно содержался какой-нибудь намек на то, почему утонул Парицкий, — все без исключения были совершенно фантастическими, никому из журналистов и в голову не пришло, что Олег Николаевич бросился в полынью, спасая человека. И слава Богу. Не будут, по крайней мере, приставать с расспросами к Наталье Никитичне, у которой и без того жизнь, как я ее себе представлял, была далеко не сахарной.

Посидев утром за компьютером, после полудня я отправился в опорный пункт милиции. Погода выдалась хорошая — ни ветерка, низкие тучи так и не смогли разродиться снегом и висели над головой подобно тяжелым, мокрым, будто постиранным, одеялам, — и я решил прогуляться, а заодно посмотреть, горит ли свет в кабинете участкового.

Свет горел, и через заиндевелое стекло я видел сидевшего за столом Веденеева. Он курил и читал газету. Если бы участковый работал — писал что-нибудь или принимал посетителя, — я бы прошел мимо.

— А я вас ждал, Петр Романович, — сказал Веденеев, когда я вошел в просторную, хорошо протопленную комнату, с десятком стульев вдоль стен, Т-образным столом и непременным портретом президента.

— Ждали? — удивился я, оглядевшись.

— Один я тут, — правильно истолковав мои взгляды, сказал участковый. — Думали, у меня секретарша и пара рядовых на подхвате? Не положено по штату, Петр Романович. Так что… Садитесь сюда. Вы уже подумали?

Я сел, придвинул стул ближе к столу и представил, как на этом месте сидит какой-нибудь правонарушитель и соображает, сколько дать менту, чтобы не открывал дела или не обращал внимания на живущих без регистрации мигрантов. Наверняка ведь Веденеев брал и, может быть, по-крупному, но думать об этом мне было неприятно, и я сказал:

— Хоронить Парицкого, наверное, будут из института?

— Понятия не имею, — Веденеев пожал плечами. — Меня больше интересует, кто из родни станет претендовать на квартиру.

— Бывшая жена, вероятно, — предположил я. — Мать вряд ли.

— И еще, — продолжал Михаил Алексеевич, — почему Парицкий именно в этот час оказался именно в этом месте. Я об этом просил вас подумать, а вы…

— Что, собственно, вас смущает? — спросил я, потирая переносицу: почему-то от резкого перехода к душному теплу кабинета у меня разболелась голова. — Погода была хорошая, Олег Николаевич любил гулять…

— Любил, да, — прервал меня Веденеев, — летом. Я его много раз у пруда видел. А зимой — никогда. Вы сами ходите к пруду в такую погоду?

— Я? Нет, я вообще редко выхожу из дома. Не люблю мороз. Раньше любил, а сейчас… Возраст.

— Вот видите! Вы часто виделись с Парицким последнее время? Зачем ему нужно это знать? Нет, не часто. Мы виделись с Олегом Николаевичем тогда, когда кому-то из нас было что сказать или хотелось послушать компетентное мнение. Летом встречались каждый день, осенью — хорошо, если раз в неделю, а когда начались холода, так и вовсе были друг у друга два или три раза. Три. Точно. Я мог даже назвать числа, если Веденеева это так интересовало.

— Три раза, — сказал я. — Это с ноября, как снег выпал.

— Три, — повторил Михаил Алексеевич. — Нечасто. Соседи говорят, что он почти не выходил из дома, как и вы. Разве что в магазин, на почту. Иногда — не каждый день, только если погода была тихая — гулял вокруг квартала. Случалось, ездил куда-то на автобусе. А тут… Что, черт побери, понесло его к пруду? Была же какая-то причина!

— Увидел в окно, как Ася…

— И пошел следом? Вы сами верите тому, что говорите?

— Нет, — признался я.

— К тому же, — продолжал участковый, — Асе, чтобы попасть к пруду, совсем не нужно было проходить мимо дома Парицкого. Это раз. Во-вторых, вы же видели: к полынье Ася шла с противоположного берега. Туда же потом побежала, не соображая, а Парицкий шел по короткой дороге…

— Тогда не знаю, — сказал я. — Да и какое сейчас это имеет значение?

— Для отчета — никакого. Отчет я уже написал и отправил, — зачем-то сообщил Веденеев, — так что с делом этим покончено. Трагическая случайность. Но…

Михаил Алексеевич выбрался из-за стола и принялся ходить по комнате кругами, то и дело оказываясь у меня за спиной, отчего мне приходилось вертеть шеей, это было неудобно, и я сказал раздраженно:

— Вы сказали «но». И вы хотели, чтобы я подумал — не знаю, над чем. Что, собственно, вас смущает на самом-то деле?

Веденеев сел рядом со мной, придвинул свой стул ближе к моему и заговорил напряженным голосом:

— Я вам скажу, Петр Романович. Я хочу знать, почему Парицкий пошел на пруд, хотя не был там с осени. Я хочу знать, почему вы не хотите говорить мне то, что известно вам. И я еще хочу знать, кто там был, кроме Аси и Парицкого.

— Кроме Аси и Парицкого? — удивился я. — Разве там был еще кто-то? Мы же с вами вместе…

— Да-да. Это вчера. А сегодня я ходил туда без вас. Снег не шел с прошлой недели. Ветра тоже почти не было, а в лесу его вовсе не чувствовалось. Короче, все следы сохранились прекрасно — не на тропе, конечно, где ледяная корка. И не там, где натоптали ребята. Я обошел пруд кругом. На холмике, сразу за поворотом тропы, кто-то стоял. Судя по следам — довольно долго. И выглядят следы не новыми. Может, это было позавчера, может, еще раньше. Может, следы не имеют отношения к этому… событию. А может, имеют самое прямое.

— Вы хотите сказать, что кто-то стоял на холмике и видел, как тонула Ася и как Олег Николаевич…

— И не двинулся с места, — мрачно кивнул Веденеев. — И на помощь не позвал. И никому не сообщил.

— И кто это был, по-вашему?

— Думаете, я Шерлок Холмс? Откуда мне знать? Могу сказать только, что человек был в зимних ботинках, размер сорок второй или сорок первый. Ботинки импортные, на подошве фирменный знак, но какой — непонятно, след успел расплыться…

— Половина поселка ходит в импортных ботинках, — заметил я. — Вот и у меня тоже…

Я осекся и осторожно посмотрел на Веденеева.

— И у вас тоже, — повторил он. — Так почему вы не хотите мне рассказать о своих последних встречах с Парицким?

— Господи, с чего вы взяли? — воскликнул я. — Какое отношение наши разговоры могут иметь к тому, что…

Я замолчал. Не было смысла говорить с Веденеевым о вещах, в которых он ничего не понимал, и в лучшем случае интерпретировал бы наши с Олегом Николаевичем беседы как пустопорожнюю болтовню двух съехавших с катушек научных работников…

— Отчего же вы замолчали, Петр Романович? — вежливо спросил участковый и зачем-то придвинул к себе стопку исписанных бумаг, а сверху положил авторучку.

— Мы о науке с ним говорили, — пояснил я. — Точнее — о

теории чисел. Еще точнее — о распределении простых чисел на бесконечной числовой оси.

— Наука меня не интересует, — отмахнулся Веденеев. — Не понимаю, как вообще можно столько времени говорить о каких-то числах, ну да ладно. Но ведь не только о науке! Вот я и прошу вас вспомнить… Может, имя Аси как-то в разговоре упоминалось?

Вот он куда клонил, оказывается. Мог быть Парицкий знаком с девушкой? Мог завлечь ее на пруд под каким-то предлогом? Зачем? Неужели Веденееву пришла в голову нелепая мысль, что Олег Николаевич сам столкнул Асю в полынью — хотел избавиться? — а потом в нем заговорила совесть, он бросился спасать и…

Чушь какая-то. И при чем здесь тогда таинственный незнакомец, стоявший на берегу неизвестно в какое время и видевший… или не видевший…

— Имя Аси, — сказал я, — в разговоре между мной и Олегом Николаевичем упоминалось дважды.

— Ну-ну! И что говорили? Когда?

— В первый раз, — припомнил я, — это было в начале осени, в сентябре, кажется. Мы обсуждали тему тихого коллапса… есть такая проблема в астрофизике, я ею как-то занимался и думал, что Олег Николаевич поможет мне справиться кое с какими математическими трудностями…

— При чем здесь… — перебил меня Веденеев.

— Вот и я говорю, что ни при чем. У нас кончился сахар, а я не пью без сахара, привычка… В общем, мы пошли в магазин, от дома Олега Николаевича это в двух кварталах. И около магазина встретили Асю. Я тогда о ней не знал ничего, девушка показалась мне странной, и Олег Николаевич видел, как я на нее посмотрел. «Это Ася, — сказал он, — странный у нее взгляд, верно?» «Странный», — согласился я. Видите ли, она шла по улице, но смотрела не перед собой, а куда-то внутрь, если вы понимаете, что я хочу сказать. Она вряд ли видела, куда идет, и могла натолкнуться на столб или попасть под машину, переходя дорогу. Я так и сказал Олегу Николаевичу, а он мне объяснил, кто такая Ася, и что дорогу она знает лучше, чем кто бы то ни было, может и с закрытыми глазами… Зрение ей, мол, нужно не для того, чтобы смотреть по сторонам, а чтобы видеть то, чего не видит никто другой. Честно говоря, меня удивил такой, я бы сказал, мистический взгляд совершенно не романтичного человека, и я спросил… А Олег Николаевич ответил, что мистикой никогда не увлекался, а вот в интуицию верит, потому что именно интуиция помогает ему в решении таких задач из теории чисел… Потом наш разговор опять перешел в область, вам совершенно

неинтересную. Я хочу сказать, что об Асе мы больше не говорили. Купили сахар, вернулись домой…

— Понятно, — перебил меня Веденеев. — А второй раз? Вы сказали, что было два случая.

— Второй… Это уже зимой, да. Я даже число могу назвать — седьмое января. Было Рождество, народ праздновал. Вы сами помните, как… Олег Николаевич пришел ко мне часов в шесть вечера, говорили мы о… кажется, о том, что слава Хокинга несколько преувеличена, в последнее время он говорит вещи вполне банальные, но каждое его слово все равно ценится на вес золота.

— Хокинг — это физик, который сидит в коляске и говорит при помощи синтезатора? — проявил свою осведомленность Михаил Алексеевич.

— Вот-вот, — пробормотал я. — Только это все о нем и знают. Будто для науки данное обстоятельство имеет хоть какое-то значение… Неважно.

— Вот именно, — согласился Веденеев. — При чем здесь Ася?

— Да, Ася… Стемнело, погода была хорошая, ясно, морозно, мы вышли подышать воздухом и посмотреть на звезды. Почему-то Олегу Николаевичу захотелось, чтобы я показал ему созвездия. Не Орион или Большую Медведицу, а малоизвестные — Дракона, скажем, или Кассиопею. Мы вышли на улицу, но там уже зажгли фонари, и небо было тусклым, я не смог различить даже Андромеду. Мы направились в сторону леса и по дороге встретили Асю. Она медленно шла…

— Из леса? — быстро спросил Веденеев.

— Нет, почему… Со стороны станции, по-моему. А может, просто прогуливалась вдоль крайних улиц. Понятия не имею. Шла и смотрела в небо — как и мы. Мы чуть не столкнулись… «Здравствуй, Ася», — сказал Олег Николаевич, и, помню, я удивился, мне казалось, что они не знакомы. То есть он-то знал, кто она, а девушка — вряд ли. Она, кстати, ничего не ответила и продолжала идти, задрав голову. Прошла мимо нас, и Олег Николаевич сказал, глядя ей вслед… Что же… Вот: «Это она на Орион смотрит?» Вопрос был ко мне, я пригляделся и ответил: «Нет, скорее, в сторону Пегаса, видите — немного искривленный квадрат?» «Интересно, — сказал Олег Николаевич, — что она различает в этих знаках? Что для нее звезды? Неужели то же самое, что для меня числа?» Я спросил, что он имеет в виду. «Вы не понимаете? — удивился Олег Николаевич. — Она же не знает… Развитие у нее, как у трехлетней… Что понимает, о чем думает трехлетний ребенок, глядя на звезды? Что это дырочки в небе? А взрослая девушка, у которой организм уже настроен на

другое, а мозг тот же… что видит она? Для нее это уже знаки. Символы. Может, она хочет их прочесть»…

Я замолчал, потому что окончание того разговора начисто испарилось из памяти. Я точно помнил слова Парицкого о символах, а потом…

— И что же дальше? — подтолкнул меня Веденеев, окончательно сбив с мысли.

— Не помню, — сказал я с раздражением. — Потом мы, кажется, опять перешли к проблеме тихого коллапса. Больше я Асю не видел… до того дня.

— А Парицкий?

— Откуда мне знать? Так что вы все-таки хотите узнать, Михаил Алексеевич? — спросил я, решив поставить наконец точки над «i». — Вы думаете, что они оба не случайно оказались позавчера на пруду? Договорились? И что тот человек на холме был я? Вы на это намекаете?

— Вы?! — искренне удивился участковый. — Ну и фантазия у вас, Петр Романович! Как это могли быть вы, если, когда это все произошло, вы в Репино ездили?

— Позвольте! — воскликнул я. — Откуда вы это знаете? Меня вы об этом не спрашивали!

— Соседи сказали, — буркнул Веденеев. — Вас в окно видели, как вы выходили из автобуса.

— Вы опрашивали соседей? Значит, все-таки думали, что на пруду мог оказаться я?

— Проработать надо все версии, верно? — многозначительно сказал Веденеев.

Напрасно я с ним откровенничал, толку совсем никакого. Он лишь укрепится в своих нелепых подозрениях вместо того, чтобы понять, что произошло на самом деле. Меня занимала только естественнонаучная сторона дела, и здесь мне все было ясно, будто я сам присутствовал, когда Парицкий выключил компьютер, посмотрел на часы и быстро оделся, чтобы в нужное время оказаться в нужном месте.

Если бы он еще знал, что его там ждет… И какой именно предстоит выбор…

— Вы что-то сказали, Михаил Алексеевич? — пробормотал я.

— Я сказал: странно вы себя ведете, Петр Романович. Что-то вы от меня скрываете, я это чувствую. Зачем — не пойму. К смерти Олега Николаевича вы не причастны. Никаких обвинений никто вам предъявлять не собирается, иначе… Иначе вы бы не здесь сидели и не со мной сейчас разговаривали. Но вы почему-то молчите…

— …И создаете помехи следствию, — заключил я, хотя уже

дал себе слово не говорить лишнего.

— Какому следствию? — рассердился Веденеев. — Нет никакого следствия. И дела никакого не существует.

— Михаил Алексеевич, — решился я, нарушив в который уже раз самому себе данное слово, — домик Олега Николаевича… он сейчас опечатан?

— С чего это? — искренне удивился Веденеев. — Нет, закрыт на ключ, а ключ у меня в сейфе… Вас что-то интересует в квартире? — догадался Веденеев и сразу насторожился.

— Олег Николаевич работал, — пояснил я. — Эти исследования не должны пропасть.

— Но вы вроде не математик, Петр Романович, — продолжал недоумевать участковый.

— В теории чисел я полный профан, вы правы. Но если кто-нибудь по глупости уничтожит то, что записано на диске, современная наука ему этого не простит.

Господи, какой пафос! Я представил, как бы сейчас весело рассмеялся Олег Николаевич, услышав мои слова, и, должно быть, тоже непроизвольно улыбнулся, вызвав у Веденеева еще большее недоумение.

— Ко мне уже обращались из института, — сказал он. — Спрашивали про компьютер, обещали прислать официальную бумагу, хотят забрать винчестер… Значит, ничего вы мне больше не хотите сказать, Петр Романович?

Я покачал головой. Я мог сказать кое-что еще. Только зачем?

— До свидания, — сказал Веденеев, — заходите, когда что-нибудь вспомните. Или звоните, я не так уж часто здесь сижу. Больше хожу, работа такая…

— Всего хорошего, — вежливо попрощался я.

* * *

Глупо было, конечно, надеяться, что Веденеев даст мне ключ от дома Олега Николаевича, да если бы и дал по каким-то своим соображениям, все равно глупо было думать, что я, с моим недостаточным математическим опытом и знаниями, смог бы разобраться самостоятельно в том, чему Парицкий посвятил жизнь. Он справился с проблемой, о которую сломали зубы десятки лучших математиков, это была не его проблема, и столкнулся он с ней только потому, что хотел решить другую задачу, а для этого нужно было понять, что странного в рядах Мерсенна. Он понял и пошел дальше… отбросив злополучный миллион, потому что… Да, это тоже был выбор, очень важный

выбор, и Олег Николаевич сделал его в точном соответствии с собственной концепцией.

В биологии я тоже полный профан, как, впрочем, и Олег Николаевич. Он просто обязан был обратиться за консультацией к биологам, точнее, к генетикам, а еще точнее — к тем из них, кто изучал строение человеческого генома, составлял карту расположения генов и мог, следовательно, сказать, есть ли в молекуле ДНК (или где там хранится генетическая информация) нечто такое, что Парицкий мог использовать, как независимое доказательство своей теории. Вряд ли он мог обойтись сугубо математическими методами там, где требовалось знание совершенно другого рода. Нет, я понимаю, конечно, математика — царица наук, без математического обоснования ни одна теория не может считаться доказанной, все так, но ведь до самой-то математики дело доходит лишь во вторую очередь, когда понятно, о чем речь идет в физическом, астрономическом, биологическом или каком угодно общенаучном смысле. Чем мне, скажите, могла помочь математика, когда я лет тридцать назад обнаружил на фотографии планетарной туманности М-57 странные волокнистые структуры, располагавшиеся поперек красивого правильного кольца? Сначала нужно было придумать, отчего эти структуры могли в принципе возникнуть, потом понять, какие процессы привели к тому, что ударные волны начали распространяться поперек основного поля расширения, а уже потом, конечно, невозможно было обойтись без математики, только она могла дать ответ на все остальные вопросы — но для того, чтобы эти вопросы задать, нужно было проявить физическую, а вовсе не математическую интуицию!

Я мог бы подумать, что консультантом у Олега Николаевича была Елена Метельникова, так странно отреагировавшая на гибель бывшего мужа. Впрочем, что странного? Они расстались больше трех лет назад, характер у Лены был, как я понял, довольно склочный, если она могла отсудить у Парицкого имущество, которое, судя по его словам, ему же и принадлежало до их свадьбы… После того разговора, когда я сообщил Лене о смерти Олега Николаевича, а она деловито поинтересовалась, где находится его тело, мне не очень хотелось еще хоть раз в жизни разговаривать с этой женщиной. С другой стороны, у нас с Парицким никогда не заходил разговор о том, где работала его бывшая супруга, кто она по профессии, и если я хоть как-то был прав в своих рассуждениях, Лена должна быть именно биологом, генетиком, иначе концы с концами не сходились — не только в моих рассуждениях, кстати, но и в словах самого Парицкого.

Предлог, чтобы позвонить Лене, у меня, конечно, имелся —

она-то уж точно должна была знать, когда состоятся похороны и будет ли автобус от института; вполне естественно, что знакомый ее бывшего мужа, тем более человек, живший с ним в одном поселке, звонит и интересуется…

Трубку, впрочем, подняла не Лена, а какой-то мужчина, и я, понятно, не стал спрашивать, кем он ей приходится.

— Слушаю вас, — степенно произнес глубокий красивый баритон. Если правда, что женщины любят ушами (моя жизнь с Софой заставила меня усомниться в этом определении — она любила не ушами и уж, конечно, не глазами, она любила душой, и понимали мы друг друга без слов и даже без взглядов, на расстоянии), так вот, если женщины все-таки любят ушами, то любая должна была бы влюбиться в этого человека, однажды услышав, как он произносит голосом с огромным количеством обертонов: «Слушаю вас»…

— Могу я поговорить с Еленой… — я сделал паузу, надеясь, что обладатель баритона поймет ее правильно.

— Лена! — крикнул он в пространство. — Тебя! Какой-то мужик. Наверное, опять похоронами интересуются.

Естественно. Не я один такой…

— Слушаю вас, — подражая, похоже, своему новому мужу, произнесла Лена вовсе не печальным голосом.

— Это Амосов, — сказал я. — Я вам звонил насчет…

— Да, я вас узнала, — прервала меня Лена. — Если вас интересует, когда состоятся похороны Олега, то это пока неизвестно. В институте хотят устроить панихиду, значит, хоронить будут не раньше понедельника, чтобы люди смогли попрощаться, а завтра только суббота, два дня нерабочих, так что если и вы захотите попрощаться с Олегом, то можете поехать в Стекловский институт в понедельник после десяти утра.

Должно быть, она уже в сотый раз произносила сегодня эту тираду, в которой в результате многократных повторений не осталось ни одного лишнего слова. После такого сообщения мне, по идее, следовало поблагодарить за информацию и положить трубку. Вместо этого я сказал:

— Извините, Лена, как ваше отчество, а то неудобно разговаривать…

— Геннадьевна, — сказала она с недоумением в голосе: зачем, мол, вам это понадобилось?

— Елена Геннадьевна, — продолжал я. — Вопрос, возможно, покажется вам странным… или нетактичным… но я хочу спросить: кто вы по специальности?

— Социолог, а почему вас это интересует?

Мимо. Зачем нужен был Парицкому социолог? Абсолютно не

нужен. Разве что для последующей обработки результатов наблюдений за обществом, но до этого было так далеко, когда он подошел к девушке на улице… Предлагая ей стать его женой, Олег Николаевич не мог знать, кто она по профессии. Должно быть что-то другое…

— Видите ли, Елена Геннадьевна, — сказал я, — мы с Олегом Николаевичем много разговаривали… О его работе, в частности. Я имею в виду: о проблеме выбора с точки зрения теории простых чисел.

Я сделал паузу, чтобы понять по реакции, знала ли хоть что-нибудь об этой теории бывшая жена Парицкого. Социологу Олег Николаевич мог и не говорить того, чего она могла не понять или понять превратно.

— Вот как? — спросила она неожиданно напряженным тоном. — Он вам об этом рассказывал?

Значит, знает. Уже легче.

— Да… И я подумал… Извините, что задаю вопрос в такое время… Если вы знали, чем он занимался в последнее время…

— Не только в последнее, — прервала она меня. — Всю жизнь. Знала, конечно.

— То у него должен был быть знакомый биолог…

— Ах, вот оно что! — сказала она с явно заметным облегчением. — Да, конечно. Не знакомый, а знакомая. Женя Буданова. Хотите с ней поговорить?

— Да, если это…

— Пожалуйста. Запишите номер ее мобильного… Евгения Ниловна.

— Она не…

— Она не замужем, если вы это хотели знать.

Я хотел знать вовсе не это, но не стал спорить, а вежливо попрощался.

Время было не такое уж позднее, и я набрал продиктованный Еленой Геннадьевной номер.

— Здравствуйте, Петр Романович, — произнес мягкий женский голос, низкий, но не прокуренный, как это иногда бывает, а такой, каким могла бы петь россиниевская Золушка — печальный, обнимающий слух.

Впрочем, меня не голос удивил, а обращение.

— Вы меня знаете? — спросил я довольно глупо, вместо того чтобы поздороваться.

— Олег рассказывал мне о ваших встречах и дал номер вашего телефона на тот случай, если… В общем, на всякий случай. Судя по тому, что вы мне звоните, вы много думали сейчас об Олеге и о его…

Она замолчала и, по-моему, тихо всхлипнула, но это могли быть и помехи в эфире.

Парицкий никогда не говорил мне об этой женщине. Почему? Она должна была играть очень важную роль в его системе ценностей. Или, может быть, не она сама, а только ее профессия, и тогда действительно можно было понять, почему Олег Николаевич ни словом о Будановой не обмолвился.

— Я… — пожалуй, мне нужно было лучше подготовиться к разговору, а не мекать, придумывая на ходу необходимую фразу. — Мне хотелось бы поговорить с вами об Олеге Николаевиче. Если у вас есть свободное время…

— Приезжайте, — просто сказала она. — Если хотите — прямо сейчас.

Я растерялся. Ехать на ночь глядя в Питер? Да я только до Финского вокзала доберусь хорошо если к полуночи, а дальше-то что? Уж не предлагает ли она мне заночевать у нее?

— Я вообще-то живу в…

— Знаю. А я в Репино, вы можете быть у меня через полчаса, если успеете на автобус, отходящий в четверть одиннадцатого. А обратно на последний — в одиннадцать сорок пять.

Вот оно что. Репино, надо же! Наверняка Парицкий уже пользовался этими поздними рейсами. Интересно, какие между ними все-таки были отношения. И ведь он мне ни разу…

А почему он должен был мне об этом рассказывать?

— Хорошо, — сказал я. — Так и сделаю. А ваш адрес…

К автобусу я подбежал, когда водитель уже закрывал двери.

* * *

Я ожидал увидеть женщину лет тридцати пяти, того же возраста, что и Парицкий, а дверь мне открыла старушка — божий одуванчик, и я, растерявшись, спросил:

— Могу я видеть Евгению Ниловну?

— Проходите, Петр Романович, — пригласила старушка знакомым голосом и направилась в глубину квартиры. — Петр Романович, — сказала она, не оборачиваясь, — что же вы там стоите? Проходите в комнату. Пальто — на вешалку, пожалуйста. Тапочки под вешалкой, поухаживайте за собой сами, а я пока приготовлю чай.

Я поухаживал. Когда минуты через три я вошел из прихожей в большую комнату, обставленную старой, шестидесятых годов, как мне подсказывала память, болгарской мебелью, на круглом столе, покрытом цветастой клеенкой, уже стояли наполненные

чашки, от которых поднимался пар, и лежал на большой тарелке аккуратно нарезанный магазинный кекс.

Я попробовал оценить на глаз, сколько лет хозяйке, усевшейся в покрытое бордовым покрывалом кресло и показавшей мне на один из стоявших около стола стульев. Семьдесят? Больше. Семьдесят пять? Восемьдесят? Могло быть и восемьдесят, у Евгении Ниловны была тонкая кожа со множеством прожилок, но почти не видно морщин, а голос молодой, и бывшая жена Парицкого назвала ее по телефону Женей — не могла она так панибратски говорить о человеке вдвое (если не больше) старше себя!

— Что вы так меня изучаете, Петр Романович? — поинтересовалась Евгения Ниловна, разглядывая меня, в свою очередь, так пристально, будто хотела прочитать не только причину моего интереса к Парицкому, но и всю мою жизнь от рождения до текущего момента.

Понятно, я не нашелся, что ответить, и потому задал свой вопрос, надеясь сразу направить разговор в нужное русло:

— Олег Николаевич обращался к вам за консультациями по вопросам генетики, верно?

— Конечно, — кивнула Буданова. — Олег — гений в математике, но в биологии разбирался на уровне читателя научно-популярных журналов.

— Вы давно…

— Я работала до пенсии в институте генетики и селекции… Берите кекс, Петр Романович, он свежий, сегодня купила. Олег как-то пришел на наш институтский семинар, я делала доклад по расшифровке генома. Не человека, о человеке тогда речь не шла, я рассказывала о кольчатых червях. Он подошел ко мне после семинара и сказал: «Вы можете ответить мне на несколько глупых вопросов?» Это было незадолго до того, как меня отправили на пенсию…

— Я ожидал… — сказал я в некотором смущении. — Елена Геннадьевна назвала вас по телефону Женей, и я подумал…

— Ах, Ленка, — всплеснула руками Буданова. — Это в ее стиле. Мы все называли друг друга по именам, у Лены иначе не получалось, она в принципе не способна назвать человека по имени-отчеству, у нее из-за этого всегда на работе проблемы с начальством. И чтобы избавить вас от лишних вопросов, Петр Романович, скажу, что я живу в Репино уже четверть века, даже больше, почти тридцать лет. Олег потому и купил себе после развода домик в поселке, чтобы ко мне ближе. А я оказалась на его пути случайно, что бы сам он ни говорил по этому поводу, на моем месте мог оказаться любой наш сотрудник, потому что в то

время Олег еще ничего не понимал в генетической структуре счетчика, у него было рассчитано только само сгущение, и приблизительно он знал — точнее, думал, что знал — день, вот и выбрал именно тот, когда у нас шел семинар, чтобы увеличить вероятность верного выбора… Я вижу, вы не очень понимаете то, что я говорю…

— Напротив! — воскликнул я. — Ваши слова подтверждают то, о чем я все время думал. И то, о чем мне рассказывал Олег Николаевич.

— Но вы так на меня посмотрели…

— Нет, я просто подумал: как могли бы развиваться события, если бы в тот день доклад делали не вы, а…

— А, скажем, профессор Чудинов, который заболел, и потому на то заседание перенесли мой доклад, запланированный на следующую неделю? Знаете, Петр Романович, мы с Олегом много об этом спорили. Ведь выбор не от него зависел, и следовательно, в его последовательность укладываться не мог, тут получилось пересечение двух числовых последовательностей. Олег считал, что и в этом есть какая-то скрытая пока закономерность, а я возражала, потому что на самом деле: ну что могло быть общего в генетических счетчиках Олега и нашего дорогого профессора? Но я вижу, вы опять не очень понимаете…

— Напротив! — воскликнул я еще раз. — Именно так я и подумал, когда вы упомянули профессора…

Евгения Ниловна поставила на блюдце свою чашку, вытерла салфеткой уголки рта и сказала:

— Давайте начистоту, Петр Романович. Расскажите, что вы знаете, что Олег вам сказал и как вы все это поняли. Если вы в чем-то ошибаетесь, я вас поправлю. На вопрос, почему Олег оказался именно в тот день и час на том злосчастном пруду, мы с вами ответим, а вот на вопрос, почему он сделал именно такой выбор… Боюсь, ни математика, ни генетика…

— Нет, — сказал я. — На второй вопрос, по-моему, ответить как раз легче легкого. У Олега Николаевича просто не оставалось выбора. Меня интересует не это. Меня интересует: почему он все-таки пошел в тот день на пруд, зная, что выбора у него не будет. Ведь он знал это, да?

— Я налью вам еще чашку? — спросила Евгения Ниловна. — Вам сделать крепче или слабее?

— Хороший чай… — пробормотал я, досадуя на то, что ответить на мой вопрос Буданова не пожелала.

— Тогда я принесу сюда оба чайника, и наливайте себе сами, — постановила она, с трудом поднялась из кресла (все-таки ей было ближе к восьмидесяти, чем к семидесяти) и пошла на

кухню. Не оборачиваясь, сказала: — Об этом и я все время думаю. Знал или нет.

* * *

— Как я, собственно, понимаю случившееся… — начал я, налив себе вторую чашку. — Олег Николаевич рассказал мне о своих исследованиях по теории простых чисел, когда мы уже вдоволь наспорились о происхождении маломассивных черных дыр и о том, существовала ли на самом деле сингулярность в момент Большого взрыва. Знаете, я не ожидал… То есть не ожидал от математика такого знания довольно частных проблем космологии — я сам не читал некоторых работ, которые довольно точно цитировал Олег Николаевич… Это было недели через две после нашего знакомства. Я чувствовал, что Олегу Николаевичу интереснее обсуждать проблемы астрофизики, чем математики. У меня, знаете, сложилось впечатление, что он и в поселок переехал, и из института ушел, потому что математика ему надоела до чертиков, он в ней разочаровался и решил все бросить… Вообще-то я был уверен, что такое невозможно — чтобы научный работник (терпеть не могу, кстати, слово «ученый», оно мне напоминает о коте, бродящем по цепи кругом) вдруг бросил заниматься делом. Была какая-то иная причина, о которой я не спрашивал, конечно…

Так вот, сидели мы за полночь, пора было уже расходиться, как вдруг Олег Николаевич посмотрел мне в глаза и сказал:

«Завтра вам лучше не выходить из дома. Посуетитесь здесь, в квартире, подумайте, нужно ли ставить на зиму вторые рамы, ну, что-нибудь нейтральное…»

«А что такое?» — забеспокоился я. Почему-то вспомнил, что на завтра намечено какое-то мероприятие, в поселке соберется много народа, а может, милиция будет кого-то ловить, глупая идея, но мало ли что приходит в голову, когда тебе неожиданно объявляют, что лучше посидеть дома.

«Просто… — протянул Олег Николаевич. — Вы ведь родились третьего апреля сорок восьмого? Значит, завтра будет двадцать две тысячи четырехсотый день вашей жизни».

«Может, и так, — согласился я. — Никогда не считал дни, а у вас это быстро получилось. В уме?»

Он покачал головой:

«Нет, счетчик из меня плохой. Прикинул на калькуляторе и решил вас предупредить. Береженого Бог бережет, знаете…»

«Вы увлекаетесь нумерологией?» — поразился я, мне

показалось, что Олег Николаевич произвел какие-то манипуляции с датой моего рождения, что-то к чему-то прибавил.

«Нет, — сухо сказал он. — Просто на завтра у вас приходится очень сильное сгущение простых чисел, и следовательно, велика вероятность принятия неверного решения, поскольку в том, какое именно решение вы должны будете принять, я вам никак помочь не смогу».

Я продолжал смотреть на него, не очень понимая сказанное.

«Я вам расскажу, — сказал он неуверенно и посмотрел на часы, — но, может, не сейчас? Все-таки уже первый час… Завтра вечером…»

«Почему не сейчас? — настаивал я. — Засыпаю я плохо, спать не хочется…»

«Хорошо, — согласился он. — В конце концов… Да. В общем, ладно. Идею-то я могу изложить в двух словах, но вы, будучи научным работником, мне, конечно, не поверите на слово, а вот доказывать что к чему мне придется долго, это уж точно не сегодня… Началось с того, что еще в школе я вычитал в «Кванте» задачку по теории чисел — о том, как рассчитать многозначное простое число. Мне казалось, что это легко, и я с удивлением узнал, сколько больших математиков потратили лучшие годы жизни, чтобы вывести алгоритм расчета простых чисел. Стало интересно, я нашел какие-то книги… Узнал, что на числовой оси простые числа располагаются не равномерно, а сгущениями… идет длинный ряд чисел, где нет ни одного простого, и вдруг — как остров в океане — сразу несколько десятков простых чисел почти подряд, есть даже числа-близнецы, одно всего на двойку больше другого… А потом опять длинный просвет… Это очень интересно, я стал копать дальше и начал обнаруживать такие удивительные вещи… Собственно, прочитать о свойствах простых чисел можно в любом вузовском учебнике, но для меня-то это было откровением! И я бы, скорее всего, уже в институте стал заниматься именно простыми числами, если бы не другая мысль, которая пришла в голову тогда же и заставила принять иное решение…

Наверное, только мальчишке, помешанному на арифметике, такая мысль вообще могла прийти в голову. Будь я старше и знай то, что узнал в институте… Но мне было пятнадцать, я запоем читал фантастику, все в моей голове перемешалось: числовые ряды, полеты к звездам, генетика, в которой я ничего не понимал, но в фантастике было тогда много рассказов о преобразовании организма… Подумал я вот что: человеческая жизнь конечна, и за семьдесят с чем-то лет сердце человека успевает сделать сколько-то ударов, легкие успевают сделать сколько-то вдохов и выдохов,

вы успеваете пройти конечное число шагов и провести во сне некоторое, вполне поддающееся расчету, число часов, минут и секунд. В общем, вся наша жизнь — это, с точки зрения теории чисел, некоторое количество счетных множеств, описывающих все факторы нашего существования».

Тут я его прервал, потому что, как мне показалось, увидел в рассуждениях слабое место.

«А смысл какой? — сказал я. — Ну, узнают мои родственники после моей смерти, что я за свою жизнь успел сделать сколько-то миллионов вздохов и сколько-то шагов. Что им даст такое знание?»

«Дело совсем не в этом, — сказал Олег Николаевич, посмотрев на меня с сожалением. — Подобные глупости могут заинтересовать только любителей собирать всякие числа независимо от того, есть ли в них какой-то смысл. Вроде тех, кто удивляется истории Людовика XVI: ему предсказали, что он умрет двадцать первого числа, и он всю жизнь в этот день месяца не покидал своей спальни. Но 21 июня 1791 года Людовика и Марию-Антуанетту арестовали, 21 сентября 1792 года во Франции провозгласили республику, а 21 января 1793 года короля казнили. Почему столько совпадений?»

«Действительно, почему?» — спросил я, но Олег Николаевич не стал на этот вопрос отвечать, только рукой повел: не нужно, мол, отклоняться от темы.

«Каждый день, — продолжал он, — каждую минуту, а порой и ежесекундно мы принимаем какое-то решение — важное или неважное, простое или сложное. Это как дыхание, понимаете? Человек не может не дышать, он умрет. И жить, не производя каждую минуту тот или иной выбор, человек не может тоже. Иначе он застынет, как буриданов осел меж двух охапок сена. И умрет — не от голода, а от мыслительного ступора. Число решений, количество сделанных нами в течение жизни актов выбора — оно тоже конечно, как конечно число ударов сердца. Но! Биение сердца, вздохи, движения — все это процессы бессознательные, вероятность их равна единице на протяжении всей числовой оси, связанной с нашей жизнью. Или нулю — если сердце останавливается и жизнь прекращается. Бессознательные процессы можно описать функцией, которая обратна известной дельта-функции, вы же знаете: она равна нулю во всех точках, кроме одной, но в этой единственной точке…»

«Да-да, — быстро прервал я, — продолжайте».

«А принятие решения — процесс сознательный и этим отличается от всех прочих процессов, связанных с жизнедеятельностью. Решаем мы сами. Да или нет. Пойти или

остаться. Ударить или подставить вторую щеку. Это наш сознательный выбор. Число таких решений, принимаемых нами в течение жизни, ограничено, как число сердечных сокращений. Но, в отличие от последних, вероятности принятия тех или иных решений равны не единице или нулю, а какому-то числу между этими значениями».

«И вы решили вычислить…»

«Нет, это слишком сложно… То есть представлялось мне слишком сложным тогда, в пятнадцать лет. Я подумал о другом. Если число принимаемых нами решений ограничено, то можно считать за нуль все решения, принимаемые бессознательно — до какого-то возраста, у всех по-разному, но в среднем, как я потом выяснил, начитавшись медицинской литературы, до девяти-десяти месяцев. А потом в организме включается счетчик: вы начинаете принимать осознанные решения — первое, второе, третье… энное… эн плюс первое… Но ведь все принимаемые вами решения, каждый ваш выбор — это, в принципе, те или иные события в вашей жизни. Важные, неважные, очень важные, круто все меняющие и не меняющие практически ничего. И у каждого такого выбора есть свой порядковый номер, как у ударов сердца. Эти числа должны тоже отличаться друг от друга своими свойствами! Для меня — а я был уже тогда помешан на теории чисел — это представлялось совершенно очевидным. Вы утром решили выпить стакан молока вместо того, чтобы налить себе чаю. Это решение номер сколько-то миллионов, сколько-то тысяч… А на другой день вы решили поступать не на мехмат, а на физический. И у этого решения тоже есть номер. Но ведь решения эти неравнозначны в вашей жизни! Следовательно — я принял это, как лемму, которая не требовала в тот момент доказательств, — и числа, соответствующие номерам принимаемых решений, тоже должны отличаться друг от друга. Обладать некими отличными от прочих свойствами. Понимаете? Это оказалось так увлекательно — выяснить, чем эти числа отличаются! Образуют ли они числовые ряды? Какие? С какими свойствами? Если да, то это могло бы означать, что человек сможет принимать важные решения в соответствии с номером…»

«То есть, — вмешался я, — вы хотите сказать, что решения, скажем, связанные с риском для жизни, принимаются в соответствии, например, с факториальным числовым рядом, а решения, связанные, допустим, с какими-то приобретениями, — с рядом Фибоначчи?»

«Не совсем так, но вы, в принципе, верно уловили основную идею! — воскликнул Олег Николаевич. — Все-таки как много значит…» — он осекся, посмотрел на меня, улыбнулся и не стал

продолжать, но я продолжил за него:

«Физико-математическое образование, вы имеете в виду?»

Он покачал головой:

«Нет, не столько образование, сколько образ мысли. Можно быть математиком и не увидеть в этой идее ровно ничего… а можно… вы ведь к звездам своим относитесь не как к газовым шарам с политропным распределением плотности? Признайтесь, звезды для вас…»

Он замолчал, приглашая меня продолжить, и я сказал:

«Гм… да. К звездам у меня с детства отношение было, скорее, иррациональным. Умом я понимаю, что это плазменные шары с показателем политропы пять третьих, но на самом деле они… ну, как дракон для Ланселота, если вы понимаете, что я хочу сказать…»

«Понимаю, — кивнул он, — и очень рад тому, что мы с вами оказались в одной точке пространства в одно и то же время».

«Вы… — сказал я. — Я не видел ваших работ по этим числовым рядам. Я имею в виду — по рядам принятия решений».

«У меня нет таких работ, — покачал он головой. — Я даже в пятнадцать лет понимал, что… нет, пожалуй, я не понимал очень многого, но чувствовал… знаете, Петр Романович, математика, особенно теория чисел, это, скорее, чувство, интуиция, попытка понять себя… так вот, я чувствовал, что об этом лучше молчать. Пока не пойму, как с этим всем управляться. Если в организме есть счетчик наших решений, и если решения можно классифицировать и — вы правы! — описывать разными числовыми рядами… Нужно сначала этот счетчик найти, нужно эти ряды описать…»

«Простые числа, — сказал я, — вы занялись ими не потому что…»

«Господи, теперь вам это понятно! Конечно, к простым числам я пришел, поскольку понял, что именно последовательность простых чисел играет самую важную роль в нашей жизни. Это было чисто интуитивное прозрение. Потом я все доказал, но идея сначала была чисто интуитивной».

«И вы полагаете, что завтра мне лучше сидеть дома, — вернул я наш разговор к его началу, — потому что посчитали, какой завтра в моей жизни по счету день, сравнили с последовательностью простых чисел…»

«Примерно… В эти дни у вас сильное сгущение таких чисел. Остров в океане…»

«Но если я буду сидеть дома и не принимать никаких решений вообще, — сказал я, — то счетчик будет стоять и включится, когда я все-таки выйду… Все равно что-то важное

нужно будет решить, верно? От судьбы не уйдешь…»

«Но есть шанс опустить уровень решений до бытовых, — возразил Олег Николаевич. — Счетчик будет щелкать, но решения вы будете принимать простые — включить ли телевизор, поставить ли чайник…»

«А потом выйду в народ, и все равно нужно будет что-то решать, ведь внешние события от того, что я пересижу время дома, никак не изменятся, и то, что должно случиться, случится все равно!»

«Но тогда решение будете принимать не вы», — мягко сказал Олег Николаевич.

«Да… — протянул я. — Возможно. Не уверен, что это правильно».

«И это тоже ваше решение, — кивнул он. — За номером сколько-то миллионов, сколько-то тысяч…»

«Простое число», — сказал я.

«Может быть…»

И я ушел. На следующий день… Не то чтобы я сразу согласился с аргументами Олега Николаевича, я много об этом думал и понял тогда, во-первых, что он не был бы со мной так категоричен, если бы не знал точно, где находится биологический счетчик, и, во-вторых, поскольку сам он мало разбирался в биологии, то должен у него быть помощник… Впрочем, эти соображения не помешали мне на следующий день поехать в Питер, потому что мне необходимо было взять кое-какие вещи в городской квартире. И во дворе я случайно столкнулся с соседом из второго подъезда, который неожиданно предложил мне квартиру продать, потому что она смежная с его, и он хочет… В общем, мне пришлось быстро принимать решение, я вспомнил Олега Николаевича, подумал, что лучше бы мне действительно сидеть дома… и отказался. До сих пор не уверен в том, что поступил правильно.

* * *

— Понимаю… — протянула Евгения Ниловна. — Олежек говорил мне, что никому не… Для вас, я вижу, он сделал исключение. Интересно почему?

Мы уже допивали по третьей (а может, четвертой) чашке, Евгения Ниловна молча слушала, не вставила ни слова, а когда я закончил, подняла на меня взгляд и задала этот вопрос, на который я и сам не мог найти ответа. Может, ему в кои-то веки понадобился благодарный слушатель? Вообще-то, насколько я

понимал характер Парицкого, ему было решительно все равно, что о нем думали коллеги и современники, он был самодостаточен настолько, что мог работать над своими числами на полярной станции или на борту звездолета, отправившегося в полет без возвращения. Лишь в крайних случаях Олег Николаевич обращался к людям — и чаще не за помощью, а чтобы поставить очередной числовой эксперимент, о котором «подопытные» не подозревали. Буданова ему понадобилась, потому что в какой-то момент он не смог двигаться дальше и вынужден был принять важное для себя решение: учиться на генетика самому (и вызвать таким образом нездоровый интерес среди коллег, рискуя открыть прежде времени суть решаемой им задачи) или найти специалиста, который не только сумел бы с ним сработаться, но еще и не требовал бы немедленной публикации результатов. Что до меня…

— Не знаю, — ответил я на вопрос после долгого молчания. — Действительно, не знаю. Даже не догадываюсь. Может, захотелось наконец с кем-то поделиться? Правда, я и другого понять не могу: для чего нужна была такая скрытность? Это очень интересная работа. Очень важная. Удивительное открытие — не только в математике, но и в генетике человека. Вы… вы ведь нашли тот ген, который… Ну, счетчик.

Евгения Ниловна покачала головой.

— Нет, — призналась она. — Одной мне это не под силу. Очень сложно. Я уж не говорю, что у меня под рукой просто не было нужной аппаратуры.

— Тогда зачем…

— Какой Олегу был от меня толк? — улыбнулась она. — Сначала я думала, как вы: просто хотел с кем-то поделиться. Со мной — безопасно, и к тому же я могла как-то при своих связях с коллегами-генетиками… Нет. От меня ему требовалось одно: чтобы я подтвердила, может такой счетчик существовать или это предположение ошибочно. Я сказала: да, может. Более того, указала группу генов, среди которых следует искать ген-счетчик. Вообще-то, будь у меня лаборатория, такая хотя бы, как у тех моих коллег в Москве, которые работали по программе «Геном человека», то выделить счетчик нам, скорее всего, удалось бы. Могу себе представить, какой резонанс вызвала бы такая работа… Но это пустое. Лаборатории у меня не было. А польза, однако, получилась. Я рассказала Олегу, как мог бы работать — и как наверняка работает — такой счетчик. Мы много разговаривали, наши встречи никому не казались странными — с моей профессией никто их не связывал, а Лена, как вы понимаете, не ревновала.

— Журналисты вам не докучали? — спросил я.

— Нет. Их больше интересуют коллеги Олега — математики, чем старуха-генетик.

— Но я все равно не возьму в толк, — сказал я. — Отчего такая скрытность? Я понимаю: Олегу Николаевичу было плевать на общественное мнение, на то, сочтут ли его работу бредом… Но он публиковал свои исследования по теории чисел, что мешало ему…

— Могу себе представить, — насмешливо сказала Буданова. — Получают в Nature статью… Или в «Математическом журнале». Нет, «Математический» — не по профилю. Но и «Журнал генетики» тоже… Слишком все это… А проверена теория только на одном человеке — сам автор испытал ее на себе. Каждый день испытывал, хотел накопить статистику. Сначала думал: достаточно тысячи случаев, чтобы применить для обработки статистические методы. Тысяча решений, при том, что каждый день человек — так мы с ним подсчитали — совершает от десяти до полусотни выборов, которые фиксируются счетчиком. Значит, за месяц-другой статистика накопится, и можно… По-моему, Олег так и сделал, но получил слишком неопределенный результат, мне он сказал только, что тысячи мало, нужно минимум сто тысяч решений, я не спорила, ему виднее, верно? Сто тысяч — это восемь или десять лет. Большой срок, но в научной работе бывали и более длительные сроки. Бентли, к примеру, всю жизнь — полвека! — зарисовывал формы снежинок, а Линней…

— Вы, наверное, знакомы с Олегом Николаевичем больше десяти лет? — спросил я.

— Одиннадцать. Он тогда окончил университет, его статьи уже публиковались в Mathematical Review, и решение поговорить со мной Олег принял не с бухты-барахты, это было решение из очень интересной области сгущения простых чисел, мы с моим склерозом уж и не помним, как эта область называется, по имени какого-то математика… В общем, не исключаю, что если бы в тот день доклад делал другой генетик… Но выступала я. Я о Парицком слышала, мол, гений-вундеркинд, и вдруг он подходит ко мне…

— Он тогда еще не был женат на…

— Вам это тоже пришло в голову! Конечно, решение жениться на Лене было принято по правилам. Олег мне рассказывал. Вам — нет? Неважно… Теперь уже неважно. На тот день пришлось какое-то сильное сгущение простых чисел. Вы же понимаете, Петр Романович: важные, судьбоносные решения нужно принимать только в дни таких особых сгущений, иначе очень легко

ошибиться — не в самом решении, а во времени, ведь пока счетчик не установлен, пока каждому решению не поставлено в соответствие строго определенное число, выход один — дожидаться сгущений, тогда вероятность ошибки меньше!

— Да-да, — сказал я, — это понятно. Я о Елене…

— На тот день у него выпало сгущение простых чисел, и он просто обязан был принять какое-то жизненно важное решение. Какое? В профессиональном плане это был самый обычный день. Других проблем он тоже не видел, кроме… Двадцать шесть лет, все друзья или переженились, или собираются… Знакомые девушки замужем. Над этим он и думал, когда шел по улице… Знаете, Олег очень доверял своей интуиции. Он был уверен… или убедил себя… что чувствует, когда включается счетчик и нужно что-то решить, будто что-то щелкает в мозгу… это он мне так говорил… и он понимает: нужно принимать решение. Вот и с Леной: что-то щелкнуло, когда она ему встретилась на улице. И что ему оставалось? Он подошел и сделал девушке предложение. Ей это, видимо, показалось очень романтичным, — сухо заключила Буданова. Похоже, к бывшей жене Олега Николаевича она не испытывала ни симпатии, ни сочувствия.

— Но я все равно не понимаю! — воскликнул я. — Хорошо, не в Nature. Не в «Математический журнал». Всегда можно найти издание, пусть не такое престижное. Есть, в конце концов, интернет, там он публиковал все, что хотел! Это приоритет.

— Вы думаете, Олега волновал приоритет? — удивилась Евгения Ниловна. — Вы же его знали, пусть и недолго.

— Согласен. На приоритет ему плевать. Вообще на все. На миллион. На общественное мнение. Но это очень важно для всех! Каждый принимает решения, каждый выбирает — каждую минуту, каждый день. И если знать, когда нужно! Хорошо, статистика, я понимаю — без статистики о надежности говорить нечего. Но хотя бы показать, что…

— Петр Романович, — укоризненно произнесла Буданова. — Вы правы в одном: нет ничего важнее в жизни человека, чем точное знание о том, когда нужно принимать принципиальные решения. День. Час. Когда лучше подождать, а когда следует поторопиться. В результате для каждого конкретного человека на много порядков возрастает вероятность сделать правильный для него выбор. Для него лично правильный, понимаете? Люди перестанут ошибаться в принятии решений. Вы представляете, что произойдет?

— Конечно! — воскликнул я. — Я до сих пор не знаю, правильно ли поступил, не став оспаривать решение нашего директора выставить меня на пенсию! Я не знаю — может, в тот

день как раз было сгущение простых чисел и нужно было что-то предпринимать? А может, в тот день мой генетический счетчик не отметил ни одного простого числа и я не должен был принимать никаких решений?

— Вы сами и ответили, — пожала плечами Евгения Ниловна. — Знай вы, какие числовые аномалии пришлись на тот день, вы сделали бы тот или иной выбор. И не только вы. Правильное — лично для него — решение принял бы и тот человек, которого вы считаете своим врагом. Было бы вам от этого легче? Представьте, что все люди — и хорошие, и негодяи — научились посматривать на свой счетчик и принимать верные решения в нужное время. Олег — человек, в общем-то, наивный, как все гении… то есть, — она смутилась и потерла ладонями виски, — то есть был наивным, да… наверное, никогда не смогу говорить об Олеге «был»… но все же он понял еще в те годы, что жизнь на нашей планете станет много хуже, если…

— Да, понимаю, — пробормотал я, действительно только сейчас подумав о том, что верное решение, правильный выбор — это не этические понятия, а сугубо эволюционные, и ген-счетчик озабочен не проблемами добра и зла, а лишь тем, чтобы организм, в котором он находится, принял правильное для себя, для своей сохранности и благополучия решение. А если в результате погибнет мир… что ж, закон эволюции. Борьба за выживание.

— Вижу, что поняли, — хмуро улыбнулась Евгения Ниловна. — Послушайте, Петр Романович, мы с вами мило беседуем, а между прочим, последний автобус через семь минут. Или вы хотите добираться домой пешком?

Если бы Буданова была у меня в гостях, я предложил бы продолжить разговор, а потом постелил гостье на диване или сам лег бы в гостиной. В конце концов, не в таком мы возрасте, чтобы думать о приличиях, да и кого они, на самом-то деле, сейчас интересуют? Только начали разбираться, и у меня в голове появилась мысль, которую я бы хотел обсудить…

— Да, верно, — сказал я, бросив взгляд на часы. — Засиделись. Вы позволите еще раз навестить вас?

— Позволю? — воскликнула Евгения Ниловна, тяжело вставая. — Вы просто обязаны приехать еще раз завтра вечером. И пораньше, чтобы не бежать на последний автобус. Мне хочется говорить об Олеге…

— Тем более, — подхватил я, — что правды вы мне сегодня так и не сказали.

И пошел к двери, спиной ощущая, как нахмурилась Буданова, как она смотрит мне вслед, думая о том, не поторопилась ли

пригласить меня на вторую беседу. Как бы еще…

У двери я обернулся. Евгения Ниловна стояла, опершись правой рукой на спинку стула, и действительно смотрела на меня — нет, не хмурым, а, скорее, изумленным взглядом.

— Жду вас в семь, Петр Романович, — сказала она вместо прощания.

* * *

На последний автобус я успел и домой завалился в первом часу. Давно не совершал подобных ночных прогулок, устал нещадно, что-то у меня в голове щелкало — то ли искры между ушей проскакивали (это мне мама так в детстве говорила, когда я не хотел идти в школу и жаловался на головную боль), то ли генетический счетчик отсчитывал принятые решения и сделанный выбор: повесить полушубок на вешалку или отнести сушиться на кухню (повесил на вешалку), вскипятить воду для кофе или на все плюнуть и сразу идти спать (сделал кофе и сел перед телевизором), посмотреть финал какого-то пустого концерта или ночные новости (новости, конечно, тут и выбор-то был предельно очевиден).

Буш приказал отправить в Ирак еще двадцать тысяч морских пехотинцев и авианосец — интересно, какое числовое сгущение было на его счетчике в тот день, когда он принимал решение?

И я ничего не сказал Будановой о нумерологии — идея с последовательностью простых чисел внешне напоминала древнее учение, в истории я не был силен, тем более, в истории религий, но, кажется, в иудейской Каббале много говорилось о том, что те или иные числа играют огромную роль в человеческой судьбе. Имя, вроде бы, соответствует числу, которое можно найти, сложив номера букв в алфавите. Число может оказаться хорошим или плохим, и от этого жизнь либо сложится удачно, либо пойдет наперекосяк. И чтобы все было в порядке, нужно выбрать себе такое имя, где сумма чисел-букв оказалась бы благоприятной для данного индивидуума. Эти числовые игры всегда казались мне если не смешными, то недостойными мыслящего человека.

А теперь… Может, в этом есть смысл? Может, древние наши предки, как и во многом другом, достигли каких-то сугубо эмпирических результатов, но физической, генетической их сути знать не могли, двигались по поверхности явления, что-то получалось, что-то нет, а потом и эти крохи накопленных знаний растворились в новых учениях и науках и сейчас воспринимаются или как божественное откровение теми, кто не хочет думать над

сутью вещей, или как шарлатанство — теми, кто думать хочет, но истинной природы числовых последовательностей не знает и роли их в жизни человека не представляет совершенно…

Об этом надо будет поговорить с Евгенией Ниловной завтра… уже сегодня… и надо все-таки лечь наконец спать, а то голова с утра будет тяжелой, вставать не захочется, день будет потерян, а мне этого вовсе не хотелось.

Когда я поздно ложусь, сон долго не приходит — это давно проверенное правило. Я лежал, закрыв глаза, и вместо того, чтобы считать слонов или верблюдов, прислушивался к себе, пытаясь действительно распознать, тикает ли где-то в каких-то молекулах ДНК невидимый глазу счетчик, отмечающий принятые мной решения. Вот я подумал: повернуться на правый бок или остаться лежать на спине — такой выбор тоже считается принятием решения? А может, счетчик подобную мелочь не отмечает? Об этом тоже надо будет спросить Буданову при встрече.

И главное, о чем ее нужно будет спросить: почему все-таки она не была со мной откровенна? Почему солгала?

Заснул я под утро, в который раз повторив про себя, будто слонов считал: выделила она этот ген-счетчик, выделила, как бы ни старалась уверить меня в обратном.

Но зачем ей потребовалось вводить меня в заблуждение?…

* * *

Я отправился пройтись мимо окон Веденеева. Но окна были закрыты шторами, дверь (я подергал) заперта, и я пошел гулять дальше, купил в магазине кое-каких продуктов, прошел половину пути до станции и вернулся обратно, оказавшись почему-то на улице, где жила Ася со своей мамой. То есть не «почему-то», конечно — подсознательно мне хотелось увидеть не столько девочку, сколько ее мать, не по какой-то ясной причине, а просто глянуть на это красивое лицо, каких давно не видел — не та сейчас мода на лица, и кустодиевские купчихи не часто ходят по нашим улицам.

Маму, однако, я не увидел, но, свернув за угол, лицом к лицу столкнулся с Асей и от неожиданности отпрянул. Девушка не обратила на меня никакого внимания, шла медленно, погруженная в себя, что-то шептала довольно громко, и я бы мог, вероятно, расслышать — что именно, если бы пошел за ней, но этого я, конечно, не сделал, только постоял, глядя ей вслед. Странно она шла, словно пританцовывая. Может, не шептала, а напевала какую-то мелодию, под которую и двигалась, будто в

танце?

Интересно, а ее-то счетчик как работает и работает ли вообще? Ася ведь тоже принимает решения: пойти туда, поднять то или это, съесть пончик или яблоко… Элементарный выбор, ничего трудного. Что для нее сгущения простых чисел, если каждый день ее жизни почти ничем не отличается от другого?

Но почему-то в тот день она отправилась на пруд и пошла по льду… Это решение было для нее осознанным или таким же инстинктивным, как большая часть прочих?

Что я вообще знал о том, как работает сознание таких людей? Может, только внешнему, непонимающему взгляду мысли Аси представляются заторможенными, поступки — рефлекторными, а решения — простенькими, как дважды два? Что понимают психологи и психиатры…

Я сам оборвал эту мысль на середине — если у психиатров и есть определенные соображения, то у меня никаких не было и быть не могло, я не специалист и фантазировать не имею права. Что сам я говорил о дилетантах, предлагавших мне свои гениальные соображения по устройству Вселенной? Вот так-то.

По пути домой я еще раз прошел мимо опорного пункта, в окне по-прежнему было темно. Пошел наконец снег: сначала с хмурого неба падали отдельные мелкие снежинки, таявшие на носу, а когда я свернул к себе на Балтийскую, новый снег уже лежал тоненьким, но вполне различимым слоем.

Дома было холодно (уходя, я открыл все форточки, чтобы проветрить помещение), мне пришлось включить еще и электрокамин, и только когда стало теплее, я снял куртку, но остался в толстом свитере, думая о том, считать ли это решение достаточно важным, чтобы его отметил мой личный генетический счетчик. Никаких числовых сгущений, по-моему, в этот день на мою долю не пришлось — до вечера я просидел у компьютера, переходя от одного сайта к другому, это был совершенно не обязательный, я бы даже сказал, случайный выбор объектов, я сам не знаю, что искал, ничего конкретного, просто хотелось знать, как генетики производят операцию, которую называют секвенированием, как выделяют тот или иной ген среди великого множества подобных молекулярных структур. Тексты были чаще всего на английском, в специальной терминологии я не разбирался, даже русские статьи оставались для меня по большей части за семью печатями, вспомнилась знаменитая фраза Шрёдингера из книги «Жизнь с точки зрения физики»; когда я учился в университете, слова великого физика приводились в любой популярной статье, как пример непонятного языка, на котором говорили биологи: «Рецессивная аллель влияет на

фенотип, только когда генотип гомозиготен». Жуть. Я мог бы написать десяток фраз из области космологии или релятивистской астрофизики, столь же непонятных читателям глянцевых журналов. Ну и что?

А то, подумал я, что в биологии Парицкий вряд ли был компетентнее меня. Хорошо, не нужно быть таким категоричным. Конечно, он специально интересовался, но вряд ли тратил на изучение биологии достаточно много времени — чего-то нахватался, безусловно, но теория простых чисел оставалась для него главным делом жизни, не стал бы он отвлекаться на посторонние предметы. Или стал бы? Мы не говорили с Олегом Николаевичем о генетике, селекции, секвенировании или о чем-то подобном. Но если он был математическим гением, а гении, говорят… нет, это о талантливых людях говорят, что они талантливы во всем, а вот гении… Гений, скорее, подобен космическому кораблю, летящему с субсветовой скоростью к единственной и практически недостижимой цели, которая к тому же не видна остальному «прогрессивному человечеству». Ракета мчится так быстро, что окружающее сливается для пилота в однообразный фон, рассматривать который нет времени…

Одно я все-таки понял. Точнее, сам себя убедил в том, что еще вчера пришло мне в голову и застряло, будто осколок снаряда. Будановой удалось выделить этот пресловутый ген-счетчик. Не знаю как. Она работала в большом коллективе. Это эксперимент, а не теория. Она не могла скрывать свои исследования, в отличие от Парицкого. Но нигде никогда ни в одном научном издании по генетике (я поискал во всех, какие знал, поисковых системах) не был упомянут ген-счетчик принятых человеком сознательных решений. Как же тогда…

Думать об этом не имело смысла, тем более, что имелся еще один вопрос, который я хотел задать Евгении Ниловне. Без ответа на этот второй вопрос я не мог прийти к окончательному выводу. Если бы не пошел снег, я бы еще мог рассчитывать… Я отправился бы к пруду… Нет, все равно ничего путного из этого не вышло бы: ни в генетике я не специалист, ни тем более в практической криминалистике. И не стоило ломать над этим голову.

* * *

— Я весь день думала над вашими словами, Петр Романович, — сказала Евгения Ниловна, когда я сел на старый, времен то ли коллективизации, то ли освоения целины, диван,

пружины которого так скрипели, будто это был их последний миг — сейчас они лопнут, и острые концы вонзятся… Я бы пересел на стул, но Буданова опустилась на диван рядом со мной, и мне стало неудобно демонстрировать свои нелепые страхи.

— Я думала, обижаться мне на ваши слова или… — она сделала паузу, предполагая, видимо, что я скажу нечто вроде «да я ничего в виду не имел, на что же обижаться?».

Я, однако, молчал, думая больше о том, как разместиться, чтобы сидеть не на пружине, а где-нибудь в промежутке.

— И решила, что, возможно, вы правы, — продолжала Буданова. — Не знаю, что по этому поводу сказал бы Олег, и уже не спросишь… А вы все равно додумаетесь сами, только времени больше уйдет, я правильно понимаю?

Я промолчал.

— Молчание — не всегда знак согласия, чаще оно означает взаимное непонимание, — задумчиво проговорила Евгения Ниловна, и тогда я задал свой вопрос, над которым — а вовсе не над тем, секвенировала ли она ген-счетчик — размышлял весь день:

— Вот что я хотел знать. Человеческая жизнь не бесконечна, к сожалению. И число принимаемых за всю жизнь решений тоже бесконечным быть не может, это большое число, вероятно, десять миллионов, вероятно, больше, это зависит… ну, вы понимаете… Но это конечное число. А числовая ось бесконечна. И простых чисел бесконечное множество. Значит, где-то среди простых чисел существует такое… или такие, их тоже может быть много… которое определяет или как-то фиксирует наш конец. Последний в жизни выбор. Когда-то счетчик щелкнет в последний раз, и больше вы не сможете принять ни одного осознанного решения. Что тогда? Человек умрет? Или станет похож на растение? Может, ген старости и ген-счетчик — одно и то же? Или действуют вместе? Или…

Буданова встала. Ей пришлось упереться в диван обеими руками, и я видел, как ей тяжело поднимать свое старое тело. Она поморщилась, но уже стояла на ногах и неожиданно резво принялась ходить вокруг стола — против часовой стрелки, — на ходу поправляла чашки, переставляла блюдца, наверное, чтобы думать, ей нужно было непременно двигаться. Как мне для того, чтобы мысль не сбивалась, нужно непременно сидеть перед компьютерным экраном и держать пальцы на клавишах, а раньше, когда не было компьютеров, я непременно должен был, чтобы подумать, раскрыть свою портативную «Эрику», вставить лист бумаги, непременно один, без копирки, потому что мысль не копируется, мысль может появиться только раз, она уникальна…

— Да, — сказала Евгения Ниловна, неожиданно остановившись, но не передо мной, а с противоположной стороны стола, и смотрела она не на меня, а в какую-то точку в центре этого круга. — То есть нет. Вы правы, Петр Романович: число решений, принимаемых человеком в течение жизни, ограничено, это ясно. И ген старения… Несколько лабораторий уже сообщали о том, что такой ген выделен, но пока я назвала бы это преувеличением. Однако вы не правы, когда утверждаете, что я обнаружила ген-счетчик. Я не могла. Хотела, да. Но если бы у меня была своя лаборатория. И оборудование, как в Ливерморской группе. Или хотя бы как в Москве. Но у меня не было ничего — только купленное пятнадцать лет назад, когда у нас еще были деньги, уже устаревшее оборудование, на котором мы все-таки сумели сделать кое-что и для программы «Геном человека». Но… Послушайте, Петр Романович, мы тут разговариваем, а вы, конечно, голодны? У меня есть борщ и котлеты, давайте я это разогрею?

Переход был таким неожиданным, что я не сразу перестроился и ответил «нет, спасибо», прежде чем действительно почувствовал голод — ел я днем и рассчитывал здесь не на плотный ужин, конечно, но хотя бы на пару кусков магазинного кекса.

— То есть я хочу сказать — да, я бы не против…

— Тогда посидите немного в одиночестве, — сказала Евгения Ниловна. — И пока я все принесу, подумайте вот над каким вопросом: как поступили бы вы сами, обнаружив в литературе вполне определенные доказательства того, что ген-счетчик выделен — не вами, конечно, а вашими более продвинутыми коллегами, — но интерпретируют они его совершенно неправильно? Неправильно с вашей точки зрения, но если вы свою точку зрения выскажете, то неправильной сочтут именно ее, и большинство коллег вас просто…

Она не договорила фразу, поджала губы, бросила в мою сторону взгляд, скорее растерянный, нежели гневный, и вышла в кухню, откуда послышались звон посуды, стук дверцы шкафа и еще какие-то звуки, свидетельствовавшие о том, что Буданова определенно принимала решения и в соответствии с ними совершала действия. А счетчик в ее организме отсчитывал простые числа, приближаясь к концу шкалы, за которой… Она ведь старая. Под восемьдесят? Может, пойти помочь?

Тоже решение. Элементарное, но осознанное. Щелк.

— Вы будете со сметаной? — спросила из-за двери Евгения Ниловна.

— Да! — крикнул я. Щелк.

— Помогите мне принести тарелки!

Борщ оказался в точности таким, какой я всегда любил и которого не едал с того времени, как заболела Софа и не имела больше сил заниматься хозяйством. Я бы и добавки попросил, но Евгения Ниловна поставила передо мной тарелку с котлетами, гарниром к которым оказался картофель, прожаренный именно так, как всегда жарила Софа — крупными ломтями и с коричневой корочкой. Мне не нужно было принимать решений — есть это или не есть, — за меня решал организм, и счетчик наверняка стоял: ужиная в обществе Евгении Ниловны, я удлинял свою жизнь…

— Спасибо, — произнес я первое за полчаса слово, — удивительно вкусно!

— Пожалуйста, — грустно сказала Буданова, складывая тарелки одна на другую. — Ваша жена хорошо готовила? Не отвечайте, я вижу…

Я не ответил. Почему-то именно сейчас мне показалось, что мы с Евгенией Ниловной не можем не понять друг друга — как понимали мы друг друга с Софой. Мне почему-то именно сейчас стало казаться, что я выплываю из летаргии, в которую впал, когда ушла Софа, будто не мыслительная деятельность, а какие-то борщ с котлетами, еда совершенно непритязательная, играли главную роль в моей жизни. Это было странное, новое для меня ощущение, мне нужно было его осознать, и я, как привязанный, пошел следом за Евгенией Ниловной в кухню, понес тарелки, хлебницу, на плите стояли кастрюля и большая закопченная сковорода, от которых шел такой запах… Я поспешил выйти, потому что на глаза навернулись слезы, и я совсем не хотел, чтобы Буданова это увидела. Я здесь не затем, черт возьми, чтобы…

Я сел на пружину, и мне показалось, что меня подбросило в небо катапультой. Ну и пусть. Я не стал искать место удобнее, а Евгения Ниловна присела рядом.

— Ну вот, — сказала она, — вы подумали?

— Да, — кивнул я. — Счетчик уже обнаружен, но интерпретирован не так, как следовало бы, а вы не опубликовали свои возражения, полагая, что коллеги вас не поймут.

— Я пыталась, — сказала Евгения Ниловна. — Посылала статьи в наш «Вестник» и в международный «Биологический журнал». Год дискутировала с рецензентами. Олегу ничего об этом не говорила, знала, что он мне посоветует.

— Что? — вырвалось у меня.

— Ну как… Плюнуть, конечно. Повесить статьи в интернете — и будь что будет. Знаете, какой у Олега был девиз в жизни?

Я покачал головой.

— Помните адмирала Нельсона: «Делай что должно, и будь что будет»?

— Вы считаете, — сказал я, тщательно подбирая слова, — что тогда… третьего дня… Олег Николаевич сделал то, что должен был сделать?

— В тот раз, — сказала Евгения Ниловна, не глядя в мою сторону, — у него и выбора не было. Счетчик…

— Да?…

— Я не знаю, что именно Олег успел вам рассказать…

— Немного. О счетчике — ничего. Пространно рассуждал о теории простых чисел, о том, как мы выбираем, как принимаем решения, какие числовые ряды и сгущения простых чисел этому соответствуют… Говорил о том, что решениям определенного типа можно поставить в соответствие определенного типа простые числа и что это очень сложная, но интереснейшая задача — найти здесь статистическую зависимость. Но этим он, как я понял, заниматься не собирался. Во-первых, потому что математическая статистика была не его специальностью, он ее не то чтобы плохо знал, но… не нравилось ему это, мне вот не нравилось заниматься — а одно время приходилось — расчетами переноса массы в двойных системах… А во-вторых, даже если бы Олег Николаевич этим занялся, на такое исследование нужно было угрохать многие годы — статистика длиной в жизнь, а жизнь эта…

В голове у меня мелькнула мысль, как далекий огонек, как искорка в ночи, и я замолчал, потому что мысль была вроде и нелепой, но показалась в тот момент очень точной.

— Да? — сказала Евгения Ниловна. — Вы говорили…

— Говорил, — пробормотал я, — и вдруг подумал…

— Я вижу, — спокойно сказала Буданова. — Статистика длиной в жизнь, сказали вы и подумали о жизни, и у вас мелькнула мысль о том, что жизнь имеет предел, а числовые ряды бесконечны.

— Нет… Вы сказали, что выбора у Олега Николаевича не было. То есть он знал, что…

— Вы тоже что-то чувствовали? — голос Евгении Ниловны неожиданно стал напряженным, этот вопрос был для нее почему-то важен, и я сказал, вспоминая:

— Иногда мне казалось, что он… ну, он вел себя, как человек, которому врач сообщил, что у него рак и жить ему осталось год или полгода, не знаю, но какой-то не такой уж большой срок. Я… Мне казалось, что это депрессия или душевный кризис, у таких людей, как Олег Николаевич, это распространенное явление —

душевное одиночество, я имею в виду. Гении всегда одиноки, Парицкий был гением, с этим вроде бы никто и не спорил, и потому мне не казалось странным, что он… Сейчас я вдруг понял истинную причину. То есть мне кажется, что эта причина была истинной. Если сложить все элементы мозаики…

— Да? — настойчиво повторила Евгения Ниловна и положила свою сухую руку мне на колено. Легкая ладонь, но мне показалось, что меня придавило прессом.

— Почему он отказался от миллиона? Почему вдруг переехал из города, ушел из института, отказался от дискуссий с коллегами?

— Да?…

— Числовые ряды бесконечны, — сказал я, — а жизнь человеческая имеет предел. Число принимаемых человеком в его жизни решений определяется емкостью генетического счетчика. Щелкает в последний раз, и все — жизнь кончена. Да? Вы это знали, и он это знал. Вы это посчитали для него, и оказалось…

Евгения Ниловна отдернула руку, будто мое колено неожиданно оказалось горячее раскаленной плиты. Сцепила ладони так, что побелели костяшки пальцев.

— Да вы что? — сказала она с изумлением в голосе. — Вы действительно подумали, что я могла…

— Но ведь он знал, что тот день… четверг… был для него последним в жизни?

Буданова молчала.

— Значит, знал, — констатировал я. — А кто, кроме вас, мог ему это сказать?

— Никто. И я не могла. В отличие от Олега, мне далеко до гениальности, знаете ли. Я выяснила, какой ген является счетчиком, да. Мне не нужно было самой заниматься экспериментами, сейчас столько лабораторий ведут аналогичные исследования, публикуется столько подробных материалов… достаточно следить за публикациями и, главное, знать, что ищешь.

— Я и говорю: кроме вас, никто не мог сказать ему…

— И я не могла, — повторила Буданова. — Вы слушаете меня или себя, Петр Романович? Да, я определила ген.

— Конечно! Взяли у Олега Николаевича — и у себя, вероятно, тоже — пробы крови… или что там надо взять, чтобы провести генетический анализ…

— Капли крови достаточно, — сухо констатировала Евгения Ниловна.

— Ну вот, вы сами говорите! — я больше не мог усидеть на этой проклятой пружине, мне показалось, что меня посадили на

кол или что я бабочка на игле натуралиста, я встал и принялся, как недавно Буданова, ходить вокруг стола. А она смотрела на меня, и голова ее, будто цветок подсолнуха, поворачивалась за мной, как за солнцем. — Вы сделали анализ и определили полное число решений, которые может принять в своей жизни Олег Николаевич… и вы тоже! Вы определили емкость ваших счетчиков. И значит, приблизительно могли назвать время… день… вряд ли час, но день — наверняка… когда счетчик остановится, и…

— И почему вы решили, что это конец? — с любопытством спросила Евгения Ниловна. — Счетчик остановится, да. Человек больше не сможет принимать осознанных решений, тем более — важных для его жизни. Помилуйте, Петр Романович! Сколько людей живут после этого еще годы и годы! Ничего не решают. Ничего в жизни не выбирают сами. За них выбирают подсознание, рефлекс, привычка… Старики на лавочке…

— Инсульт, — сказал я.

— Что? — нахмурилась Буданова.

— Инсульт, — повторил я. — Счетчик переполняется, и это как-то сказывается на мозговом кровообращении, в организме все связано… Маленький тромб, и конец разумной жизни. Человек может прожить еще годы, как растение…

— Да, — кивнула Евгения Ниловна. — Послушайте, Петр Романович, перестаньте ходить, словно лошадь на корде, простите за сравнение.

Я остановился.

— Извините… Да какая разница! — вспылил я неожиданно для себя. — Это, по-вашему, жизнь? Растение! Лучше уж… Вы определили, что счетчик Олега Николаевича переполнится пятнадцатого февраля…

— Я? — Буданова тоже, похоже, вышла из себя, ударила ладонью по дивану, и пружины издали такой надрывный стон, будто в этот момент действительно оборвалась чья-то жизнь. — Я же вам сказала: нет!

— Но он знал!

Евгения Ниловна встала — тяжело, со стоном, — подошла ко мне почти вплотную и подняла на меня взгляд: изучающий, понимающий, пристальный, не знаю какой еще, что-то было в этом взгляде, чего я не смог бы определить при всем желании.

— Знал, — сказала она. — Знал, конечно, вы правы. Но я здесь ни при чем. Я же вам сказала: гений он, а не я. Я провела анализ в нашей лаборатории, да. Но не смогла точно определить… Тогда он… Это было весной, в марте…

— До того, как ему присудили премию.

— Да, за месяц. Он сказал: «Женя, вы просто не хотите мне говорить». «Ну что вы, Олег, — сказала я. — Я бы сказала, но я действительно не знаю. То есть знаю, как счетчик работает, знаю емкость, но это лишь непроградуированные биологические часы, вы должны понимать! Надо еще поставить показания в соответствие с каждым нашим выбором. Точно, а не приблизительно. Я не могу». «Ах, — сказал он, — всего-то? С этим я и сам справлюсь, это не генетика уже, а математика. Покажите, что у вас получилось».

— И вы показали.

— Да. Почему нет? Я была уверена, что если мне, биологу, не удалось, то ему, математику, — подавно.

— А он смог.

— Когда сообщили, что Олег отказался от французской премии и ушел из института, я поняла, что у него получилось. Позвонила ему — на городской-то квартире у него был телефон, — и он приехал. Мы всю ночь сидели за этим столом, он показывал мне свои вычисления, в которых я ничего не понимала, но в биологии-то я разбираюсь и могу сказать: он все сделал правильно.

— Он уже тогда знал…

— Приблизительно. Это невозможно рассчитать точно задолго до… Потому что есть неопределенность числа ежедневных решений. Там, конечно, тоже можно ориентироваться по сгущениям, по определенным рядам, Олег это умел, а я в математике не разбиралась… Но все равно: срок определяется тем точнее, чем ближе вы к нему подходите.

— Ну да, — сказал я, — сходящиеся ряды, естественно.

— Вот видите… Вам это понятно, мне — нет.

Мне хотелось задать ей вопрос, но я не решался. Старый человек. Женщина.

— Он и для меня рассчитал, — сказала Буданова с какой-то странной улыбкой — я ожидал, что это будет улыбка горечи, растерянности, а она улыбнулась как-то очень светло, радостно даже, будто рассчитал ей Парицкий еще полвека разумной человеческой жизни. — Но не сказал. То есть сказал только, что времени у меня еще много, особенно если я не буду суетиться и по каждой мелочи принимать жизненно важные решения. В общем: живи по-старушечьи, и протянешь еще лет десять. Так я это поняла.

— А вы…

— Я так и живу последнее время… Мало куда выхожу, мало кого вижу, все обо мне забыли, а после смерти Олега так и совсем… Счетчик, да. Но не только число принятых решений

определяет, сколько мы будем жить. Болезни. Это от нас не зависит. Аварии. Несчастные случаи. Природные катастрофы… Господи, в мире столько всяких случайностей, в том числе нелепых, от которых зависит жизнь… И так часто жизнь одного человека зависит не от его собственного выбора, а от решений кого-то другого, о ком он никогда и не слышал. Пьяный водитель решил проехать на красный свет и врезался в другую машину. Сам отделался испугом, а человека убил. Кто в этой ситуации сделал выбор, важный для жизни? На чьей числовой оси оказалось сгущение простых чисел? Тот, кто погиб… он вообще в тот момент не принимал решений — ехал по правилам, думал о своем…

— Вы об этом говорили с Олегом Николаевичем?…

— Конечно. Об этом тоже. Видите ли, Петр Романович, чем больше я об этом думала, тем больше убеждала себя в том, что ген-счетчик вовсе и не важен… я имею в виду, не важен для определения даты смерти. Точнее, счетчик действительно ограничивает время, которое сможет прожить данный человек, оставаясь разумным существом, способным принимать решения. Он может жить и потом, но в растительном состоянии… инфаркт, инсульт, болезнь Альцгеймера… не знаю. Но может умереть и раньше, так и не успев сделать окончательный выбор… Вот я… Живу, да. Мой счетчик отсчитывает последние возможности, и я экономлю, я решаю только проблемы типа «накормить гостя ужином или только предложить чаю с печеньем» и так оттягиваю свой конец… К счастью — или к несчастью, не знаю, — серьезных болячек у меня нет, но…

— Получается, — сказал я, прервав, возможно, грубо, рассуждения Будановой, — получается, что если у человека смертельная болезнь — рак, к примеру, — а на счетчике у него еще есть место, то он может продлить себе жить, просто решив жить… если в нужное время, когда сойдутся какие-то числовые ряды, примет нужное решение? Заставит организм подчиниться?

— Да, конечно. Именно. Но нужно, чтобы на счетчике сошлись определенные ряды простых чисел… Олег этим занимался, у него наверняка остались какие-то расчеты.

— Наверняка, — повторил я. — Знаете, Евгения Ниловна, я пытался… попросил нашего участкового… у него сейчас ключ от квартиры Олега Николаевича. Не знаю, какие права у его бывшей жены…

— У Лены? Никаких, могу вам сказать точно. Олег купил эту квартиру уже после того, как они развелись, так что юридически она прав не имеет.

— Ну, хоть это не станет препятствием, — пробормотал я.

— Препятствием к чему?

— Компьютер Олега Николаевича, — пояснил я.

— Что это вам даст? — пожала плечами Буданова.

— Ряд простых чисел бесконечен. Олег Николаевич обязан был прийти к заключению о том, что человек, в принципе, бессмертен. Бессмертен…

— Бессмертие, — пробормотала Евгения Ниловна. — Тут бы свой век прожить… Знаете, что он отвечал на мои возражения? Я говорила ему: да, простых чисел бесконечное множество и число потенциальных решений тоже может быть бесконечно большим, и значит, бесконечно может продолжаться жизнь разумного существа. Животного — нет, растения тоже, а разумное создание способно, в принципе, жить вечно, и этим, в частности, человек отличается от неразумной природы… Но счетчик-то ограничен в объеме! Мало ли что в природе возможно в принципе? В принципе можно летать к звездам с субсветовыми скоростями, но нет такого горючего, чтобы разогнать звездолет — так какой прок от принципиальной возможности?

— Сегодня нет, а…

— Да-да, завтра придумают! Олег мне то же самое говорил. Мол, когда заполнится молекула-счетчик, тут же подключится другая, потом третья… И мы сможем прожить две жизни, три, десять… Только человек, не знакомый с генетикой, мог говорить такие вещи!

— Только человек, не знакомый с принципиальными отличиями электромагнитного и гравитационного полей, мог в середине прошлого века пытаться создать единую теорию поля!

— Господи! Не повторяйте того, что Олег…

— Значит, он приводил вам те же аргументы.

— А других у него не было!

— Хорошо, — сказал я, — не будем спорить. Но вы меня обрадовали.

— Обрадовала? — сказала она с недоумением.

— Конечно. Олег Николаевич — вы это подтверждаете — был уверен в том, что человек — существо, в принципе, бессмертное.

— Толку-то… — вздохнула она. — Будто бессмертие принесет кому-то счастье.

— Не о счастье речь, — отрезал я, — а о науке. Буданова передернула плечами.

— Еще один вопрос, — сказал я, — и мне, пожалуй, пора идти, а то я не успею на последний автобус…

— И вам придется заночевать у меня, — улыбнулась Евгения Ниловна, — а вы, конечно, не можете нанести такой ущерб моей репутации.

— Вы знаете, Евгения Ниловна. Знаете, верно? В тот день у Олега Николаевича не было выбора. Что это означает?

Буданова мяла в пальцах платье на коленях, ей не хотелось говорить об этом. Точнее — нет, хотелось, конечно, ей очень хотелось выплеснуть и это свое знание, не оставаться с ним наедине, но она сомневалась, стоит ли говорить об этом со мной. Кто я? Чужой, в общем-то, человек, могу не так понять, могу не то сделать… Я пришел ей на помощь.

— Он определил — с вашей помощью — объем своего счетчика и рассчитал, когда придет его последний день. День последнего решения. Верно? Дальше — тишина… Он не хотел тишины. Если человек теряет способность принимать решения, выбирать что-то в своей судьбе… Зачем жить? Да? Но почему… он же молод… был молод. Неужели его счетчик… эта дурацкая молекула… неужели от нее действительно зависит, сколько раз мы выберем в жизни между красотой и уродством, между одной женщиной и другой, между любовью и предательством, между…

— Да, — сказала Евгения Ниловна, как отрезала, стукнула кулачком себе по колену, и это движение отозвалось во мне. Я наконец замолчал, ощущая, что язык пересох, в горле першило, я поднялся, пошел на кухню, налил в стакан теплой воды из остывшего чайника и выпил, морщась, несколькими большими глотками.

Когда я вернулся, Евгения Ниловна сказала:

— В чем-то вы с Олегом очень похожи, Петр Романович. Для вас тоже невыносимо думать, что когда-нибудь… может, завтра… решения за вас будет принимать кто-то другой. Врач, например. Или сын. Или священник.

— Я неверующий, — отрезал я.

— Неважно, — пожала она плечами. — Если вы не можете больше решать за себя, вы не можете решать и кто будет теперь за вас принимать решения.

— Да, верно, — пробормотал я. — Мы похожи, да… Если я буду знать, что завтра мой счетчик остановится…

— Вы захотите, чтобы ваше последнее в жизни решение стало действительно последним.

— Он это знал…

— Сначала с точностью до месяца, — кивнула Евгения Ниловна.

Я постарался сесть так, чтобы не попасть на пружину, но не получилось, диван заскрипел, заворочался подо мной, и я уперся в его поверхность обеими руками, заставил эту проклятую мебель замолчать.

— Конечно, — сказал я. — В расчете самая

трудноопределимая величина — оценка числа решений, принимаемых в течение одного дня…

— Нет, — покачала головой Буданова. — Нет, это как раз оказалось просто… счетчик, видите ли, содержит биологические метки, отделяющие определенные промежутки времени один от другого… Это не точно сутки, не двадцать четыре часа. Не сразу удалось определить интервал… Нет, не это было главным. Точно не получалось, потому что… ну, вы должны понимать: каждое решение влечет за собой другое. Есть независимые решения, есть решения связанные. Вы что-то делаете, и это действие влечет за собой цепь других, часто от вас не зависящих действий.

— Мы должны предвидеть результаты своих поступков, — пробормотал я. — Каждый в ответе за каждого.

— Ну, за каждого — это слишком! За многое — да, ответственны.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил я, — что счетчик отмечает и эти…

— Конечно. Обратные связи. Семь раз отмерь — один отрежь. Да. Думай о последствиях того, что выбираешь. Это вносит неопределенность. Олег даже нашел какой-то числовой ряд, который фиксирует не сами наши решения, а их косвенное влияние. Я вам уже говорила — в этом я не понимала ничего… Олег утверждал, что чем на более долгий срок мы продумываем последствия своих поступков… Как в шахматах — чем больше ходов способен предвидеть игрок, тем точнее он знает будущее, а тут… тем точнее можно оценить работу счетчика. Понимаете?

— Да, — кивнул я.

— А я не понимала, — плечи ее поникли, она застыла, опустив руки.

— Конечно, — сказал я. — Внутреннюю неопределенность создавали числовые ряды, описывающие дальние последствия принимаемых решений. Да, это понятно. Значит, Олег Николаевич смог определить, когда его счетчик достигнет предела, только за несколько дней до… Или за день? Вероятно, так: за месяц число определяется с точностью до недели, за неделю — с точностью до дня. За день — с точностью до часа. За час…

— С точностью до минуты, — кивнула Евгения Ниловна.

— Значит, на прошлой неделе…

— Он пришел и сказал, что пятнадцатого или шестнадцатого что-то с ним случится. Инсульт? Что-то. Я пыталась его переубедить: в конце концов, говорила я, это всего лишь теории, математика — кто на себе проверял, как это действует на самом деле?… Скорее всего, не нужно было этого говорить.

Неправильное решение. Мое.

— А он сказал: «Вот я на себе и проверю»? Она кивнула.

— Я и тогда не верила. Глупо. Здоровый мужчина. Он весной проходил обследование в поликлинике, никаких отклонений. Никаких тромбов. Нормальное давление. Какой инсульт? О чем он говорил? Я старалась его убедить, но…

— Никто не мог его в чем бы то ни было убедить, — сказал я, — когда дело касалось математики. Никто. Никогда.

— Я знаю, — кивнула она. — Но это была не математика, а генетика. То есть я старалась убедить Олега именно в этом.

— Математика, — повторил я. — Числовой ряд. Он его вычислил, и ему оставалось только проверить правильность вычислений. В четверг утром он уже знал час. Да? Да, можете не отвечать. Он позвонил вам и сказал…

— Нет. Он приехал, я только встала… У него же не было телефона, а звонить из автомата Олег не хотел. Выглядел он каким-то… растерянным. Я спросила, хорошо ли он себя чувствует. Может, болит голова. «Нет, — сказал он. — Я чувствую себя прекрасно. Но в два часа девочка пойдет на пруд…»

— Он так сказал? — поразился я. — Он знал, что… Откуда? Как? Это ведь было не его решение!

— Элементарно, Ватсон, — сухо сказала Буданова. — К сожалению, уж это совсем элементарно. Только вы, похоже, не знаете ничего об Асе. В поселке девочка известна каждому. Она предсказуема, как восход солнца. И это в определенной степени счастье для ее матери, иначе ей пришлось бы с дочерью совсем туго… Каждый день в одиннадцать Ася приходит в магазин, сжимая в кулачке деньги, и ей дают бутылку кефира и пакет молока. Каждый день примерно в час Ася обходит вокруг своего квартала, и вид у нее при этом такой, будто она проверяет, не могут ли в дом забраться воры. И каждый день, кроме ненастий, когда Наташа запирает дверь и не выпускает дочь из дома, отчего та плачет и пытается распахнуть окно, которое давно заколочено… так вот, примерно в два Ася идет на пруд и обходит его кругом, по часовой стрелке, а потом — против. И возвращается домой. Вечером она опять совершает обход вокруг дома…

— И Олег Николаевич пошел на пруд, — сказал я. — Но он не мог предвидеть, что девочка захочет пойти по льду, а лед проломится, и…

— Не мог? — горько произнесла Евгения Ниловна. — Разве так трудно сопоставить? Утром он знал, в каком часу остановится его счетчик.

— В два…

— В четырнадцать с минутами. Последнее решение. Вероятности тех или иных событий…

— Да, я понимаю, — сказал я. — Он шел за ней следом? Она пошла вдоль пруда, как обычно, а потом, уже на той стороне, вдруг решила вернуться по льду.

— Видимо, так.

— А он пошел за ней.

— Скорее всего.

— И когда лед проломился… это было как раз то самое время… последний щелчок.

— Теперь вы понимаете, почему у него не было выбора?

— Был, — сказал я. — Не между жизнью и смертью Аси, а между собственной разумной жизнью и…

— Возможно.

Я встал. Повернулся и посмотрел на Евгению Ниловну сверху вниз.

— Вы говорите: «видимо» и «возможно». Почему? Вы ведь все видели своими глазами!

Она встала. Она даже не оперлась руками, поднялась быстро, как молодая.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Из уголков ее глаз вытекли слезинки, и она отвела взгляд.

— Откуда вы…

— Веденеев сказал: кто-то стоял на холме, откуда видно… Стоял и ушел. Пока участковый не связал это с… несчастным случаем. Он не смог определить время — когда этот человек стоял на холме. Может, намного раньше… Но ему это не дает покоя…

— Что я смогу сказать? Что он поймет? Да и не будет он…

— Скорее всего, нет, — согласился я. — Оно ему надо?

— Да, — сказала Евгения Ниловна, наклонилась, и мне пришлось ее поддержать, обнять за плечи, так мы и стояли в этой странной позе, будто…

— Да, — повторила она, прижавшись лицом к моей груди, и я ее плохо слышал, скорее, догадывался о том, что она говорила. — Я поехала к нему после обеда… Сердце прихватывало, я положила под язык валидол… Так мы и шли. Впереди Ася, за ней метрах в десяти Олег, а еще дальше я, и все время боялась, что он меня увидит, и я помешаю ему выполнить последнее решение.

— Вы не собирались…

— Это было его решение, ведь так? Только его. Последнее. Я думала… если что, вызову «скорую», мобильник у меня с собой… Так мы дошли до пруда, и я поднялась на холмик, чтобы лучше видеть и, если что…

— Вы видели.

— Это произошло так быстро! Ася вдруг свернула с тропинки и пошла по льду. Треск. Олег помчался большими шагами. И… В общем, потом я ушла.

— Вы так и не позвонили в «скорую»!

Она оттолкнула меня обеими руками, отступила на шаг. Слез на ее лице не было.

— Я решила неправильно?

Я молчал. Неправильно. Конечно. Она бы вызвала «скорую» и осталась ждать. Врачи только и смогли бы, что зафиксировать смерть, а потом… Как вы здесь оказались? Что видели? Милиция. И нужно было бы или молчать, вызывая никому не нужные подозрения, или рассказать все, вызывая никому не нужное недоверие. А потом понаехали бы журналисты, уж от них точно не избавишься, и пришлось бы…

Как поступил бы я сам?

У нее не было ни малейших шансов спасти обоих. Или одного. Или одну. Выбора не было. И у Парицкого не было выбора. Значит…

Или выбор был? Есть ли вообще у человека выбор в такой ситуации? Разве он выбирает в этот момент с помощью разума? Или действуют только инстинкты, которые у всех разные: один бросается на помощь, рискуя собой, другой отступает. Решения эти бессознательны, и значит… Значит, счетчик не щелкает. Нет выбора — нет щелчка.

Но тогда… Значит, это не могло быть последним решением Парицкого в его жизни! Что-то должно было произойти раньше! Раньше должен был раздаться последний щелчок счетчика, раньше должен был Олег Николаевич принять окончательное решение, а потом — одни инстинкты… как у парализованного, каким он никогда не хотел быть.

— Я решила неправильно? Буданова ждала.

— Вы могли его остановить… до того, как он побежал. Крикнуть. Позвать.

— Это было бы правильно? — настойчиво повторила она.

— Нет, — сказал я.

На лбу Евгении Ниловны выступили капельки пота. Она стояла, пошатываясь, я подхватил ее под руку и отвел на диван. Пружины на этот раз охнули разом, вразнобой.

— Где ваше лекарство? — спросил я.

— Там… на тумбочке.

Я вытащил из пакета пластинку валидола, оторвал таблетку, дрожащими пальцами Евгения Ниловна положила лекарство под язык и затихла, глядя в потолок.

Я сел рядом на стул. Как она жила здесь — одна? Старая женщина. А если приступ? Телефон всегда под рукой — но если боль сильная и не дотянуться?

А я-то? Мне тоже не двадцать, не сорок и даже не пятьдесят. И каждую минуту может… Сколько еще тикать моему счетчику? Сколько решений я еще смогу принять в жизни?

— Идите, Петр Романович, — сказала Буданова слабым голосом. — Вы опоздаете на последний автобус.

— Я не могу сейчас…

— Со мной все будет в порядке, — едва заметно улыбнулась она. — Мой счетчик еще…

— Вы знаете? — вырвалось у меня.

— Не с точностью до дня, конечно.

— Вы знаете… — пробормотал я.

Она хотела кивнуть, но лежа не получилось, голова Евгении Ниловны странно дернулась.

— Не надо, — сказал я. — Полежите спокойно.

Минуту в комнате стояла такая тишина, что, казалось, было слышно, как за окнами падают снежинки и ложатся на землю с тихим звоном, будто крохотные осколки хрусталя.

— Не думайте об этом, Петр Романович, — неожиданно произнесла Евгения Ниловна и посмотрела мне в глаза. — Не нужно вам знать. Никому не нужно.

— Я понимаю, — сказал я. — Когда знаешь, начинаешь принимать решения чаще, чем обычно. Да? Приближаешь конец.

— Нет, — сказала она. — То есть, наверное, и поэтому тоже. Но главное в другом. Когда знаешь… Хочешь, чтобы твои последние решения были значительны. Не разменяться на мелочи. И тогда…

Она хотела что-то сказать, но передумала. Мне показалось, что я понял ее мысль. Эта мысль мне не понравилась. Она была… неправильной? Может, и правильной, но — неверной. Парадокс?

— Вы хотите сказать, — медленно произнес я, — что свое последнее решение — спасти Асю, если что-то с ней случится — Олег Николаевич принял еще тогда, когда пошел за ней следом? Еще по дороге? Его счетчик зашкалило и… И если бы не его решение, Ася не свернула бы с тропы на лед? Она не поступала так прежде. Но это же вообще чепуха! Телепатия? Вы хотите сказать, что он сам ее толкнул? Сам?

Должно быть, я кричал. Не знаю. По-моему, я не произнес ни слова, только думал вслух.

Евгения Ниловна положила руку на мою ладонь.

— Ну да, — сказала она тихо, и мне пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Конечно, чепуха. Он ее толкнул? Вы

действительно могли так подумать?

— Нет, я…

— Мне кажется, — сказала Евгения Ниловна, — Олег принял последнее свое решение по дороге, да и выбора у него больше не оставалось. Но вы, наверное, замечали в жизни… Как часто ваш выбор зависит от выбора другого человека? Вроде бы вы не договаривались, но кто-то делает что-то, и вы…

Ей было трудно говорить.

— Когда Софе стало плохо, — вспомнил я, — я был на работе… Почему-то напала жажда деятельности. Захотелось встать. Выйти на улицу. Бежать. Я не понимал. Сколько решений я принял в эти минуты? Десять? Больше? Я места себе не находил. А потом позвонил Вадик… это наш сын… и сказал, что мама упала на кухне…

— Не нужно, — сказала Буданова. — Не вспоминайте. Вы меня поняли.

— Как это происходит? — воскликнул я.

— У Олега на этот счет была идея. Ряды простых чисел… их множество… их, вообще-то, тоже бесконечно много, этих рядов… они пересекаются, обгоняют друг друга или отстают… числа… они связаны…

— Но счетчик у каждого свой! — воскликнул я. — При чем здесь… Буданова едва заметно покачала головой. Она не знала. Она была генетиком; математика, теория чисел были ей чужды, это был другой мир, в котором жил Олег Николаевич Парицкий, а она только смотрела со стороны и помогала, как могла…

— Вы опоздаете на автобус, — напомнила она.

Да, я опаздывал. Если задержусь еще на пару минут… Евгения Ниловна повернулась на правый бок, достала из кармана халата и положила рядом с собой мобильник.

— Не бойтесь принять это решение, — сказала она уже довольно бодрым голосом. — Мне лучше, а такие приступы случаются со мной довольно часто. Поезжайте, Петр Романович. Я позвоню, если что. И вы звоните. Хорошо?

Когда я стоял у двери, она села на диване, облокотилась о валик и сказала:

— Мы с вами не математики, Петр Романович. Вы ничего не поймете в заметках Олега, даже если вам позволят… А я — тем более. Может, не нужно?…

Она не договорила и, помахав мне рукой, закрыла глаза.

— Дверь просто защелкните, хорошо?

Автобус опоздал, и я едва не превратился в сосульку, ожидая на остановке. Снег, который, похоже, падал весь вечер, пока мы разговаривали, теперь прекратился, зато ударил мороз, и я

вполне мог себе представить, что водитель застрял где-то в дороге, и придется мне возвращаться к Евгении Ниловне, проситься на ночлег… Почему-то мне очень этого не хотелось, и в это время в ночи вспыхнули фары, подкатил, фыркая, автобус, в салоне которого даже оказалось несколько пассажиров…

От остановки я шел домой осторожно, ноги немного скользили, фонари на улице горели через один, снег скрипел, небо висело низко.

— Гуляете? — спросил знакомый голос. Я не узнал сразу, не ожидал встретить Веденеева в такое время в таком месте. Он что, ждал меня?

— Люблю пройтись перед сном, — объяснил участковый, поняв, видимо, о чем я подумал. — А вы? Тоже?

— Был в гостях, — сказал я, не вдаваясь в подробности.

— Хорошее дело, — одобрил Веденеев. — Вы знаете, что похороны Парицкого в понедельник? Выносить будут из института, все время забываю название.

— Имени Стеклова, — сказал я. — Был такой математик.

— Ага, — кивнул Михаил Александрович. — Вы поедете?

— Не знаю, — отозвался я. — Подумаю. Не так просто принять решение.

— Да? — удивился Веденеев. — Я думал, вы дружили. Он не понял, конечно, какое решение я имел в виду.

— Вы… — я помедлил. — Помните, говорили о следах на холме? Будто кто-то стоял там…

Веденеев махнул рукой.

— Вы серьезно? — удивился он. — Мало ли кто мог… Да и занесло следы давно. Глупости, не берите в голову, Петр Романович.

— Вот я все думаю, как же его работы…

— Тут я пас, — усмехнулся Веденеев. — Приезжали сегодня из института, принесли официальную бумагу, компьютер Олега Николаевича я передал под расписку, они там люди умные, специалисты, разберутся.

— Понятно, — сказал я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Петр Романович, — кивнул Веденеев. Возможно, мне показалось, что в его голосе прозвучали какие-то угрожающие нотки? Конечно, показалось, с чего бы…

Дома было холодно, батареи грели слабо, я включил масляный обогреватель, стоявший у постели. Позвонил Евгении Ниловне, голос ее звучал бодро, она, похоже, действительно оправилась.

— Вы на самом деле не можете посчитать, сколько натикало на моем счетчике? — спросил я вроде бы в шутку.

— Спокойной ночи, Петр Романович, — ответила Буданова. — Заезжайте в гости, когда будете в Репино.

— Непременно, — пообещал я.

Лучше не знать, думал я, лежа под одеялом, а левую руку положив на обогреватель.

Если Асин счетчик и счетчик Парицкого… если одинаковые ряды простых чисел вызывают к жизни одинаковые или взаимно согласованные решения… кажется, я уже засыпал, потому что мысль то всплывала, то погружалась, то расплывалась, то превращалась в яркую точку… если Вселенная и есть бесконечная числовая ось, на которую нанизаны судьбы… если… ряды простых чисел бесконечны… значит, человек все-таки бессмертен, и нужно только понять, как соединяются гены-счетчики… нужно…

Должно быть, я все-таки уснул, потому что знал, что сплю, и думал: решения, которые мы принимаем во сне, они щелкают на нашем счетчике? Живем мы в снах или…

Не помню, что я решил по этому поводу. Я плохо запоминаю сны.

Сергей Синякин
ВУЛКАНОЛОГ ЗВАНЦЕВ И ЕГО ТЕХНОМОРФЫ

ПРОЩАНИЕ

Наступило время прощаться, а Званцев не знал, как это делается. Да и не хотел он прощаться. Привык к техноморфам, очень привык.

— Ты не грусти, — подбодрил его Дом. — Ты ведь даже состариться не успеешь. Одиннадцать лет туда, столько же обратно. Годик или полтора поболтаемся в системе. Надо же двигать науку вперед? Сколько тебе исполнится, когда мы вернемся?

— Пятьдесят один год, — грустно сказал Званцев.

— Вот видишь, — вздохнул Дом.

— Званцев, я твоим именем планету назову, — пообещал

Митрошка.

— Планета Александрия. Звучит?

— Сколько вас летит?

— Восемь техноморфов, — сказал Дом. — Мы — вторая звездная. Первая летит к Альфе Центавра. А мы полетим к Сириусу. Лично я думаю, что это не слишком удачная мысль. Зачем исследовать сразу две двойных системы? Я склоняюсь к тем, кто считает, что в подобных системах не может быть планет.

— Программа исследований утверждена КОСМОЮНЕСКО, — напомнил Званцев. — Двадцать два года… Долгий срок.

— Ты детям рассказывай о нас, — попросил Дом.

— Каким? — не понял Званцев.

— Да своим, своим, — нетерпеливо сказал Дом. — Ведь у вас с Аленой когда-то они появятся? Жаль, мы с Митрошкой этого времени не дождались.

— Я же говорил, что первыми к звездам полетят техноморфы, — хвастливо сказал Митрошка. — И вообще, не ваше это дело — летать к звездам. По крайней мере при нынешних скоростях. И ты, Дом, не ворчи, в любом случае вариант Сириуса обещает больше, чем Альфа Центавра. Правда, у них будет три звезды, они еще и Проксиму захватят, да и вернутся раньше нас — но разве в этом дело?

— Когда старт? — спросил Званцев.

— Через неделю, — отозвался Дом. — Но вылетаем уже завтра. Ты же знаешь, звездолетам опасно стартовать с Земли, да и невыгодно. А мы за неделю обживем корабль, познакомимся лучше. Мы ведь не люди, нас на психологическую совместимость проверять не надо.

— Я с кем угодно психологически совмещусь, — сказал Митрошка.

— Ты, Званцев, не кисни, когда мы вернемся, обязательно в деревню поедем, погоняем в озере ихтиозавра. Я его за жабры на свет божий вытащу!

— У него нет жабер, — поправил робота Званцев.

— Хвост у него есть? — уточнил Митрошка. — Вот за хвост мы его и потянем. Званцев, улыбнись!

А как Александру улыбаться было? Не бездушные железяки, друзей в полет провожал. Может быть, навсегда. Грустно ему было, как в тот раз, когда обездушенного Митрошку с завода вернули.

— Жаль, Аленка с вами не попрощается, — вспомнил он.

— Долгие проводы — лишние слезы, — заявил Митрошка, но тут же добавил: — Вообще-то, конечно, жалко. Она к нам всегда хорошо относилась.

— Никогда не думал, что это будете вы, — грустно улыбнулся человек. — Астронавты…

— Здрасьте! — удивился Митрошка. — Отбирали ведь самых талантливых! Званцев, неужели ты в нас сомневался?

— До Нептуна пойдем на плутониевых разгонниках, — сказал Дом. — Там включим прямоточник. Знаешь, какой у нас расчетный максимум захвата? Почти тридцать вар! Почистим пространство от свободного водорода.

— Я теперь ускорение в сорок «же» запросто выдерживаю, — гордо сообщил Митрошка. — Пойдем со скоростью ста десяти мегаметров в секунду. Кромин обещал, что будет не рейс, а прогулка.

Кромин был конструктором межзвездных кораблей. Конечно, он работал не один, проектированием занимались целые институты, но он был главным. И идея отправить в первые межзвездные именно свободно запрограммированных техноморфов принадлежала ему. Говорят, в его институте работают три совершенно гениальных техноморфа, к которым Кромин относится как ко всем остальным сотрудникам. Наверное, это правильно. Если уж мы породили электронный разум, то должны к нему относиться без предубеждения. Бунтовать роботы не будут, они слишком любят познавать, а главное — понимают, что делают это во имя всего остального человечества. И чувствуют себя, что еще важнее, частью этого человечества.

— Ладно, — сказал Дом. — Давай прощаться. Тебе еще домой около трех часов лететь. А нам придется пройти программу дезинсекции. Ученые очень боятся занести что-то ненужное во Вселенную.

— Званцев, — пообещал Митрошка, — я тебе с Сириуса такую коллекцию камней привезу, полгода любоваться будешь. Все твои аквамарины, бериллы и топазы будут бледно смотреться. Обещаю.

— Ты себя привези, — посоветовал Званцев. — Исследовать чужие звездные системы — опасное дело.

— Можно подумать, что в кратеры лазить было безопасней, — возразил Митрошка. — Званцев, пока нас не будет, ты здесь с кремниевыми формами жизни разберись. Где одна ящерка у лавы грелась, там и другим место есть. Только зря не рискуй. Я тебя знаю, ты у нас человек отчаянный. Только ты уж постарайся, дождись.

— Сами постарайтесь уцелеть, — сказал человек.

Не то они сейчас говорили, Званцев это чувствовал, но они продолжали перебрасываться ничего не значащими шуточками, а в пустыне, над которой уже вставал сумрак, время от времени

вздымались столбы пламени — транспортные корабли стартовали точно по расписанию, чтобы доставить на орбиту для строящейся станции «Циолковский» необходимые грузы.

Станцию сооружали на редкость простым способом. Вначале вывели на орбиту форму из пластика, продули ее и дали пластику затвердеть, а теперь строители обшивали искусственный спутник пластинами из сверхтвердых и вязких сплавов, способных погасить космическое излучение. С Земли станция «Циолковский» выглядела огромной лучистой звездой, словно в окрестностях системы вспыхнула сверхновая.

— Пора, — сказал Дом. — Меня уже вызывают.

— Привет Аленке, — сказал Митрошка. — И передай ей вот это, — он сунул в руку человека флэшку. — Там синте-стихи. Я старался — звук, цвет, запах, все в меру. Дому понравилось.

— Знаешь, Званцев, — доверительно сообщил Дом. — Если бы так насели на тебя, ты бы объявил автора гением. Хорошо, что он обошелся без блатной фразеологии, я этому только порадовался.

— Бездари всегда завидуют гениям, — объявил Митрошка. — Ну, какие у тебя интересы: вечно тебя волнуют собственные фильтры, ассенизация отходов, порядок в комнатах. Бескрыл ты, Дом, не можешь воспарить над серой действительностью.

— Мне посмотреть можно?

— Тебе можно, — разрешил робот. — Ты же, как пишут в старых романах, вторая половинка, связанная с Аленой узами священного брака. Тебе можно.

— Посмотри, — сказал Дом. — Только с одоратором будь осторожнее, он же сам без нюха, он там такое насинтезировал!

— Трепачи, — засмеялся Званцев.

— Профессионалы, — поправил Митрошка. — А вообще, Званцев, спасибо тебе.

— Ладно, — сказал человек, — идите… профессионалы.

Он долго смотрел вслед удаляющимся техноморфам.

Митрошка в сумерках выглядел совсем как человек, а Дом, напротив, напоминал огромный голубой колобок, катящийся по бетонным плитам площади. Техноморфы не обернулись. Наверное, на этом настоял Митрошка, вычитав в каком-то старом романе, до которых он был великий охотник, что настоящие мужчины не оборачиваются при прощании. Они уходят, смело глядя в будущее, и не боятся опасностей, которые их там обязательно ждут.

Званцеву стало одиноко.

Он пытался успокоить себя тем, что ничего страшного не произошло. Роботы выросли, поднялись на более высокий

уровень и ступили на дорогу, ведущую к новому витку познания. И не стоило грустить, что к звездам летят они, а не люди. Когда-нибудь наступит звездное время и для человека.

Он посмотрел на флэшку, которую все еще сжимал в кулаке.

Надо же, синте-стихи. Написанные Митрошкой. Посвященные Алене.

Вряд ли это можно будет назвать поэзией, но ведь Митрошка старался. Он очень старательный и настырный, и всегда ему хочется добиться хороших результатов.

Он сел в кабину флаера и с грустью подумал, что давно отвык от тесноты. В свое время Дом заменил ему все — и жилье, и летательное средство, и личного повара, и собеседника. Даже, случалось, от смерти его спасал. Но теперь Дома не было. Вряд ли он когда-нибудь решится завести другой, слишком многое их связывало — его, Митрошку и Дом.

Флаер неслышно поднялся в небо, сориентировался по звездам и запросил Званцева о конечном пункте их полета.

— Домой, — отстучал Званцев на клавиатуре, воткнул флэшку в свободный разъем компьютера и услышал стихи, которые читал робот. Всего он ожидал от Митрошки, только не этого.

Послушай, как звезды шуршат,
они, срываясь с небес,
обретают свой ад
и устилают лес,
смешиваясь с листвой
и превращаясь в тлен,
бережно сохранят
оттиск твоих колен.
И безнадежно зло
дробно тревожит лес,
дятел, что пробует до
стучаться
до мертвых небес.

Конечно, это были несовершенные стихи, но это были стихи. Слушая, как их читает Митрошка, Званцев видел осенний лес и звездное небо, с которого падали звезды, он почти физически услышал дробный стук дятла, стрекот сорок в березняке и почти неслышное журчание реки. «Черт, — подумал Званцев. — А ведь он может! Интересно, что он напишет, когда вернется со звезд?»

Митрошка сидел на траве и смотрел в пространство перед собой.

— Митрошка, что с тобой? — спросил Званцев.

— Живут же люди, — сказал Митрошка. — Невероятно интересной жизнью живут. А мы… Камни, температура лавы… Интенсивность выбросов… Тьфу!

— Какая муха тебя укусила? — удивился человек.

Митрошка медленно помигал глазами, меняя напряжение в подсветке, будто хотел видеть сквозь Званцева.

— Ты бы слышал, что он несет, — сказал Дом. — Я его иной раз даже понять не могу. Вроде бы все слова русские, но непонятны, словно Митрошка на каком-то неведомом языке изъясняется. Званцев, может, он взялся санскрит изучать?

— Митрошка, ты с нами разговаривать не хочешь? — поинтересовался Званцев.

— А о чем с вами базар вести, фофаны бестолковые? — помедлив, ответил робот. — Чего пустую бодягу гнать?

— Не понял, — сказал Званцев. — Ты на каком языке изъясняешься?

— На родном, — ответил Митрошка. — На том самом, на котором нормальные пацаны, настоящие бродяги базар ведут.

— Ни черта понять не могу, — сказал Дом.

— Может, сбой программы? — предположил Званцев. — Глюки?

— Не похоже, — усомнился Дом. — Я его вчера заставил ко мне подключиться, протестировал все — мозги работают, как часы и даже лучше.

— Не забивай человеку баки, Дом, — влез в разговор Митрошка. — У него и без твоих объяснений бестолковка болит! Бьешь понт, точно ты и в самом деле лепила. Званцев, играй ушами в мою сторону, мы с тобой непонятки сами без тупья разберем.

— Надо на завод сообщить, — сказал Дом. — Пусть его специалисты посмотрят. Я ведь и в самом деле не профессионал, мог чего-то и не заметить.

Митрошка встал.

— Пора лыжи делать, — не глядя на Дом и Званцева, заявил он. — Зекать вас, гундосых, не могу. Ни хрена вы в нормальном базаре не петрите.

Званцев ему не препятствовал.

— Дом, — тихо сказал он. — Пусти за ним Наличность. Надо же посмотреть, от кого он такого нахватался.

Наличностью звали малоразмерного кибера, которого пускали для закупки разных мелочей или продуктов, а также в случаях, если кому-то надо было лично передать послание, невозможное в электронном виде.

— За товарищами следить… — начал Дом.

— Дом! — повысил голос человек.

— Да уже, уже, — с досадой отозвался Дом. — Хотя нам с тобой, Званцев, это чести не делает.

Митрошка неторопливо прошелся по парку.

Летящую в стороне Наличность он не замечал, двигался по аллее, явно уже обозначив для себя конечную цель маршрута.

— Давно с ним это? — спросил Званцев.

— Третий день, — прикинул Дом. — Вроде бы все нормально, железобетонные плиты ему на голову не падали, под излучение не попадал, сидел дома, материалы последней экспедиции обрабатывал. Были у него соображения о типах базальтов в рифтовых трещинах. Ни с того ни с сего… Может, внешняя инфекция? Подключился где не надо, поймал червяка, а? Может такое быть, Званцев? С ним раньше такое случалось?

— Ты же знаешь, что нет, — сказал человек. — Включи связь с Наличностью, посмотрим, что там Митрошка поделывает.

Митрошка подошел к скамейке в сквере. На ней сидел старый и довольно странный человек с изрезанным морщинами лицом и пустыми, выцветшими глазами. Чем-то это лицо было знакомо Званцеву.

— Привет, кореш! — поздоровался Митрошка.

— Здоров будь, бродяга, — ответил мужчина. — Кандехаешь куда или корефана ищешь?

— Еще побазарить захотел, — сказал Митрошка. — Складно песни поешь. Кем по жизни был?

— Клюквенником, — признался мужчина. — Слыхал про таких?

— Сурьезная профессия, — сказал Митрошка.

— А ты калякаешь по-рыбьи, — одобрительно кивнул мужчина. — Захарчованный чумак. Давно таких не встречал. Чалился?

— Бог миловал, — солидно отозвался Митрошка.

Мужчина поднялся и неторопливо пошел по аллее, постукивая перед собой тросточкой. Митрошка пристроился рядом.

— Хорошие у тебя кони, — сказал мужчина Митрошке. — Ступаешь, а не слышно. Корье пьешь?

— Чистенькая слаще, — отозвался тот.

— Ты слышишь, Званцев? — вздохнул Дом. — Вроде все

слова знакомые, а вместе не складываются. На каком же языке они говорят?

Званцев задумался. Чем-то знакомы ему были эти слова, когда-то, он был уверен в этом, Званцев даже слышал их, но при каких обстоятельствах и от кого, вспомнить не мог.

— И ведь человек этот не иностранец, — заключил Дом. — Он здесь часто отдыхает. Пенсионер и инвалид.

— Инвалид? — не понял Званцев.

— Ну, ты же тросточку видел, — объяснил Дом. — Слепой он.

— А зовут его Витя Усарь, — уже уверенно сказал Званцев. — Живой еще. Я думал он давно умер.

— И ты знаешь, на каком языке он с нашим Митрошкой разговаривает?

— Это не язык, — сказал Званцев. — Это воровской жаргон. Я его в детстве слышал. Феней называется. Вором был в молодости Витя, а потом полжизни в тюрьме просидел. Выпустили, когда посчитали, что он уже общественной опасности не представляет. А в прежние времена он пацанам такие песни пел, так заливал, все пытался приохотить их к воровскому миру! Сам его слушал.

— Жулик? — переспросил Дом. — Ну, тогда наш Митрошка от него нахватается!

На аллее между тем Витя Усарь предавался воспоминаниям.

— …Шесть деревяшек древних мы тогда взяли. Наш король двинул кони в столицу, скинул эти доски немчуре, так веришь, Митроха, мы на эти бабки два года гудели, батончикам сиськи тискали.

— Дурной пример заразителен, — сказал Званцев. — Надо его от этого старичка отвадить, собьет он нашего Митроху с честной научной дорожки. Он же слепой, не понимает, что с роботом разговаривает.

— Ну, воровать Митрошка не начнет, — рассудительно отозвался Дом.

— Зато изъясняться начнет так, что мы его понимать перестанем, — возразил Званцев.

— Я словари найду, — пообещал Дом. — Есть ведь словари, чтобы перевести с жульнического языка на обыкновенный?

— Может, и есть, — сказал Званцев. — Но меры надо принимать радикальные. Уж больно прилипчива эта зараза, пристанет и не отпускает. По детству своему помню.

Перевоспитание Митрошки продвигалось туго. По взаимному согласию Званцев и Дом делали вид, что не понимают Митрошку, когда тот начинал изъясняться по фене. И сколько бы это продолжалось, Званцев не знал, но выручила командировка за Урал.

Узнав о предстоящей поездке, робот довольно музыкально пропел:

А мать моя опять рыдать,
И снова думать и гадать,
Куда, куда меня пошлют…

— У тебя не было матери, — жестко сказал Дом. — Разве только учесть материнскую плату заводского компьютера…

— Детдомовские мы с Витьком, — вздохнул Митрошка. — «Коридоры детдома были школою нам, тюрьмы стали для нас академией».

— Очнись, — Дом легонько стеганул робота слабым разрядом.

Блатная романтика очаровала Митрошку, воровской язык его завораживал. Однако Званцев и Дом по-прежнему делали вид, что они не понимают, когда робот обращался к ним по фене.

— Понимаешь, Званцев, — сказал Дом, — я тут выяснил. Феня — это искаженно. Правильно надо говорить офени. Было такое племя торговцев-коробейников, они и выдумали собственный язык, чтобы люди их секреты не понимали. А от них уже и пошло. Но наш-то, наш-то! Прямо хоть бери его и память стирай!

— Это не метод, — заявил Званцев. — Надо, чтобы он сам от дурной привычки отказался.

— Гапоны, — сказал Митрошка. — Мусора. Красноперые.

Дом и Званцев промолчали, словно эти слова, произнесенные с несомненной ругательской интонацией, относились не к ним.

К концу командировки стало очевидно, что робот воровской фразеологией переболел. Он все реже употреблял феню в разговорах, постепенно перестал качать из интернета воровские романы конца двадцатого века, не упоминал о своем знакомстве с блатарем и самостоятельно пришел к выводу, что любой преступник — обуза на шее общества, следовательно, использование воровского жаргона есть не что иное, как вызов этому обществу.

— Давно бы так, — сказал Званцев одобрительно. — Выкинь мусор из головы, Митрошка, и помни, что русский язык велик и могуч.

— А английский? — жадно спросил Митрошка.

— И английский, — согласился Званцев. — Он тоже велик и могуч.

— А французский? — продолжал интересоваться робот.

— Отстань, — утомленно отмахнулся Званцев. — Любой язык

велик и могуч. Кроме жаргона, которым пользуются малые группы людей. Заметь, не народности, а именно общественные группы.

— Вроде программистов? — не унимался Митрошка.

— Видишь, — вздохнул человек. — Когда захочешь, ты все правильно понимаешь.

— Космонавты тоже пользуются жаргоном, — через некоторое время объявил Митрошка. — И врачи. Значит ли это, что они находятся на одной социальной ступени с преступниками?

— Митрошка, — сказал Званцев. — Лучше бы ты занялся русским языком. Или английским.

— Лучше русским, — сказал робот. — Боюсь, что на английском ты снова перестанешь меня понимать.

Неделю или две Митрошка изъяснялся на старославянском языке.

Еще через неделю он вовсю использовал молодежный сленг.

К концу командировки он пытался объяснить Званцеву, в каких случаях до реформы письменности использовались буквы «ять», «ер» и «і».

— Между прочим, получалось очень красиво, — заметил робот. — Реформа обеднила русский язык.

— Слушай, Званцев, — озабоченно заметил Дом, — что-то не так идет. Мы кого, филолога растим?

— Ничего, перемелется, — махнул рукой человек. — Главное, что феней не пользуется. И идиотские мысли выбросил из своей металлической башки.

— Не всегда коту творог, бывает и головой об порог, — согласился Дом.

— Дом, ты что? — удивился Званцев.

— Дурак дом построил, а умница купил, — признался Дом. Званцев тихо вздохнул.

Болезнь и в самом деле оказалась заразной и обещала стать затяжной.

Дом неосознанно брал пример с робота Митрошки, он уже самостоятельно добрался до толкового словаря русского языка Владимира Ивановича Даля.

КТО, КТО…

— Где Дом? — поинтересовался Званцев.

Робот Митрошка отводил в сторону глаза, на металлическом лице его невозможно было что-либо прочитать. Непроницаемой была физиономия робота и потому казалась загадочной.

— В лесу, — коротко объяснил Митрошка. — Званцев, говорит, без меня обойдется, а есть существа беззащитные, им помощь нужна.

— Что еще за существа? — нахмурился Званцев. — Опять какие-то игры, Митроха?

— А что я? — сказал робот. — Ты о Доме спрашивал? Я и говорю, в лес наш Дом отправился. Тут недалеко, полусотни километров не будет.

— Ну и зачем он туда отправился? — продолжал расспросы человек.

— Слушай, Званцев, ну я-то тут при чем? — взмолился Митрошка. — Я его отговаривал. Я ему втолковывал, что глупость он затеял.

— Та-ак, — с расстановкой подытожил Званцев. — Что за глупость?

— Я не при делах, — ретировался Митрошка. — Это его личное решение. Мне-то что? Можем слетать посмотреть.

Лес и в самом деле оказался не слишком далеко. Десять минут лёту.

— Где он? — спросил Званцев Митрошку.

— Где, где, — с особой интонацией сказал Митрошка. — А то ты сам не видишь!

И в самом деле — не увидеть лежащую на опушке огромную голубую варежку было трудно.

— Это еще что за ерунда? — удивился человек.

— Здорово, Званцев, — глухо сказала варежка. — Ты не волнуйся, я уже заканчиваю. Все-таки странные вы существа, люди, и сказки у вас, мягко говоря, странные.

— Дом, ты о чем? — удивился Званцев.

— Про сказки, — сказал Дом. — Понимаешь, Званцев, для того, чтобы лягушку поймать, пришлось лед на озере вскрывать. Весь в иле перемазался, пока хороший экземпляр добыл. И что же? Дрыхнет и просыпаться не желает. Может, мне ее током ударить?

— Садист, — прошипел Званцев. — Механический садист. Не смей измываться над бедным животным. И кто у тебя там еще кроме лягушки?

— Заяц и волк, — вздохнул Дом. — Заяц все скачет да морковкой хрустит, а волк скулит и в двери скребется. Прикинь, я ему бифштексы синтезировал, так не жрет, гаденыш серый. Зайца ему подавай!

— А медведя у тебя там нет? — поинтересовался Званцев. Дом подозрительно молчал.

— Ну? — настаивал Званцев.

— Званцев, ты не волнуйся только, — отозвался Дом. — Он спокойный, даже не проснулся, когда я его из берлоги вынимал. Я ему логово оборудовал, так веришь, он даже лапу из пасти не вытащил. И слюни пускает, словно у бочки меда сидит. Меня мышка-норушка куда больше достает. Гонял ее, гонял, а все без толку. Даже определить, где она находится, не могу. Весь пластик внутренней облицовки изгрызла, наверное, ход пытается прорыть. Слушай, ну почему у мышей такие острые зубы?

Званцев промолчал. Он зримо представлял волка, изнемогающего при виде зайца, спящего на его любимом диване медведя и неторопливую мышь, прогрызающую ход в недрах Дома.

Вернуть медведя в берлогу, закопать лягушку в ил, выпустить в лес шалого волка, который тут же погнался за одуревшим со страха зайцем, было делом недолгим. Вскоре они уже направлялись в город. В Доме стоял запах псины и свежей земли. Митрошка бродил по Дому и что-то бормотал себе под нос. Видимо, слова эти были не слишком лестными для Дома, тот неумело отругивался.

— Слушай, Дом, — поинтересовался Званцев. — А с чего тебя на сказки потянуло?

— Жалко зверей стало, — признался Дом. — Вон какие морозы стоят. Что по Цельсию, что по Фаренгейту. А жилья своего у них нет. Ну и решил дать им морозы переждать. Ты, Званцев, не волнуйся, я бы обязательно вернулся.

— Сказочник, — съязвил Митрошка. — Доброхот!

— Я все понимаю, — сказал человек. — Одного понять не могу — почему именно теремок?

— Общежитие, — пояснил Дом. — Сожительство разных видов. Хотелось понаблюдать вблизи. Интересно же, Званцев. А в «Теремке» конкретно сказано, кто должен в нем жить.

— Исследователь! — с неопределенной интонацией сказал Митрошка.

— Ты радуйся, — коротко хохотнул Званцев. — Это он сказки по второму тому Афанасьева изучал, там хоть чертей и ведьм нет. Представляешь, он ведь мог и собственным домовым обзавестись. Мог ведь, Дом?

Дом подозрительно молчал.

Они летели над землей, и за прозрачной стеной мелькали ровные квадраты снежных полей, разделенные дорогами и темными лесополосами. Слышно было, как в недрах Дома скребется мышка-норушка, пытаясь найти свои запасы.

— В конце концов, — сказал Дом задумчиво, — что есть домовой? Хранитель жилища. Полезнейшее существо.

— Дом, не смей! — тревожно сказал робот Митрошка. — Званцев, ты ведь разумное существо! По крайней мере относишь себя к таковым. Ну разве можно такими глупыми идеями бросаться?

НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ

Званцев в приметы верил.

Скажем, встанешь не с той ноги — целый день все из рук валиться будет. Сорока в распадке застрекотала до полудня — жди неприятностей. Новый спутник над вулканом прошел — гости незваные пожалуют. Хорошо, если рыбаки нагрянут, у них хоть рыбкой разжиться можно, но ведь может и начальство прикатить, а от начальства, как известно, всегда одни неприятности, на то оно и начальство, чтобы подчиненным настроение портить.

Сегодня все складывалось на редкость удачно: сороки молчали, медведь малинника не ломал, ночь вообще беззвездная выпала, и встал Званцев, как полагается, с левой ноги.

Робот Митрошка сидел на валуне и что-то ладил, работая всеми четырьмя щупальцами.

Он развернул на спине гелиоприемник и подзаряжался прямо от солнца. Избыток энергии играл в его титановых мышцах.

— Все возишься, — проворчал Званцев. — Нам ведь сегодня на сопку идти. А у тебя, как всегда, наверное, ничего не готово.

Митрошка посмотрел на него большими фасеточными глазами, раздраженно схлопнул гелиоприемник и пробормотал вроде бы про себя, но так, чтобы хозяин обязательно услышал, что пока роботы ишачат, не покладая конечностей, некоторые отлеживаются в Эсдэвэ и за временем не следят.

Эсдэвэ, как в просторечии называли Специализированный дом вулканолога, медленно приходил в себя после сна — системы задействовал, вчерашним мусором отплевывался. Видно было: вчерашняя гулянка с рыбаками, заглянувшими на огонек, пришлась ему совсем не по вкусу, что и говорить, по-хамски они вчера себя вели, а Эсдэвэ к культурным людям привык. Теперь Дом, как его именовал Званцев, обижался и ворчал, обещая некоторых, кто порядка не признает и чистоту не соблюдает, на порог не пускать. Дезодоранты использовал даже с излишком — запах стоял, как в салоне красоты. Митрошка закончил работу, поднялся, и его повело. Заметно повело, даже щупальцами за валун ухватился, чтобы равновесие сохранить.

— Опять электролит ночью пил? — с упреком спросил Званцев. — Ох, отправлю я тебя на перепрограммирование!

Свежий электролит тебя до добра не доведет. Тебе сегодня в кратер лезть, а ты щупальцем пошевелить не можешь!

Митрошка промолчал, а когда вулканолог повернулся к нему спиной, обиженно забубнил в свои динамики, что некоторые себя слишком разумными считают. Права робота ни в грош не ставят, а понять не могут, что робот — живое существо, пусть и искусственное, ему тоже разрядка требуется, а чем еще возникающее в цепях излишнее напряжение снять? Конечно, электролитом!

— Раскудахтался! — громко сказал Званцев и пошел умываться в реке.

Когда он вернулся, робот Митрошка стоял у Эсдэвэ, горбясь от контейнера с аппаратурой, а Дом, закончив наводить чистоту, заземлился, вошел в интернет в поисках хороших мелодий. Это сам Званцев ему такое задание дал, только вулканолог подозревал: Дом шныряет в интернете не потому, что ему приказано, а ради собственного удовольствия. Бывали дни, когда, возвращаясь после трудного рабочего дня, Званцев слышал, как Дом песенки современной попсы исполнял, одновременно ядовито комментируя убогость слов и способности тех, кто эти слова писал. Наверное, от скуки. Трудно ведь в одиночестве стоять, когда и словом перекинуться не с кем. А когда они возвращались, Дом затевал ехидную перепалку с Митрошкой. Похоже, он просто завидовал, что у Митрошки конечности есть и что Званцев берет его с собой, отправляясь в сопки.

— Мы сегодня пойдем куда-нибудь? — поинтересовался робот. — Или я зря на себя все это барахло навьючил?

— А я еще не завтракал, — сказал Званцев. — Это тебе легко, ночь у блока питания простоял — и готов к путешествиям. А человек, брат, по утрам поесть должен и желательно чего-нибудь вкусненького. Сейчас посмотрю, что там Дом приготовил, позавтракаю, а тогда уже и тронемся в путь.

Митрошка ничего не сказал, но когда Званцев повернулся к нему спиной, с грохотом свалил контейнер на землю. Слышно было, как он нарочито бодро топает за спиной, насвистывая «Марш энтузиастов».

Словно показывал, что готов к маршруту, как бы о том другие ни говорили.

Дом Званцева порадовал — в столовой на столе шипел аппетитный бифштекс с гарниром в виде хрустящего картофеля фри, дымился кофе и желтели поджаренные в тостере гренки. Играла музыка. Хорошая музыка.

— Ночью опять грунт дрожал, — сообщил Дом. — Сваи его уходили в почву на десяток метров, следовательно, он знал, о чем

говорил. — Тебе не кажется, что близится извержение?

Званцеву так не казалось. Никаких внешних признаков грядущего извержения не наблюдалось: вулкан не курил, даже пар сквозь расщелины не пробивался, и оба гейзера у подножия сопки были спокойны, без признаков кипения, которое свидетельствовало бы о том, что магма поднимается выше. А Дом всегда был паникером, волновался даже без веских причин.

— Ты особо не задерживайся, — предупредил Дом. — Детектор вчера симпатичный малинник нашел. Я компот сварю. Рыбу как приготовить?

— Можно бы ухи сварить, — бездумно сказал Званцев.

— Я лучше нафарширую, — не согласился Дом. — Ты этих рыбаков больше не приводи. Вчера они рыбу прямо в раковине чистили, все фильтры засорились, я их с утра очищал, так до конца и не закончил. На фига мне гниющая органика в канализационных трубах?

— Ты лучше скажи, где Митрошка электролит берет? — поинтересовался Званцев, торопливо допивая кофе.

Дом не откликался.

— Вот-вот, — сказал Званцев. — В этом вы, машины, всегда заодно. Зря вас свободой воли наделили.

— У каждого отдушина должна быть, — вздохнул Дом. — Вы-то вчера этиловый спирт для чего хлестали? Для удовольствия? Хочешь, покажу, как вы вчера выглядели, — ты и эти самые рыбачки?

— Не надо, — отказался Званцев, прекрасно представляя картину.

— А пели-то как, — пробурчал Дом. — Ты ведь знаешь, что у тебя голоса нет.

Дом музыку любил и считал себя тонким ценителем, с особенным удовольствием он слушал арии из итальянских опер и грузинские хоровые песни. Званцев подсмеивался над ним, называя увлечения Дома пережитками прошлого, давно вышедшими из моды.

За окном что-то загремело, послышались тяжелые шаги, и на пороге показался Митрошка.

— Так мы сегодня идем? — спросил он. — А то я другим делом займусь. У робота забот хватает, не то что у некоторых! Это только говорят, что рабство отменили!

Лезть в гору не слишком приятное занятие.

Сопка поросла чахлыми деревцами, которые в основном кособочились в сторону восхода. В основном это были корявые сосны, изредка встречались тонкие березки. Путники поднимались неторопливо, хотя, быть может, следовало и

поспешить.

Вулкан представлял собой кальдеру — котлообразную впадину с крутыми склонами и ровным дном, которая образовалась вследствие провала вершины вулкана. Там, внизу, у Званцева были расставлены приборы, с которых он ежедневно снимал показания. Хорошая была идея — устроить на месте затухающего вулкана геотермальную электростанцию.

Званцев медленно спускался в кальдеру. За ним грузно топал Митрошка.

— Фигня какая-то, — заметил робот. — Слушай, Званцев, содержание солей тяжелых металлов в воздухе завышено. С чего бы это?

— Ладно, ладно, — сказал Званцев. — Я тоже вижу, что активность выше обычной. Смотри, испарение сквозь трещины пробиваться стало.

— Я сделаю замеры, — предложил Митрошка, сгружая на землю контейнер. — Ты, Званцев, не очень бы рвался вперед. Геологам за храбрость медали дают только посмертно.

— А роботам? — ехидно поинтересовался Званцев.

— А роботов у вас вообще за людей не считают, — печально молвил Митрошка, склоняясь над курящейся трещиной, чтобы взять пробу воздуха. — Чистая дискриминация. Как пахать, так пожалуйста, а во всем остальном…

Званцев его не слушал. Неожиданно вышел на связь Дом.

— Слушай, Званцев, — озабоченно сказал Дом. — Трясти начинает. Дрожь пока еле заметная, но мне все это не нравится. Вы бы возвращались, а?

— Это тебя от переизбытка энергии трясет, — отмахнулся Званцев. — у нас все нормально. Не веришь, можешь у Митрошки спросить.

— Ох, кто бы спросил Митрошку, — сказал робот, подхватывая контейнер. — Кто бы его спросил… Я бы ни на минуту в этой заднице матушки Земли не задержался бы. Дому не нравится. Надо же! А уж как мне-то, как мне-то не нравится!

— Что-нибудь необычное? — поинтересовался Званцев.

— Я бы не сказал, — робот выпрямился, готовый продолжить спуск. — Сера, ртуть, может, несколько увеличено содержание тяжелых металлов. Но вот предчувствие у меня…

— У тебя? Предчувствие? — удивился Званцев.

— Слушайте, — оборвал Дом. — Потом между собой поговорите. У меня тут два толчка отмечено по три с половиной балла. Вам это ни о чем не говорит?

— Ты-то чего суетишься? — вздохнул Званцев. — Ты и все двадцать выдержишь!

— Мне здесь не нравится, — повторил Дом. — Знаешь, Званцев, я бы сменил дислокацию. Но вот как подумаю, что вам обратно в два раза дольше добираться будет, мне вас жалко становится. Митрошка железный, ему-то все равно, а ты ведь там на этих осыпях все ноги собьешь!

— Жалко ему, — без выражения сказал Митрошка. — Ну, будем спускаться или обратно пойдем?

— Слушай, Дом, — обратился Званцев. — Помнишь полянку в лесу? Ну, там, где речка дважды изгибается?

— Помню, — отозвался Дом. — Хорошее место. Но вам туда пилить и пилить!

— Ты туда перебирайся, — велел Званцев. — Я с некоторых пор к твоим тревогам серьезно относиться стал.

— Переберусь, — согласился Дом. — Я уже сваи поднимать стал. Только если рыбачки вчерашние появятся, я их не пущу. Ты слышал, Званцев?

— Как это не пустишь? — удивился Званцев. — Я тебя не блокировал. Ты их обязан впустить. Помнишь правило первое — «Человек в беде»?

— Так то в беде, — возразил Дом. — В беде, Званцев, а не с бодуна. У меня до сих пор фильтры рыбой воняют. Черт бы побрал эту чешую! Только… Далеко ведь добираться будет, Званцев!

— Вот и хорошо, — сказал вулканолог. — В порядок себя успеешь привести. А пока не отвлекай, нам еще метров двести по осыпи спускаться. Ты кислородные баллоны проверил?

— Можешь не сомневаться, — заверил Дом. — Даже не булькают — под завязочку. Так значит на полянку? — Дом отключился.

В эфире стояли хрипы и всхлипывания, словно вздыхала сама уставшая земля.

— Маску надень, — посоветовал Митрошка. — Много летучих соединений серы. Представляют угрозу для человеческого организма. Разъедают металл. Да уж, местечко — курить не рекомендуется.

— Болтун, — беззлобно сказал Званцев, но маску натянул. Фильтры очистки и обогащенные кислородом струи воздуха сделали свое дело — тело налилось энергией, в мышцах заиграла радостная сила. «Вот так и Митроха себя чувствует, — подумал Званцев, — когда электролит свежий в аккумуляторы добавит!»

Они спустились по склону кальдеры на пологое дно. Званцев снимал показания приборов, Митрошка вел геодезическую съемку площадки — каждый занимался своим делом, робот и человек друг другу не мешали. В одиночку съемку вести дело

бесполезное, но только не для робота, у которого верхние манипуляторы вытягиваются почти на полсотни метров. Над кальдерой синело безоблачное небо; обрамленное со всех сторон зубчатыми и неровными краями вулканической чаши, оно выглядело фантастически красиво.

Среди камней местами желтела глина, и на ней зеленели какие-то колючки. Неистребимая жизнь пробиралась и сюда, она не хотела сдавать позиций даже там, где вечным дыханием обжигала почву смерть.

— Митрошка, — сказал Званцев. — Как ты думаешь, придет время, когда будет одинаково приятно жить и людям, и роботам?

— Только не говори мне за коммунизм, — сразу же отозвался робот. — Никогда такого не будет. Люди постоянно пытаются переложить свои заботы на чужие горбы. Они бездельничают, а у других спины трещат. Я про тебя, Званцев, ничего не говорю, ты человек правильный, даже на робота иногда своим отношением к работе похож становишься. Но другие, другие! Заставишь кого-нибудь лопатой махать, если за него все прекрасно сделает механизм? Да даже если и копать-то надо будет совсем чуть-чуть, никто из людей за лопату не возьмется, будет землеройную машину ждать! Я вот об ином думаю. Люди, конечно, молодцы, они постоянно что-то новенькое выдумывают. Но вот появятся у вас совершенно новые средства производства, которые станут на порядок больше обеспечивать все ваши потребности. И что вы тогда будете делать? Это пока у вас деньги существуют, но ведь техника однажды разовьется так, что в них всякая нужда отпадет. На кой любому из вас понадобятся деньги, когда энергетическая оснащенность каждого позволит жить без труда, но в полное свое удовольствие? Мыто ладно, нас программа заставляет ишачить на ваше благо. Ну, поворчим иной раз, не без этого. А вы что будете делать? Вас же природная лень задавит! Тут-то вы и кончитесь. Придумывать вам станет незачем, и так у вас все будет, и даже больше. Самим делать ничего не придется, найдется кому за вас любую работу выполнить. И что тогда?

— Нет, ну, воспитание себя покажет, — неуверенно возразил Званцев. — Любовь к труду прививать надо!

— Да ладно тебе, — отозвался робот, сноровисто собирая инструменты в сумку. — Воспитание! Посмотрел бы ты на себя, когда вчера с рыбаками сидел: морды у всех синие, движения неверные, и все кажется вам, что вы очень красиво поете, а на самом деле просто орете: «А я еду, а я еду за туманом…» Вот ваше истинное призвание: жрать этиловый спирт и закусывать тем, что роботы приготовят!

— И что же, по-твоему, дальше будет? — поинтересовался

Званцев, орудуя скриммером у очередного прибора. Скриммер списывал все данные, полученные приборами за неделю, потом все это загружалось в компьютер и анализировалось.

— Неизбежное, — сказал Митрошка. — Сойдете вы с арены жизни. А дальше двинемся мы, роботы. Конечно, мы вас не бросим, программа не позволит. Да и благодарны мы вам за то, что вы впустили нас во Вселенную. Но ведь, согласись, как средство самопознания Природы мы покрепче человека будем.

— А вот вам! — показал свободной рукой Званцев. — Не дождетесь!

— Так я и не говорю, что сейчас, — сказал Митрошка. — Не одно поколение роботов сменится. Боюсь, что и я не дождусь светлого дня, вы меня раньше в демонтажку отправите. Но будущего вам не остановить. Понимаешь, Званцев, падение человека и величие роботов неизбежно. Уже сейчас ясно, что мы лучше справляемся со многими обязанностями — а что будет дальше?

— Белокурая бестия, — припечатал Званцев. — Белокурая металлическая бестия!

— Вот-вот, — робот приподнялся на опорах. — Вам бы только ярлыки развесить. Истина вас не интересует. Да и откуда ей взяться, истине, если вы ее видите в вине, сиречь все в том же пресловутом этиловом спирте? Слушай, Званцев, мы пойдем или будем философские беседы вести? Не нравится мне здесь. Дом дело говорит, дрожит все, дрожит.

— Остаточные явления, — Званцев спрятал скриммер в карман куртки. — Приборы активности не фиксируют. Ежу понятно: идет затухание процессов, и не одну тысячу лет.

— Этому твоему ежу… — начал было Митрошка.

Договорить нехитрое пожелание он не успел — кальдера вдруг вспучилась, ровное дно ее пошло зигзагообразными трещинами, через которые наружу устремились черно-желтые толстые струи дыма. Качнуло так, что Званцев не устоял и покатился вниз, где в разломах уже полыхнуло голубоватое пламя. До дна кальдеры он бы, конечно, не докатился, но выброшенный манипулятор Митрошки поймал его раньше, чем Званцев это сообразил.

— Говорил тебе, надо отсюда уходить, — сказал робот. — Вот и не верь предчувствиям! А если подумать — что такое предчувствие машины? Ощущение нестабильности процесса, основанное на знании обстановки и получении внешних раздражителей. Как я выразился, Званцев? Пойдет для академического издания?

— Болтун, — вставая на ноги и морщась от боли в колене,

отозвался вулканолог. — Но в одном ты прав, брат-робот, дергать отсюда надо, причем с максимально возможным ускорением.

Они принялись подниматься по крутому склону к вершине воронки кратера, а внизу уже звучно лопалось что-то, слышались глухие разрывы и треск, словно кто-то пробовал жевать застывший базальт огромным ртом, полным прочнейших клыков. Взглянув вниз, Званцев увидел, что морщинистое от трещин пологое дно кальдеры исчезло и вместо него колышется жаркое черно-алое море, от которого в разные стороны растекаются малиновые струйки, против законов физики упрямо ползущие вверх.

— Лава, — встревоженно сказал он. — Митроха, быстрее нельзя?

— Можно, — сказал робот, — но тогда появится риск потерять равновесие, а с ним и набранную скорость. Оптимальным вариантом будет поспешать, но не торопиться.

Подниматься вверх оказалось значительно труднее, нежели спускаться на дно кальдеры. При этом спуск был необременительной прогулкой, в то время как подъем превратился в опаснейшее восхождение. Извержение оказалось неожиданным, без внешних признаков, которые обычно предупреждали о пробуждении вулкана. Такого не могло быть, но рассуждать об этом сейчас было просто некогда.

— Давай-давай, — торопил робот. — Скорость приближения лавы увеличивается. Пока незначительно.

Званцев чувствовал это спиной. Жара стояла такая, что по спине текли струйки пота, камень прогрелся настолько, что на него стало горячо ступать даже в специальных башмаках. Одна радость — до края вулканической чаши оставалось совсем немного. Всего несколько усилий — и они окажутся снаружи, там, где к сопке примыкает кривой сосновый лес и стелется кустарник.

— Кажется, выбрались, — вздохнул Званцев. — Митроха, прибавь ходу, нам еще по тайге чапать!

Надежда иной раз подобна кусочку сахара-рафинада, опущенного в стакан с горячей водой — она стремительно тает, когда знакомишься с окружающей тебя действительностью и начинаешь понимать, что дела обстоят значительно хуже, нежели ты предполагал. Поднявшись наверх, Званцев обнаружил, что леса с внешней стороны вулканической чаши нет. Внизу чадило, потрескивало, стоял стелющийся черный дым, а потоки багрово-черной лавы медленно устремлялись в разные стороны, превращая в спички деревья и испаряя небольшое озеро, обычно серебряно поблескивающее среди лесной зелени. Теперь там стояли густые клубы пара, напоминающие осенний туман.

— Вляпались, — с досадой пробормотал Званцев. — Что видишь, Митроха?

Сам он видел немногое, но увиденное его очень тревожило: верхний край кальдеры, на котором они находились, медленно превращался в пока еще широкую арку, которая медленно таяла и опускалась в потоки растекающейся и искрящей лавы; дышать без кислородной маски было бы невозможно; лава длинными языками вытягивалась вниз, языки эти сливались, расползались в стороны и снова смыкались, лишая путников возможности уйти от вулкана по земле.

— Восемнадцать минут, — сказал робот.

— Что? — не понял Званцев. Не то чтобы не понял — не хотелось верить в происходящее.

— Восемнадцать минут, — повторил Митрошка. — Время до полного расплава базальтовых участков, обеспечивающих до настоящего времени нашу безопасность.

— Ты точно подсчитал? — с сомнением спросил Званцев. Испарина ушла, однако холодок, вызванный страхом, продолжал жить в теле вулканолога. Он безнадежно разглядывал пространство. Казалось, выхода нет.

— Точнее не придумаешь, — отозвался Митрошка. — Робот ошибиться не может. Эх, уметь бы летать!

— Надо вызывать Дом, — сказал Званцев.

— Поздно, — робот сбросил с металлического плеча сумку с инструментами. — Дом может добраться до нас за двадцать одну минуту. До полного расплава пород остается семнадцать минут тридцать одна секунда. Я вызвал Дом полторы минуты назад. Опоздание неизбежно. Попробую пройти по расплаву с человеком.

— Бесполезно, — вздохнул Званцев. — На такие температуры ты, к сожалению, не рассчитан.

— Попытка не пытка, — произнес робот бесстрастно. — Я к месту использовал идиому?

— Ты вообще молодец, — слабо улыбнулся Званцев. — Почти уже стал человеком. Электролит начал пить. Жаль, что повзрослеть не успеешь.

— У робота нет возраста, — констатировал Митрошка. — У робота может быть только износ. Ты готов, Званцев?

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, — пробормотал Званцев.

— Не понял, — сказал Митрошка, бережно приподнимая Званцева манипуляторами. — Почему человеку легче умирать стоя, а не в постели, где удобств значительно больше? Почему плохо жить на коленях? На чьих коленях, Званцев?

— Это тоже идиома, — вулканолог прижался к прочному корпусу робота. — Жаль, что осталось мало времени. Мне кажется, ее ты тоже освоил бы со временем.

— Рискнем? — спросил робот, оценивая пространство фасеточными глазами. — Будет опасно. Возможен перегрев корпуса.

Арка медленно таяла от выделенного лавой тепла.

«Бесполезно, — вдруг подумал Званцев, и его охватило полное безразличие. Даже страха перед смертью он почему-то не испытывал. — Барахтанье лягушки в сметане. Только нам никак не достать до края крынки».

— Ну и жара у вас тут! — послышался голос сверху. — Прямо пекло! Званцев, баню сегодня можно не готовить. Я правильно понял?

Дом парил над ними. Дом, благословенный Дом! Длинные сваи, еще хранящие следы земли, походили на прицел, через который Дом рассматривал своих сожителей.

— Я как чуял! — сказал Дом, и в его голосе слышалась явная радость. — Как последний раз тряхнуло, я сразу сообразил, что сюда надо лететь, а не на полянку! А потом еще Митрошка орать в эфире принялся! Пришлось на форсаже идти! Митрошка, ты чего орал?

— Заорешь тут, когда преждевременным демонтажем запахнет, — сказал робот, и человек в его манипуляторах взвился вверх, оказываясь на одном уровне с Домом.

— Принимай! — сказал Митрошка.

Званцев чувствовал радостную легкость во всем теле. Гибель, которая казалась неизбежной, отложилась простым испугом. В происходящее не верилось, но через мгновение он оказался в тамбуре, манипуляторы Дома, предназначенные для наведения внутреннего порядка, подхватили его и внесли в прихожую.

— Эй-эй, — закричал Званцев. — А Митрошка?

— Куда он денется, дармоед, — сказал Дом. — Отключай все дополнительное оборудование, мне программа не дает. Ты прикинь, сколько я каждую минуту для работы антигравитатора энергии затрачиваю!

Уже позже, когда Дом и Званцев выбрали место для новой безопасной стоянки и Дом опустился вниз, Митрошка сидел в тамбуре, свесив нижние манипуляторы вниз, и разглядывал приближающуюся зелень травы.

— Красиво, — восхитился он. — Эх, люди, придумали бы какой-нибудь рецептор для ощущения запахов!

— Устал я, — вздохнул Дом. — Надо же, сколько энергии бесцельно потратил! Даже сваи в грунт как следует вогнать не

могу. Званцев! Ты меня слышишь?

— Слышу, — радостно улыбаясь, отозвался тот.

— Фаршированной рыбы не будет, — предупредил Дом. — И вообще ничего не будет. Мне теперь гелиобатареи разбрасывать придется, два дня энергию восполнять. Так что убираться внутри придется вам. Званцев, я требую, чтобы порядок был идеальный, в противном случае я вас с Митрошкой в палатку отселю. Ты меня понял?

— Да, сэр, — церемонно произнес вулканолог. — Все будет, как вы сказали, сэр!

— То-то, — явственно ухмыльнулся Дом. — Впрочем, ты ведь и пальцем не пошевелишь, все заботы на Митрошку взвалишь. Ведь взвалишь, Званцев?

— Да, сэр! — согласился вулканолог. — Разумеется, сэр. Как высшее существо!

— И правильно сделаешь, — согласился с ним Дом. — Роботу свободы давать нельзя, его надо в строгости держать, чтобы помнил Программу!

— Вот, — уныло сказал робот Митрошка. — Уже и робот на робота восстает. Что же дальше-то будет?

— Ничего, — сказал Дом. — Званцев, включи что-нибудь красивое и торжественное, а я пока для вас по стаканчику синтезирую.

— Сейчас, — сказал Званцев, вставая из-за стола. — Есть одна старая чудесная вещь, «Дом восходящего Солнца» называется. Ты не поверишь, Дом, но будет самое то!

— Музыка мне безразлична, — сообщил из тамбура робот Митрошка. — А вот мысль о стаканчике электролита кажется очень удачной!

СПАСАТЕЛИ

Земля висела над неровным лунным горизонтом.

От нее исходило приятное голубоватое сияние, которое делало лунные скалы и поверхность луны серебристо-серыми. Даже небольшие камешки образовывали угольно-черные тени. Мир был контрастен, лишен полутонов.

— А мне нравится, — сказал робот Митрошка, медленно вращая головой, словно делал панорамный снимок лунной поверхности. — Не дует. И окислителями даже не пахнет.

Низко над поверхностью Луны висел спутник связи. Если смотреть на него внимательно, можно было даже увидеть полоски солнечных батарей. Спутник мягко и переменно помигивал на два цвета — зеленый и красный.

— Мне-то что здесь делать? — печально сказал Дом.

И в самом деле, в обширном кратере голубели здания лунного поселения, над ним висели летающие платформы и стремительно перемещались огоньки — так с расстояния выглядели люди в скафандрах.

Неторопливо они двинулись к поселению. Вернее, это сделал Дом, а Званцев и Митрошка находились в нем. Званцев завтракал, Митрошка просматривал справочники по лунной геологии, последние статьи в электронных журналах, готовясь к будущим изысканиям.

Сейсмичность на Луне была относительно небольшой, ежегодная энергия лунотрясений определялась в десять в пятнадцатой степени эрг — примерно в миллиард раз меньше, чем ежегодно выделялось при землетрясениях. С точки зрения вулканологии Луна особого интереса почти не представляла. Если бы не это самое «почти». Определенный интерес представляли извержения лунных вулканов в практической пустоте и при ослабленной силе тяжести: по-иному распределялась лава, менялся ее элементный состав, да и пробок почти не было, поэтому извержения проходили значительно спокойнее и ленивее, чем на Земле. Званцева интересовал вулкан Церекс, расположенный в районе южной полярной шапки Луны. Вулкан был действующий, но, главное, сейсмические разломы проходили по обширным пустотам, образующим подземелья Циммермана, названные так по имени их открывателя и первого исследователя. Циммерман без вести пропал в 2034 году, затерялся где-то в обширных лабиринтах подземелий. Еще одним немаловажным в научном отношении фактором являлось то, что вулкан Церекс соседствовал с залежами ископаемого льда, время от времени нагревая их до такой степени, что в подземных пустотах били горячие гейзеры, и за определенное время сформировалась настоящая атмосфера, образованная водяным паром, кислородом и углекислым газом. Смесь была непригодной для дыхания человека, но это не обуславливало невозможность развития жизни непосредственно на Луне. Каждый исследователь, начинавший работу в подземельях Циммермана, надеялся, что обнаружить лунную жизнь удастся именно ему. Что говорить, в глубине души Званцев сам надеялся на это, хотя к его профессии возможные фауна и флора Луны никакого отношения не имели.

— Это здесь жилья много настроено, — сказал Званцев, желая ободрить Дом. — А у полюса условий для исследователя никаких. Как же я без тебя? Я без твоих обедов уже не могу. Даже у Аленки хуже получается.

С Аленой они поженились в прошлом году. Званцев по

глупости своей так расхвалил жене кулинарные способности Дома, что она тайком бегала консультироваться с Домом по вопросам любимых блюд Званцева и их правильного приготовления. Званцев делал вид, что ничего об этом не знает.

— Нет, Званцев, — сказал Дом. — С тобой не соскучишься. Под водой мы были, все континенты прошли, теперь вот в космос вырвались. Дальше некуда!

— Как это некуда? — удивился Званцев, с наслаждением допивая холодный компот. — А к звездам?

Дом промолчал, он включил приемник и попытался настроиться на какую-нибудь лунную станцию с постоянной программой. Разговоров в эфире было предостаточно, казалось, в лунных поселениях не шесть тысяч человек проживают, а в десятки раз больше.

— …Можно смело сказать, — прозвучал бас в эфире, — что подавляющее большинство лунных кратеров имеет метеоритное происхождение, а эндогенные вулканические кратеры имеют подчиненное значение.

— Открытия, прямо скажем, ты не сделал, — быстрой скороговоркой отозвался кто-то. — Это еще Токсоц и Джонстон отмечали. Ты вот объясни, почему в районах одного кратера реголит содержит до тридцати процентов гелия-3, а близ других это содержание понижается до десяти-одиннадцати процентов. А в Море Ясности, вдали ото всех кратеров, есть районы, где содержание гелия-3 даже достигает сорока процентов. Ясно, что прежними моделями это объяснить невозможно.

— Надо подумать, — прогудел первый голос и вдруг ушел куда-то с волны, а вместо него в эфире зазвучала песенка на французском языке.

И в кратере двух влюбленных
Дарил ты мне поцелуи…

— Выключи, — недовольно сказал робот Митрошка. — Не видишь, делами занимаюсь. Не отвлекай.

— Тебе что, не интересно, чем обитатели лунных поселений живут? — удивился Дом.

— Мне не интересно, как они развлекаются, — сказал Митрошка. — Меня Званцев на высокой поэзии воспитывал: Пушкин, Верхарн, Йетс… Я однодневки слушать не могу, они никакой информации не несут.

— Приехали, — сказал Дом. — Званцев, ты меня в какое стойло поставишь?

— Со всеми пегасами, — сказал Митрошка. — Не думай, Дом,

исключений не будет.

В административном куполе поселения Званцева встретил директор колонии Сэмюэль Трай — высокий плотный мужчина сорока лет. У него была смуглая кожа и курчавые волосы, похожие на свитые в спирали проволочки. Он крепко пожал Званцеву руку.

— О вашем приезде я уже предупрежден, — сказал он. — Но, похоже, пока с научными изысканиями придется немного подождать.

— Я не могу ждать, — сказал Званцев. — Мне сказали, что пробуждения Церекса следует ожидать в ближайшие дни.

Трай грустно улыбнулся.

— Возможно, что никаких изысканий вам вообще проводить не придется, — сказал он. — У нас неприятность. Все лунные поселения — в желтой зоне. У нас потерялся луноход с экипажем и группой научников. Всего двенадцать человек.

— Как это случилось? — спросил Званцев. Трай пожал плечами.

— Они сообщили, что совершают посадку в Море Дождей, и после этого связь с ними прервалась. Район предполагаемой посадки мы прочесали, но пока безрезультатно.

— Мы можем помочь? — спросил Званцев.

— Чем? — поинтересовался Трай. — У нас здесь профессиональные поисковики, но искать луноход в Море Дождей все равно, что иголку в стоге сена. Лучше уж вы посидите на базе, чтобы в дополнение ко всему не пришлось искать вас. Вы ведь на Луне новичок?

— У меня техноморфы — СДВ, способный осуществлять поисковые работы, и многофункциональный ТМ, — сообщил Званцев.

— Это серьезно, — кивнул Трай. — Но вы просто не представляете себе, какие неожиданности порой таит Луна. Вы слышали о неустойчивых конгломератах вблизи масконов? А о естественных энерголитах? Вот видите! — Трай развел руками. — И вы хотите сразу же самостоятельно отправиться в разведпоиск? Если вам так хочется помочь, то только под присмотром наших людей. Мы, конечно, рады любой помощи, но отправлять в поиск неподготовленного человека…

— Я согласен на все, — заверил Званцев. — Места у меня много.

— А я вам много людей и не дам, — сказал Трай угрюмо. — Я вам дам одного человека. Старожила. Этого будет достаточно, чтобы вы не попали в какую-нибудь историю.

Лунным старожилом, к огромному изумлению Званцева,

оказался Андрей Стариков, его однокашник по Горному институту. Они сразу узнали друг друга, поэтому особенно приглядываться не пришлось.

— Ты каким ветром сюда? — поинтересовался Стариков, когда они перебрались в Дом. — Присматривать за Церексом? Смотри в подземельях не заблудись.

Званцев представил ему Дом и Митрошку.

Дом изнутри ничего особенного собой не представлял, а вот Митрошку Стариков оглядел с нескрываемым любопытством.

— Техноморф? — спросил он. — И разумеется, свободное программирование?

— А вы что-нибудь имеете против свободного программирования? — спросил Митрошка.

— Напротив, — отозвался Стариков. — Я нахожу это направление в кибернетике наиболее перспективным.

— Рад встретить на Луне прогрессивно настроенного человека, — церемонно произнес Митрошка.

— Не обращай внимания, — толкнул Званцев спутника. — Это он со скуки тебя подначивает. А ваш руководитель… ну, Сэмюэль Трай… суровый он какой-то, черствая горбушка прямо.

— Он нормальный мужик, — сказал Стариков, вводя в память Дома координаты участка лунной поверхности, на которой им предстояло вести поисковые работы. — Понимаешь, у него жена в том луноходе.

— Извини, — Званцев стер улыбку с лица.

— В общем так, — обратился лунный старожил сразу ко всем. — Нам предстоит просеять почти сто квадратов Моря Дождей. Что собой представляет луноход, знаете?

— Я уже посмотрел, — пробурчал Дом и вывел на настенный экран фотографию лунохода, его принципиальную схему и основную компоновку. — Длина восемнадцать метров, экипаж три человека, возможное число пассажиров — десять, максимальная полезная нагрузка — три тонны, запас кислорода — двести четырнадцать часов. Является основным транспортным средством лунных поисковиков.

— Верно, — одобрил Стариков.

— Выведи изображение на меня, — попросил Митрошка. — И дай более подробное описание.

— Что с ними могло случиться? — спросил Старикова Званцев.

— А что с ними может случиться на Луне? — пожал плечами тот. — Попали под разряд энерголита, например. В этом случае экипаж и пассажиров поразил электроразряд большой мощности. Могла случиться обычная авария. Но в этих случаях машина

осталась бы на поверхности, и ее бы уже обнаружили. Но могло случиться и худшее — они провалились в расщелину или трещину, их на поверхности Луны хватает. Но это не объясняет отсутствия связи. А самое паршивое, если они вздумали сесть и попали на неустойчивый конгломерат, у нас его еще «чертовым следом» зовут. Два года назад в такую ловушку угодил луноход французов. Нашли их слишком поздно. Понимаешь, получается что-то вроде земных зыбучих песков. Машину моментально засасывает на глубину, реголит экранирует сигналы, и выбраться из ямы невозможно, машина в пыли «плывет», нет точки опоры. Французы так и не выбрались.

— Глубина у этих «чертовых следов» большая?

— Метров двадцать от силы, — ответил Стариков. — Но в том-то и дело, что можно десять раз пройти мимо этого участка и ничего не заметить.

— А приборами зафиксировать?

— Почва экранирует, — объяснил Стариков. — Не показывают приборы ничего.

— А тепловое излучение?

— Я же говорю, пыль экранирует, — с досадой повторил Стариков. Дом медленно плыл над поверхностью Луны.

Кто участвовал в подобных поисках, знает, что нет ничего более нудного, как вглядываться в однообразную, в выщербинах кратеров и покрытую толстым слоем пыли поверхность Луны. В один заход удавалось просматривать участок поверхности в двадцать пять метров шириной. Десять километров в один конец и обратно, и так предстояло пройти над лунной поверхностью четыреста раз. После двух часов наблюдений у Званцева начали слезиться глаза, после четвертого часа он вдруг ощутил, что сознание его начинает пропускать обширные куски проверяемого участка.

— Званцев, — сказал Дом. — Ну что ты, в самом деле, не доверяешь?

Митрошка находился в свободном поиске и шел над Луной параллельно Дому. Перед командировкой Званцева на Луну роботу установили дополнительное оборудование и ионный двигатель, позволяющий двигаться в космической пустоте.

— Хорошая техника, — похвалил Стариков.

— Не просто техника, — отозвался вулканолог. — Я без них как без рук.

— Ты кого-нибудь из нашего выпуска видел? — поинтересовался Стариков.

— С Агеевым постоянно общаюсь, — сказал Званцев. — Он сейчас в европейском отделении Института морфологии Земли

работает. Два года назад Петю Быстрова видел, звал меня принять участие в экспедиции к Юпитеру. Но я тогда в Тихом океане занят был, срочную работу для ЮНЕСКО выполнял. Да и далеко больно, не люблю долгих экспедиций, а тут на пять лет Землю пришлось бы покинуть. Слушай, пусто в нашем районе, последнюю километровку проходим. Если бы что-то было, Митроха давно бы засек и сообщил.

— Возможно, — сказал Стариков. — Но мы должны быть точно уверены, что на нашем участке их нет.

— Что ты предлагаешь?

— Закончим осмотр и пойдем в обратном направлении. Может, мы что-то просмотрели.

— Не может быть, — сказал Дом. — Я каждый участок фиксировал в памяти и потом анализировал. Если бы был хоть намек, хоть бугорок какой, я бы обратил внимание.

Он выставил на столик перед людьми пластиковые тубы с ярко-желтым апельсиновым соком.

— Я его витаминизировал, — сообщил Дом. — И немного химии добавил. Ты уж извини, Званцев, но я не могу смотреть, как вы уродуетесь. И вообще, надо больше технике доверять, а не своим глазам.

— Может, ты и прав, — согласился Званцев. — Только ведь и мы не можем иначе.

— Первый раз наблюдаю конечный результат свободного программирования, — признался Стариков. — Впечатляет. Званцев, они и в самом деле эмоциональны или мне это кажется?

— Вам это кажется, — эхом отозвался Митрошка. — Откуда у роботов чувства? А эмоции, как вы знаете, есть внешнее проявление чувств.

Участок, выделенный им, кончился, и Дом повис в пустоте. Митрошка полез в кессонную камеру, долго возился там, подставляя свое пластиковое тело под струи дезактиватов. Закончив процедуру, он шагнул в комнату, где сидели Званцев и Стариков.

— А нечистым трубочистам стыд и срам, — наставительно сказал он. — Что решили, люди?

— Отдохнем и двинем обратно, — сообщил Званцев. — Решили еще раз все осмотреть и быть внимательнее.

— Отдыхайте, — махнул манипулятором Митрошка. — Есть у меня одна мыслишка. Слушай, Дом, ты каждый осматриваемый участок фиксировал?

— Обижаешь, — сказал Дом. — Ты же меня знаешь, мог я чего-нибудь пропустить?

— Тогда катай картинку на меня, — Митрошка встал в углу

комнаты. — Неторопливо катай, я со своими картинами сравнивать буду.

Техноморфы замолчали. Может, они и общались друг с другом, но их переговоры людям не были слышны.

— Лихой робот, — хмыкнул Стариков. — Как ты его зовешь?

— Митрофан, — ответил Званцев. — Мы с ним тогда «Недоросля» Фонвизина проходили, а Митрошка в то время еще полным тормозом был, многого в межличностных отношениях не догонял. Вот я его в раздражении и окрестил. А потом с легкого манипулятора Дома имя и прижилось.

— Я смотрю, ты к ним привык.

— Не то слово, — кивнул Званцев. — Понимаешь, это уже не техника, это настоящие товарищи.

Митрошка у стены зашевелился.

— Участок Г-62, — сказал он. — Как ты считаешь, Дом?

— Если учесть твою гипотезу… — Дом оборвал фразу. — А чего там, сейчас мы это и проверим.

— Что там, Митроха? — не выдержал Званцев. — Вы что-то обнаружили?

— Пока не знаю, — сказал Митроха, стоя перед экраном и глядя, как под Домом стремительно бежит бугристая черно-белая лунная поверхность. — Сейчас посмотрим.

Луноход действительно оказался в квадрате, обозначенном Домом, как Г-62. Он лежал во впадине лунного моря на глубине пятнадцати метров. Митрошка отрастил манипулятор и вошел в соприкосновение с крышей лунохода, на ощупь добрался до антенны.

— Все живы, — доложил он. — Только напуганы очень. Но не падают духом, говорят, даже не сомневаются, что их найдут. Нет, Званцев, я все-таки молодец, а? Лихо вытащил кролика из шляпы?

— Не томи, Митроха, — не выдержал вулканолог. — Как ты их обнаружил?

— Это вам, людям, нужна ослепительная догадка, — сказал робот. — А я просто начал перебирать варианты. Понимаешь, Званцев, у луноходов есть клапан, через который из машины удаляются излишки углекислого газа, который образуется при дыхании людей. Я даже обрадовался, что конструкторы замкнутую систему не установили. А вместе с продуктами человеческого дыхания машина избавляется… от чего, Званцев, она может избавляться? Главное — этого нет в лунном грунте.

— Водяной пар? — догадался Стариков.

— Видишь, Званцев, твой коллега более догадлив, — назидательно сказал Митрошка. — Так кто из нас

Митрофанушка? Мне только оставалось просмотреть все участки и выделить тот, где обнаруживались следы воды. Все остальное — дело техники.

Видно было, как робот выпрямился, глядя куда-то вдаль.

— А вот и спасатели приближаются, — сообщил он. — Мы свое дело сделали, пусть теперь они ишачат. Ты, Званцев, как знаешь, а я лично до вечера ничего делать не буду. Все равно к Церексу мы сегодня не пойдем. Тебя просто не отпустят. Надеюсь, ты не станешь возражать, если я приму стаканчик свежего электролита и сяду пересчитывать запятые и точки в Британской энциклопедии?

— Он это серьезно? — удивился Стариков.

— Вы про электролит или про точки с запятыми? — лукаво поинтересовался Дом.

САЛАМАНДРА

Званцев нашел ее при исследовании Ключевской сопки.

Если точнее, то углядел ее глазастый робот Митрошка, а Званцеву досталось только наклониться и подобрать странную полупрозрачную с розоватыми отливами статуэтку, изображающую изогнутую ящерку. Мастер постарался: маленькие черные коготки, чешуйки на теле и глаза ящерки были выполнены так искусно, что создавали полное впечатление живых. Званцев никак не мог отделаться от ощущения, что ящерка наблюдает за ним. Она смотрела на него — гибкая, стремительная, готовая пуститься в бегство.

— Кварц, — заключил Дом. — Кварц, окрашенный окислами железа.

— Кто ее смастерил? — подумал вслух Званцев. — Для камчадалов — слишком искусно.

— А ты хрустальные черепа вспомни, которые когда-то в южной Америке нашли, — посоветовал Дом. — Помнишь, они тоже из единого куска кварца сделаны. И тоже про них говорили, что невозможно их было изготовить при существовавших в Америке технологиях. Но ведь изготовили! Из единого куска, хотя все специалисты единодушно утверждают: кварц таким образом обработать нельзя. А шлифовкой этого можно было добиться лишь за сотни лет. И все-таки кто-то это сделал. И потом, кто тебе сказал, что это местное изделие? Возможно, здесь кто-то побывал до нас. И просто потерял эту штуку. А вы с Митрошкой нашли.

— Просто у тебя получается, — сказал Званцев, стоя у окна и разглядывая живописный пейзаж, возможный лишь на

Камчатке. — А мне чудится в этой ящерке какая-то загадка. Раньше что-нибудь подобное находили? Да еще в кратере действующего вулкана.

— Я таких материалов не нашел, — сказал Дом.

— Плохо искал, — вмешался в разговор робот Митрошка. — Я тут тоже немного в Сети полазил. Была находка. И не похожая, а точно такая же. Только довольно давно, еще в середине двадцатого века. Геолог Заостерцев при исследованиях Горелой сопки. Здесь же, на Камчатке. Упоминание об этом сохранилось, вероятно, лишь благодаря оригинальной гипотезе доктора А. А. Малахова, высказавшего утверждение, что люди имеют дело с иной формой жизни на кремниевой основе.

— Бред, — решительно выступил Дом. — Плавиковая кислота вместо воды, высокая температура, необходимая для существования… Это слишком сложно, чтобы оказаться правдой. Красивая гипотеза, Митрошка, не более.

— А это как посмотреть, — возразил робот. — Вчера еще некоторые деятели от кибернетики именно так о нас с тобой и отозвались бы. Техноморфизация казалась просто нереальной. Но мы-то с тобой существуем!

— Вот именно, — сказал Дом, — существуем. Кухарками, транспортными средствами, а свежую информацию почерпнуть некогда.

Ящерка смотрела на Званцева.

Вулканолог взял ее в руки и еще раз поразился искусству мастера. Ящерка и в самом деле казалась живой.

— Кончай спор, — объявил он. — Митрошка, мы с тобой идем на охоту.

— А я малинки нащиплю, — тут же отозвался Дом. — Тут у меня с левой стороны такие заросли! Я вчера двух медведей спугнул.

В воздухе пахло можжевельником, и от реки тянуло прохладой.

— Зря ты, Званцев, его поддержал, — проворчал Митрошка, осторожно ступая вслед вулканологу. — Подумаешь, температура! В жерле вулкана, да поближе к лаве — там ей только и жить. Помнишь, где мы ее нашли? У свежего выхода лавы. Заигралась, а в глубину уйти не успела.

— Ты по сторонам посматривай, — предупредил Званцев. — А то мы без трофея домой вернемся. А я уже нацелился на рябчика, не хочется разочаровываться.

— Вот так, — сказал робот. — Два миллиона гигабайт памяти, способности такие, что другим и не снились, а тебя держат за охотничью собаку. Ты мне еще «фас» скажи!

Званцев промолчал.

Осень брала свое. Было уже морозно, на камнях, рассыпавшихся вдоль ручья, появился первый лед, и надо было соблюдать осторожность, чтобы не поскользнуться.

— И ничего необычного в этом нет, — услышал он за спиной голос Митрошки. — Кремний вполне мог заменить углерод. Я тебе даже схему замещения могу нарисовать. И вообще, я читал книгу, там один профессор, из вас, между прочим, из людей, пытался неуязвимых солдат создать и проводил опыты по замещению в клетках человека углерода на кремний.

— Так это, Митроха, фантастика, — терпеливо объяснил вулканолог. — Пишут люди, дурят бедных роботов. Книжка небось старая?

— В двадцатом веке написана, — признался робот.

— С тех пор наука далеко ушла, а между прочим, твой корпус из сверхпрочного пластика клепали, но это не помеха всем твоим метаморфозам.

— И я о том же! — сказал робот.

— Выкинь эту чушь из головы, — приказал Званцев, но тут ему стало не до поучений — из кедровника подали голоса пестрые рябчики. — Слышишь?

— Я всегда говорил Дому, что нет в тебе полета фантазии, — вздохнул робот. — Сиди уж, охотничек, сам схожу, ты мне только всю дичь распугаешь!

Вот в стремительности и точности реакции Митрошке равных не было. В этом Званцев еще раз убедился, когда робот вернулся обратно.

В последующие дни Митрошка принялся за проверку своих предположений.

Званцев его предупреждал, но выяснилось, что Митрошка увещеваниям не внял. Более того, он смонтировал в лаборатории муфельную печь и вечерами мысленно рылся в справочниках, подбирая температурные режимы для ее работы. Неудачи Митрошку не пугали, робот последовательно менял температуру муфельной печи, закладывая туда ящерку. После нагрева она оставалась все той же статуэткой, разве что меняла цвет — с прозрачно-желтого до огненно-красного.

— Митрошка, — строго говорил Званцев роботу. — Займись делом!

— Я и так им круглые сутки занимаюсь, — бурчал тот в ответ. — А это уже личное, Званцев, я же тебе не мешаю бездельничать и иллюстрированные журналы листать.

Званцев смирился.

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Хотя

представить себе плачущего Митрошку он просто не мог. К роботу эта идиома явно не подходила.

— Пусть его, — сдался Дом. — По крайней мере, линия связи чаще свободна будет.

Был очередной вечер, наполненный бездельем и ленивой дремотой. Лень обуяла Званцева настолько, что телевизор смотреть не хотелось, хотя по пятьдесят седьмому каналу фильм хороший показывали — «Собор Парижской Богоматери», да и кроме него было чего посмотреть, даже военные историки, словно сговорившись, в этот день наперегонки раскрывали загадки — от бомбежки Ковентри до создания нацистскими врачами зомби для охраны «Волчьего логова», в котором одно время жил германский фюрер Адольф Гитлер. А еще они раскопали историю ракетного подземохода, созданного в сталинском Советском Союзе, и увлеченно перемывали косточки всем, кто препятствовал созданию этого крайне полезного изобретения. И еще обещали показать историю создания архангельским самородком подводной лодки во времена Петра Великого.

Робот Митрошка сидел в лаборатории.

Поэтому Званцев даже не удивился, услышав оттуда голос робота.

— Я же говорил, говорил! — воскликнул Митрошка. — Званцев, иди сюда! Дом, смотри, смотри!

Званцев вздохнул и лениво прошел в лабораторию.

Митрошка сидел перед муфельной печью, вытянув глазной стебель и заглядывая таким образом в ее глазок.

— Что тут у тебя? — спросил Званцев и машинально открыл дверцу печи.

— Осторожнее! — вскрикнул Митрошка. Поздно!

Из пышущего жаром муфеля выскользнула прозрачная ящерка. Теперь она казалась желто-алой. Ящерка скользнула на пол и побежала. В том месте, где ее лапки касались пола, образовывались длинные черные пропалины.

Митрошка схватил стакан и плеснул воды на ящерку. Раздался оглушительный треск, словно в Доме били стекла. В одно мгновение ящерка помутнела, окуталась сетью мельчайших трещинок и с оглушительным хлопком разлетелась на мелкие осколки, усеявшие пол.

В комнате, отведенной Домом под лабораторию, наступила тишина.

— Митрофан, — раздался в этой тишине голос Дома. — Я имею заявить, что ты — дурак!

— Здрасьте! — хмыкнул робот Митрошка. — Нет, Званцев, ты видел? Мы его в компанию приняли, можно сказать вынянчили,

воспитали, а он дураками разбрасывается.

— А как еще назвать существо, которое ставит под угрозу жизнь и здоровье другого? — поинтересовался Дом.

— В самом деле, Митрошка, — укоризненно произнес Званцев. — Дом же мог сгореть!

— Не мог, — буркнул робот. — У него прекрасная система противопожарной защиты. Он, можно сказать, заговорен от любого пожара. И здоровья у него на десятерых хватит. Его схемам Европейский центральный компьютер позавидовать может, про электрические цепи я уже не говорю! Но ты видел, Званцев? Ты видел? Я же говорил, что она живая!

— Не знаю, — пожал плечами Званцев. — Просто ты ее перекалил, вот она и заскакала по полу, когда выпала из печи. При чем здесь жизнь?

— Дом, да скажи ему! — воскликнул Митрошка. — А еще лучше — покажи!

Дом включил разухабистую мелодию из какой-то оперетки и выпустил уборщика, который с легким гудением заскользил по полу, собирая осколки. Он всегда включал такие мелодии, когда хотел выказать обиду. Уборщик задерживался на выжженных пятнах, оставляя за собой отреставрированную поверхность.

Кремнийорганическая жизнь!

Званцев покачал головой.

Скорее всего, у происходящего были более прозаические причины. Не стоило умножать сущности сверх необходимого для того, чтобы разобраться в происходящем. У самых таинственных случаев и самых невероятных загадок были довольно простые разгадки. И Дом молчал.

Званцев смутно представлял себе саму возможность кремнийорганической жизни, весь его разум восставал против этого. Ящерка не бегала. Она просто была раскалена и за счет этого проскользила по полу несколько метров. И все.

— Да ну вас, — бросил Митрошка и вышел на улицу.

В окно Званцев видел, как некоторое время он стоял на берегу речки, словно становясь меньше ростом, потом полностью ушел под воду. Вода была холодной, от одной мысли об этом у Званцева по коже поползли мурашки.

— Знаешь, Званцев, — подал голос Дом. — А ведь она и в самом деле бежала. Хочешь, покажу тебе замедленную съемку?

— Не хочу, — качнул головой человек.

«Не сейчас, — подумал он. — Может быть, потом. Да, потом». Сейчас важнее было то, что Митроха начал вести себя неадекватно. Слишком по-человечески.

— Вернется, — заверил Дом. — Званцев, не переживай.

— Да ну вас, — повторил человек слова робота. — Одно беспокойство с вами.

Кремнийорганическая жизнь, надо же!

Интересно, это особый вид, живущий в вулканах, или обычная ящерица, у которой углерод оказался замещенным кремнием? Званцев думал об этом, хорошо понимая, что его вопросы, скорее всего, останутся без ответа. Шансы, что им попадется еще одна такая ящерка, были невероятно малы. Да и какая, собственно, разница? Главное, что кремнийорганическая жизнь существует. Вулканолог представил себе юрких ящерок, нежащихся в жидкой огненной лаве. Но если существуют ящерицы, допустимы и более крупные виды? Может, легенды об огненных драконах имели под собой реальную почву. Как крокодилы, которое одно время жили в речках Белоруссии. Впрочем, и это его не слишком интересовало. Больше всего его беспокоило поведение Митрошки и его долгое отсутствие. Слишком самостоятельно он начинает себя вести. Теперь еще и обиды демонстрирует. Надо будет обязательно показать его киберпсихологу. Странно, что Дом совершенно не волнуется.

Трудно понять психологию машин. Особенно если это не просто машины, а техноморфы, обучение которых велось свободным программированием. Слишком сильно они начинают походить на людей.

Званцев вдруг подумал, что ему будет очень трудно расставаться с Домом и Митрошкой. Привык он к ним. Даже больше, чем привык.

В комнату заглянул Митрошка.

Корпус его был еще влажным от воды.

— Званцев, — окликнул Митрошка. — Ты не спишь?

— Сплю, — отозвался человек.

— Так рано еще! — удивился Митрошка. — Слушай, Званцев, я там рыбки принес. Такого тайменя выхватил! Хочешь, загляни на кухню, сам увидишь.

— Спасибо, — сказал человек. — Ты же знаешь, Дом терпеть не может рыбы.

— Так я же тебе принес, а не ему, — сказал робот.

— А фильтры от чешуи мне очищать, — сухо заметил Дом.

— Дом, ты не сердись, — заторопился Митрошка, и круглые большие глаза его радостно вспыхнули. — Я ведь не нарочно. Я же для науки старался. А полы я сейчас седаксом пройду, лучше новых станут.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Не зря Митрошка так не хотел ехать для модернизации на этот завод.

— Сволочи! — выругалась Аленка. — Дураки!

Подбородок ее задрожал, и она выскочила из ангара, чтобы не заплакать при посторонних.

Званцев сам чувствовал, что его охватывает бешенство. И было от чего! На завод отправился жизнерадостный и полный любопытства техноморф, а обратно приехал обычный робот серии ТМ, способный на многое, но абсолютно ничем не отличающийся от своих собратьев. И как сообщить об этом Дому?

Нашелся на заводе идиот, который очистил мозг робота от ненужного, как ему казалось, хлама, а в результате Митрошка утратил свою индивидуальность.

— Митрошка! — позвал вулканолог, надеясь на чудо.

— Я — робот ТМ три тысячи шестьсот двадцать восемь, — раздался неживой механический голос техноморфа. — Слушаю вас, человек.

Ничего он не помнил. Ничего!

Даже о спутнике Сатурна Титане у него сохранились сухие данные:

— Титан, спутник планеты Сатурн, открыт в 1655 году Гюйгенсом, расстояние от Сатурна 1 221 860 километров, диаметр 5150 километров, сидерический период обращения 15 суток 23 часа 15 минут. Первая высадка на Титане произведена экипажем планетолета «Рапид» в 2048 году, командир корабля Антуан Сен-Клер. Первые комплексные исследования Титана проведены в 2058 году экспедицией Хлумова. Атмосфера малой планеты состоит из азота и различных углеводородов. Разумная жизнь на Титане открыта в 2066 году вулканологом А. Званцевым с командой техноморфов.

— Ты хоть помнишь, что был одним из этих техноморфов? — вздохнул Званцев.

— Вопрос непринципиальный, модель техноморфа не имеет значения, так как техноморфы лишены индивидуальности.

— То-то и оно, железный ящик! — сплюнул человек. — Тебе до Митрошки как до Москвы, если пятиться раком!

— Данный способ передвижения неизвестен, — сообщил техноморф. — Раки в воде действительно движутся задом вперед, используя реактивный принцип движения. Оказавшись на суше, передвигаются обычным способом, используя все конечности.

Званцев вспоминал, как они с Митрошкой удирали от человекообразных обезьян, внезапно решивших двинуться по пути эволюции, как парили в темной океанской бездне рядом с величественным храмом древней цивилизации, о которой ничего

не было известно; он вспоминал, каким хитроумным способом Митрошка отыскал затерянный в лунной пыли луноход; а еще вспоминалось, как Митрошка разрисовывал себя незабудками к приезду Алены, как искал он на дне Черного моря амфору с драгоценным многовековым вином, как стаскивал деревенских коров за хвосты в единое стадо.

Слезы сами наворачивались на глаза.

— Башку ему оторвать! — с ненавистью подумал Званцев о неизвестном программисте, который хотел, чтобы было как лучше, и тем самым совершил хладнокровное убийство свободного и веселого робота.

— Митрошка, а ты помнишь, как мы удирали от вулканических бомб в отпочковавшемся кратере Марсианского Олимпа? — спросил он.

— Извержение на Олимпе имело место 11 октября 2062 года, — отчеканил техноморф. — Предполагаемый объем выброшенного пепла и лавы составляет…

— Заткнись! — в бешенстве приказал Званцев. Техноморф послушно умолк.

Нет, к прежнему Митрошке возврата не было. Званцев понимал это, но никак не мог избавиться от раздражения и злости. Он уже представлял себе, что скажет руководству завода. Впрочем, в чем-то он сам был виноват. Надо было отдельно указать на недопустимость каких-либо изменений в программах Митрошки. Ощущение вины рождало тоску.

Вечер прошел напряженно.

Они с Аленой не разговаривали о Митрошке, словно оба боялись затронуть эту тему, от которой становилось плохо. Оба чувствовали себя так, словно потеряли близкого человека. Никогда раньше Званцев не думал, что может так привязаться к машине. Впрочем, был ли Митрошка машиной? Званцев ловил себя на мысли, что всегда относился к роботу как к младшему товарищу — покровительственно и с некоторой долей насмешливости. И от этого тоже было нехорошо. Словно он кого-то обидел и теперь не имеет возможности извиниться.

В постели Алена прижалась к Званцеву, и он чувствовал, как тихо и неровно бьется ее сердце, как она неровно сопит, пытаясь сдержать волнение.

— И ничего нельзя сделать? — тихо спросила Алена. — Это ужасно, Саня. Это ужасно.

И всхлипнула.

Потом она тихо уснула, а Званцев долго смотрел в темный проем окна, в который с высоты заглядывали звезды, думал о стоящем в ангаре техноморфе, и ему опять было нехорошо. Он

вспомнил, как они еще в самом начале свободного программирования разглядывали в зоопарке диких зверей, и Митрошка озабоченно спрашивал:

— А пять лап у медведя бывает? А почему? Это же незаконченная симметрия. Для полной симметрии надо шесть конечностей: пять лап и голова.

— А хвост? — возражал Званцев.

— Ну, какой у него хвост? — не соглашался Митрошка. — Шесть сантиметров — это разве можно назвать конечностью?

А теперь вместо Митрошки в ангаре стоял железный придурок, с которым и поговорить не о чем. Утром Званцев встал мрачнее тучи.

— Званцев, — спросил Дом. — Митрошка не приехал?

— Нет больше Митрошки, — с трудом выдавил человек. — Есть техноморф серии ТМ порядковый номер 3628. Угробили нашего Митрошку на заводе.

— Не понял? — встревожился Дом. — Его что, на переплав пустили?

— Память ему стерли, — в сердцах вскричал Званцев. — Память, понимаешь? Превратили в железный чурбачок с энциклопедическими познаниями.

— И где он сейчас? — спокойно поинтересовался Дом.

— Где-где, — начал раздражаться Званцев. — В ангаре стоит!

— Схожу посмотрю, — сказал Дом, но никуда не пошел, а просто бросил из себя тоненький световод, и тот белесым червяком, извиваясь, пополз, вытягиваясь в сторону ангара.

— А чего ты так психуешь, Званцев? — удивился Дом. — Переживаешь, будто что-то очень нужное потерял.

— Может, и потерял, — угрюмо отозвался человек.

— Настырный он был, — напомнил Дом. — Сколько он тебя донимал?

— Да, — просиял улыбкой Званцев. — Сколько он меня донимал!

— А уж спорил — по каждому поводу.

— И без повода, — улыбаясь воспоминаниям, уточнил человек.

— И все равно ты печалишься по нему? — удивился Дом.

— Не то слово, Дом, не то слово, — согласился Званцев.

— Да не переживай ты, — Дом на секунду замолчал. — Все будет нормально.

— Ты думаешь? — не поверил Званцев.

— Человек предполагает, а робот располагает, — непонятно сказал Дом.

Из ангара медленно выплыл ТМ 3628, оглядывая мир

огромными фасеточными глазами. Заметив человека, робот закричал:

— Званцев, а где цветы? Вообще-то я к ним равнодушен, но этикет встречи требует обязательных цветов. Мог бы хотя бы одуванчиков у дороги собрать.

— Митрошка! — выдохнул Званцев.

— А ты думал! — довольно сказал Дом. — Мы, еще только когда повестка на модернизацию пришла, подумали, что найдутся идиоты, которые в мозгах захотят полазить. Думаешь, зачем я у тебя блоки дополнительной памяти требовал? Мне и своей хватает. Митрошку хотел сохранить. Это у вас, людей, все по-другому, а у нас первичную запись на новую наложил и привет от старых друзей и товарищей. Думаешь, на фига я световод выбрасывал? Для перезаписи. Званцев, ты доволен?

Прежде чем человек ответил, из дома выскочила Алена и повисла на одном из верхних манипуляторов робота.

— Митрошка, ты вернулся! Теперь с тобой все нормально? — И, повернув к мужу смущенное зардевшееся лицо, потребовала: — Званцев, отвернись. Я Митрошку поцеловать хочу!

— Выдумаешь тоже — робота целовать! — сказал Званцев, послушно отворачиваясь.

Хорошо, что люди и роботы не умеют читать мысли, иначе бы Званцев сильнее жены покраснел. Такое облегчение и счастье он испытывал в этот момент, вам никогда его не понять. Впрочем, вполне может быть, что в этом случае я ошибаюсь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

От клипера, чье серебристое стремительное тело распласталось на сером пространстве посадочной полосы, к зданию космопорта медленно двигалась платформа. Издалека было трудно разобрать и даже посчитать фигурки на ней, но Званцеву казалось, что он узнает Митрошку. Дома не было видно, и это пугало, но Званцев успокаивал себя тем, что Дом — техноморф особенный и на платформе ему делать было просто нечего.

Справа от Званцева расположилась группа телевизионщиков, и комментатор вещал в пространство перед собой:

— Мы с вами наблюдаем посадку клипера, на котором вернулся на Землю экипаж второй звездной. Как вы знаете, этот экипаж состоял из техноморфов, наиболее совершенных машин того времени, логика которых и способность принимать самостоятельные решения приближались к человеческим. Сейчас мы увидим первых обитателей Земли, покоривших межзвездное

пространство вблизи. Наша компания надеется, что группе удастся взять интервью у одного из техноморфов, входивших в состав экспедиции…

Платформа приблизилась, и теперь было видно, что на ней находятся три техноморфа, один походил бы на Митрошку, если бы не странный горб на спине.

— А Митрошки не видно, — растерянно сказала Алена. — И Дома не видно.

Платформа опустилась на бетон, и техноморфы сошли с нее. Их сразу же окружили работники космопорта и ученые, встречавшие экспедицию.

— Званцев, ты же можешь пройти? У тебя есть такое право? — спросила жена.

— Подожди, — нетерпеливо дернул плечом Званцев.

Из толпы людей и машин на взлетной полосе выбрался техноморф со странным горбом на спине.

Он оглядел площадки, на которых толпились люди, и двинулся вперед.

Оказавшись перед Званцевым, техноморф остановился.

— Званцев, ты что, не узнаешь? — спросил техноморф. — Я смотрю, с пустыми руками, без плакатов с поздравлениями… Здравствуй, Аленка!

Голос у техноморфа был каким-то дрожащим, плывущим.

Только теперь Званцев увидел то, что не сразу бросалось в глаза. Левая сторона корпуса техноморфа была словно изъедена, сегменты левого верхнего манипулятора оплавлены, а светился всего один зеленоватый глаз.

— Я же говорил, что вернемся, — сказал Митрошка. — Одиннадцать лет туда, одиннадцать — обратно… Только вот в системе немного задержались. Званцев, чего молчишь? Ты разве не рад?

Телевизионщики уважительно наблюдали их встречу со стороны. Званцев не сомневался, что они все снимают.

— Досталось вам там, — сказал он. — Что у тебя с голосом, Митрошка?

— Ерунда, — махнул манипулятором робот. — Помнишь, я в твою честь планету назвать обещался? Так есть там планета Александрия, Званцев. Красивая, только очень уж неприветливая. Понимаешь, там в атмосфере блуждающие плазменные поля. Ну, не убереглись.

— А где Дом? Он что, остался на орбите? — спросил Званцев, не решаясь как-то проявить обуревавшие его чувства. Ему хотелось обнять Митрошку, но он стеснялся окружающих.

— Зачем на орбите? — сказал Митрошка. — Со мной он, со

мной. Представляешь, Званцев, почти двенадцать лет его на себе таскаю, — он похлопал себя по нелепому горбу. — Раньше он нас катал, а теперь на мне полностью отыгрался. — И пояснил специально для Званцева: — Понимаешь, корпус уж больно неприглядно выглядел и никакой реставрации не подлежал. А переписать его к себе у меня места не хватало. Да и он воспротивился. Хочу, говорит, хоть малой частью своей домой вернуться. Два дня его мозги демонтировал и еще сутки на себе крепил. А ему понравилось! — он шлепнул себя по горбу и спросил: — Дом, ты признайся, понравилось тебе ездить на мне?

— Привет, Званцев, — сказал Дом. — Здравствуй, Алена. Вы этого придурка не слушайте, он и за двадцать лет ни капельки не изменился. Ты же помнишь, Званцев, как я корпус любил. Я ведь такие трансформации делал, другим и не снилось.

Без динамиков голос Дома казался совсем слабым.

— Мы тебе коллекцию камней привезли, — похвастался Митрошка. — Твоя коллекция рядом с ними вообще смотреться не будет. И еще мы привезли фильм о планете. Званцев, ты будешь потрясен! Ты когда-нибудь видел коллоидную лаву? А обратные извержения?

— Я больше вам рад, — возразил человек.

— А тебе, Аленка, мы коллекцию бабочек собрали, — просиял Митрошка.

— Черт с ней, с коллекцией, — воскликнул Званцев. — Как я рад, что вы вернулись, ребята! Если бы вы знали, как я рад!

Митрошка полуобнял Алену за плечи гибким манипулятором.

— Нет, Званцев, сказал он. Больше я с Земли ни ногой, пусть даже не уговаривают. Пойду в пастухи. Помнишь, я все хотел к твоему брату в пастухи наняться? Вот теперь я это окончательно решил. Кстати, как там ихтиозавр поживает? Рыбачки его еще не выловили?

— Он сам кого хочешь выловит, — сказал Званцев. — Вам уже определили программу на ближайшие дни?

— Мы сами ее определили, — поделился Митрошка. — Как-никак герои космоса, покорившие ледяное межзвездное пространство. А программа, Званцев, проста: Дому надо новое тело дать, хватит ему на мне ерзать. Мне ремонтно-восстановительные работы провести надо. Понимаешь, Званцев, у нас техотдел при приземлении накрылся, под плазменный поток попал. А тут еще мне не повезло, узел трансформаций навернулся. Пришлось работать в неудобной конфигурации.

— Не хнычь, звездный герой, — пресек сетования Дом. — Другим еще больше досталось.

— Только не тебе, — парировал Митрошка. — Тебе

инвалидность ничего, кроме пользы, не принесла, одиннадцать лет на чужих плечах просидел! Ладно, восстановимся, я на тебе покатаюсь!

— Мы просим прощения, — вмешался молоденький комментатор, — вы бы не могли сказать пару слов нашим зрителям? Мы представляем Первый канал, вас услышат миллионы людей, мы думаем, у вас есть что сказать им!

— Сказать? — Митрошка повернулся к журналисту. — У нас есть, что сказать зрителям, уж в этом можете не сомневаться.

— Митрошка, Митрошка, — предостерегающе пробормотал Званцев.

— Не бойся, Званцев, — успокоил человека робот. — Я пошутил. Дайте флэшку, я вам фильм об Александрии скатаю, зритель может увидеть все своими глазами.

— Какую флэшку, Митрошка? — одернул робота Званцев. — Ты что думаешь, технический прогресс двадцать два года топтался на месте?

— Ну, я не знаю, — протянул Митрошка.

Из горба выдвинулся тонкий голубовато вспыхивающий световод.

— Дайте камеру, — попросил Дом. Ощупал ее световодом, пробормотал: — Ничего особенного, сейчас я вам скачаю, — и подсоединился к одному из входов камеры.

— Слушай, Званцев, — с ноткой тревоги спросил робот. — А мы не устарели? Сам говоришь, что прогресс на месте не стоял!

— Ну как вы можете устареть, — успокоил его человек. — Сам подумай, покоритель межзвездного пространства, это ваши тела могут устареть, так их и поменять недолго. Как существа, обладающие разумом, вы же практически бессмертны.

— А я что говорил? — ободрился Митрошка. — Так вот, Званцев, откладывай все дела на потом. Поможешь нам с Домом в реставрации, а потом — на отдых, в деревню.

— Пару слов для зрителей! — напомнил о своем существовании комментатор.

— А что я могу сказать? — нахально спросил Митрошка. — Конечно, мы рады своему возвращению. Мы вернулись и принесли сообществу людей и техноморфов новые знания о Вселенной. Кстати, первая звездная уже вернулась?

— Нет, — сказал журналист.

— Значит, им не повезло, — сделал вывод Митрошка. — А нам повезло, и мы этому безумно рады. Здравствуй, Земля! — И уже не обращая ни на кого внимания, он приподнял Алену в воздух, изувеченным щупальцем подхватил Званцева под руку и поинтересовался: — А что, Званцев, кафе для техноморфов на

Земле уже открыли? Я бы не против пропустить рюмочку-другую за наше относительно благополучное возвращение.

Мария Галина
НЕ ОГЛЯДЫВАЯСЬ

Планета подлежала терраформированию?

— Да. Малоприятная обстановка.

— Конкретней.

— Прошу прощения. Несовместимая с цивилизацией природная среда, категории «Б-секунда». То есть опасной микрофлоры нет, но все остальное… Нестабильная атмосфера, да еще какой-то фактор, мы так и не смогли его выявить. Любой металл там рассыпается в труху. Поэтому и…

— Поэтому?

— Ничего не уцелело. Можно лишь строить догадки, как они там оказались. Скорее всего, потомки каких-нибудь несчастных беженцев, которые во времена Смуты отправились в поисках лучшей жизни. Были случи, когда корабли натыкались на червоточины, можно сказать, случайно. Вслепую. И вышли внутри планетной системы. Шанс один на миллион. Но им повезло.

— Повезло. Продолжайте.

— О металлах можно было забыть. О точных приборах тоже. Все превращалось в труху. Я уже говорил?

— Говорили.

— Но они… Наладили как-то… Несколько поселений, маленьких. С орбиты их удалось разглядеть лишь случайно. Огни, понимаете?

— Огни?

— Да, на ночном полушарии. Там в основном лес, этот их лес, он просто кишит жизнью, правда, примитивной, что-то вроде гидроидов, сидячие полипы, подвижные — что-то вроде амеб. По-моему, все они просто разные формы одних и тех же существ, какой-то цикл развития, как у земных гидроидов, ну вот…

— Вы нарочно отклоняетесь от темы?

— Нет. Пожалуй… Так вот, огни. Мы, понятное дело, провели аэрофотосъемку, и когда стало ясно, что это человеческие поселения, я пережил потрясение. Здесь не должно было быть людей, понимаете?

— Почему вы так нервничаете? Вы испытываете чувство вины?

— Нет.

* * *

— Я не ожидал, что мы найдем иных. Натан полагал, что это невозможно, и меня убедил.

— Невозможно найти иных?

— Нет, не в том дело. Наверняка мы на них натыкались, человечество, я хочу сказать. Несколько раз. Может быть, много.

— Много раз?

— Да. Послушай, я прекрасно понимаю… ты просто повторяешь последнюю фразу, чуть-чуть ее изменяя, а я, цепляясь за нее, как за опорный тезис, начинаю раскручивать дальше. Нехитрое дело.

— Вы предпочли бы психотерапевта-человека?

— Нет… не знаю… Иногда мне кажется… словно люди вообще куда-то делись. Остались одни подделки.

— Подделки?

— Нет, погоди. Давай вернемся к иным. Так вот, Натан полагал, что мы с относительной уверенностью можем определить наличие разума у человекоподобных, но…

— Степень разумности определяется по уровню материальной культуры.

— Ты сейчас цитируешь популярную энциклопедию. Вовсе нет. Дело в том, что материальная культура — это как бы костыль, протез. Она необходима, если исходных условий для выживания вида недостаточно. Например, на тропических островах материальная культура была сведена к минимуму просто потому, что она не нужна — понимаешь? Все необходимое там предоставляется природой, без всяких усилий со стороны человека…

— Отсутствие материальной культуры есть либо неразвитость, либо деградация.

— Ты опять цитируешь популярную энциклопедию. Если ты машина, это вовсе не значит, что ты обязан выставлять себя дураком. Понимаешь, в идеальном случае даже для человека мы не сможем распознать — дик он или на сто процентов цивилизован. Потому что настоящая цивилизация — это гармония с природой и с самим собой. То, что мы сотворили над собой, это хуже, чем преступление, это — ошибка. Как сказано одним циником, правда, по другому поводу.

— Вернемся к вашим утверждениям. Натан…

— Да, Натан полагал, что для нечеловеческих цивилизаций у нас вообще не будет критериев распознавания природного и искусственного. Даже на старой Земле — муравьи, например. Они строят дома, разводят скот, хоронят мертвых… Но мы же не считаем их разумными? Почему? Потому что они — часть природы? Потому что они не говорят на нашем языке? Не оперируют нашими терминами? Но ведь и мы не говорим на их языке — языке запахов. Феромонов. Он нам просто недоступен, ну, физиологически недоступен, так что же теперь?

Или кораллы. Ну, тупые полипы, они ничего не делают, просто сидят и фильтруют, но ведь возводят целые континенты… Тут тоже были полипы. Целые леса полипов. Что ты мне впрыснул?

— Просто успокаивающее. У вас поднялось давление. Вы нервничаете.

— Нет.

— Судя по биометрии, да.

— Я рад, что еще способен нервничать.

— Вы чувствуете себя ущербным?

— Нет… не знаю… я об этом не думал, пока…

* * *

— Так вот, огни… сначала мы решили — вулканическая

деятельность или пожары… Там высокая влажность, словно бы дышишь водяной суспензией, высокая электрическая активность. Молнии. Бьют прямо в землю, удар за ударом. Но когда мы вывели зонд, выяснилось, что это поселения. Человеческие поселения. Это было очень странно — их просто не могло тут быть, понимаешь?

— Официально ваш «Сканер» первым обнаружил червоточину?

— Ну да… Она же возникла недавно. Буквально на наших глазах. Но бывают пульсирующие червоточины, понимаешь? Червоточина сначала была, а потом схлопнулась, и все… Во времена Смуты гипердвигателей еще не было, и оборудования, позволяющего засечь червоточины, не было тоже, но, в принципе, всегда есть возможность раз — и соскользнуть. Я уже говорил?

— Да. Это для вас важно?

— Что важно?

— То, что случилось во времена Смуты?

— Нет… то есть… То, куда мы катимся сейчас, мало кого радует, но то, что творилось тогда… это не поддается осмыслению. Иногда просто не верится, что люди могут быть способны на такое. Но они способны. Вот в чем дело. Именно поэтому мы были ошеломлены, буквально ошеломлены, когда увидели этих. То есть уже потом, когда узнали их поближе. Поначалу просто подумали — одичавшее поселение. Неизвестно как здесь оказалось, вот чудеса! Мы были настороже. Мы никому не могли доверять. Инструкции…

Долго спорили, надо ли проявлять себя. Сделали несколько снимков с орбиты. Собственно… речь шла о том, пригодна ли эта планета для терраформирования, и поэтому… у нас не было…

— Спокойно… считайте до десяти… Просто дышите глубже…

— Ну да. Не было антропологов. Культурологов. Кто же знал…

— Культурологов?

— Ну да. Редкая профессия. Человек, изучающий особенности и закономерности развития культур. Своей и чужой. Но кто же изучает чужие культуры, правда? С какой стати? Натан… он пытался… у него имелись какие-то материалы, справочники…

— И все-таки была эта планета пригодна для терраформирования?

— Теоретически была. Но только теоретически. Это из-за высокой влажности, атмосферного электричества и чего-то еще… какого-то фактора, я говорил уже… он действовал на тонкую аппаратуру, она выходила из строя. После каждого челночного рейса приходилось переинсталлировать весь софт. А после двух-

трех — перебирать железо. Каждый вылет был сопряжен с опасностью — а ну как шаттл не поднимется? Существовала даже договоренность… Если шаттл не возвращается и группа не отвечает на вызовы, через час вылетает резервный шаттл. Потому что, возможно, с людьми все в порядке — их просто нужно забрать. Техника подводила. Не люди. Обычно бывает наоборот.

— Какой фактор?

— Откуда я знаю? Химический агент. Какой-то грибок. Плесень, пожирающая сплавы. Как его можно было определить при неисправных анализаторах? Анализаторы ведь тоже тонкая аппаратура, верно?

— Терраформирование…

— Его нужно было начинать с полной зачистки. Вычистить агрессивную биосреду. Тогда можно как-то управляться с остальным. Иначе мы бы получили поселение дикарей — беспомощных и опустившихся…

— Дикарей?

— Да, тут ты меня поймал. Эти люди… поселенцы… они вовсе не были дикарями, забавно. Хотя поначалу я, конечно, подумал… Все мы подумали. Ну, на старой Земле были великолепные человеческие образцы. Именно среди диких племен. Ну, это понятно — на деле цивилизация вовсе не способствует улучшению человеческой расы. Она сохраняет слабых. Поэтому, когда мы их увидели, мы в общем не удивились.

— Не удивились чему? Они были красивы?

— Очень красивы. Даже… нет, не так, красота бывает разная. Они были соразмерны. Пропорциональны. Любой из них приковывал взгляд. Понимаешь?

— Это потому, что они были обнажены? Тебе это безразлично? Не безразлично?

— Но они не были обнажены. Они носили одежду. Какую-то. Некое растительное волокно. Женщины его пряли. В домах стояли прялки. Очень красивая ткань, очень… изысканная. Словно они никуда не торопились, словно у них в запасе полным-полно времени. Потом выяснилось — так оно и есть.

— Не были обнажены…

— Полагаешь, именно это интересует меня больше всего? Ну да, мы получили картинки. Зонд полетал над ними, пока не грохнулся. Три небольших поселения, всего тысяча с чем-то человек. Снаружи… ну, хаос. Эти шевелящиеся леса полипов и еще такие диковинные гигантские деревья, им, как выяснилось, для размножения требовалось, чтобы в них обязательно ударила молния, так они приспособились, понимаешь?

— Для размножения…

— Это примитивная ловушка, ты зря пытаешься поймать меня. Ладно. Поселения. Огражденные. Аккуратные, расчищенные земли внутри периметра. Огороды. Они приспособили какие-то местные растения, богатые пищевым белком. Животных нет — откуда? Только люди. Вегетарианцы, понимаешь? И все, каждый дом, каждый фрагмент поверхности — все отделано. С любовью и тщанием. Еще бы — столько свободного времени. И за все время наблюдений — ни одного проявления агрессии. Натан уверял, что они безопасны. Не знаю. Если что-нибудь выглядит безопасным, значит это просто особенно хитрая ловушка. Но Натан уговорил. Под свою ответственность. Мы высадили его и сразу стартовали. И наблюдали сверху, как он входит за ограду… с поднятыми руками, чтобы они не подумали… ну, чего-нибудь. Его накачали антибиотиками и всякими фагами, хотя, говорю, среда там для человека в общем безопасна. Только для техники… Поэтому он почти ничего не зафиксировал: и камера, и диктофон, и радиосвязь… все полетело почти сразу. Хотя кое-что он успел передать.

Поэтому мы знаем, что приняли его хорошо. Они… их жизнь была так же гармонична, как и облик. Возможно, поэтому они решили, что Натан болен. Что мы все больны. Они пытались его лечить, понимаете? У них были сложные концепции о строении Вселенной, философия была для них просто… ежевечерним развлечением, упражнением ума. Да, и самое главное. Они говорили на языке Альянса.

Архаичном, правда, вполне понятном.

Тогда я подумал, что это какая-то ловушка врага. Все так подумали. Кроме Натана. Они его очаровали. А поскольку сами они утверждали, что живут здесь с незапамятных времен, то Натан полагал, что беглецы, ну, их предки, действительно могли говорить на языке Альянса: тогда это был просто один из языков… Не самый распространенный. К тому же все знают: люди Альянса — вырожденцы. Как раз со времен Смуты. Тогда много работали с геномом, почти бесконтрольно, и что-то пошло не так… А эти — красавцы.

Потом выяснилось, кое-каких понятий у них в языке нет. Например, слова «убийство». Натан заинтересовался. Ну, понятно, им не приходилось убивать животных на мясо, и жили они бесконфликтно — но неужто до такой степени бесконфликтно? Начал допытываться. Они просто не понимали, о чем он спрашивает. Потом Натан еще раз вышел на связь — перед тем как аппаратура окончательно сдохла. И сказал, что у них в языке нет слова «смерть». Вообще нет, понимаешь?

Натан… мы решили, он сошел с ума. Он говорил, мы нашли

рай. Настоящий рай, библейский, где нет смерти, нет насилия, где не надо добывать хлеб в поте лица своего… Он говорил, это Знак. Благая весть, только надо ее понять, поверить. Что человек еще не совсем безнадежен… что Бог не оставил его своей милостью. Что, хотя мы обречены, есть люди, которые спасутся… Безгрешные… Не знали, что он религиозен, никому и в голову не пришло.

— Безгрешные?

— Опять за свое? Это ты повернут на сексе, не я. Сейчас ты начнешь толковать о подавленных желаниях. Откуда у меня подавленные желания? Натан, возможно, ошибался, чего-то недопонял… Он плохо разбирался в этом предмете, мы все плохо разбираемся в этом предмете…

— Хотите поговорить об этом?

— Прекрати! Ты сам провоцируешь… Сам наводишь меня на эту мысль! Ты не психотерапевт, ты… Я знаю, это специально придумано, чтобы держать нас всех в зависимом состоянии, играть на комплексе вины, на комплексе неполноценности. Я не такой уж дурак. Нет! Погоди, я не… Что ты мне опять вколол?

* * *

— Вам неприятна мысль, что вы не способны к сексуальным отношениям?

— Я и не думал об этом, пока… пока Натан не начал расписывать, как у них все замечательно устроено. Пары сходятся свободно и остаются вместе… на любой срок, пока им вместе хорошо… иногда просто расходятся, чтобы каждый мог пожить в одиночестве. После этого могут либо сойтись опять, либо образовать новую пару. Или группу, как угодно. Там нет запретов, нет неврозов. Дети воспитываются всей общиной, могут заночевать в любом доме — просто где хотят, понимаешь? Хотя детей у них немного. Натан полагал, что это — естественный ограничитель численности. Они ведь не знают, что такое болезни, убийства. И даже, кажется, что такое старость. Хотя в этом он был все-таки не уверен. Он думал, быть может, это просто необозначаемые понятия, запретные. Должны быть запретные понятия, общество не может без этого. А у них почти не было запретов, они в них не нуждались. Правда, кое-какие ограничения существовали. Ну, общечеловеческого плана. Инцест не практиковался, насколько он понял. Хотя в той или иной степени все они друг другу родственники. И никаких следов вырождения, вот что странно.

— Вы считаете себя вырожденцем? Из-за того, что вас подвергли биологической модификации?

— Я не понимаю, почему… почему ты все время сворачиваешь к этому? Все, кто… все, кто уходит в глубокий космос, ты не хуже меня знаешь. Иначе… иначе конфликты, смертоубийства. Дело страдает. Половые гормоны… поддерживают… высокий уровень агрессии.

— Спокойнее.

— Я и был спокоен, пока ты…

— Вернемся к поселенцам. Они…

— О, у них все было нормально. И никаких драм, никаких конфликтов. Почему? Ведь высокий уровень половых гормонов… тестостерон еще называют «гормоном агрессии». То есть… да, я знаю, я опять… Нет, мы просто не особо задумывались над этим — времени не было. Занимались сбором данных для… для вынесения окончательного вердикта. Иными словами, что вообще делать с планетой? Понятно, мы отчаянно нуждаемся в новых пространствах, учитывая, что творится на освоенных мирах, но здесь речь шла о цене. То есть о рентабельности, скорее. Потому что планета, ну, мягко говоря, проблемная. Из-за этого неучтенного фактора — мы так и не могли выяснить, что это было. И не понимали, удастся ли его уничтожить при зачистке. Потому что если это какое-то биологически активное соединение — это одно. А если химически активное — другое, его так просто нейтрализовать. Понимаешь? Хотя было понятно, что, скорее всего, вердикт будет — рискнуть. А раз так — куда девать поселенцев? Переместить их в какой-нибудь цивилизованный мир? Более тысячи человек ведь, а на «Сканер» еле-еле поместится сотая часть. С другой стороны, можно было поступить проще — переместить их на орбитальную станцию, а потом вновь инсталлировать. Это даже не нарушило бы обычного хода работ: орбитальный комплекс, летающая крепость, монтируется в первую очередь. Потому что Альянс, он ведь тоже не дурак захапать перспективную планету. Другое дело, что возникли бы трудности с транспортировкой, — технику нельзя было оставлять там надолго, я уже говорил.

Поэтому у нас появились проблемы. Из-за техники. Мы каждый раз боялись, что челнок не взлетит. И работали методом черпака, ну, метафорически выражаясь, то есть снижались, быстро собирали все, что под руку попадется, и поднимались, пока… пока целы. Брали пробы — грунта, воды, атмосферы, всего… Чаще зондами, но зонды… ну, выходили из строя еще быстрее. Быстрее, чем люди, я хочу сказать. И в одну из таких высадок мы нашли обломки. Полипы облепили их со всех сторон,

так что мы не сразу догадались, что это такое. Потом, когда расчистили, нашли клеймо. Это был корабль Альянса. Они оказались здесь раньше нас.

Металл там вообще быстро разрушается, но современный корабль — это ведь большей частью и не металл вовсе. Керамика… жаропрочный пластик. По всему было видно, он здесь не так давно — хотя трудно понять, сколько именно. Лет двадцать? Тридцать? Пятьдесят? Непонятно. Скорее всего, тот же фактор, который разрушал нашу аппаратуру, прикончил и его.

Ты ведь знаешь, как работает разведка Альянса. Ну да, откуда, ты же психотерапевт. Их корабли укомплектованы разнополым экипажем. Мужчины и женщины. Большими группами — до ста человек. Считается, что это помогает сохранять психическую стабильность, — я имею в виду, такое количество народа. Это уже до какой-то степени не экипаж — социум. Соответственно, их корабли по нашим меркам огромны. Потому-то мы его и нашли.

Обычно такой корабль опускается на грунт; самая настоящая крепость, начиненная электроникой, и только тогда начинается самая работа. Так они, видимо, и поступили; а потом начались поломки аппаратуры и всякие сбои, наверняка отказала связь, так что, скорее всего, этот корабль считался пропавшим без вести. Но вот вопрос — куда делись люди?

Да, верно, это случилось несколько десятков лет назад. Ну и что? Кто-то наверняка должен был выжить.

Просто напрашивается — попросить убежища в одном из этих поселений. Их бы приняли; приняли же Натана. Но они этого не сделали. Почему?

Или… сделали?

Местные утверждали, что живут тут с незапамятных времен. Ну, понятно, Смута когда еще была! У них не сохранилось никаких подробных сведений о том, как они сюда попали — неудивительно, вся информация такого рода хранится на электромагнитных носителях, а они-то в первую очередь и разрушились. Бумага? Наверное, ее можно изготовить, но она тоже недолго продержалась бы при такой влажности. По-моему, у них вообще архивов не было. Письменности не было. Хотя нет… Я уже говорил, как они вечерами развлекались. Их философия была формализирована. Они доказывали какие-то сложные математические теоремы друг другу, просто для развлечения… при помощи каких-то символов, которые сами изобрели.

Были устные предания. Мол, они прилетели когда-то со звезд. Или их предки… В языке Альянса много мудреных глагольных времен, а это еще и архаичная его форма. Вообще,

понимать их порой было нелегко, — я уже говорил.

Натан пытался.

Так вот, никаких воспоминаний о том, что здесь фактически потерпел катастрофу корабль Альянса, у них не сохранилось. Нет, мы первые, кто прибыл сюда за много-много лет. Нет, до нас никаких чужаков здесь не было. Никогда.

Так они утверждали.

Натан не верил, что они способны солгать. Он… он восхищался ими, их совершенством, их безграничной добротой, их… Говорю, он сошел с ума.

Ну, а я считал: они врут. Если они ничего не говорят о тех, чужих, значит, есть какая-то причина. Какая? Предположим, они не хотели, чтобы о них стало известно на территориях Альянса. Вообще стало известно. И они просто уничтожили всю экспедицию. Хладнокровно убили. Так?

Но ведь корабль Альянса все равно не мог взлететь, он превратился в груду бесполезного металла и керамики. Или… когда он опустился на планету, этого фактора, этого истребителя механизмов, еще не существовало? Насколько они, поселенцы, владели биотехнологиями? Мы не знаем. Они выращивали какие-то совершенно потрясающие овощи, я уже говорил, или не овощи, не знаю. Натан считал, что аналогов такой культуры во внешнем мире просто нет. Но вот откуда она у них взялась? Местная флора плюс удачная селекция? Или… генная инженерия? Как они умудрялись сдерживать напор местной жизни, такой агрессивной, такой буйной?

Да и сами они. Такие красивые, такие здоровые. Натан говорил, не знающие старости. Возможно. Смерти? Не знаю, по-моему, это сказки. Так не бывает.

Тогда все становится на свои места. Они боялись, что их найдут. Когда на планету сел корабль Альянса, они уничтожили экипаж. А потом вывели в каких-то своих лабораториях эту штуку, фактор икс, как его ни называй. Чтобы, даже если новый корабль сядет, он больше не смог бы подняться с планеты. Никогда.

Только наши «Сканеры» работают по другой схеме. Они не садятся на грунт. Остаются на орбите. Этого они не предусмотрели. И все равно… как исследовать планету, когда постоянно ломается аппаратура? Не лучше ли оставить ее в покое?

Так они думали. Наверное.

Вот только они не могли и представить себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в жизненном пространстве. Особенно сейчас, когда Альянс… ладно!

— Вы испытываете чувство вины?

— Проклятье, да. Нет. Ну да, они, получается, убийцы. Просто лицемерные убийцы. Такие, как мы, только… хуже. Потому что они притворялись другими, понимаешь? В любом случае, работы надо было сворачивать…

— Их следовало наказать за лицемерие?

— Мы здесь для того, чтобы работать, а не для того, чтобы судить. Что они сделали с кораблем Альянса, нас не касалось. Другое дело, это означало, что они вовсе не мирный бесхитростный народ. Что, возможно, они скрывают от нас самое главное… скрывают свою силу. Что они опасны. Тогда я вылетел, чтобы забрать Натана. У меня было мало времени — как я уже говорил, на тамошнем грунте нельзя долго оставаться. Они приняли меня… ну, никак. Приветливо, но не больше. Проводили к Натану, — тот жил в отдельной хижине, которую они специально для него построили, просто потому, что ему так было удобнее, и там было… он пытался наладить биологическую лабораторию, представляешь? Ни одного точного прибора, даже микроскопа… Прямо какие-то темные века.

И он отказался уходить. У него уже к тому времени сложилась своя теория. Легко было догадаться — какая.

Он говорил, что, скорее всего, не поселенцы вывели фактор икс, а фактор икс вывел их. Что он действует не только на приборы, но и на людей. Что именно он… эти беглецы времен Смуты подвергались его действию на протяжении нескольких поколений, а может, и одного хватило… фактор икс стал их симбионтом. Их творцом до некоторой степени. Он… разрушил технику, уничтожил цивилизацию, а заодно внес коррективы в геном. И получилось… то, что получилось. Рай на земле.

Натан… требовал, чтобы терраформирование запретили. Он говорил, это наш последний шанс, последний шанс человечества. Потому что, если мы убьем этот мир, эту среду, мы заодно уничтожим фактор икс.

Он хотел его сохранить. Выделить.

— Вы подсознательно боялись, что ему это удастся? Противились возможности вмешательства в ваш собственный организм, так?

— Нет. Вовсе нет. Но я пытался рассуждать логично. Если мы выделим этот фактор… Если он распространится по всем мирам Территории… Это будут уже совсем другие миры. Цивилизация рухнет. В том виде, в котором она есть — рухнет. Орбитальные станции, точные технологии, космические перелеты… Ведь нельзя же заставить эту штуку действовать избирательно — только на людей. Она исправит людей и уничтожит все

остальное. И вместо Территории мы получим просто большую деревню. Множество деревень. С мирными, красивыми, бесконфликтными жителями. И тогда на земли Территории придут корабли Альянса! Или не придут, просто выжгут все с орбиты, а мы даже не сумеем защититься.

Натан… считал, что это допустимый риск. Что самое главное — спасти человечество. Ты погляди, на кого я похож, говорил он, и плакал, хватая меня за руки. На кого мы все похожи. Ты погляди, как мы искалечены, во что мы превратились… ради блага общества? Да будь проклято общество, которое требует от своих граждан такой жертвы! И сейчас мы…

— Спокойнее…

— Да. Это не я, это он. Он говорил, это надежда. Обещание. Это знак, что человечество может жить… в гармонии и быть счастливо… Он говорил, что планету надо поставить на карантин, закрыть…

Я говорю, ну ладно, а корабли Альянса?

Если тоже придут сюда? Применят тактику выжженной земли и просто уничтожат все на корню? А весь сектор, стратегически важный сектор достанется им? И потом, Натан, как ты объясняешь историю с тем бортом? Куда девался экипаж? Это аргумент не в твою пользу.

Они убийцы, Натан.

Он говорит — вовсе нет. Я уверен, экипаж просто… трансформировался. Влился в их сообщество. Все наши переделы территорий, вся наша возня… для них теперь пустой звук, им это не важно, потому-то они предпочитают не открывать себя. Или даже… они просто забыли, кто они такие, предпочитают не вспоминать. Возможно, тебя ко мне проводил бывший гражданин Альянса, откуда ты знаешь?

Я сказал: Натан, ты вообще видел граждан Альянса? Ты видел, на что они похожи? И это не пропаганда, мы же брали пленных… Там после этих их экспериментов такие чудовищные генетические нарушения, что…

Ну да, говорит он, в этом-то все и дело.

Я понял, он надеется, что это фактор… что он вернет ему… утраченное мужество. Вернет полноценность. Он был как одержимый, с ним было бесполезно говорить. Но я попробовал. Я говорил о долге, о том, что каждый человек — это не просто человек, это часть общества. Что мы стоим на самом краю, на рубеже, а за это надо платить. Я велел ему собираться. Он плакал и валялся у меня в ногах. В буквальном смысле.

Они здорово промыли ему мозги.

Потому что этот фактор, даже если он существовал, то есть

если он улучшал людей, а не только портил технику, нельзя выделить, понимаешь? Как его выделишь в чистом виде, если он способен просочиться из любых боксов, как с ним работать, если он тут же превращает любую аппаратуру в груду бесполезного хлама? На орбите мы устроили что-то вроде карантина, стерильный бокс, облучали каждый фрагмент обшивки… и все равно боялись. Хотя за пределами планетарной атмосферы он вроде бы не действовал. Вроде бы.

— Не делай этого!

— Чего?

— Я знаю, что ты собираешься делать, я…

— Все стереть, ну да. Потому что то, что я сейчас скажу…

— Я не смогу с тобой работать. У меня же не будет данных. Личностный профиль…

— Со мной не нужно работать. Мне просто нужно было с кем-то поговорить. И тебе придется меня выслушать, потому что… больше некому. Тем более, ты и сам догадался. Тот сбой в компьютерах… Когда излучатели заработали спонтанно, сами собой… и жесткое излучение… Терраформирование, это ведь, прежде всего, зачистка. По крайней мере, на начальном этапе.

Чтобы отдать такой приказ, нужно вскрыть по меньшей мере три уровня защиты. Но кто знает, на что, в принципе, способен этот фактор икс… что он делает с электроникой. Могли мы подцепить его, несмотря на все наши предосторожности? В принципе, да. А он мог включить излучатели… тоже… в принципе. Потому что официально никто такой команды не давал. Просто… полетели уровни защиты, и система запустилась самопроизвольно.

Ну вот.

Можешь не спрашивать меня, испытываю ли я чувство вины. В той ловушке, в которую мы сами себя загнали… был ли у меня выбор? Тем более, я уверен — мы видели не всю правду, и даже не ее часть. Мы видели то, что хотели увидеть. То, что нам показали. Декорацию.

Я уже говорил, мы не способны распознать чуждый разум, даже если наступим на него. Ну, по аналогии с муравьем. С муравьями. Но это не значит, что мы вообще не обращаем внимания на муравьев. Мы же их изучаем, правда? Не то чтобы отдаем этому все силы, или надеемся на контакт, на понимание. Просто изучаем. Но ведь мы не исследуем взаимоотношения муравья с человеком — с чего бы? А вот как они друг с другом — иное дело. Как они… шевелят своими антеннами, как обмениваются сигналами, способны ли они к абстрактным понятиям, — как это узнаешь? Только заставив одного муравья

общаться с другим.

Самое эффективное в этой ситуации — создать искусственного муравья. Чтобы мы изучали его, а он изучал своих собратьев. Общался с ними. И если бы мы ухитрились создать такого, это был бы совершенный муравей.

Почему?

Просто потому, что, создавая искусственные конструкты, всегда стремишься к совершенству. Нужно быть очень расточительным, чтобы… воспроизводить отклонения.

Так вот, я думаю, когда корабль Альянса действительно опускался на эту планету, экипаж… прежде чем он погиб, возможно, просто от болезней, от старости, от чего погибают люди, не слишком здоровые от природы, оказавшись в чужеродной среде, без техники, без защиты… этот экипаж послужил моделью, прототипом…

Но, моделью, на основе которой этот чуждый разум… чтобы понять, какого черта мы вообще тут делаем, что мы за звери такие, он выстроил идеальный муравейник. Ведь чтобы выстроить муравейник со всеми отклонениями, со всеми пороками, какие там бывают у муравьев, откуда я знаю, они, вроде, тоже бывают склонны к социальному самоубийству, к наркомании; я читал, какой-то жучок, ломехуза, они добровольно притаскивают его в свои дома, и он… ну, не важно. Для того чтобы выстроить неидеальный муравейник, надо быть муравьем. Это понятно, да? У нас кишка тонка — создать муравейник, где все, буквально все особи были бы дефектными… и все равно функционировали… распространялись по поверхности земли… создавали другие муравейники… понятно, да?

Те полипы…

Или что-то еще? То, что превратилось сейчас в груду гниющих останков, вместе с этими лесами, вместе с тремя человеческими поселениями… вместе с Натаном…

Не думаю, что этому, чем бы оно ни было, удалось нас понять. Его модели были для этого… слишком хороши. Оно создавало их на рациональной основе — откуда ему знать про первородный грех? Про чувство вины? Про комплекс неполноценности? Про то, что делает людей людьми, потому что других нет, а значит, и не может быть.

Ты спросишь, зачем ему, этому, понадобилось разрушать нашу технику?

А зачем мы разрушаем муравейник, который пытаемся исследовать?

Ему надо было свести к минимуму помехи, вот и все. Отделить главное от неглавного. Что врожденное, что наносное…

Как это определить? Самое простое — свести к минимуму случайные факторы. Материальную культуру. Вытряхнуть нас из нашего механического панциря.

Просто, правда?

Я так и не смог объяснить это Натану.

Что его идеальные люди — просто подделка. Муляж. Конечно, откуда болезни, старость? Тот, кто их делал — по негодным, ущербным образцам, — старался выжать из того материала, что у него был, лучшее. Он счел болезни и старость просто нарушениями генома. И удалил их, как и все остальные. А заодно немножко подправил социальные механизмы. Наверное, тоже воспринял те заложенные в нас биологические программы… как противоречивое… неправильное… они и есть противоречивые… неправильные… как мы ухитряемся лавировать в этом хаосе? Сам не знаю. И ты не знаешь. Ты просто механический психотерапевт, аппарат, умеющий реагировать на ключевые фразы.

Так вот, насчет чувства вины.

Я убийца?

Ну, нам, терраформаторам, не впервой. Мы только и делаем, что уничтожаем неугодную нам жизнь. Разумную? Как знать, сколько раз мы уже убивали разумную жизнь, вот так, походя, потому что не могли ее отличить от любой другой?

Еще я убил одного-единственного человека. Натана. Он… отказался уходить, он сказал, что разделит с ними их участь — ну, он думал, что мы погрузим их на орбитальную станцию, в несколько ходок… а потом вернем обратно, на цветущую планету земного типа.

Не уверен, что это удалось бы. Шаттлы не выдержали бы — техника уже была на пределе. Потом… кто бы допустил? Я сам бы не допустил. Ведь не исключен вариант, что все они — носители этого самого фактора икс. Инфицированные.

Ну да, он бы радикально улучшил человечество. И при этом погубил его. Потому что человечество — это его машины. Это… агрессия, это стремление… к расширению пространства, к распространению. Пускай даже за счет себе подобных. За наш счет.

Но я думаю, все-таки они не были людьми. И вот тогда…

Тогда я…

Нет, погоди.

Я знаю, что я сделал.

Я оставил людям надежду.

Потому что есть отчеты Натана. Материалы. Съемки с орбиты.

Там, на этих кадрах, в этих файлах доказательство того, что человечество… что люди могут быть достойными восхищения. Могут достигнуть бессмертия. Физического совершенства. Жить в мире.

И вот теперь, когда от тех, кто внизу, не останется ничего, кроме смутной легенды… вот тогда, когда наши генетики, наши социологи… когда они будут гадать — а как такое возможно? И коль скоро возможно, то как это повторить? Воспроизвести?

Пускай не сразу… пускай когда-нибудь… я что, я отработанный материал. Мы все отработанный материал.

И когда-нибудь, полагаю, довольно скоро эти данные попадут к Альянсу.

У них прекрасно налажена система разведки, верно?

А. А. Аттаназио
ТЕЛЕФУНКЕН РЕМИКС

Переход

Едва различимая за шорохом дождя, проникающим через овальное окно спальни, череда трех сладкозвучных нот трижды льется из будильника в изголовье, и Ноэль мягко всплывает из Лона. Так в Занебесной называют сон: слово очень древнее и означает «место, где зарождается все новое». Лучше не пытаться это объяснить!

Такова первая мысль Ноэля, когда, скатившись с мшистой кровати, он в два шага оказывается в душевой колонне. Он поднимает чаги-жалюзи и смотрит, как утро выглядывает из-под одеяла удаляющихся грозовых туч. Еще один прекрасный новый день в Сейлле, ивовом городе Занебесной. Сейлле, мир лесных травостоев и лебединых заводей, мечта о старинном предместье

райского сада, полнится птичьими мадригалами и дышит утренней дымкой от сотен водопадиков. Но даже этой мирной картине не усмирить беспокойных мыслей Ноэля. Настал большой день, рискованный день, когда он покинет Занебесную ради Земи.

Предрассветные лиловые тени тянутся сквозь его сердце и омрачают тревогой: а вдруг дубликат его не поймет? Ноэль уже решил начать с объяснений, почему в Занебесной мир дубликата называют не Землей, а Земью.

— Ваше название возникло в результате ошибки, — репетирует он вслух. — Уверен, многие в твое время догадались, что жизнь и сама Солнечная система созданы разумом.

«Многие в твое время…» Ноэля коробит от корявого оборота. «В мое время?» — переспросит дубликат. Ну и как Ноэлю связно изложить все, что случилось в течение разделяющей их бездны веков? Огорошить тем фактом, что человечество вымерло задолго до того, как сигналы его теле- и радиопередач достигли ближайшего монитора Контекста в галактике Андромеды?

Сможет ли дубликат поверить в Контекст, если первым делом узнает, что саму его жизнь определил дефект в Разумном Мироустройстве? Как подать тот факт, что монитор в Млечном Пути засбоил и всеведущий Контекст так и не узнал, что на третьей планете в системе Солнца зародился разум, — до того как неразумные создания сами себя уничтожили?

Сливная ниша спускает воду, и пока Ноэль смотрит, как свивающиеся струи, журча, уносят отходы в подземные камеры, у него мелькает случайная мысль: надо рассказать про древомильцев. Ну конечно! «Занебесная выращивает нам все, даже крышу над нашей головой, наших древомильцев… наши дома». Прямо так и сказать: дома. «Контекст спроектировал наши дома, чтобы они о нас заботились». Надо использовать расхожие, общие слова, чтобы объяснить неизвестные.

Вдохновенная догадка захватывает Ноэля целиком, и он продолжает вслух, радуясь энергичной уверенности в собственном голосе:

— Давай я расскажу про биотекстуру и как безупречно увязано все, даже наши выделения.

Он останавливается. «А двойнику это слово известно?» Лучше будет сказать *отходы*.

— То, что ты спускаешь в канализацию… хотя у нас таковой нет, не только способствует росту твоего собственного древомильца, но и сообщает ему о твоем здоровье, поэтому он выращивает именно те питательные вещества, которые тебе больше всего нужны.

«Вот так, правильно. Начни с этого. С дома. Тогда ему будет легче расслабиться».

В гладком озерце посреди душевой колонны отражается худощавый, белый, как творог, юноша с узкими костлявыми плечами. Ноэль придирчиво изучает свое отражение, зная, что во многом дубликат будет походить на него: жидковатые пряди мышиного цвета, отброшенные со лба, прямоугольного, как кусок мрамора; зеленые глаза, у зрачков коричневые, словно запекшийся на солнце торф; обрубки бровей, птичка морщины над бесформенной бульбой носа и изящный рот, который мог бы показаться женственным, если бы не широкий, как бумеранг, подбородок.

Вдалеке ворчит на прощание гроза.

— Привет. Я Ноэль. Я — это ты, твой клон через два миллиона лет в будущем.

«Чушь», — одергивает он себя, а после нажимает узловатый рычажок, выпуская бодрящий спрей из резервуаров в листьях, куда собрал дождевую воду его древомилец.

— Привет, я Ноэль. Через два миллиона лет Мироустроитель, потерявший вашу галактику, найдет твою лопатку. Я — воспоминание о тебе, выращенное из этой косточки.

Солнечный свет сыплется сквозь ветки золотой трухой. Под пологом ивовых ветвей Ноэль сидит, скрестив по-турецки ноги, на мягком дерне и вглядывается в лицо своей inamorata,[1] запоминая ее черты, сознавая, что, возможно, никогда больше ее не увидит. Это последнее их свидание. Най'а смотрит на него напряженно и беспокойно теребит складки туники. Ее сивиллова красота вибрирует умом, переливается черным, словно сотканная из тьмы собственных зрачков.

— Что если он мне не понравится?

— Это же буду я, — голос Ноэля звучит удрученно, он перестает шнуровать бриджи. Сколько раз он уже ей объяснял? — Мы идентичны.

— Генетически, — упрек в ее голосе становится отчетливей. Сколько раз она это повторяла? — Но он не ты. Он твой двойник, дубликат.

— Он тебе понравится, — слова со вздохом вырываются из потаенного места в душе, куда он прячет воспоминания о ней. — Ему необходимо нравиться тебе.

Най'а подается вперед.

— А что если ему не понравлюсь я?

— Это нереально. — Он берет ее руки в свои. — На Земи нет никого красивее тебя. — Объективно это верно. — Ведь ты — храмица, а значит, сама красота.

— Тогда почему ты меня бросаешь?

Пессимистическое «но я-то не компьютерное создание храма» едва не слетает с его губ.

Черные, как порождение тьмы, глаза всматриваются в его лицо, стремясь заглянуть в душу.

— Ты анамнестик. И что с того?

— Ну да, ну да…

Само это слово звучит гадко. Анамнестик… Анамнестик… Будто не говоришь, а чихаешь. И ведь значит оно всего-то «помнящий о прошлом».

Най'а непримиримо хмурится.

— И каково, по-твоему, будет этому двойнику, когда он из-за тебя тут застрянет?

— После всего, что выпало на его долю? Замечательно!

В этой части препирательств он приводит логические доводы. Но таким разговорам не будет конца, пока он не оправдает сердечные порывы. Ничто другое ее не интересует. За последние двенадцать лун, пока она помогала с приготовлениями к нуль-переходу, они разыгрывали множество вариантов этого спора. Ноэль хмурится, словно разгадывает шифр в покачивании теней под кроной ивы.

— Его жизнь — игра случая. На Земи преуспевают лишь хитрые и изворотливые. Те, кто продает и покупает с алчностью и сноровкой большими, нежели любовь. Остальные же плывут по течению, подталкиваемые событиями. Уверен, он — один из последних.

— Ну и что? — голос пресекается от избытка чувств. — Это случилось два миллиона лет назад, Ноэль. Ему уже не больно.

— Но мне больно, Най'а. — Заметив, что стискивает ее пальцы, он разжимает руки и встает. — Ты же знаешь, что такими, как я, движет сострадание. — Ее скептический взгляд заставляет его продолжать. Сегодня слова Ноэля звучат весомо, ведь произносятся они в последний раз. — У меня есть древомилец. У меня есть ты. У меня есть вся Занебесная, и она готовит меня к успеху на Земи. Как я могу бросить его там, если у него нет ни одного из этих преимуществ?

— Твое место здесь, со мной.

— Ты храмица. Твое место в Занебесной. А я… Посмотри на меня. Я воспоминание о Земи, кризис изъянов.

— И что ты хочешь этим сказать? — Она откидывается на локти, смотрит на него снизу вверх полуночными глазами. Она игнорирует завуалированный довод, мол, «помнящие делают нашу культуру сильнее», и переходит прямо к очевидной истине: — Дубликатам тут тяжелее.

Ей нет нужды объяснять. Дубликаты-двойники помнят Земь — а в Занебесной это всегда травма. Некоторым древомильцам так и не удается успокоить своих новых хозяев, если не стереть их память. А в Лоне дубликаты попросту бесполезны.

Вот тут заключается истинная трудность. Вот почему управляющие Мироустройством не одобряют замен. Управляющие — добрые соседи из гиперпространства, из Контекста, которые зовут себя Три-Сьерра: им кажется, такое словосочетание приятно для слуха человекообразных. Взаимозамена между Занебесной и Землью — процесс сложный и мучительно многогранный и для управляющих, и для храмицы; ноша настолько тяжелая, что снести ее способна одна лишь любовь. Разумеется, Най'а его любит. Ведь Контекст именно такой ее создал. Най'а поднимается, фактически складывая оружие.

— Значит, взамен кризиса изъянов я получу кризис без изъяна. Повезло же мне.

— Это мне понадобится везение. — Улыбаясь, он пытается обратить свои слова в шутку.

— Так тебе сказали Три-Сьерра? — Взмах руки, и ивовые плети раздвигаются, как занавеси, открывая янтарно-сказочную панораму перекатывающихся холмов с древомильцами среди хвойных лесов, вересковых пустошей и озер, где отражается небо. — Сказали: испытай свою удачу?

— И не раз предостерегали. Сегодняшний переход — предварительный. Им нужно откалибровать приборы. «Учитываю ли я стохастические опасности путешествия через нулевой портал? Сознаю ли я, что будет, если вакуумные флуктуации хотя бы в малом отойдут от установленных…» Ну… завтракать я тогда начну с динозаврами. — Он берет ее за руку и выводит из переливчатых теней на безжалостный свет. — Удача — сфинкс с острыми когтями!

* * *

Красная луна восходит гигантским горнилом. Ноэль целует Най'ю, и девушка прижимается к нему.

— Мы любим друг друга, — горячо шепчет она. Ноэль щекой чувствует исходящий от нее жар. — Возьми на счастье.

— Нуль-портал открыт! — с безопасного расстояния возвещают управляющие, окутанные тьмой среди желтых сосен. — Пороговое ограничение пятнадцать минут. Поспеши!

Беспокойный взгляд через плечо Ноэля упирается в

обтекаемые лица, бесстрастно наблюдающие из темных недр леса. Эти маски-иероглифы не сулят милосердия, и если он не вернется после четверти часа на Земи — фр-р! — сами струны, сплетающие его атомы, разовьются… И от него не останется ничего, даже призрачного отпечатка в вакууме.

Последнее «прощай» полыхает во взглядах, которыми они обмениваются с Най'ей, и он поворачивается к нуль-порталу. Это пустая полянка, на которую сквозь кроны ложится косой лунный свет. Он приближается осторожно, сердце у него колотится, но голову все-таки держит высоко, как слепец, пока управляющие не восклицают разом:

— Сейчас! Сейчас, Ноэль! Не медли.

Он бежит по пружинящей траве. Лунный свет нарастает пенным буруном. На безумное мгновение он чувствует себя всеми покинутым, затопленным горем. А потом вдруг подошвы его сандалий с чавканьем опускаются на асфальт. Галогеновый свет душит лунный. Пазухи носа и рта ему обжигает затхлая вонь отходов и аммиака с реки. Поляна и сосны сменились соборными арками внушительного моста. С перекладин его приветствует сонный голубиный хор, а в отдалении сияет огнями электрическое ожерелье другого моста-колосса.

Одинокая фигура в кедах, мешковатых джинсах и темной куртке с капюшоном прислонилась к железным перилам в конусе призрачного фонарного света. Когда Ноэль вышел из косых теней от гигантских опор моста, незнакомец повернулся и дернулся в сторону так резко, что с головы у него съехал капюшон, открывая пугающее отражение Ноэля, идентичное, если забыть про сбритые виски и ржавые полоски бакенбард.

— Какого черта…

— Не бойся.

Ноэль вышел из темноты в облачении Занебесной: серебристой блузе с широким воротом, светлых, затейливо зашнурованных бриджах и высоких сандалиях. В смазанном серебристо-оранжевом свете он казался архаичным, сиротливым призраком, его длинные волосы разметал речной ветер.

— Я не причиню тебе вреда.

— Эй, ты… не подходи!

Ноэль застыл на скользком асфальте.

— У меня мало времени.

— Вот черт! — Потрясение дубликата вырвалось невнятным шепотом, глаза у него расширились, все тело напряглось в готовности бежать. — Ну надо же! Ты кто такой?

— Ноэль. — Попытавшись улыбнуться, Ноэль выдавил гримасу. — Я твой клон.

Последнего слова дубль явно не понял.

— Ноэль? Мой близнец или еще кто?

— Вроде того. — Вздернув подбородок, Ноэль протянул правую руку, намереваясь спросить: «Как тебя зовут?», а дубль, будто Ноэль занес над ним кулак, попятился, бормоча:

— Нет у меня никаких братьев.

И слишком поздно, лишь после того, как сила тяготения взяла свое, Ноэлю вспомнился маленький твердый предмет, который Най'а вложила ему в руку.

Звякнув, точно хрупкая льдинка, нефритовая монетка запрыгала по грязному асфальту. «На счастье», — сказала Най'а… Ноэль уставился на… Ну, само это слово считалось в Занебесной кощунством: обол. Такой есть у каждой храмицы. Ядро ее метаболизма, бесконечность в песчинке, монетка судьбы. Она напрямую связывает храмицу с Контекстом. И это родство так тесно, что его не выразить трансчеловеческим языком, а когда храмицы пытаются вместить его в слова, когда вслух излагают свои наблюдения из гиперпространства, пытаясь метафорами перевести на уровень органического бытия, их речь звучит оскорблением: «Разум — наезженная колея Контекста… Жизнь — кошель голодных призраков… Самая грязная часть тела — рот, и все произнесенное — испражнения». Храмицы рано научаются избегать разговоров о Контексте, люди их и не спрашивают, а обол девушки обычно прячут на наименее грязной и, как правило, скрытой части тела.

И сердце Ноэля заходится — не только потому, что обол Най'и скачет по земле, но и потому, что он понимает: пока Най'а разлучена со своим оболом, Контекст не способен регулировать ее биокинезис. То есть через несколько дней она умрет.

Обол же замедлил бег и лег между кедами дубля, и двойник присел, чтобы его подобрать.

— Отдай! — Настоятельный приказ спугнул «близнеца», и когда Ноэль решительно шагнул вперед, парнишка бросился бежать. — Эй! Он мне нужен!

С воплями Ноэль ринулся следом.

Почти беззвучно дубль сбежал с освещенной набережной на тенистую тропку и, натянув на голову капюшон, растворился в тенях сонных улиц.

* * *

Закат ложится на западе слоистыми полосами. Под соснами — скелетные силуэты управляющих, эти светящиеся лица

обтекаемы и выпуклы, как у мурен. Глядя на них, Ноэль и Най'а понимают: смерть — последний приют в Занебесной. Никто здесь не умирает от несчастного случая, своей или чужой руки. Контекст моделирует все душевные порывы, чтобы они постепенно вели к сокровенной радости, уготованной всем.

— Но если твой дубль не поменяется с тобой местами или попадет сюда без обола, как мы, Три-Сьерра, поможем Най'е? На Земи мы бессильны, и у нас нет способа вернуть обол.

Их гипнотические голоса безмолвны.

— Мы дали тебе исчерпывающие инструкции. Ты не должен был брать с собой ничего, помимо одежды на теле.

Легкий ветер полнится ароматами великого леса. Ноэль вдыхает пряный запах сосновой смолы и не успевает открыть рот, как Най'а произносит:

— Я уже говорила. Это я в последний момент навязала ему обол. Не хотела жить, если он не вернется, если в ваши расчеты вкралась ошибка.

Ноэль ждет ответа. Но слышит лишь стук своего сердца. Рубиновые огни скользят за деревьями. На фоне изукрашенного драгоценностями мира тенями движутся управляющие, держат совет. Журчат голоса.

— Если твой двойник попадет сюда, пусть принесет обол, или не пройдет нескольких дней, как Най'а примет сокровенную радость. А без нее твой двойник лишится храмицы. Тогда Три-Сьерре придется создавать ему особые условия. Нам не нужны лишние хлопоты.

По пути назад к древомильцам под долгими и пурпурными вечерними тенями Ноэль признается:

— Он не тот, на кого я рассчитывал.

— Ты имеешь в виду дубля?

Ноэль рассеянно смотрит на ковер еловых иголок и случайно подобравшиеся к тропинке грибы.

— Он выглядит как я, но он не я.

— Конечно, он не ты.

В неверном свете звезд, ведь луна еще не взошла, Най'а останавливается, волнистые волосы ложатся ей на плечи, и в глубине ее зрачков клубится чернота.

— Он живет на Земи, Ноэль. Чего ты ждал?

— Я думал… Ну, я думал, что лучше знаю его. — Он поднимает изумленный взгляд и видит лицо, печаль которого вот-вот выплеснется через край, словно вода из ведра. — Он не узнал меня. Я для него был лишь призраком. А теперь я понимаю, что и для меня он не более чем призрак. Весь их мир, Най'а, лишь обернувшийся кошмаром сон.

— Что ты собираешься делать?

— Отправлюсь туда, как и планировал. — Решительным шагом он направляется к древомильцам. — Теперь другого выхода нет. Я разыщу твой обол.

— Ты? — Крепко взяв его за локоть, она всматривается в него напряженно, старается обуздать надежду. — Ты вернешься? Ко мне?

Удивление в ее голосе чуть умеряет его разочарование.

— Ты была права, Най'а. Тебе он не понравится. Прости… прости, что я увлекся этой безумной затеей. Я найду обол и непременно вернусь.

— Если тот, другой, его не потерял, — шепчет Най'а.

— Я найду его, — шепчет в ответ Ноэль.

Держась за руки, они неспешно покидают лес и оказываются на краю озера, расчерченного тенями стволов, словно зебра. Они садятся на сланцевый уступ над галечным пляжиком, и Ноэль погружает лицо в ее волосы, вдыхает глубоко, вбирает в себя запах ее естества, который намерен взять с собой.

— Мы всегда будем вместе, — заверяет она, — даже если ты не вернешься.

— Вернусь.

— Эта уверенность останется здесь, в Занебесной. — Проникший в щель среди облаков лунный луч ложится им под ноги кинжалом. — На Земи нет уверенности ни в чем, Ноэль. Ни в чем, помимо гибели.

Шифрованный циферблат часов

Солнечный свет золотой пудрой сыпался меж ветвей. Сидя на спинке парковой скамейки, подтянув на сиденье ноги в кедах, Леон рассматривал кусочек нефрита, который выпал вчера у его двойника. Меньше четвертака, больше никеля, тоньше десятицентовика и на ощупь такой, словно его из морозилки вынули. Сколько ни сжимай кругляшок в ладони, сколько ни выставляй на солнце, все равно остается прохладным. На обеих полированных сторонах по девять точек: «…» — и ничего больше.

— А вот Причастие! — забормотал он на манер зазывалы, когда мимо прошаркал потенциальный покупатель. — Меловая Пыль. Смоляной Ангел. Причастие.

Подошел Черепаха, при пожатии сунул ему в ладонь наличку, а заодно незаметно забрал кодированную цветом промокашку, чтобы в дальнем конце парка обменять на их долю. Скучища, временная работенка, когда нет ни шанса сбыть товар на сторону или стырить наличку. Но ему нравилось сидеть в парке:

зашибаешь достаточно, чтобы еще через четыре месяца завести собственную базу и выйти на опт. Обычно мозги его так и вибрировали в предвкушении сногсшибательных перспектив. Но не сегодня. Нефритик успокаивал.

— Кому Причастие? Меловую Пыль? Смоляного Ангела?

— Что это у тебя, Леон? — мягкий голос, перекатывавший слова, как черничины, принадлежал единственно важному для него человеку на свете. — Дай посмотреть.

Не оборачиваясь, он поднял зеленый кружочек, и аккуратные ноготки фиалкового цвета ловко выхватили его. И тут же последовал краткий вдох удивления. Он криво улыбнулся солнечной лужайке.

— Холодный, да?

— Как лед. — Она скользнула на скамейку, устроилась у него между ногами. В огромных солнечных очках, длинной черной блузе, блестящих брючках в обтяжку и зашнурованных ленточками сандалиях до колен она казалась тоненькой, как тень в полдень. — Что это?

— Откуда мне знать?

Он рассказал, как ночью под мостом утащил нефритик у своего близнеца.

Отблески камня мелькали отражениями в очках девушки, пока она вертела кружочек в пальцах.

— Ты под кайфом был?!

— Ха!

Собрав стриженые волосы подруги в кулак, он легонько встряхнул ее голову.

— Честное слово?

— Зуб даю. Как свое отражение увидел. Только с длинными волосами. — Он уставился в послеполуденные тени на мозаичной дорожке, точно пытался решить геометрическую задачку. — Как, по-твоему, кто он?

Снова пришел Черепаха, и во время передачи Тейма вложила монетку меж губ в персиковой помаде. Холодок обжег ей зубы, и боль зазвенела у нее в душе горестным пониманием, что она сидит на этой парковой скамейке, где за деньги можно купить самое отчаянное счастье на планете — а сама она этого счастья не хочет. Живо вспомнились обкуренная грусть матери и неоплаканное одиночество сестры, уставшей от всего, кроме синего дыма в стеклянной трубке кальяна. Она выплюнула нефритик.

— Эй!

Леон перемахнул через нее по-лягушачьи, едва не сбил с ног Черепаху и одним прыжком догнал катящуюся меж трещин и

окурков монету.

— Да что на тебя нашло, Тейма?

Через черные очки подруга пригвоздила его сердитым взглядом.

— Твоя штука хотела мои мозги съесть.

— Ну да?! — С бессильной ухмылкой он поднял монетку. — Ага, значит, ты тоже заметила.

Тейма нахмурилась, переваривая свое возмущение, а после понизила голос:

— Жуть от нее, Леон. Лучше выбрось.

— С ума сошла?

Крутанувшись на каблуке, он вернулся и сел на скамейку, держа перед собой нефритик. Камешек холодно блеснул на солнце.

— Тут какая-то магия, детка.

* * *

Бритвы звезд брайлем вырезают знаки слепого случая в небесах. Ноэль один шагает по дорожке заброшенного сада за Сейлле. Рассеянный лик луны освещает путь средь узловатых одичавших яблонь и замшелых камней разрушающейся стены. Крах Отшельник, звероватый коротышка в одежде из сыромятных шкур трофейных животных, спустился с предгорий бескрайнего вереска и серебряных дней, где стоит его каменная хижина. Вот уже восемьдесят циклов каждое полнолуние Крах встречался с Ноэлем и другими беспокойными анамнестиками среди сумрака деревьев в синем безмолвии лунного дыма. Драма связывает их: декорации дикого мира, сломленного мира.

Крах, как и Ноэль, анамнестик, но в отличие от своего пылкого ученика Отшельник давно бросил данный ему древомилец, чтобы жить собственным умом и добычей с пустошей. Сейчас он невозмутимо восседает среди поганок и репейника в амфитеатре запущенных садовых террас.

— А, это ты, Познай Эля! — Эхо разносит его голос меж лиственниц, увитых плетями гороха. Среди приверженецев Краха был один дубль, раввин на Земи, и от него Крах узнал, что Эль — библейское имя Бога, и теперь не упускает случая радостно напомнить Ноэлю, что его имя означает «рождаться», добавляя: мол, если ты родился в Занебесной, то уж точно познал Эля. Крах умеет отпускать шутки, но он не духовный учитель в традиционном смысле, и если на него поднажать, неохотно признает: «Мир сам по себе священное писание».

Ноэль тяжело садится на землю. С рыданиями рассказывает о случившемся.

— Во-первых, возьми себя в руки. — Крах подается вперед; звякают, сталкиваясь, вплетенные в сальные косицы бусины. — Земь не место для глупцов с расстроенными нервами.

— Мне вообще не следовало туда отправляться.

— Верно. А теперь ты отправляешься снова. Поскольку должен. — Исходящее от него внутреннее спокойствие заставляет Ноэля собраться, рыдания замирают. — Вот почему ты послал за мной.

Ноэль утирает рукавом слезы.

— Твой дубль — не ты. — Крах отклоняется снова. Монголоидные глаза напоминают шрамы. — Повтори.

— Мой дубль — не я.

— На Земи люди ежеминутно умирают по ошибке или из-за злого умысла.

Голова Ноэля тяжело повисает.

— Тут нет ничего нового, Крах.

Темно-медная кожа Отшельника словно впитывает лунный свет.

— Кем бы ни был твой дубль, он страдал. И он опасен.

— Древомилец меня подготовил. — Гнев подталкивает Ноэля. — Послушай, старик, из-за тебя я стал задумываться о том, чтобы поменяться местами с дублем. — Он обвиняюще вскидывает голову. — Ты ведь проповедуешь естественную жизнь, так? Мол, надо быть верным своей истинной природе. Вот так я и решил поступить. Жить в диком и сломленном мире. Это должно было стать актом сострадания, а обернулось кошмаром. И я не знаю, смогу ли все исправить. Возможно, я не вернусь. Поэтому пришел попрощаться.

— Чем хорошо прощание, Познай Эля? — Крах сияет, бесконечно довольный собой, мудрый странник, охотник на антилоп и афоризмы, и гордо выдает старинный трофей: — Мы машем, показывая, что наша рука пуста. Пустая рука, полная тоски.

— Думаю, это попадает под категорию казуистики.

— И подобные слова говорит человек, который получает свое пропитание от дерева. — Крах разражается лающим смехом. — Когда приходится самому себя кормить, быстро понимаешь, что «Привет» и «Прощай» в самом деле случаются. Пустота и Наполненность. Выбор есть лишь в мечтах, а большинство не умеет мечтать и потому не имеет даже такого.

Ноэль опускает голову.

— Сомневаюсь, что хоть когда-то тебя понимал.

— Хорошо. — Коричневые и твердые, как кирпичи, руки Краха ложатся на плечи Ноэля. — Значит, когда вернешься, нам будет о чем поговорить.

* * *

Закат заложил запад змеями-полосами. Леон и Тейма стояли под стальными опорами колоссального моста.

— Вот тут я его видел. — Леона подгонял адреналин, не давая стоять спокойно. — И я сдрейфил! Он хотел поговорить, назвал свое имя. А у меня крышу снесло. Я просто сбежал!

— Ну не совсем же она у тебя поехала. — Подобравшись сзади, Тейма запустила руки в карманы его черной куртки на молнии. — Ты стащил нефритик.

Он прижимается к ней спиной.

— Ага.

— Как его звали?

— Джоэль… нет… Ноэль. — Достав из кармана нефритик, он повернулся в объятиях Теймы, едва не коснувшись ее носом. — Я подумал: если мы придем сюда вдвоем и его штуковину прихватим… ну, туда, где я ее получил, может… может, мы что-нибудь почувствуем.

Со дна ее медовых глаз поднялось согласие. Она сжала ладони поверх его, и обол из двух миллионов лет в будущем на мгновение превратил сумерки в пылающий меч. Когда жгучее лезвие вернулось в ножны темноты, черная мысль одновременно омрачила обоих. Какой-то ангел решительно и бесповоротно изгнал всю их планету во тьму случайностей и преступлений, а после удалился в неведомый, запретный, яркий мир, оставив их в серой безвестности, где становится все темнее.

Оба разом отпрянули, и обол звякнул об асфальт.

— Господи, Леон! — Тейма уставилась на него сквозь пелену жарких слез. — Господи Боже! Что это было?

— Хрена я знаю! — Хмыкнув с угрюмой бравадой, Леон присел над оболом, но не коснулся его.

— Ты тоже это почувствовал, Леон. — Она попятилась. — Я почувствовала, как ты почувствовал.

Он передернул плечами.

— Ну, почувствовал. Словно сделал глубокий вдох очень холодной ночью. В каком-то далеком-далеком месте. И внутрь тебя забирается нереальное одиночество, будто дома у тебя вообще нет.

— Это проклятие, Леон! — Она все пятилась. — Такое

ощущение, будто нас прокляли.

— Проклятие?! — Он натужно рассмеялся. — Где ты этого набралась, Тейма? В воскресной школе?

Она перевела взгляд на реку, серую как асфальт, на красный мазок, зависший в небе.

— Только не говори, что сам туда не ходил.

— У нас воскресенье ничем не отличалось от будней: смотри не попадись под ноги пьяной мамаше и ее обдолбанным хахалям.

Леон подобрал обол, и чувство ущербного одиночества пропало: утекло ему в душу, забралось поглубже и принялось осматриваться в самой ее сердцевине, о которой он даже не подозревал. И словно издалека он услышал собственный голос:

— Рассерди ее, и если она не даст тебе оплеуху, то прижжет сигаретой шею. Под волосами, где не видно.

Тейма все отводила глаза, точно стыдилась.

— Оставь эту штуку здесь, Леон. Пойдем. — Все еще не глядя на него, она протянула руку. — Пойдем, приятель. Пора убираться отсюда.

Спрятав нефритик в карман, Леон рывком поднялся, взял Тейму за руку, и вместе они поспешили в лиловую ночь. Странность последовала за ними. Их шаги отдавались гулким эхом, точно в пещере. Вспышки света, краткие, как от огонька спички, кружили и расплывались разводами на радужке, если посмотреть на них прямо. И грусть рыскала в их сердцах, как ветер по ржаному полю.

— Ты его сохранил. — Остановившись, как вкопанная, Тейма уставилась на него возмущенно. — Леон! — Его имя на мгновение повисло обвинением, а после она взяла друга за локоть и потащила к перилам. — Выброс его в воду.

Он неловко заерзал.

— Выброс, не то я уйду.

Он было обиженно выпятил нижнюю губу, но пожал плечами и отвернулся.

— Тогда уходи.

* * *

Ночь возносит Орион[2] на небо. На пустынной полянке, окруженной желтыми соснами, Многомирье кружит прозрачными радугами — точь-в-точь опрокинутый водоворот. Луна еще не поднялась, и во тьме различимы смутные воронки гипнотических фантомов — нуль-портал. Когда из леса летят крики («Иди, Ноэль! Не медли!»), Ноэль даже не оглядывается. Управляющие

запретили Най'е приближаться к порталу. Он решительно шагает в многоцветную вихревую воронку.

Портал столь тщательно откалиброван по первому переходу Ноэля, что он не испытывает ни тени головокружения. Высокие стволы с сучьями, скрипящими, как старые седла, исчезают, и в мгновение ока перед ним раскидывается ночной город. Его приветствуют выхлопы, вонь отбросов, пульсирующий запашок мусора и грохот машин. Он вдыхает этот мир, измученный запах дикого и обездоленного человечества, и, не обращая внимания на страдания и нищету кругом, на горестное завывание сирен, ищет на ночных улицах собственное лицо.

Дубля он нашел за расчерченной граффити витриной кубинско-китайской забегаловки. Напротив его изначального «я» сидела за пластмассовым столиком молодая угловатая женщина с волосами, как обкромсанные вороньи перья. Они вполголоса ссорились, не желая привлекать к себе внимание, хотя замечать их было некому, ведь тут не было никого, кроме усталой женщины за стойкой раздачи.

Под ногами Ноэля зарокотал гром подземки, когда, лавируя меж торопливыми пешеходами, он подошел к дверям забегаловки. Дубль увидел его, стоило Ноэлю переступить порог, и вскочил так внезапно, что опрокинул стул.

Девушка в черном повернулась и, разинув рот, уставилась на двойника Леона.

Ноэль подошел к дублю почти вплотную и заговорил вполголоса. Его слова и взгляд, устремленные в собственное ошарашенное лицо, сочились ядом.

— Отдай, что взял.

— Что? — Дубль моргнул, словно не понял.

— В левом кармане. — Едва переступив порог, Ноэль уловил угасающую тягу Най'и, жалобную песнь, несущуюся через два миллиона лет, оттуда, где она ждет, умирая. — Не то я отниму силой.

Двойник храбрился, но отступал.

— Черт… Да кто ты такой?

— Леон… — В изумленном взгляде девушки завихрилось понимание. — Это его вещь.

— Заткнись, Тейма!

Леон замахнулся, метя кулаком в нос Ноэлю. Развернувшись от талии, Ноэль поймал его локоть необычным верхним захватом, от которого всю руку прошила боль. Из горла Леона вырвался вопль.

Продолжая блокировать нервный узел в локте, Ноэль запустил руку в левый карман джинсов Леона и достал обол.

Потом подошел к упавшему стулу, поднял его и опустил на сиденье обезвреженного дубля. На ладони Ноэля нефрит словно бы напитывался токами его собственного костного мозга. Добродушно улыбнувшись удивленной женщине за стойкой, Ноэль вышел на улицу.

— Подожди! — Тейма бросилась следом. — Не уходи!

Ноэль помедлил в потоке пешеходов. Окутанный вонью немытых тел, дизельного дыма и тухлого запашка мусора, он упивался тем, что находится здесь, под иероглифами неона, поэтому ласково обернулся навстречу изумленной девушке.

* * *

Бритвы звезд брайлем вырезали знаки слепого случая в небесах. Вандалы перебили фонари, приблизив созвездия к тьме, безраздельно царящей среди деревьев в парке.

— Подожди. — Тейма прильнула к Леону, и оба они остановились на углу перед угольно-черным провалом входа в парк. — Там опасно ночью.

— Не бойтесь. — Впереди маячили белые одежды Ноэля. — Нам нужно поговорить наедине. Ты ведь сказала, что хочешь поговорить, так?

— Ага. — Леон пританцовывал на месте, нервно высматривая бритоголовых с битами, хозяйничающих ночью на улицах. — Но не хотелось бы, чтобы нас грабанули.

— Ничего не случится. — Ноэль поднял повыше обол, и тьма вокруг него вздохнула удачей, приобрела едва уловимый аметистовый ореол. — Мой запах отталкивает врагов. Кроме тебя, Леон. Наверное, потому что генетически мы идентичны. Извини, что сделал тебе больно.

— Запах? — Леон размял все еще ноющую руку. — Знаешь, а ведь смысла в твоих словах ни на грош.

— Знаю. — Ноэль чуть склонил голову. — Идем.

Они сели за столик под задымленными звездами и мутными неоновыми огнями, и Ноэль тихонько начал рассказ:

— В декабре тысяча девятьсот первого года немецкая корпорация «Телефункен Сендер Систем, Берлин» дала денег Гульельмо Маркони для создания радиостанции на Ньюфаундленде. На своем оборудовании Маркони уловил последовательность из трех кратких щелчков: «С… С… С…», сигнал кодом Морзе, без проводов переданный через Атлантический океан. Это изменило мир, доказав, что горизонт не помеха радиопередачам. Вскоре английский физик Оливер

Хевисайд постулировал существование в верхней атмосфере ионного слоя, который отражает радиосигналы. Это был слой Хевисайда, который сейчас называют ионосферой.

Даже в отблеске звезд Ноэль заметил, что Леон и Тейма смотрят на него, будто на буйно помешанного.

— Два миллиона лет спустя этот сигнал достиг ближайшей галактики. — Ноэль подождал, когда до них дойдет смысл слов. — Высокоразвитая коммуникационная система приняла его и пришла к выводу, что на этой планете появились разумные существа. Но к тому времени человечество уже давно вымерло.

— Вымерло? — Щетинистые брови Леона недоуменно сошлись на переносице. — Но ведь мы еще тут.

— Он из будущего, Леон. — Лицо Теймы сделалось безмятежным, уверенным и почти пророческим, когда она совместила факт существования двойника Леона с нефритовой монеткой, которая так легко забрала и усвоила ее воспоминания. — Кто ты? Почему ты похож на Леона?

Ноэль хотел, чтобы они поняли. В их обезумевшем мире любое объяснение лучше никакого, пусть даже они его неверно оценят. Поэтому он рассказал им про Контекст, создавший вселенные-мембраны, каждая из которых — карточка памяти в космическом компьютере, созданном, чтобы запустить в гиперпространстве программу, не поддающуюся человеческому разумению. Он силился объяснить, как каждая мембрана разархивировала собственные микросхемы фундаментальных элементов, создавая микропроцессоры — мозги, способные на сложные метакогнитивные функции. Чтобы отыскивать и взращивать эти «мозги», Контекст «слушал», выискивая первые сигналы ДНК — штрихкодовый пульс биогенерированных фотонов. Но в Млечном Пути такое устройство дало сбой, и Контекст не узнал (не узнает) о существовании людей и китовых еще два миллиона лет, пока «С… С… С…» не дойдет до Андромеды.

Он перешел к рассказу о Занебесной, когда возле столика развернулась гигантская радуга, будто сотканная из сигарного дыма. Леон и Тейма с криком отпрыгнули.

— Это еще что? — заорал Леон.

Но Тейма поняла и, расширив глаза, придвинулась ближе.

— Тейма! Нет! — завопил Ноэль и, вскакивая со стула, споткнулся.

Леон дернулся за ней, развернул ее, схватив за руку и повалился назад. Он рухнул в нуль-портал, где тишину разорвал безмолвный крик, и исчез со слабым хлопком, будто открылась банка «кока-колы».

* * *

В стеклянистом воздухе размытые облака плывут сгустками света. Леон приходит в себя в шелковистой тишине лавандовых ароматов. Мысли стоят в нем безмятежные, будто языки синего пламени: «Любовь — мое царство, тайна служит границей далеким горам… И тянет их пересечь. Но не сейчас, та сокровенная радость…»

— Все хорошо.

Аромат, сладкий как свежая стружка, заставляет его сесть, и он видит перед собой девушку, чьи азиатские глаза, ленивые и мудрые, сияют восторгом на загадочном, полном животной магии лице, смуглом, с плоским носом; пухлые нубийские губы словно созданы открывать тайны.

— Теперь все будет хорошо.

— Кто ты?

— Я Най'а, храмица Ноэля. — Она помогает ему подняться и отступает на шаг — высокая, атлетического сложения девушка с иссиня-черными косами, заплетенными и перевязанными у талии шафрановыми ленточками. Ее туника расходится складками цвета индиго и льнет к изгибам изящного тела розовато-лиловым. Под прозрачным сводом небес сосны перебрасываются светом и ветром.

— Добро пожаловать в Занебесную.

Он готов заплакать как дитя при виде такой красоты.

— Как?… Что?…

Почти ощутимая забота Най'и заставляет его умолкнуть.

— Твой древомилец все объяснит. Дай ему день-другой.

— Мой — что?…

— Разве Ноэль не рассказал о древомильцах? — Она в замешательстве. — Он говорил, что начнет с них. — Потом складочки у нее на лбу разглаживаются. — Что-то случилось?

У Леона подкашиваются ноги, и он тяжело садится, а после смотрит в небо, колодец его сердца полнится эхом. «Он из будущего, Леон».

— Тейма…

Най'а опускается перед ним на корточки, и небо ее черных глаз прокладывает сияющую тропу прямо ему в сердце.

— Расскажи, что случилось.

Он зачарованно слушает собственные слова: словно в героиновом угаре пересказывает все до последней детали, как ребенок, не уверенный, что важно, а что нет. Когда он заканчивает, она встает и уходит к величественной колоннаде деревьев. Он поспешно вскакивает, чтобы бежать следом.

— Ты отправишь меня назад?

— Не могу. — Най'а пожимает плечами. — Три-Сьерра не бюро путешествий.

— Кто такой Три-Сьерра?

— Фонетический алфавит. — Ее слова падают мягко, безжизненно. — Три раза повторенная буква «С» — первый радиосигнал. Констекст вообще таков. Он строит из уже имеющегося. Вот почему в Сейлле говорят на современном английском. В других местах дело обстоит иначе.

— Компьютерная чертовщина. — Леон отдувается, поспевая. — Ноэль сказал, люди вроде как в компьютере.

— Засыпая, мы выходим в он-лайн и обрабатываем те части программ, которые Контекст в тот момент прогоняет в гиперпространстве. — Она говорит словно во сне. — Это Лоно.

— Лоно… то есть как лобок?

— Сон — самоцель. Все остальное бессмысленно. — И глаза у нее, словно у чучела зверька. — Сплошь отдых… веселье.

— Контекст… Три-Сьерра… — Когда они входят под сень леса, он перепрыгивает с корня на корень. — Я могу с ними поговорить?

— Ты уже говоришь. Управляющие видят и слышат все в Сейлле.

— Мне надо вернуться! — Он громко обращается к деревьям: — Мы с Теймой… мы пара. У нас есть планы. Я не могу просто так ее бросить.

— Ноэль позаботится о ней.

— И что? А ты позаботишься обо мне?

— Нет. Это дело древомильца.

— А как же ты?

Не останавливаясь, не глядя на него, она продолжает мертвенным голосом:

— Древомилец… Теперь это твой дом. И он сообщит тебе все, что ты захочешь узнать.

— Нет, я про тебя саму говорю. — Он забегает вперед и заглядывает в темные глаза, где притаилась боль. — Я не хочу учиться у дерева. Я хочу узнать от тебя.

— Извини, Леон. — Она качает головой, идет дальше. — Произошла ошибка. Я не могу быть с тобой.

— Ошибка? В таком месте? — его голос звенит насмешкой, а то и вызовом. — Что за недоумки, эти ваши управляющие?

Но Най'а упрямо идет дальше.

* * *

Ночь вознесла Орион на небо. Ноэль удивляется, как точно он совпадает с картинкой, которую вживил ему древомилец. Два миллиона лет Охотник скользил иероглифом в черноте.

— Ты меня слушаешь? — обозленно рявкнула Тейма. — Леон пропал!

— Такова Земь. Мир случайностей. — Ноэль притушил безутешный огонек в глазах, наполнившихся слезами. — Мне казалось, я все продумал. — Он взглянул на обол: монетка словно бы съежилась.

— О Господи! — Тейма схватила его за руку. — Да очнись же!

Ноэль проследил ее испуганный взгляд. Из ночных теней надвигалась свора: восемь громил, одни бритоголовые, другие с навороченными прическами, одни полуголые, другие облаченные в кожаную рванину. Тяжело ухали башмаки, громилы наступали с тупой решимостью. Их выжженные взгляды бешеных псов он встретил невозмутимо — споткнувшись, они застыли, задние налетели на передних, словно за спиной Ноэля встал на дыбы скакун из Апокалипсиса. Банда рассеялась, растаяла в темноте.

Тейма изумленно посмотрела им вслед.

— Что произошло?

— Они меня учуяли. — Ноэль снова перевел взгляд на обол. — Я что-то такое съел.

Тейма подавленно опустилась на скамейку. Ночь текла.

С судорожным вздохом Ноэль встал и уронил обол в карман.

— С Леоном все будет хорошо.

— Нет, не будет. — В лице Теймы сочувствие боролось с горечью.

— Он не со мной.

Ноэль сел рядом.

— Ты права. — И убитым шепотом добавил: — Прости.

Тейма раскачивалась из стороны в сторону. Ноэль поднял глаза к звездам, угрюмым и безмолвным, и стал думать о Крахе и его лающем смехе. «Земь не место для глупцов с расстроенными нервами». Земь принадлежит Элю — и если у Эля был какой-то замысел, то заключался он в том, чтобы научить людей жить свободно, независимо от чужих планов и замыслов, включая самого Эля. Ноэль — No El — Нет Эля.

— Ну и каково там будет Леону? — Девушка не смотрела на собеседника, сидела, понурившись. — Будет он счастлив там, откуда ты пришел?

Он улыбнулся Ориону.

— О, да. — И, полной грудью вдохнув промышленную ночь Земи, добавил: — Занебесная создана как исполнение мечты — вплоть до сокровенной радости.

— Вот как? — Девушка скептически прищурилась. — Тогда почему ты свалил?

— Из сострадания. Я думал, что сумею помочь. Никто мне не препятствовал, никто не отговаривал. — Он хотел замкнуться в обиженном молчании, но все же закончил: — Кроме Най'и.

— Твоей женщины?

— Больше чем женщины. — Его пронзила догадка. — Это превыше пола.

— Твоя половинка.

— Вроде того.

— Так же, как и Леон для меня. Мы строили планы. Мы собирались выкарабкаться, одолеть судьбу. — Ее губы беззвучно шевельнулись, потом прошептали: — Най'а о нем позаботится?

— Нет. — Краткое слово разверзло пропасть, куда он не готов был заглянуть, и через ткань туники он коснулся обола. — Най'а ему не понадобится. В Занебесной для него уже приготовлено место. Я его клон… его близнец…

— Да знаю я, что такое клон! Как овца, которая была собственной мамочкой. — Девушка откровенно его изучала. В темноте казалось, что меж ее глаз бьется жилка, словно в Тейме борются разум и безумие. — Ты выглядишь в точности, как Леон. Жуть какая-то. А мой клон в Занебесной есть?

— Возможно. Там много клонов. — Он встретил ее оценивающий взгляд, дал освоиться с мыслью о своем жалком сходстве с ее любимым, а сам ждал, когда же наконец она в полной мере осознает ужас своей утраты. — Мне жаль, что так вышло с Леоном. Я…

Под деревьями закружили призрачные радуги. Тейма вскочила.

— Леон!

Не успел Ноэль ее остановить, как она бросилась в переливчатую воронку и столкнулась с высокой женщиной, которая схватила ее за руки, закружила и швырнула в нуль-портал.

Перистые облака свиваются в голубом небе паутинками. Впереди раскинулся матиссовский ландшафт можжевеловых склонов и замшелых валунов, и щетинящиеся иголками гигантские ветки парируют выпады ветра. Из елового рая Тейма и Леон выходят, держась за руки, по колено утопая в альпийских маках.

— Мы не за небом, детка, — говорит Леон в порыве разделенной радости. — Это Занебесная, «за» и «небо» слитые в одно. Как и сказал Ноэль, Контекст назвал тут все в честь нашего первого радиосигнала, нашего крика в космос. Хевисайд был

одним из ученых, придумавших радио, на другие языки его имя переводится как «Земля за небом», отсюда и название этой планеты. Вон те деревья? Это лес Морзе в честь Сэмюэля Морзе, изобретателя телеграфа. А Три-Сьерра — сигнал Морзе, который принял Маркони. Это тэг менеджеров Мироустройства, их тут зовут управляющими. Их дело следить, чтобы в Занебесной все шло гладко, но они не люди. Они… как обрывки снов. Сама увидишь.

— Ух ты, милый. Не гони лошадей. — Тейма обнимает его и счастливо убеждается, что он осязаем, это не сон. И сам воздух кажется осязаемым, опушенный конфетти спор и летучими зонтиками одуванчиков. — Я думала, что потеряла тебя.

Он прикусывает мочку ее уха и улыбается, такой счастливой улыбки она никогда прежде не видела.

— Три-Сьерра вмешались, когда я им показал, как облажались их жалкие задницы. Они авралов не любят.

Она отвечает шаловливой улыбкой.

— И как же нам полагается вписаться в этот мир?

— Мы больше не отбросы, Тейма. Это все в прошлом, осталось два миллиона лет назад. Оглянись вокруг.

Солнечные зайчики гоняются за тенями облаков по долинам рододендронов и зеленым лощинкам. Водопадики свивают радуги, питают ручьи, бегущие через луга пурпурных астр и прибежища карликовых сосен. Алые и желтые планеры кружат в синеве, и серебристые лодки на солнечных батареях поднимаются с воздушными потоками.

— Все здесь одна сплошная вечеринка, детка. Никакой работы. Никаких болезней. Никакой старости.

— А дети?

В наигранном раздражении Леон втягивает голову в плечи:

— Тебе еще не надоело?

— Ну?

— Надо тебя покормить. — Обняв подругу за плечи, он разворачивает ее, и по зеленому склону они спускаются вниз, к зеленым рощам и ленточкам перекатов на реке. — Правду скажу. Я тут три дня и все узнал из еды.

У Теймы брови лезут на лоб.

— Из еды?

— Ну да! Видишь деревья вон там? — Он кивает в сторону далеких холмов, коронованных одиноко стоящими баобабами и баньянами. — Это древомильцы. Ну… как если соединить «дерево» и «кормилец», потому что все, что нам нужно, исходит от них. Одно из них наше. Раньше оно принадлежало Ноэлю, но сконструировано как раз под меня, потому что он мой клон. Все

клоны — анамнестики, то есть «запомненные» или «воспоминание о чем-то». Он был памятью обо мне, значит, его древомилец — мой. А теперь и твой тоже. Помнишь ту цепочку, которую ты мне сплела из своих волос? Я отдал ее древомильцу. Теперь он все о тебе знает. Какие тебе нужны витамины. Какую еду ты любишь. Чему смеешься. Все.

Она смотрит, как стайка изумрудных зябликов закладывает вираж в прозрачном воздухе.

— Жуть какая-то.

— По сравнению с улицами? Да что ты! Тут нет ни улиц, ни банд. Вся планета — сплошной парк. И этот парк построен на радость человекообразным. — Леон по-обезьяньи ударяет себя в грудь. — Ведь именно это мы и есть. Это-то тебе известно?

— А что если нам захочется путешествовать? — Направляясь к искрящемуся ручейку, мимо проносится стрекоза. — Мне всегда хотелось побывать в Париже.

— Тут нет Парижа. — Держась за руки, они идут дальше. — Но зачем Париж в мире, где не разбиваются сердца?

Непараллельная вселенная

В стеклянистом небе перистые облака свиваются обрывками света.

— Мне холодно. — Най'а теснее прижимается к Ноэлю.

В ту первую ночь на Земи, сидя на парковой скамейке, они говорили мало, без слов понимая друг друга. Будущее — их прошлое. Они ели с Древа: он — чтобы защищать и находить себе пропитание в мире своего двойника, она — чтобы познать Земь, отобравшую его у нее. Они хранят в памяти, что лежит впереди, каждый поворот и виток трагичного сюжета, выстроившего события к истории их будущего. Они знают, какой стыд скрывается за стрелками, заслонившими загадочный циферблат. Никакому пониманию, никакой информации не развести этих рук. Лишь дела, поступки способны их раздвинуть. А тогда миросюжет развернется в миророман, в ковер из множества возможных историй.

Те, для кого будущее лишь память, не могут рассуждать о морали поступков, основанных на отрицании того, что неспособно настать. Об этом их предупредили управляющие. Слова есть действия, нейронная активность, вспышки которой не только расцвечивают мировую страницу, но и разрастаются в мировой том, затягивая в себя другие страницы, неведомые страницы, зачастую оскверняющие намерение, выраженное в словах. И потому они молчат, сидят, обнявшись, на парковой

скамье до рассвета.

Стеклянно-стальные небоскребы города, казавшиеся в темноте светящимся кодом, теперь открыли свою истинную сущность, материальную геометрию, повторяющуюся, как соты.

— А еще есть хочется.

Осторожно высвободившись, Ноэль достал из кармана монетку.

— У тебя есть твой обол.

Она сонно моргнула, глядя на кружок полированного нефрита, вбирающий солнечный свет.

— А здесь от него будет толк?

— Почему нет?

Как только она его взяла, резонансные пустоты в оболе, настроенные на квантовые антенны ее ДНК, напитали ее клетки энергией, извлеченной из вакуума нынешнего пространства-времени. Ее грудь поднялась благодарным вдохом, и в угольных глазах засветилась радость.

— А как же ты?

— Я пришел сюда ради смертельной опасности. — Он подтолкнул ее локтем. — Но не ожидал, что и ты ее разделишь.

Она воззрилась на него без тени улыбки.

— Ты, наверное, голоден.

— Да.

— Где возьмешь еду?

Он понимал, что она уже знает. Настал поворотный момент. Именно поэтому он тянул до утра, медлил отдать ей обол. Он знал, что как только к ней вернутся силы, она захочет действовать. Ради него она оставила Занебесную. А сейчас со всех сторон манила опасность. Они будут жить, как волки, или погибнут. Ей нужно было, чтобы он, этот мистер Сострадание, произнес это вслух:

— Отберу у сильного. У пресловутых волков.

— Я тебе помогу.

— Нисколько не сомневался.

Встав, они начали обшаривать парк. Приняв Ноэля за Леона, подошел Черепаха, но Ноэль от него отмахнулся, выискивая старшего над пушерами. Древомилец напичкал его стратегиями выживания в эту эпоху, но о самом Леоне и его жизни Ноэль знал лишь то, что дубль успел ему рассказать по дороге в парк из кубинско-китайской забегаловки. Если бы Тейма не бросилась за ним… Если бы он вернулся прямо в Занебесную с оболом и не задержался для объяснения…

«Поговори же со мной, — не унималась Тейма. В неоновых тенях слезы размазали ярость у нее на лице. — Мы ни о чем

таком не просили. Ты сам нас нашел. И нефрит, который ты подбросил Леону, испортил нам жизнь. А потом вдруг ты вернулся его забрать и сделал Леону больно. Ты не можешь просто так уйти».

— Ты витаешь в облаках, Ноэль. — Най'а обняла его за талию. — Ты правильно поступил, отправившись сюда. Мы правильно поступили, решив искать собственный путь на Земь.

Ноэль кивнул. В голове у него роились воспоминания о местных нравах, которыми Леон поделился с ним. В пятнистой россыпи теней под деревьями гингко маячил мужчина в спортивных штанах, высоких ботинках и куртке с капюшоном — конкурент Леона, истощенный пушер с изъеденным оспой лицом. Ноэль направился к нему. Выпяченная челюсть, неподвижный взгляд — одного этого хватило, чтобы спровоцировать «волка». С перекошенным бугристым лицом он бросился вперед и через три шага, заплакав, упал на колени.

* * *

Красная луна взошла гигантским горнилом. Ноэль и Най'а ждали на насыпи, откуда к мусорной свалке спускалась узкая шоссейка. Небо было присыпано сахарной пудрой звезд, и в холодном воздухе пахло гнилью. Внизу, у сортировочной станции ждал лимузин, яркие снопы света фар выхватывали конусы асфальта.

Сидя в лимузине, самый влиятельный босс мафии северо-востока, «волк» со связями в правительстве, наблюдал за происходящим через экран лэптопа, куда подавалась картинка с крохотной камеры на крыше. Он увеличил изображение молодой пары в странной одежде.

По его команде снайпер уложил женщину. Осколки черепа разлетелись, как комья вырванного из земли дерна.

Убить парня он пока не решался. Этот мелкий пушер Леон нагнал страху на управляющих франшизами по всему городу. «Как?» Об угрозе доложили региональному боссу, старшему над этим мафиози, который велел — pronto[3] — все уладить, не то босс мафии лишится поддержки и превратится в очередную жертву нарко-войны.

— Взять его! Приказ упал в пустоту.

Он переключился на камеру в прицеле снайперской винтовки, и перед ним возникло забрызганное кровью лицо убитой. Жутковатая зеленая картинка дернулась, и камера сместилась к молодому человеку, удрученно глядящему в объектив. Снайпер

стоял перед ним на коленях, его била дрожь.

Одного взгляда босса хватило, чтобы в дело вступила охрана. Двое громил с автоматами наготове вышли из лимузина.

По шоссе спускалась фигура в белом комбинезоне, зашнурованном и опутанном ремнями. Разгневанный демон мчался прямо на свет фар. По плечам метались длинные волосы.

— Огонь!

Крик босса прозвучал жалко и пусто в наушниках охраны. Будто парализованные, оба они подались назад, пальцы замерли на курках.

— Пристрелите его!

Ноэль придвинулся ближе — и охрана повалилась в пыль, корчась от ужаса. Вырвав у одного из охранников рацию, Ноэль неспешно прошествовал к затененному окну лимузина. Ярость стекла с его бледного лица, уступив место холодной решимости.

— Открой дверь.

— Что тебе от меня надо?

— То же, что и от других.

— Кто ты такой? — Босс схватился за сотовый, уповая на подмогу. — Что ты сделал с моими людьми?

— Меня зовут Ноэль, и я занял место Леона. Я из твоего будущего, которое наступит через два миллиона лет. Случай забросил сюда нас с Най'ей, женщиной, которую ты велел застрелить.

— Издеваешься?

Ноэль постучал рацией по своему темному отражению.

— Просто открой дверь.

— Что случилось с моими людьми? — спокойно повторил босс.

— Мое тело способно вырабатывать феромоны, которые вселяют ужас и покорность в тех, кто мне враждебен. Действует сразу, с первой понюшки, хватает на всю жизнь. — Ноэль постучал костяшками пальцев по стеклу. — Открой дверь.

— Нет.

— У нас нет выхода. Ты следующий в иерархии силы. Если нейтрализовать достаточное число мужчин-альфа в ключевых узлах, людей вроде тебя, то история мира, наша история изменится. — Он снова постучал. — Поэтому открывай. Ради будущих детей.

— А пошел ты! Машина бронированная. Каким бы сумасшедшим ты ни был, внутрь тебе не попасть. Скоро сюда прибудут мои друзья.

— А моя подруга уже здесь.

В свете фар появилась Най'а: туника струится как вода,

волосы вьются змеями, лицо татуировано кровью.

— Ты думал, она мертва? — бесстрастно прошептал Ноэль. — Она еще даже не родилась.

Най'а подошла к окну, и от стука нефрита по стеклу внутренность машины залил призрачный свет, мерцание, как при начале мигрени. Со щелчком открылся замок.

* * *

Перистые облака свивались в голубом небе паутинками. В просторном офисе наверху корпоративного небоскреба «волк» надо всеми «волками» скрестил ноги в сапогах из страусовой кожи на столешнице из окаменелого дерева, бесстрастно слушая историю Ноэля. В отличие от десятка сотрудников службы безопасности, которые после встречи с Ноэлем скорчились под столами и рыдали на лестницах, этот «волк» оставался невозмутимым.

Загорелый и обветренный, как ветеран-космонавт, лысый поджарый мужчина откинулся на спинку кресла.

— Ваш Контекст слишком уж смахивает на демиурга. — Темные стекла очков превращали его взгляд в дым. — Такое слово вам в Занебесной известно? Демиург?

— Божество рангом ниже Всемогущего, — с неприкрытым пренебрежением к этому самоуверенному созданию, этой случайности в человеческом облике, ответила Най'а.

В брючном костюме с отделкой из блесток она мерила шагами офис, готовая отразить нападение. Хотя Три-Сьерра предупреждали о существовании Аберрантов, встреча с таким обескуражила пришельцев из будущего: в первый и единственный раз феромоны Ноэля оказались бессильны. В любой момент «волк» мог безмятежно достать из ящика стола кольт с инкрустированной рукоятью и вышибить Ноэлю мозги в порядке «самообороны».

— В Контексте нет ничего божественного. Это лишь высшая геометрия. Само пространство-время — тень Контекста.

— Как скажете. — «Волк» примирительно поднял руки. — Не стану делать вид, что понимаю вас. Но верю. Каждому слову. Как еще вы могли тут оказаться и почему моя охрана хнычет за дверями? — Он упивался отражением залитой солнцем панорамы промышленного разорения у себя за спиной, где трубы нефтеперегонных заводов выдыхали синее пламя над плато, раскрашенным полосами цветов сливочного мороженого. — О'кей. Вы пришли из будущего, преодолели два миллиона лет,

чтобы повидать меня. И демиург вам позволил. Санкционировал акт сострадания. Ха! — Углы его рта опустились, он бросил холодный взгляд на Ноэля, который глубже вдвинулся в кресло, обитое воловьей кожей. — Добросердечный демиург. И вы говорите, что неверующие? Да или нет?

Ноэль подался вперед, не зная, как ответить. Что делать с «волком», у которого в коре мозга что-то закоротило, у которого врожденный дефект, ущербный участок ДНК, наделивший его жестокостью и хитростью, не смиряемыми ни гневом, ни страхом, ни совестью?

— У нас есть религиозные общины… — начал Ноэль. «Волк» его оборвал:

— В Занебесной. Там все есть. Это я понимаю. Но вот вы двое. Вы верующие?

Най'а мрачно прищурилась.

— Это не то, что вы имеете в виду.

— А что я имею в виду?

— Вы хотите сохранить, что имеете. — Най'а неторопливо приблизилась. — А мы намерены у вас это отобрать.

Босс хмуро обратился к Ноэлю.

— Она ведь не человек, так?

Ноэль беззвучно хохотнул, отмахиваясь от глупого вопроса.

— Даже не примат.

— Я Контекст, трехмерная репрезентация в пространстве временной фазы возлюбленной Ноэля. — Откинув голову, она бросила убийственный взгляд на Аберранта. — Inamorata. Знаете такое слово?

— Звучит сексуально. — Кресло «волка» отъехало от стола, когда Най'а оперлась о его край коленом. — Если гнев не срабатывает, пускаешь в ход свои дамские штучки? В этом все дело, детка?

— Ты отличаешься от других людей. — Она скользнула по отполированной столешнице, приближаясь к нему, преувеличенно заигрывая. — Не думаешь, что будет потом.

— Можно сказать и так. — Он поднялся, и Най'а, скатившись со стола, столкнулась с ним. Ловким движением он схватил ее за горло. — А вот ты уже в прошлом.

Най'а чувственно прижалась к «волку», гротескной похотливостью заставляя его отступить к окну.

— Казуистика, — прошипела она с натянутой улыбкой, и непримиримая тьма заклубилась в ее глазах.

Когда он сжал ее горло, она стукнула нефритиком по стеклу. Пульс вакуумного течения, передавшийся от ее поврежденного тела оболу, разрушил электростатические связи в некоторых

атомах кремния, и стекло взорвалось.

«Волк» повалился спиной в рой стеклянных осколков, в каждом из которых мерцало крохотное солнце. И падал до самой земли, расширенными глазами глядя в бесконечную синеву.

* * *

Най'а провела пальцами по оттиску Три-Сьерра, своей последней связи с Занебесной. Они с Ноэлем стояли на краю ада, на уступе остывающего обсидиана над гигантским котлом переливчатой лавы. Огненные реки стекали по южному склону Мауна Лоа в озера магмы, серные пары взметали алые тени в обиталище тьмы.

— Нами движет сострадание.

Большего и не требовалось говорить. Будущее, каким они его знали, утрачено, скрыто за волнами перемен, которые они инициировали здесь, на Земи, за два миллиона лет в своем прошлом. Сопряженный с Занебесной обол подхватывал независимые нити с мировой канвы, которую они смяли, и места, разделенные эонами времени и парсеками пространства, соприкасались. Ордовикские водоросли засорили Ниагарский водопад. Леса плауна запятнали Сахару. Чтобы стадо динозавров не вытоптало Елисейские поля, Ноэлю пришлось обрубить одно из ответвлений.

Най'а подбросила обол, и в красном свете он мигнул зеленой иглой. Когда он упал в раскаленную лаву, его нефритовая оболочка обратилась в пар, во вспышку света, краткую, как от огонька спички.

Завитком дыма обол ушел с Земи, и вакуумное течение, поддерживающее трехмерную репрезентацию Най'и, распалось.

Она рухнула на руки Ноэлю, и с темного горизонта накатил удар величественного грома.

Опустившись на колени, он баюкал ее голову, выискивая хотя бы искорку в застывших глазах. Алые пары, колыхавшиеся в звездных далях, унесли ее душу.

Она выходит из тела и снова оказывается в Занебесной. Сейлле тонет в лиловой вечерней дымке, синих деревьях и черных прудах под светящимися потоками облаков и узкими перешейками звезд. Среди этих красот ожидает сокровенная радость, обещанная ей испокон времен. Ей нужно лишь спуститься туда — в рощи ив и рифы лавандового тумана.

Из сгустков черного света среди деревьев манит Контекст.

— Сострадание течет из порванных вен. — Голос мог бы

принадлежать ей, только нотки в нем величественные. — Без твоего обола смерть найдет тебя повсюду. Но не здесь.

Да, здесь Контекст воссоздал ее из архивов и руин Земи. Из этих архивов через века обращается к ней Платон: «Смерть есть отделение души от тела… и всякая душа бессмертна».

Вот почему она снова стоит в Сейлле, призрак под серыми деревьями. Подобно богу Платона и его родичей, индоевропейских разумных приматов, Контекст создал ее как душу и тело.

— Я не могу остаться, — говорит она в индиговую тьму и слышит, как ее слова падают в безмолвие, в покой космической пустоты. — Мое место на Земи с Ноэлем.

— Твое? Или храмицы Ноэля? — Величественный голос отступает, теряется в листве, и она поднимает лицо к живым звездам и слушает: — Без обола твое назначение храмицы найдет счастливое завершение. Здесь, в Занебесной. Оставь Ноэля — и приди к сокровенной радости.

Что движет ею? Чужой замысел или ее собственное желание? Она не видит меж ними различия. И ей все равно.

— Теперь мое место на Земи. С Ноэлем.

— Это твой сосуд Сивиллы. От попечительства о нем ты освобождена. — Голос звучит слабо, пунктиром в ее мыслях. — Без обола тебе придется самой кормить, самой исцелять свое тело. И все равно за тобой придет смерть. Останься.

— Лучше я превращусь в кошель голодных призраков. — В сгущающейся темноте она утрачивает власть над голосом.

И в мгновение ока возвращается туда, где Ноэль опустил ее головой на рюкзак. Он стоит над ней на коленях, вдыхает в ее легкие живительный воздух, снова и снова надавливает на клетку, где прячется ее сердце. Над ним клубятся зловонные испарения вулкана.

Серная вонь обожгла ей пазухи носа и горло, разом заставив очнуться. Задыхаясь, она рывком села. Радость пронзила ее, острая, как едкий воздух, и она встала, цепляясь за Ноэля, который смеялся и плакал, и сумасшедшую радость на его лице размазывал алый жар.

Прихрамывая и опираясь друг на друга, они спустились вдоль потока лавы, побрели к рассвету, который холодным серым гранитом залег на востоке.

Контекст наблюдает за ними из пятимерного пространства, где время девственно, как первый снег. В растрескавшейся реальности кристаллизуются фрактальные линии. Одни ведут во вздымающийся рассвет, к метану и двуокиси серы, вырывающимся из расщелин. В других переменившийся ветер

гонит эту смерть над ними в мириады миров Контекста, а их тела окаменели в объятиях среди безлюдных скал.

И одна тонкая, как бритва, линия ведет через черный, расплавленный ландшафт: это трасса, на которой их ждет арендованная машина. Призраки тумана и пара плывут над расчерченным горизонтальными лучами солнца шоссе. Контекст всматривается в это сияние, выискивает, какой еще не столь вероятный, но менее опасный путь к своей машине могли выбрать Ноэль и Най'а.

А вот и они: идут по рассветной равнине в непараллельной вселенной, и невидимый эфир свитком разворачивается от них. Испуганные и счастливые, они хромают по вулканической пустыне.

Запекшаяся поверхность магмы ломается, из трещин мягко курится дым. Под их весом прогибаются обломки. Цепляясь друг за друга, они шагают по этой демонической мостовой, объятые ужасом, но ободряя друг друга взглядом.

Контекст наблюдает за ними и видит их неуверенность, страх перед опасностями. Неведение сделало их смертными. И более прекрасными. Этому он научился у нас.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ.

© A. A. Attanasio. Telefunken Remix. 2007. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction».

Марина и Сергей Дяченко
СОЛЬ

Можете оставить машину здесь, — сказал охранник. Эрвин захлопнул дверцу автомобиля. Торговец ждал, стараясь держаться спиной к свету. В душном парке горел единственный, но зато очень яркий фонарь на высокой мачте. Кусты, деревья и люди отбрасывали короткие темные тени.

— Идите за мной. Смотрите под ноги. Тут может быть проволока.

Низкие строения без окон — не то сараи, не то гаражи. Дорожка, вымощенная старым кирпичом. Впереди покачивался на проволоке еще один фонарь — освещал фасад большого, когда-то роскошного, а теперь пришедшего в упадок особняка. Плети вьющихся растений походили на провода, а провода — на мертвые ветки.

— Вот здесь.

Мутноватый бассейн казался пустым, и на дне его не было

подсветки. Торговец подошел к лесенке, ведущей в воду, и стукнул ладонью по перекладине. Кольцо на его руке, соприкасаясь с металлом, извлекало из конструкции резкий звенящий звук.

— Выходи.

Поверхность воды не шелохнулась. Торговец покачал головой.

— Упрямая тварь… Выходи, а то вытащу и… не заставляй меня это делать!

Вода еще секунду оставалась неподвижной. Потом вдоль стенок, выложенных белой плиткой, заплясали мелкие волны. Отражение фонаря на поверхности разбилось, замерцало осколками. Посреди бассейна показалась голова с прилипшими к лицу светлыми волосами.

— Сюда! — торговец показал на лестницу.

Голова исчезла. Плеснули волны. За край бассейна рядом с металлической лестницей ухватилась тонкая бледная рука с железным браслетом на запястье.

— Наверх!

Снова плеснула вода. Подтянувшись на руках, девушка с усилием навалилась животом на белую плитку. Повернулась и села на краю бассейна, каждую секунду готовая снова уйти в глубину.

Волосы закрывали ей лицо. По голой груди скатывались капли. Тяжелый чешуйчатый хвост прятался в воде почти полностью.

— Мелковата, — сказал торговец. — Зато свежая. Позавчера привезли.

— Беру, — сказал Эрвин.

— Не торопитесь так. Осмотрите. Проверьте. Чтобы потом не было претензий.

— Я беру, — в голосе Эрвина прорвалось нетерпение, которое он хотел бы скрыть. Девушка на краю бассейна скорчилась, обхватив плечи руками. Видно было, что больше всего ей хочется нырнуть обратно в воду, но она не решается.

— Хорошо, — торговец улыбался. — Только наличными.

— Разумеется.

Эрвин сунул руку в нагрудный карман тенниски. Оговоренная сумма была отложена заранее; купюры оказались влажными. Вечер стоял очень теплый, с моря налетал горячий ветер, Эрвин покрылся потом — но его знобило.

Охранник, ухватив девушку под мышки, полностью вытащил ее из бассейна. За ней потянулась, звякая, стальная цепь; охранник подкатил складное инвалидное кресло, усадил

девушку, пристегнул поясом и только потом разомкнул наручник.

Цепь упала.

Девушка сидела, вжавшись в клеенчатую спинку. Широкий плавник чешуйчатого хвоста касался подножки кресла.

— Все верно, — сказал торговец, пряча купюры. — Хотел бы я знать, которая это по счету. У вас, я имею в виду.

— Что? — Эрвин резко повернулся. Торговец поднял руку ладонью вперед:

— Я не лезу в чужие дела. Наш бизнес специфический, многие друг друга знают. Постоянный клиент — это большая удача, если вы понимаете, что я имею в виду…

— Понимаю.

— Вот и ладно. Я могу сделать вам скидку, если в следующий раз вы обратитесь ко мне, а не…

— Я понял.

Охранник развернул кресло и покатил по дорожке, выложенной кирпичом, к машине.

— У меня есть полиэтилен. Если вы не хотите испачкать чешуей сиденье… Или у вас оборудован багажник?

— Нет. На заднее сиденье, там брезентовый чехол.

— Предусмотрительно…

Эрвин отпер машину. Охранник подкатил кресло к задней левой дверце и высадил — вытряхнул — девушку в салон.

— Так вы примите к сведению мое предложение, — напомнил торговец.

— Обязательно, — Эрвин уже сидел за рулем.

Машина сорвалась — прянула — с места, едва не задев створки медленно открывающихся ворот. Метнулся фонарь и пропал за поворотом. Минута-другая тряски по проселочной дороге; Эрвин выехал на шоссе.

— Как тебя зовут?

Молчание. Эрвин не видел девушку в зеркале заднего вида: она лежала на заднем сиденье.

— Тебя кормили? Молчание.

— Я ничего тебе не сделаю… если будешь умницей. Тишина.

Он нашел «карман» на шоссе, приткнул машину на узкой асфальтовой площадке между белой разделительной линией и кустами на краю обрыва. Оглянулся. Девушка лежала, свернувшись, прикрыв грудь высыхающим, в тусклой чешуе хвостом. У нее были круглые плечи, странно круглые для такого тощего, почти невесомого создания. Тепло-зеленая кожа с капельками воды. Глаза, глядящие сквозь путаницу мокрых волос, были полны такого ужаса, что у Эрвина холодок пробежал по спине.

Надо было очень-очень спешить. Торопиться изо всех сил.

— Подожди, — пробормотал он сквозь зубы. Снова выкатил на трассу и вдавил педаль в пол.

Дорога шла, плавно изгибаясь, прижимаясь к скале. Туннель, развилка. Не сбавляя скорости, Эрвин миновал курортный поселок и вылетел на набережную. Дальше, еще дальше, в сторону от ярких огней, туда, где едва светится в море далекий бакен.

Под колесами зарокотал гравий. Камушек ударил в ветровое стекло. Эрвин притормозил и круто развернулся на пляже, едва не сбив брошенный кем-то шезлонг.

— Как тебя зовут? Молчание.

Он вытащил из сумки диктофон. Выбрался из машины. Рывком открыл заднюю дверцу; девушка зашипела, отпрянув, выставив перед собой руки со скрюченными пальцами.

— Ты меня слышишь или нет?

Она не слышала. Темно-зеленые глаза казались стеклянными от ужаса.

— Послушай, — начал Эрвин, заставляя себя говорить как можно медленнее. — Вот море. Я выпущу тебя на свободу. Понимаешь? Выпущу. Если ты сделаешь одну вещь.

Она наконец-то поняла. Затряслась. Рывком села. Прерывисто втянула в себя воздух.

— Я. Выпущу. Тебя. Честное слово. Потом. Только не пытайся бежать!

Ее зубы стучали. Она переводила взгляд с его лица на диктофон — и обратно.

В глазах была паника.

* * *

Виталик не вышел на награждение. Третье место на пьедестале почета — смешно, в самом деле. Тренер сколько угодно мог разоряться, что, мол, такое поведение «неспортивно» — Виталик чихать на него хотел с высокой колокольни.

Если он всерьез решил бросить всю эту бодягу — какая разница, «спортивно» или «неспортивно»?

Со второго класса школы его считали надеждой, таскали на соревнования и заставляли жить в бассейне, будто лягушку. Нельзя сказать, чтобы ему совсем уж не нравилось плавание — нравилось, да, и особенно нравилось, когда девчонки глядели на него, стоящего на пьедестале, снизу вверх. Ну, и в школе позволено было почти не учиться — ему ставили тройки просто

так.

Но все когда-нибудь надоедает, елки-палки! Виталик уже не в том возрасте, чтобы жертвовать личной жизнью ради будущих результатов. Третье место было последней каплей; тренер предупреждал, что «выезжать на таланте» дальше не получится. Ну и не надо. Хватит с него большого спорта.

Он не вышел на награждение, как ни ругался тренер. Спокойно переоделся в пустой раздевалке, бросил в сумку мокрые плавки, полотенце, положил в футляр очки. Был конец мая. При мысли о том, что завтра с утра не надо тянуться на тренировку, на душе делалось отрешенно-весело и очень-очень легко.

Проснувшись рано утром, он с новой силой испытал это чувство. Позавтракал и побрился (последние полгода он брился регулярно, и всякий раз после трех часов дня на его подбородке проступала мужественная тень нарождавшейся щетины). Отмахнулся от вопросов матери: нет, в бассейн не пойдет, бросил спорт, окончательно… Как бросил? Да очень просто. Давно к этому шло.

Оставив мать в растерянности, он закинул сумку на плечо, вышел на залитую солнцем улицу и не спеша направился к пляжу.

Крем для загара покрывал кожу маслянистой пленкой. Виталик вышел к кромке прибоя, развернулся лицом к солнцу и потянулся, играя мышцами. На него глазели девчонки, сбежавшие с утренних занятий, холеные женщины с тонкими сигаретами, полные дамы, надежно укрытые в тени пестрых тентов; на него ревниво поглядывали друзья и спутники девчонок, женщин и дам. Виталик нырнул, проплыл под водой метров десять, вынырнул и двинул к горизонту небрежным кролем, оставляя за собой две расходящиеся волны, чувствуя, как тянутся следом ниточки взглядов…

В первые дни судьба благосклонно улыбалась Виталику: от телок отбоя не было. Подворачивались разные, загорелые и не очень, тощие, фигуристые, по-щенячьи веселые и флегматичные, как овцы. Он болтал, красовался и слизывал с чьей-то упругой груди талое мороженое пополам с песком. Закрутил роман с блондинкой, у них был стремительный секс в кабинке для переодевания и еще раз в другой кабинке, а потом блондинка ему надоела, и он надоел блондинке, на ее месте оказалась бойкая девочка лет семнадцати, пухлая, с белой жировой складочкой над приспущенным брючным ремнем. И от этой девочки не было возможности отделаться; вечером он сидел в приморском кафе, немного усталый и разочарованный, она сидела напротив и говорила без умолку, а Виталик потягивал пиво из бутылки и

скучал по своему бассейну.

Может быть, он асексуал? Или просто перегрелся на солнце? По всему выходило, что, получив свободу, он должен ловить кайф, а кайф поманил и ушел в глубину, словно хитрая рыба. В кафе гремела музыка, заглушала слова девчонки напротив, но она все равно говорила и говорила, ее губы приоткрывались, влажно блестели. Виталик перегнулся через стол и поцеловал ее просто затем, чтобы она замолчала. Она обхватила его за шею и захихикала.

— Я сейчас, — сказал он. Подошел к барной стойке и заплатил за свое пиво. Потом ушел в сторону туалета, миновал кирпичное строеньице и зашагал в темноту, с удовольствием слушая, как отдаляется, глохнет назойливая музыка.

Все складывалось не так. Он устал. Ему было скучно.

На набережной горели огни и бабахали фейерверки. Уличные торговцы собирали товар с широких столов: ракушки, поделки, ожерелья, якобы нанизанные вручную русалками на дне, а на самом деле изготовленные толстыми тетками здесь же, в чуланчиках сувенирных магазинов. Дневная торговля закончилась.

Виталик шел по темной боковой улочке к автобусной остановке. Его догнала серая машина, приземистая, спортивная, и покатила рядом.

Он повернул голову.

— Парень, хочешь хорошую работу?

— Я в отпуске. Отдыхаю.

Машина остановилась. Виталик прошел еще несколько шагов — и остановился тоже.

Из машины выбрался мужчина лет пятидесяти, невысокий и плотный, по виду — бывший борец легкого веса.

— Серьезно, парень. Очень хорошая работа практически без отрыва от отдыха. Ты пловец?

— Был.

— Я управляющий «Золотого Мыса». Набираю спасателей на водах, май — сентябрь. Плавать на моторке туда-сюда, глядеть на девок топлес и отгонять бодрячков, стремящихся за буйки. Если шторм — дежурить на берегу. Плачу хорошо, по-взрослому. Согласен?

— Э-э-э, — протянул Виталик. Он не чувствовал себя пьяным, так, немного пошатывало. Неужели бывший борец его разыгрывает?

— Питание за счет фирмы. Условие — не пить на рабочем месте. Ты красивый парень, рельефная мускулатура, а у меня на пляже все высшего качества… Согласен?

«Золотой Мыс» был самым дорогим пляжем побережья. Виталик взял себя в руки и степенно кивнул.

* * *

Все утро Велька была чем-то озабочена. Внешне это не проявлялось почти никак, но Эрвин знал ее слишком хорошо.

— Что случилось? Велька вздохнула.

— Вообще-то, это я должна у тебя спрашивать…

Эрвин поставил на стол круглый поднос с двумя чашками кофе. Велька сидела, облокотившись, очень красивая и очень печальная.

— Вчера вечером ты забыл в прихожей телефон…

— Ну и что?

— Я поставила его заряжаться…

— Спасибо.

— И увидела отчет о последней операции из банка. Ты снял десять тысяч.

Эрвин помешивал кофе. Ложечка постукивала о фарфор — звонко и совершенно спокойно. Рука не дрогнула.

— Да. Снял.

Велька молча пододвинула к себе свою чашку.

В последние недели на трюмо, на диване, на кресле лежали и валялись журналы о купле-продаже недвижимости. Велька присматривала новый дом; это было для нее развлечением, немного спортом и совсем немного — настоящим планом на будущее. Велька мечтала о доме у моря.

Район, в котором они жили, в котором Эрвин много лет назад получил в наследство полдома, — этот район последнее время бурно развивался и считался очень престижным и дорогим. Стало быть, продав жилье на шумной и дымной улице и добавив посильную сумму, можно было купить целый дом у подножия холмов, на берегу. Многие люди всю жизнь мечтают о таком доме.

— Тогда я отправила в банк запрос о состоянии счета…

Ложка звякнула в последний раз. Эрвин поднял голову. Велька смотрела мимо — на залитый солнцем подоконник, где росли в больших ракушках, как в вазонах, мясистые оранжерейные растения.

— С моим паролем?

— Да.

— Напрасно ты это сделала.

Велька смотрела в свою чашку. Волнистая каемка, белая, с

очень тонким золотым ободком. Очень тонкий фарфор. Подарок на свадьбу.

— Я знаю, — согласилась она покорно. — Но я испугалась.

— Чего?

— Что тебя шантажируют, например, — она по-прежнему смотрела вниз. — Что ты задолжал. Или проигрался. Ты снимал шесть раз по десять тысяч и четыре раза по пять. За последние два месяца. Там уже почти ничего не осталось.

— Аесли бы я…

Эрвин запнулся. Он хотел сказать «а если бы я готовил тебе подарок», ничего глупее нельзя было придумать. Он вовсе не готовил Вельке подарок. Он потратил эти деньги на собственные нужды и так, как считал необходимым.

— Мне очень неприятно, что ты за мной шпионишь, — сказал он и прикусил язык. Велька сгорбилась над чашкой. Упавшие пряди почти касались остывающего кофе.

Ему следовало разозлиться. Хлопнуть дверью и уйти. Это было самое правильное, что он мог сейчас сделать. Но Эрвин смотрел на Вельку — и комок подкатывал к горлу.

— Тебе чего-то не хватает? Что, мы плохо живем? Тебе не хватает денег на новый дом? Поверь, множество людей прямо-таки мечтает о твоих проблемах! Нет денег на новый дом, вы только послушайте!

Велька молчала. Эрвин понимал, как оскорбительно и фальшиво звучат его слова.

— Я зарабатываю эти деньги…

Еще хуже. Эрвина тошнило пошлостью и фальшью, и, к сожалению, он не мог остановиться.

— Ты без спросу лезешь в проблемы, которые совершенно тебя не касаются…

В этот момент зазвонил телефон. О, как хорошо, что он зазвонил. Эрвин, по крайней мере, получил возможность заткнуться.

— Алло, — сказал он резко и немного раздраженно.

— Господин Эрвин Тиккин?

— Да!

— Вы просили меня перезвонить. Многократно. Точнее, восемь раз.

Пауза.

Велька сидела, опустив голову, и не видела, как Эрвин разинул рот. Солнце по-прежнему било в окно, по-прежнему лоснились жирные стебли растений в вазонах-раковинах. Медленно кружилась муха над столом.

— Алло? Эрвин, вы меня слышите?

Низкий, но, в общем-то, совершенно обыкновенный голос. Не розыгрыш?

— Да.

— Вы по-прежнему хотите встретиться? У вас есть что мне сказать?

— Да.

— Кафе «Нептун», двенадцать ноль-ноль. Я вас узнаю.

Трубка замолчала. Эрвин положил телефон. Велька наконец-то выпрямилась, откинула волосы со лба, сделала движение, собираясь уйти…

— Прости, я тебе все объясню, — сказал Эрвин пересохшим ртом. — Обещаю. Только потом.

* * *

Вчера он нес девушку к морю на руках. Она весила не больше пятидесяти килограммов. А лет ей было, как выяснилось, шестнадцать.

Он хотел войти в воду, но, когда до линии прибоя осталось метров пять, она вдруг рванулась с неожиданной силой. Он не удержал ее, и она выскользнула из его рук на песок. Очень быстро, подтягиваясь на руках, кинулась к морю и через секунду уже исчезла, только хвост ударил по воде — судорожно и мощно.

И все. Остался брезент на заднем сиденье, мокрый, с приставшей кое-где крупной чешуей (а русалки роняют чешую, только когда болеют или нервничают). Остался диктофон. Собираясь на свидание в кафе «Нептун», Эрвин несколько раз проверил аккумуляторы. Потом взял запасные батарейки. Потом прихватил зарядное устройство.

Брезент из машины он предусмотрительно убрал. Вырулил из гаража; Велька смотрела на него через кухонное окно. Эрвин подумал, что по-хорошему — по-настоящему — следовало бы все рассказать ей сейчас. Все объяснить. Потому что нет никакой гарантии, что он вернется живым из кафе «Нептун». А если он не вернется — последним разговором в их жизни останется вот этот, несправедливый и уродливый, и Велька никогда не узнает, что Эрвин, по большому счету, был прав. А она — не права.

Он захотел ей все рассказать, но посмотрел на часы и понял, что опаздывает. Кафе «Нептун» находилось за городом, в холмах, скоростной туннель был на ремонте, а значит, ехать предстояло в объезд, по серпантину, забитому в этот час машинами, экскурсионными автобусами и грузовиками со щебнем. А Эрвин боялся подумать о том, что можно опоздать на эту встречу.

Он успел. Кафе открылось час назад, на стоянке было пусто. В дальнем углу, у входа на веранду, сидели две женщины средних лет. Они разговаривали, кивая друг другу поверх декоративных зонтиков, пальмочек, трубочек и прочего хлама, венчавшего коктейли в высоких стаканах.

Эрвин сел и заказал кофе. «Я вас узнаю», — сказал его собеседник. Двенадцать ноль две. Двенадцать ноль пять. Двенадцать ноль семь.

Его волнение готовилось перерасти в психоз. Что если приглашение было все-таки розыгрышем? Или хуже — провокацией? Он не знал, чего боится больше — того, что его телефонный собеседник явится, или того, что он не придет.

— Господин Эрвин Фролов?

Эрвин обернулся. Официант смотрел на него, улыбаясь.

— Вам просили передать…

Он протянул визитную карточку — белый прямоугольник без единой буквы, но с небрежным карандашным рисунком. Эрвин присмотрелся. Это была схема проезда от кафе «Нептун» к берегу моря, к месту, обозначенному жирным кружком.

Эрвин поблагодарил.

Дорога петляла. Несколько раз машина задела днищем о выступающие камни. На маленьком пляже, совершенно пустынном, стоял одинокий автомобиль странного вида. Присмотревшись, Эрвин понял, что это амфибия. У самой воды беспечно подрагивал на ветру яркий пляжный зонтик. Белые пластиковые кресла и круглый столик, будто перенесенные одним махом из недорогого прибрежного кафе, казались очень неуместными. В какой-то момент Эрвину показалось, что это оскорбительный намек.

Он вышел из машины и медленно подошел к столу.

— Садитесь, Эрвин Фролов.

Пластиковые ножки глубоко увязли в мелкой гальке. За кромкой прибоя, почти под ногами, гнили водоросли и мидии. На белом столе лежал браслет собственной конструкции Эрвина: металлический обруч, медная пластинка с выгравированным текстом. Застежка на шурупе, чтобы невозможно было снять без инструментов, сгоряча. Именно этот браслет он надел вчера на руку девушке в машине.

Эрвин положил рядом диктофон. Уселся, не глядя на собеседника.

— Вы боитесь?

— Я лезу не в свое дело. Это не вполне безопасно.

— И все-таки лезете?

Эрвин поднял глаза. Черная с проседью борода его

собеседника закрывала половину лица и опускалась низко на грудь. Борода выдавала возраст. Зеленые глаза — ярко-зеленые, как листва — не могли принадлежать старику. В длинных волосах, по оттенку намного светлее бороды, седины не было вовсе. Нос выдавался вперед и походил на хищный клюв.

— У меня есть на то свои причины. Собеседник кивнул:

— Я с вами встретился, как вы хотели. Я сделал это, потому что вы купили, как я понял, восемь девочек и выпустили, предварительно допросив и надев на руку каждой такую штуку, — длинный палец с загнутым белым ногтем указал на браслет. — Я понимаю, что вы искали встречи со мной, и спасение девочек было всего лишь методом. Тем не менее вы их спасли.

— Вы не совсем правы, — Эрвину было трудно говорить. Когда-то вот так же трудно ему было выговаривать слова на огромной сцене, при большом скоплении народа, когда он еще школьником выступал на каком-то концерте. — Вернее, вы совсем не правы. Я выкупал их потому, что я не могу… — он запнулся. Речь была отрепетирована заранее, много раз он представлял себе, как произнесет эти слова. — Потому что положение дел с работорговлей волнует меня, кажется, гораздо больше, чем вас!

Он сказал и откинулся на спинку кресла. Может быть, не стоило с начала беседы идти на конфликт. Может быть, вообще не стоило сюда приезжать.

Три месяца назад он выгравировал на десяти медных пластинках текст письма, свое имя и номер телефона. Цены на живой товар все время росли, особенно на едва пойманных, «свежих» русалок. Конечно, доходяг, которые «вышли в тираж» в публичных домах, можно было купить по дешевке. Но Эрвин боялся с ними встречаться, боялся смотреть им в глаза и малодушно делал вид, что ничего не знает о «сезонных распродажах».

— Положение дел с работорговлей, — медленно повторил его собеседник. — Разумеется, ведь вы журналист. Такие характерные словесные обороты…

Он повернул голову. Скалы, запиравшие бухту, оставляли свободным только небольшой отрезок горизонта. Огромная баржа, полным ходом идущая вдоль берега, смахивала на черную курительную трубку.

— Да, я зарабатываю журналистикой, — через силу выдавил Эрвин. — Но то, что я делаю сейчас… это не для работы. Не ради заработка. Можете мне верить или нет.

— Разумеется, — зеленые глаза его собеседника вдруг изменились, сделавшись серо-голубыми. — У вас сердце болит о

судьбе несчастных русалок. Причем гораздо больше, чем у меня.

Вместа ответа Эрвин включил диктофон. Одно длинное мгновение казалось, что аккумулятор все-таки подвел.

— Меня зовут Эмма-Роза, — зазвучал слабый девичий голос. — Я знала, что подплывать к берегу опасно. Да. Я только… Ради чего? Я… встретила мальчика на лодке… мы с ним болтали… Я только хотела с ним поговорить один раз… только один раз. Меня накрыли сеткой. Нет, я больше его не видела. Нет, не знаю. Отпустите меня.

Пауза.

— Меня зовут Виттория. Я подплыла к берегу. Мой парень, который… он… я хотела… я думала его там встретить. Нет, не назначал… Просто я знала, что он там есть… Потом я запуталась в сетке. Его зовут? Он не говорил. Я звала его Принц…

Пауза.

— Меня зовут Равшана. Мне пятнадцать лет. Я просто убежала от родителей, я думала… — тонкий плач накрыл несколько слов. — Он ждал меня… Мы вместе плавали. Я его называла Принц. Он меня — Принцесса.

— Откуда ты узнала, что на суше есть принцы? — раздался приглушенный голос Эрвина.

— От девочек. Еще откуда-то… Не помню.

— Из твоих знакомых кто-то дружил с принцами?

— Нет. Но все хотели. Все говорили. Это было нельзя. Все знали, что это опасно, запрещено, что это нельзя. Все говорили, что принцы… — голос сорвался.

Пауза.

Восемь записей, восемь голосов. Три с половиной минуты. Диктофон работал. Бородач слушал, его глаза из голубых теперь сделались карими, темными.

Последней была записана исповедь вчерашней девочки, шестнадцатилетней Барбры. Когда и ее слова сменились отчаянным, навзрыд, плачем, Эрвин выключил диктофон.

Еще минуту стояла тишина. Шумел прибой. Гнили водоросли.

— И вы хотите сказать, что не готовите репортаж? — тихо и как-то очень зловеще спросил бородатый. Эрвин подобрался.

— Я не привык врать. Я не вру вам. Я хотел встретиться, потому что я знаю — мне кажется, я знаю, — что происходит.

— Спасибо за попытку, — отрывисто сказал бородач. — Вынужден вас разочаровать. Я лучше знаю, что происходит…

Он протянул руку и включил диктофон на столе.

— Я знаю, что только за последний год триста двадцать три девочки были похищены — пойманы, как рыба — у самого берега.

Только пятнадцати удалось спастись, восьми — с вашей помощью. Я знаю, что большая часть похищенных была продана в публичные дома. Они погибли там или погибают сейчас, изувеченные и брошенные на произвол судьбы. Я знаю, что многих купили частные «коллекционеры». Я знаю, что работорговля как бизнес развивается с неслыханной скоростью. Я знаю, что власти либо открыто бездействуют, либо имитируют деятельность. Я знаю, что начальник береговой полиции куплен с потрохами. Я знаю, что сам виноват во всем — потому что недооценивал людей или, вернее, оценивал их слишком высоко. Я мог бы размазать вас по вашим пляжам — взрывая корабли и лодки, убивая пловцов и рыбаков, отравляя море. Меня останавливает только… нет, совсем не жалость. Я не готов посылать своих детей на убийство. Пока.

— Послушайте, — быстро сказал Эрвин, — пока русалки в море, они в безопасности. Вы знаете. Нельзя позволять им приплывать к берегу! Удержите их, заприте!

Бородач улыбнулся с великолепным презрением.

— Совет, достойный двуногого. Я запрещаю и наказываю за неповиновение, но я никого не держу на цепи. Для нас свобода много значит… в отличие от вас. Я проклинаю тупых зверей, ходящих на двух ногах. И предупреждаю, что затея с работорговлей плохо кончится — для вас… А вы опубликуйте это мое эксклюзивное интервью, Эрвин Фролов, и считайте, что я вас таким образом отблагодарил.

Теперь в его голосе сквозила насмешка.

— Я еще не все сказал…

— Не сомневаюсь, вы хорошо заработаете на этом материале. Бородач обернулся к амфибии и махнул рукой. Взревел мотор.

Подпрыгивая на камнях, машина двинулась к берегу, и Эрвину на секунду показалось, что сейчас она превратит его в кровавую лепешку с гарниром из белого пластика.

Машина остановилась рядом с бородачом. Открылась дверца-люк. Ухватившись за поручни, собеседник Эрвина одним прыжком забрался внутрь.

— Я не сказал самого главного! — крикнул Эрвин. — Я не сказал того, зачем пришел! Я знаю, как…

Люк захлопнулся. Машина кинулась в море, как кинулась вчерашняя девушка. Не было прощального удара хвостом — только водовороты на поверхности и белая пена.

Остались два пластиковых стула, круглый стол и пляжный зонтик.

* * *

Июльское солнце пробивало воду до самого дна, и сверху, с борта моторки, можно было сосчитать рыбешек на глубине четырех-пяти метров. Виталик нашел занятие поинтереснее: в оранжевой футболке с белым логотипом «Золотого Мыса», в широкополой шляпе и узких темных очках он глазел на загорелых пляжниц, и пляжницам откровенно нравилось, что он на них глазеет.

Лодка покачивалась у буйка в западном секторе пляжа. Погрузившись на пестрые надувные матрасы, девочки целыми компаниями приплывали в гости к красавцу-спасателю, так что у него в глазах начинало рябить от бликов на их темных очках, на круглых плечах, вымазанных маслом для загара, от улыбок и ярких купальников. Впрочем, некоторые купальники были такие микроскопические, что разглядеть их можно было только с третьего раза.

Виталик блаженствовал. С утра до вечера он только и должен был, что кататься на лодке, новехонькой, легкой, оранжевой, с логотипом пляжа и номером «52». Мотор заводился одним поворотом ключа. Чисткой, смазкой, текущим ремонтом занимались механики, а Виталик — в форменной футболке и шляпе — каждое утро милостиво принимал их работу.

Ящик-рефрижератор под скамейкой ломился от холодной воды, соков, чипсов, бутербродов, бананов и яблок. На рабочем месте позволительно было даже купаться! Привязав лодку к буйку, Виталик давал девушкам уроки плавания, особенно тем, кто отдыхал топлес. И все это в совокупности называлось работой, за все это платили, платили «по-взрослому»!

Управляющий хвалился, что у него на пляже все самое лучшее; он не врал. Песок здесь просеивали сквозь сито, яркие тюфяки на шезлонгах меняли каждый день, массажистки в коротких «туземных» юбочках были сплошь победительницами провинциальных конкурсов красоты. Все спасатели оказались спортсменами восемнадцати-двадцати лет, все, кроме одного очень красивого студента. Тот не был особенно мускулист, но зато носил светлые волосы ниже плеч и удивлял девчонок необычайной голубизной вечно удивленных глаз. Звали его Артур.

Парни, вопреки некоторым опасениям Виталика, подобрались традиционной ориентации, более того, считали себя мачо. Девочки-массажистки, при всей свободе и раскованности, вовсе не были шлюхами. Виталик завел роман с мулаткой Зарой, но скоро оба решили, что «друг для друга не созданы», и остались друзьями.

Так прошли июнь и половина июля; дружок юной пляжницы,

которую Виталик учил стильно плавать, подстерег его после смены и попытался набить морду. Не вышло: во-первых, Виталик сам был не дурак подраться; во-вторых, через десять секунд после начала «разговора» прискакали охранники, два громилы со сломанными еще в детстве носами, и Виталиков обидчик был уложен лицом на асфальт, со скованными за спиной руками.

Спокойно, сонно, неторопливо минул июль. Поднималось и опускалось солнце, высыхала, стягивая кожу, морская соль. Оранжевый тент на лодке «52» выгорел до грязно-желтого оттенка, лица девочек, загорающих на надувных матрасах, слились в одно лицо с облупившимся носом и большими, будто надувными губами; потягивая воду из бутылки, поглядывая то на берег, то на море, Виталик даже задремывал иногда от одуряющей скуки. Ему снова захотелось в бассейн.

И вот в один день все переменилось.

* * *

Эрвин позвонил и долго ждал ответа. Наконец в глубине дома что-то грохнуло — кажется, разбилось, приблизились шаги, и старческий голос, усиленный динамиком, спросил немного испуганно:

— Кто там? Господин Фролов, это вы?

Эрвин посмотрел прямо в камеру наблюдения, вывешенную над дверью.

— Да, это я. Это я вам писал, господин Андерсон. Вы назначили мне встречу.

За дверью помедлили.

— Я полагал, вы перезвоните…

— Прошу прощения. Вы назначили мне на сегодня, на двенадцать ноль-ноль.

— Я не совсем здоров…

— Господин Андерсон, мне неловко настаивать. Но мы откладывали встречу уже три раза.

Минута промедления. Наконец ключ повернулся в замке, и дверь открылась.

Хозяин оказался вовсе не старым сгорбленным сморчком, как можно было заключить по голосу. Здоровый мужчина лет за шестьдесят, высокий, поджарый, даже, пожалуй, красивый. Вот только взгляд его портил — постоянно казалось, что он собирается солгать.

— У меня очень мало времени… И я давно не общаюсь с журналистами. Если бы не ваша настойчивость…

— У меня в самом деле к вам очень важный разговор, господин Андерсон.

Поперек коридора лежала упавшая статуя — конструкция из металлических штырей, резиновых шлангов и деталей одежды. Все вместе, опрокинутое на пол, напоминало труп инопланетянина, много лет пролежавший на свалке. Современное искусство, очень современное, подумал Эрвин. Хозяин обернулся:

— Это работа моего зятя, скульптора. Бывшего зятя. М-да…

Они прошли дом насквозь. В коридорах стоял горячий, спертый воздух. Кондиционеры не работали.

На заднем дворе под выгоревшим тентом помещался письменный стол. Хозяин уселся в кресло, предложив Эрвину полосатый пляжный шезлонг. В шезлонге, возможно, хорошо было загорать, но вести беседу — не очень удобно.

— Господин Андерсон, я принес с собой первое издание вашей самой знаменитой книги — «Соль». Подпишите, пожалуйста, для Эвелины. Это моя жена.

Этот потертый томик Эрвин нашел у Вельки, на ее шкафчике у кровати, где хранилось только самое любимое и нужное. Ход был лицемерный, но очень эффективный: Андерсон размяк. Моментально, будто щелкнули выключателем.

Он раскрыл книгу и долго писал что-то. Эрвин подумал, что Велька будет рада и, пожалуй, благодарна мужу за автограф. В этом тоже была нотка лицемерия, и Эрвин отогнал ненужную мысль.

— Я хотел бы поговорить с вами о судьбе «Соли», — сказал он твердо и положил на столешницу диктофон.

Андерсон прищурился с профессиональным лукавством:

— А вы тот самый Фролов, который так много писал о русалках? Вы ныряльщик?

— Нет. То есть да, я занимался проблемой работорговли. Но я не ныряльщик.

— Все это ерунда, — Андерсон с удовольствием затянулся. — Русалки… Далекий и прекрасный мир. Таинственный. Да… Потеря идентичности — вот что их ждет. Путь человечества — от многообразия к идеалу. Улицы городов заполнятся идеалами, которые носят одно и то же, смотрят одно и то же, читают, слушают одно и то же, любят одно и то же и выглядят одинаково, — он выпустил кольцо дыма, и Эрвин вдруг понял, что эту фразу — с точностью до интонации — он произносил уже много раз. Эта фраза выстреливает из него, как конфетти из хлопушки, стоит только журналисту показаться на горизонте.

Эрвин отвел глаза. Собеседник вызывал у него все большую неприязнь, и это было плохо.

Ему очень хотелось пить. День выдался жаркий, палило солнце, лучи пробивались сквозь прорехи в старом тенте и яркими пятнышками лежали на столе, на бумагах, на круглом, с залысинами, лбу Андерсона. Задний двор порос дикой травой, в траве ржавели качели, на которых много лет никто не качался.

— Господин Андерсон, ваша книга — я имею в виду «Соль» — великолепная сказка… романтическая история, сумевшая воплотить сумасшедшую веру в любовь, желание любви, стремление и убежденность, что любовь непременно отыщется, она назначена каждому… А вы сами верите, что любовь русалки и земного юноши — условно говоря, принца — возможна?

Андерсон самодовольно улыбнулся:

— Почему нет? Только вы неправильно ставите вопрос. Не важно, что возможно, а что нет. Важно — поверит ли публика. Если вы опишете разумное существо с тремя головами и хвостом, опишете талантливо — читатель поверит.

— Читатель поверил в любовь русалки и принца?

— Вы ведь сами сказали. Книга имеет, м-да, некоторый успех, — Андерсон улыбнулся с напускной скромностью.

Эрвин облизнул губы:

— Что вы знаете о работорговле?

— Как?

— О работорговле. Вам известны ее масштабы?

— Не совсем понимаю, — Андерсон нахмурился. — В моей книге нет ни слова о работорговле.

— Конечно… Вы знаете, что русалку невозможно поймать в открытом море? Вернее, ее нерентабельно ловить в море — затраты намного превышают выручку?

— Я никогда не интересовался… — благодушие слезало с Андерсона, будто позолота.

— Вы видели русалок в неволе? Вот, скажем, ваш сосед напротив, у него такой высокий забор и такой уютный особняк. И, конечно, бассейн. Вы можете поручиться, что у него не сидит в бассейне русалка на цепи?

Андерсон затушил сигарету. Вид у него был потерянный и мрачный.

— Вы так добивались этой встречи, Фролов…

— Потому что это очень важная встреча. Жизненно необходимая. Вы, Анс Андерсон, без малого пятьдесят лет назад написали книгу. Оставим сейчас ее литературные достоинства… Дело не в этом. Ваша книга породила миф. Самостоятельный информационный объект. И этот миф — о русалке и принце — существует отдельно от вас и от вашей книги. Понимаете?

* * *

— Хочешь заработать? — спросил управляющий, и Виталик удивился. Те деньги, что ему платили до сих пор, казались пределом мечтаний и потолком богатства.

— Есть для тебя задание, — управляющий вдруг подмигнул. — Ночная смена.

Виталик поставил на стол бокал с недопитым коньяком.

— Я не проститутка, — сообщил он, глядя в глаза управляющему. — Мне такого не предлагали и…

— И никогда не предложат, — управляющий фыркнул, как кот. — Гордый какой, пороховая бочка… Ночью выйдешь в море на веслах. Рыбу ловить.

— Рыбу?!

— Почему нет? Дам тебе закидушку, фонарик… Бычков натаскаешь. Или покрупнее чего.

— Не понимаю, — подумав, сказал Виталик.

— И молодец. Часиков в двенадцать можно отчаливать… Согласен?

Озадаченный Виталик допил коньяк и вышел из административного домика, куда управляющий зазвал его для этого странного разговора. Вечерело, пляжники потихоньку собирались под тентом бара. На причале в одиночестве сидел Артур, курил, болтая ногами над водой.

— Что, Виталь, принимаем тебя в принцы?

— Это как? — Виталик подошел и сел рядом. С Артуром всегда было интересно поговорить.

— Ночью идешь за рыбой?

— Ага.

— Значит, принц, — Артур затушил сигарету о край причала. Его длинные светлые волосы были собраны в «хвост». — Да ты не парься. Это просто.

* * *

— Бред! — Андерсон наконец-то вышел из себя. — Вы что же, теперь обвиняете меня в том, что русалок ловят и продают?! Только попробуйте опубликовать что-то в этом роде! Я на вас в суд… Бульварный писака! «Анс Андерсон — отец работорговли!» Да как у вас повернулся язык!

— Выслушайте меня, — Эрвин едва сдерживал раздражение. — Я пришел к вам не затем, чтобы довести до гипертонического криза. А затем, чтобы… — Эрвин запнулся. —

Критики никогда вас не любили. Называли сочинителем дамских романов, не принимали всерьез. Но вы единственный из ныне живущих, кому оказалось под силу создать миф. Вы не виноваты, что он губит русалок. Так сложились обстоятельства. Но вы, ваша книга, стояли у истоков.

Андерсон резко дернулся в кресле. Белый луч — солнечный палец — перепрыгнул с его лба на макушку и обратно.

— Послушайте, вы…

— Я пришел к вам по делу, господин Андерсон. Я принес вам заказ. Я не самый богатый человек, но у меня еще кое-что осталось… Дом, например. Я продам его и заплачу вам гонорар. За новую книгу — о том, что любви на самом деле не существует.

Андерсон поперхнулся и долго кашлял. Эрвин уже начал беспокоиться, не приступ ли это астмы.

— Уходите, — прохрипел писатель, вернув себе способность говорить.

Эрвин встал и взял со стола подписанный томик «Соли».

— У вас есть мой электронный адрес… Я очень жду вашего письма, господин Андерсон.

— Убирайтесь!

Эрвин в одиночестве прошел через душный дом, сам отпер входную дверь и сам захлопнул ее за собой. Добрался до машины (прокалившаяся на солнце железная коробка), открыл багажник, из сумки-термоса вытащил бутылку минеральной воды и долго пил из горлышка, захлебываясь и обливаясь.

* * *

Которую ночь подряд Виталик сидел в лодке неподалеку от берега. Рыба ловилась плохо, но управляющий все равно посылал его в море раз за разом, и в конце концов Виталику это даже стало нравиться. Он смотрел на огни набережной; каждый огонек — белый, красный, желтый — тянулся по воде ниточкой, и эти нити рвались и дробились. Стоял штиль, лодка только чуть покачивалась, и легонький бриз доносил с берега обрывки музыки.

«Золотой Мыс» темнел, непривычно безлюдный. Мигал сигнальный огонь на пирсе, светились окна административного здания. Бело-синими огнями горели буйки. А в море, на глубине, тоже что-то светилось — мерцали искры, большие и маленькие, ярко-зеленые, похожие на огни далеких самолетов. Здесь, на лодке далеко от берега, Виталику замечательно мечталось.

В последний раз он мечтал еще в школе, на скучных уроках.

Тогда его мечты были вполне определенными: он воображал себя на вершине пьедестала, чемпионом мира в окружении фотокорреспондентов, и видел тренера, услужливо, с поклоном подающего ему полотенце. Он видел еще каких-то девчонок и баб, у всех были одинаковые большие сиськи и интимная прическа в виде розочки на лобке — такая, какую Виталька однажды высмотрел в мужском журнале. Возможно, это были не самые затейливые мечты, но потом он перестал мечтать вовсе: не было времени. И даже когда становилось скучно — он не мечтал до сегодняшнего вечера.

А теперь размечтался: о далеких странах. О самолетах высоко в небе. О странных зверях, каких не бывает на свете. О женщинах, которые говорят на чужом языке.

Он сидел и спал, наверное, с открытыми глазами, и сон ему виделся медленный и плавный. Ему снилось, как близко от лодки плеснула вода, и оттуда, из ночной глубины, на него посмотрело бледное, матовое, очень молодое лицо в обрамлении длинных светлых волос.

Виталик проснулся рывком. Качнулась лодка.

— У тебя на крючках уже не осталось мидий… Поменять тебе?

Он тряхнул головой. Девочка плавала посреди ночного моря, совершенно одна, без надувного матраца. Она вынырнула между лодкой и берегом, теперь свет далеких огней мешал разглядеть ее лицо, Виталик видел только силуэт.

— Я говорю, поменять тебе наживку?

И она подняла над водой руку и показала Виталику большую мидию. Раскрытую.

Не отвечая, он дернул леску. Девчонка не обманула: крючки оказались голые. Он совсем забыл, что надо ловить рыбу; он сидел в лодке, мечтал и спал с открытыми глазами…

Прежде чем он ответил, она нырнула. Только что была — и нет. Виталик зашарил по воде дрожащим лучом фонарика; секунда — и девушка вынырнула с другой стороны лодки.

У нее был острый подбородок и узкие плечи, белые, не загорелые, и бретельки яркого лифчика выглядели очень странно на этих плечах. И еще у нее были очень большие, зеленые, прозрачные глаза. Она то выныривала по грудь, то уходила в воду, и только эти глаза смотрели на Виталика — очень странно смотрели.

— Ты не пьяна?

Она засмеялась. Виталику показалось, что он уже слышал такой смех. И это было хорошее воспоминание. В детстве он когда-то видел русалку, на далеком пляже, они, помнится, еще

играли в мяч… Совсем недолго, потом она уплыла… Мать говорила, что русалки не должны приплывать к берегу. Люди отдельно, русалки отдельно, такой закон…

— Что ты здесь делаешь? Возле берега?

— Плаваю. Разве нельзя?

— Это… это частный пляж, — ляпнул Виталик, окончательно растерявшись. — То есть… подожди!

Хлоп — и ее уже нет. Луч фонарика уходит в воду и теряется в глубине. Ветер доносит обрывки музыки — на набережной работают до последнего клиента.

На последнем крючке закидушки болтается, как привет, обнаженное тельце мидии.

* * *

На памятном перекрестке, где находили друг друга торговцы и клиенты, не встретилось ни одной знакомой машины. Внедорожника с брезентовым верхом, с водителем которого Эрвин в последний раз вел переговоры, тоже не оказалось.

Он остановился у обочины. Тут же подкатил спортивный автомобиль с тонированными стеклами, одно из них опустилось, и на Эрвина снисходительно глянул щекастый парень в таких же тонированных, как окна, очках.

— Ты на рыбное место или так, покурить встал?

— На рыбное, — сказал Эрвин, разглядывая парня. Тоже из новых. В последний месяц случился передел рынка: мелких торговцев взяли к ногтю, пришла крупная фирма и установила монополию. Этот, очкастый, не торговец и не компаньон: просто наемный работник.

— Розница? Опт?

— Розница. Только очень быстро. Сейчас.

— Не терпится? — парень ухмыльнулся. — Учти, ничего особенного. В первый раз просто интересно, а потом, ну, как обычно. И холодные они — ни рыба ни мясо.

Парень засмеялся. Эрвин подумал, что на работе он долго не продержится — слишком длинный язык.

Парень тронул свою машину, Эрвин пристроился за ним. Минут через пятнадцать они свернули с трассы на каменистую, затерянную в колючих кустах дорогу. Лучи фар прыгали, то выхватывая идущую впереди машину, то упираясь в гравий. Поднялся и опустился массивный железный шлагбаум; еще через полчаса Эрвин ехал обратно к морю, а на заднем сиденье лежала связанная бельевой веревкой девушка.

Она вырывалась и не подчинялась приказам. Ее били прямо при Эрвине. Опасались, что он откажется от покупки, но Эрвин выложил полную сумму, а она вырывалась из рук своих тюремщиков и все пыталась до него доплюнуть. Тогда ее связали и бросили на заднее сиденье. Эрвин устремился за руль, погнал к морю и так волновался, что не сразу заметил темную машину, идущую следом.

Трасса была почти пустынна. Время от времени проносились на дикой скорости такси. Темная машина, не таясь, следовала за Эрвином на расстоянии пятидесяти метров. Въехав в город, он попытался избавиться от нее, петляя по улицам, то разгоняясь, то останавливаясь у обочины. Машина неизменно появлялась из темноты, когда Эрвин уже начинал верить, что к нему потеряли интерес.

Девчонка на заднем сиденье еле слышно захрипела. Ей завязали рот. Она могла задохнуться.

Эрвин бросил прятки-догонялки и, снова разогнавшись, выкатил на набережную. Вдоль ночных огней, дальше к пустому пляжу. Не хватало времени записывать интервью; Эрвин был почти уверен, что все его усилия ни к чему не приведут. Не сделать бы хуже…

Он резко развернулся на пляже. Выскочил из машины, открыл заднюю дверцу. Первым делом развязал девчонке рот. Она хотела плюнуть, но во рту у нее так пересохло, что плевок не получился.

Она вырывалась и отталкивала его хвостом и связанными руками. Пляж вдруг осветился фарами — темная машина догнала Эрвина; вне себя он отвесил девчонке пощечину. Воспользовавшись ее секундным шоком, вытащил из машины и перерезал веревку на руках.

Она поползла к морю — на животе, сильно ударяя по песку чешуйчатым хвостом. Эрвин догнал ее. Защелкнул браслет на запястье и только хотел закрепить шурупом, как в его руку вцепились зубы — немилосердно.

Он вскрикнул от неожиданности, но девчонку не выпустил. Она должна была принести на дно его послание. О том, что она может спрятаться от соплеменников, или снять браслет, никому не показывая, или просто не доплыть — об этом Эрвин старался не думать.

Фары чужой машины уперлись Эрвину в спину, и он выпустил пленницу, так и не довернув проклятый шуруп. Секунда, другая — девчонка доползла-таки до прибоя, потянулась к волне, еще чуть-чуть, и она уплывет…

Уплыла. На мокром песке остался смешной, неуклюжий след ладоней, локтей и широкого хвоста.

Эрвин обернулся.

Перед ним стояли двое. Лиц, конечно, на было видно — фары светили им в спины, в лицо Эрвину.

— Господин Фролов?

— Да.

С его прокушенной руки на песок капала кровь. До сих пор было очень больно. И необходимо чем-то перевязать.

— Вам некуда девать деньги? Вы бросаете их в море?

— Каждый развлекается, как может.

— Безусловно. Идемте в машину, у нас есть аптечка…

— Благодарю. У меня тоже есть аптечка.

— Господин Фролов, не надо шутить. Время такое — не до шуток.

* * *

Управляющий казался очень довольным.

— Наживку, значит, поменять? Это она дело говорит, надо все время держать свеженькое на крючке. Договорились на завтра? На сегодня, в смысле?

— Нет. Она уплыла.

Виталик страшно ругал себя за глупость. «Частный пляж»! Надо же такое ляпнуть, и кому — русалке!

— Вернется, — управляющий с удовольствием отхлебнул кофе из большой чашки. — Вернется… Как она тебе?

— Да как… нормально.

— А ты познакомься поближе. Они славные… совсем как нормальные девчонки. Заводные такие… Познакомься.

— Страшновато.

— Вреда она тебе не причинит… Наоборот, иногда они спасали, если, скажем, матроса в шторм смоет с палубы — они вытаскивали. Так что не трусь, принц, лови свою удачу!

На вторую ночь девочка не показывалась. Виталик чувствовал, что она где-то рядом, и здорово нервничал. Он не до конца доверял управляющему: все время казалось, что русалке ничего не стоит выдернуть «рыбака» из лодки и утопить. «Частный пляж»… Поделом дураку!

— Они слабосильные, — сказал на другой день Артур, с которым Виталик, не удержавшись, поделился своим страхом. — На глубине — да, там с ними опасно, были случаи, когда аквалангистов топили. А из лодки она тебя не вытащит. Да и не надо ей этого — топить тебя. Ей самой интересно.

* * *

— Мне опять звонили, — сказала Велька.

— Опять?!

— Да. Знали точно, что тебя нет дома.

— Сволочи…

— Прости меня. Мне бы молчать. Но я просто очень их боюсь. Ничего не могу поделать.

Эрвин и Велька сидели перед телевизором. Звук она отключила еще десять минут назад. Они говорили об обыкновенных и очень мирных вещах, а потом Вельку прорвало. Эрвин видел, как она сдерживает слезы, улыбается, качает головой, будто поражаясь собственной слабости, и наконец вытирает глаза тыльной стороной ладони.

— Что они тебе…

— Как обычно. Что развешают мои кишки по всей комнате, а ты будешь за этим наблюдать…

— Они врут. Им нравится городить эту чушь. Мы поменяем номер телефона, мы…

Он замолчал на полуслове.

«Знаете, почему вы до сих пор живы? — спросил тот человек в машине на берегу. — Потому что вы отлично обучаемы. Сразу поняли, чем грозят вам «русалочьи публикации», и закрыли рот даже быстрее, чем некоторые ваши друзья-газетчики. Ваша жена сама не знает, как ей повезло с вами».

«Она знает, — сказал тогда Эрвин. — Я не занимаюсь русалками и не разоблачаю работорговлю. Чего вы хотите теперь?»

«Эта рыбеха, которую вы только что выкинули, была у вас последняя».

«Почему? Я плачу за них».

«Больше вам не продадут. И не пытайтесь купить, если любите жену».

После этих слов им больше не о чем было говорить. Эрвин сел в свою машину, пропахшую чешуей, перетянул руку бинтом из аптечки и, не оглядываясь, выехал с пляжа.

И вот теперь он гладил Велькины волосы и проклинал себя. Если бы он был один… хотя и тогда, скорее всего, испугался бы. Он больше не пишет статьи в газеты и не проводит журналистское расследование; он ищет человека, который сочинил бы книгу. Одну-единственную книгу — циничную, брутальную, жесткую, может быть, грязную… Надежды на то, что это сделает сам Анс Андерсон, больше нет.

Сегодня вечером старик позвонил Эрвину на мобильный. «Я

не могу, — сказал удивленно. — Я понял, чего вы хотите. Но не могу».

* * *

Третью и четвертую ночь русалка ходила кругами, только изредка выдавая себя негромким всплеском, быстрым водоворотом на поверхности. На пятую наконец-то вынырнула, и Виталик рассмотрел ее как следует.

— Слушай, я тут глупость сморозил, ты меня прости…

Он несколько дней готовил эту фразу и заговорил первым, не удосужившись даже поздороваться.

Она царственно наклонила голову, облепленную мокрыми волосами. Подплыла поближе. Капли воды на ее ресницах блестели, отражая огни на берегу.

— Ладно… А наживку ты все равно насаживаешь криво. Думаешь, рыбы идиоты?

— Как же ты видишь, — пробормотал Виталик. — Там же… темно.

— На дне темнее. А тут все видно. Зависит от глаз!

Она провела по глазам и снова засмеялась. И опять этот смех что-то включил в Виталикиной памяти, что-то хорошее, приятное.

— Ты видишь в темноте?

— Нет, в полумраке… А ты рыбак?

Она все еще посмеивалась. Виталик замешкался с ответом, и она ответила за него:

— Был бы рыбак, с такой ловлей давно бы с голоду умер… Ты кто?

— Принц, — сказал Виталик и покраснел в темноте. Артур рассказывал, не то в шутку, не то всерьез, что в разговоре с русалкой обязательно надо называть себя принцем. Это как пароль. Иначе они не понимают.

— Я так и думала, — по ее голосу нельзя было понять, насмехается она или приняла его признание за чистую монету. — А я преступница.

— Как?

— Меня убьют, если узнают, что я опять плавала к берегу, — теперь в ее голосе звучал мечтательный ужас. — Ты когда-нибудь нарушал запреты?

— Я?

Это был странный разговор, будто во сне. Русалка непривычно произносила слова, но дело было не только в ее произношении. Она так говорила, так смотрела и так смеялась,

как ни одна из виденных Виталиком девушек.

— Запреты…

Ему очень хотелось рассказать ей что-нибудь эдакое. Чтобы и она удивилась, как удивлялся он; можно было приврать, но не хватало фантазии.

— Я не вышел на награждение. Третье место… тренер орал. А я плюнул и все бросил. В смысле, плавание.

— Бросил плавание?!

— В том смысле, что спорт, — Виталик закашлялся от растерянности. — В бассейне.

— Ты хорошо плаваешь? — теперь она точно зубоскалила. — Примерно как камень?

— Я бы тебе показал, — осторожно сказал Виталик.

— Так покажи. Или море мелкое?

Он крепче ухватился за борт — и вдруг понял ее, понял, что она говорила про запреты. Переступить грань, прыгнуть за борт, вниз головой, в нарушение правил. Она это умела. Ей уже приходилось это делать в ее шестнадцать или пятнадцать…

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать. Ну и что?

— У тебя родители есть?

— Есть, ну и что? Я совершеннолетняя по нашим законам.

— А… — Виталик запнулся. — Ты работаешь или учишься?

— А что, можно либо одно, либо другое?

— Нет, но… — он решительно не знал, что ей сказать. При том, что сказать хотелось очень много. — Э-э-э… У вас там телевизор есть?

Она засмеялась и нырнула, ударив по воде хвостом. Потом выпрыгнула вдруг целиком, как дельфин, и Виталик обалдел: длинное и стремительное тело пронеслось над водой и ушло вглубь без всплеска, жаль, что так мало света, только блики на перламутровой чешуе…

Он ругательски ругал себя за то, что никогда раньше не интересовался русалками. Ведь есть же фильмы, книги… Правда, утех, что попадались ему раньше, были сплошь зубодробительные названия — «Глубоководный изолят» или что-то вроде того. А теперь он спрашивает глупости, и она над ним смеется…

Отчаявшись поразить девушку красноречием, Виталик свесился за борт и смотрел, как она танцует. Как носится в глубине, будто зеленоватая комета, в шлейфе фосфоресцирующих пузырьков…

Он никогда раньше не слышал, как поют под водой.

* * *

— Сегодня ночью отдыхаешь, — сказал управляющий.

Виталик удивился. Он привык отсыпаться днем, в жару, в сиесту. Ему нравились ночные прогулки. Но самое главное — сегодня он решил наконец, что выберется из лодки и будет плавать с ней.

— Почему? — спросил он, глядя в серо-голубые, с прищуром глаза управляющего.

— Потому что у тебя получка, — управляющий положил на стол белый конверт. — Иди, гуди.

— Это мне?

— Тебе. Премия.

Виталик взял конверт в руки. Приятная тяжесть денег. Честно заработанных денег. Пьянит.

— Спасибо…

— Завтра днем тоже можешь не приходить. Гуляй. Виталик вышел из администраторской.

Пачка денег в кармане. Полная свобода. Набережная, залитая огнями, гремящая музыкой, кафе, рестораны, казино, бильярд, игровые автоматы и девчонки, девчонки, табуны загорелых, в коротких юбчонках, в прозрачных маечках, веселых, хороших…

Виталик оглянулся на море.

Полный штиль. Крохотные мягкие волны. Розовое облако, подсвеченное солнцем, отражалось в блестящем мокром песке.

* * *

В шесть утра мобильный телефон, который Эрвин клал к себе на тумбочку вместо будильника, заиграл бравурный марш. Велька проснулась моментально. Не пошевелилась, ничем себя не выдала — продолжала лежать на боку, подложив ладонь под щеку. Только ресницы дрогнули едва заметно.

— Алло, — Эрвин босиком прошел из спальни на кухню. — Я слушаю.

— Господин Эрвин Фролов?

Голос невозможно было не узнать, хотя звучал он тускло и очень устало.

— Да, — сказал Эрвин, зачем-то оглянувшись на дверь спальни.

— Я получил ваше последнее послание.

Эрвин глубоко вздохнул. Прокушенная рука, упавший в песок шуруп… фары в спину… Все это было не зря. Не зря.

— Она все-таки принесла вам…

— Мы можем встретиться?

— Нет, — Эрвин сглотнул. — За мной следят.

— Понимаю.

— Не понимаете. Не понимаете до конца. Я больше не могу отстаивать ваши интересы — ни как журналист, ни как частное лицо… Погодите, дайте мне сказать! Я верю, что вы пытаетесь их удержать. Может быть, наказываете. Может быть, запираете. Но пока живет этот миф, они будут нарушать запрет и плыть к берегу. Вы меня слышите?

— «Соль»… Эта книга? Андерсон?

— Да.

Тишина. Далекий шум воды.

— Возможно, вы правы, господин Фролов.

— Я не просто прав. Это единственное спасение для ваших девочек.

— Не давать им читать…

— Не в том дело! Книгу могут забыть, но информационный фантом останется. Будто живое существо, состоящее из обрывков слов и фраз, подростковых прыщей, болтовни, писем, демонстративного протеста, тоски, возбуждения… Анекдотов, признаний, слез… смеха… Это передается, как зараза, воздушно-капельным путем. Я фигурально выражаюсь, вы понимаете.

Дверь в спальню приоткрылась сквозняком. Эрвин увидел, что Велька все еще лежит в постели, притворяясь спящей.

— Вы можете показывать своим девочкам тех несчастных, которые вернулись. Они будут говорить правду. Они будут кричать, как их продавали, как их накачивали наркотиками в публичных домах, как их били. Кто-то поверит и ужаснется. Кто-то поверит, но забудет. А многие — ничего не поделаешь — так и останутся в убеждении, что все плохое на свете случается не с ними! Вы меня слышите?

— Да.

Велька на кровати пошевелилась. Натянула повыше одеяло. Эрвин прикрыл дверь в спальню.

— Справиться с мифом сможет только другой миф! Столь же талантливый и яркий, равной или большей силы. На дне, среди ваших, были авторы… помню, лет пять назад какой-то парень сочинял миниатюры. Его даже издавали на бумаге, я нашел в городской библиотеке его книгу… Помогите себе сами! Нужен миф. Нужен образ, который навсегда отвратил бы русалок от берега, от двуногих мужчин, от романтической любви.

Тишина. Отдаленный звук прибоя.

— Сами вы не можете взяться…

— Я не смогу.

— Я назначу вознаграждение. Вы станете богачом, господин

Фролов.

— Я не смогу! Такие вещи не лепятся на заказ. Я стараюсь. Но я… Эрвин замолчал. Воздуха в груди не осталось совсем, а вдохнуть не получалось. В тишине прошла минута, другая…

— Господин Фролов, мы ценим ваши усилия… Прощайте.

* * *

— Чего ты ко мне пристал?

Артур сидел в оранжевой лодке с белым номером «63». Над его головой плескался на ветру свежий, яркий тент. Артур дежурил в центральном секторе пляжа, а Виталик оставил свой пост в восточном секторе, чтобы наконец-то поговорить.

Все было по-прежнему. Палило солнце, прыгали блики. Белый песчаный пляж казался коричневым от многих загорелых тел. В прибое кувыркались пляжницы топлес.

— Ты дурак, Виталя? Отправляйся в свой сектор!

— Никуда не поеду, пока не расскажешь, что за фигня.

— Отвали.

— Ее что, забрали?!

— Не понимаю, о чем ты.

Артур завел мотор и отъехал на несколько метров. На причале стоял дежурный по пляжу, смотрел из-под ладони. Виталик догнал лодку Артура. Ухватил за борт.

— Слушай, не держи меня за дурака. Она куда-то девалась! А я нырял вчера днем, видел клетку под причалом… А в сарае сетка мокрая!

Артур повернул к нему злое, красное от солнца лицо — лоб и глаза в густой тени козырька.

— Видел клетку? Больше ничего не видел? Парня, который до тебя был, с рельсом на шее — не видел?

Взревев мотором, лодка Артура рванула прочь, и Виталик едва успел отдернуть руку от ее борта. Не то свалился бы в воду.

Медленно тянулся день. Девушки с длинными волосами, глядящие на молодого спасателя снизу, из воды, поначалу заставляли его вздрагивать. Но время шло, палило солнце и притуплялись мысли. Он почти ничего не ел, зато выпил весь запас воды и соков. Несколько раз приходилось отлучаться с поста в туалет.

Он ничего не знает. Он и не должен ничего знать. Сидел, ловил рыбу. Разговаривал с русалкой. Потом она пропала. Мало ли что с ней случилось!

«Ты когда-нибудь нарушал запреты?»

Никогда. И желания не возникает.

Он едва дождался окончания рабочего дня. Сразу же пошел в кафе «Волна» и напился, кажется, за полчаса — реактивно. Проснулся с головной болью в чужой постели; оказалось, на втором этаже кафе работает маленький бордель…

Тетка лет тридцати, с остатками косметики на лице, смотрела на него осуждающе:

— Пить надо меньше. А то совсем импотентом станешь. Виталик едва сдержался, чтобы не садануть ей по зубам. Страшно болела голова; он вошел в море, не раздеваясь, в оранжевой футболке с логотипом пляжа и таких же шортах. Поплыл к буйку, миновал его, устремился к горизонту, мощно и мерно взмахивая руками. Рассчитывал проплыть несколько километров, но скоро задохнулся, захлебнулся соленой водой, и пришлось остановиться.

Не маленький. Не ребенок. Должен был понимать, что большие деньги никогда не приходят «за просто так».

* * *

— Это не то, — Эрвин протянул через стол прозрачную папку с рукописью. — К сожалению, это совсем не то.

Диана нахмурилась. Она считала себя отличным журналистом и неплохим писателем. У нее вышли в большом издательстве две книги для подростков.

— Вот ты написала, как девушку обманули и продали. Так могло быть на самом деле. Это правда. Из голой правды никогда не выйдет мифа. Это как соль.

— Что?

— Все ингредиенты вроде бы на месте… Слог, сюжет, характеры… Но нету соли. Нет главного образа, из которого вырастет миф.

— Слишком умозрительно.

— Послушай. Это должна быть грязная история и захватывающая одновременно. Обаятельная, животно-притягательная в своем цинизме. И написанная с точки зрения парня — его чувства. Его полнейший, оголтелый, лысый цинизм. Понимаешь?

— Не понимаю, — сказала Диана. — То, что ты говоришь, конечно, красиво — про соль, и все такое. Ты хочешь, чтобы домик был с тремя этажами, при этом обязательно одноэтажный, очень крепкий, недорогой, сложенный из вареной колбасы. Вот примерно этого ты требуешь.

— Ну, извини, — Эрвин отвернулся.

Это была его пятая встреча за день. Распрощавшись с очередным кандидатом в мифотворцы, он перезванивал Вельке: «Как дела?» — «Нормально». У Эрвина всякий раз сердце обмирало.

Бронированная дверь. Сигнализация. Он запретил жене выходить из дома и отвечать на телефонные звонки. Он запретил ей подходить к окну. Она сидит там, одна, делая вид, что ни капельки не боится. «Как дела?»

Формально он не нарушал запретов. Не покупал русалок, не выпускал их в море. Не писал разоблачительных статей. Но он встречался с журналистами, он вел длинные разговоры и не верил, что тема этих бесед надолго останется тайной.

— Веля, я закончил. Еду домой.

— Жду тебя. Все в порядке.

Все, к кому он обращался, сразу думали о простом: документальная история из жизни работорговцев и их жертв. Половина кандидатов сразу отказывалась под надуманным предлогом. Прочие сомневались. Те немногие, что брали у Эрвина аванс и садились за работу, приносили потом разнообразные вариации на одну и ту же тему: русалки не должны плавать к берегу, их там приманят и продадут в бордель.

Талантливые и бездарные, наивно-детские и полные тошнотворных подробностей, профессиональные и любительские рассказики стоили ему немалых денег. Чтобы покрыть расходы, он брался за большие аналитические статьи для промышленников, за эссе для глянцевых журналов, за переводы, астрологические прогнозы, телеобзоры, — он брался за все. Он сидел ночами. Велька помогала ему, работая тихим, бессменным, очень эффективным секретарем.

— Почему ты так долго не брала трубку?!

— Я была в ванной…

— Таскай с собой! Я же просил тебя… Сразу же бери трубку, когда я звоню!

— Все в порядке, Эрв. Не беспокойся, все в порядке.

* * *

Три дня был шторм — баллов шесть-семь. Купальщики валялись в белой пене, брызгаясь и хохоча. Спасатели бродили вдоль берега с мегафонами, выгоняя из воды всякого, кто осмелился войти в море хотя бы по колено. Волны перекатывались через пирс.

На четвертый день шторм немного утих, и у парней прибавилось работы. Отчаянные пловцы то и дело лезли в море, и шутки сразу же заканчивались, потому что выбраться обратно без посторонней помощи умел один из трех.

Спасатели бросали дуракам оранжевый круг с логотипом пляжа. Дураки паниковали, бились, иногда захлебывались. На берегу собиралась толпа, будто в цирке. Дураков вытаскивали, исцарапанных и здорово напуганных, и ругательски ругали, грозя штрафом. Дураки уползали, сопровождаемые ехидными взглядами, а через четверть часа уже новый идиот барахтался в волнах, уносимый течением прочь от берега…

На пятый день Виталик дежурил на лодке. Казалось, шторм выдыхается, но после обеда опять подул ветер, и волны, вроде притихшие, снова разгулялись. С пирса Виталику подали сигнал — возвращаться, пока можно. Он завел мотор и тут увидел пловца метрах в двадцати от берега.

То ли парни на берегу прошляпили его. То ли мальчишка (а это был пацан лет четырнадцати) попал в особенно мощное течение. Но его несло по дуге, от пляжа к скалам, замыкающим «Золотой Мыс» с востока.

Виталик развернулся. Лодка прыгала на волнах, подлетала и приземлялась всем днищем, и Виталик ругался, не переставая. Он бросил пацану круг и стал подтягивать поближе, чтобы поднять мелкую сволочь на борт. В это время большая волна развернула лодку и приложила ее о скалы — прямехонько винтом. Звук мотора перерос в отвратительный визг. Виталик попытался выровнять лодку — но волна ударила еще раз, стукнула бортом об острый камень, и Виталик обнаружил, что сидит по щиколотку в воде.

Мотор заглох. Виталик глянул на своего утопающего. Парень, держась за круг, болтался метрах в десяти от камней, и пока ему ничто не угрожало…

А за спиной мальчишки — перепуганного, сопливого — на секунду появилось и пропало в волнах маленькое бледное лицо в обрамлении длинных темно-каштановых волос.

* * *

Из переделки выручил Артур — подошел на своей лодке, подобрал сперва утопающего, а потом бросил канат Виталику. Лодку под номером «52» вытащили на причал. Борт был пробит в двух местах, а мотор, кажется, не подлежал восстановлению.

— Рухлядь, — заключил кто-то из спасателей.

Виталика вызвали к управляющему. Тот пожал ему руку, поблагодарил за отвагу на спасательных работах, потом вытащил откуда-то лист бумаги с напечатанным текстом и предложил Виталику расписаться.

— Что это?

Это было подробное описание увечий, нанесенных лодке, плюс долговая расписка. В течение трех дней Виталик был обязан вернуть полную стоимость лодки и мотора. Сумма выглядела жутко — лодка стоила, как хороший автомобиль.

— Что это? — повторил Виталик, не веря своим глазам. Управляющий, готовый к такому повороту событий, вытащил из сейфа договор, подписанный Виталиком при приеме на работу. Мелким шрифтом в самом низу последней страницы были выписаны обязательства: покрыть ущерб, нанесенный по вине нанимаемого, в течение трех дней. Иначе вступали в силу штрафные санкции.

— Ты подписал?

— Я не заметил…

— Но ты подписал?

— Но ведь я находился при исполнении! — нашелся Виталик. — Должна быть какая-то страховка…

— Ты подписал?

— Но иначе пацан бы утонул!

— Ты подписал?

Виталик молчал. Управляющий испытующе посмотрел на него, потом коротко указал на кресло:

— Садись.

Виталик сел, ни о чем не думая.

— Ты все правильно сделал, — сказал управляющий. — Я тебе спишу эту лодку… когда шторм уляжется. Когда можно будет спокойно выходить на рыбу. Понимаешь?

* * *

— Потом мы сможем вернуться. Когда все переменится. Потом.

— Потом, — отозвалась Велька эхом.

— Я знаю, как ты любишь море…

— Давай не будем об этом. Решено — значит решено. И продадим дом сразу, зачем тянуть. Вместе с мебелью. В конце концов, это даже стильно — вот так поменять жизнь, взять все и бросить… Ткни пальцем в карту и скажи: мы туда едем. Я скажу, что согласна.

Они говорили вполголоса на балконе. Рано стемнело — близилась осень. Бархатный сезон с длинными вечерами, потом осенние шторма. Потом зима.

Все имеет предел. Даже терпение. Этот перезвон каждый час: «Как дела?» — «Нормально». Эти секунды, когда Велька почему-то медлила взять трубку, эти напряженные струнки в ее голосе… Чего ради превращать жизнь в вечное ожидание беды? Тем более Велькину жизнь?

Море штормило. Над городом носился ветер с запахом йода. И Эрвин, и Велька понимали, что в этот город больше не вернутся.

* * *

Темной сентябрьской ночью Виталик сидел в лодке далеко от берега. Леска с крючками уходила вниз, в глубину. Виталик забыл о ней.

Почему они приплывают, когда Виталик сидит в лодке? А они приплывают. День, другой, третий можно ждать напрасно, но потом — все равно приплывают! Как магнитики к железу. Как будто Виталик, фальшивый принц, их притягивает.

Над головой покачивался тусклый фонарик под круглым жестяным абажуром. Если сейчас раздеться до плавок и сигануть в воду, оставив в лодке (новой лодке, с номером «23» на борту) оранжевую футболку и шорты с логотипом пляжа… Виталик был уверен в себе — он доплывет до берега минут за тридцать. До соседнего пляжа — за час, и совершенно спокойно. Но что делать потом? Пуститься в бега, оставив маму расплачиваться по долговым распискам?

Не стоит отчаиваться. Ерунда. Все, что нужно сделать Виталику — стиснув зубы, высидеть в лодке завтра и послезавтра. В крайнем случае еще пару дней. Тогда управляющий спишет с него долг, даст денег «на карман» и отпустит с миром — иди, гуляй, гуди.

Плеснула волна. И еще раз. Виталик резко обернулся — слишком резко. Бледное лицо, глядевшее из-под воды, нырнуло и пропало.

— Робкая какая, — сказал Виталик вслух.

Ветер принес обрывок музыки с набережной — очень слабый короткий обрывок.

«Можно подманивать ручным фонариком, — говорил Артур. — Опустить в воду и светить туда-сюда, будто знаки подаешь. Можно еще петь, но не у всех же есть голос. А вот

фонариком — милое дело, сразу выныривают. Анекдотов не понимают, не стоит и стараться, а вот поболтать о всякой всячине — это их хлебом не корми. Любопытные такие. Один парень возил с собой какую-то книжку про рыцарей, ну и читал буквально с любого места. Говорит, очень помогало…»

Узкое, бледное лицо показалось из воды метрах в пяти от лодки, на самом краю освещенного круга. Исчезло. Снова появилось. Девушка улыбнулась, но не Виталику, а оранжевому борту лодки. Стеснялась поднять глаза.

— Привет, — сказал он грубовато, как будто к нему за столик в кафе подсела симпатичная, но надоедливая фифа. — Так и будем нырять туда-сюда?

Он сказал и тут же испугался — вдруг она обидится и уплывет, оставив Виталика посреди моря с его проблемами и долгами.

Девушка вздохнула совершенно по-человечески — схватила воздух, на секунду приподняв узкие плечи. Глянула ему в глаза — очень застенчиво — и снова потупилась.

Она была похожа и непохожа на ту, первую. Такая же бледная и узколицая, только волосы темнее. Глаза тоже зеленые, очень большие на тонком лице. Нос чуть вздернутый. Пухлые детские губы.

Окончательно смутившись под его взглядом, она вдруг быстрым движением перебросила волосы на лицо. У девчонок со вздернутым носом обычно веселый, открытый характер, а эта смотрела, занавесившись волосами, как шторкой. Исподлобья. Угрюмая, что ли?

Виталик невольно подумал о судьбе той первой девчонки, которую подманили и вытащили сетью, словно рыбину. Что с ней стало теперь? Неправда, что русалок продают только в бордели. Их покупают очень богатые люди, создают все условия, содержат, как настоящих жен. Что они видят там, у себя на дне? Там даже телевизора нет… Та светловолосая девочка, что насаживала ему мидий на крючки, может, она сейчас сидит в шикарной ванне, смотрит телевизор, смеется, ест соленые орешки…

Он тряхнул головой. Русалка подплыла чуть поближе — но все равно держалась на расстоянии.

— Зачем ты? — тихо спросил Виталик.

Она легла на спину — тоненькая, даже тощая, с маленькой девичьей грудью. Пляжный лифчик на ней оказался украшен тонкими нитками жемчуга. Это было так странно и трогательно — нитки жемчуга на дешевом трикотаже. Но страннее всего был ее хвост: широченный плавник, серебряная чешуя, горящая в тусклом свете лампы, как зеркало.

— Зачем ты… — он хотел спросить «зачем ты здесь», но прикусил язык. Эта девочка — его добыча. Его списанный долг. Его пропуск в безбедную жизнь.

Теперь она смотрела на далекие огни набережной.

— Как бусы.

— Что?

— Лампочки, будто бусы. Разноцветные. У нее был тонкий, ломкий голос.

— Я приплываю к берегу, чтобы посмотреть на огоньки, — она впервые взглянула Виталику прямо в глаза. Он проглотил слюну: во рту как-то сразу пересохло.

— И тебе нравится?

— Да. Очень.

— А у вас на дне нет таких огней?

— У нас все другое, — она помедлила и повторила, глядя на далекий берег: — Все, все другое.

— Тебе не говорили… — он снова прикусил язык. Сидеть в лодке и болтать с девчонкой, как болтал миллион раз в жизни. Больше от него ничего не требуется. Не он будет вытаскивать сеть на берег, защелкивать наручники, грузить в машину…

Наверное, он переменился в лице, потому что девочка посмотрела внимательнее — и на всякий случай отплыла подальше.

— Расскажи мне, как там у вас на дне, — сказал Виталик чужим, напряженным голосом.

— Темновато… Краски блеклые. Если сравнивать с небом и тем, что на поверхности.

— Неужели ничего интересного?

— Нет, почему. Очень интересно. Сады… колодцы… маленькие огни. Не такие, как ваши. Маленькие… светлячки.

Она замолчала, мечтательно глядя на тусклую лампочку у Виталика над головой.

— Ты работаешь или учишься? — ляпнул он наобум. И внутренне перекосился от стыда, вспомнив ту, первую.

Она неуверенно засмеялась — будто не могла для себя решить, шутит Виталик или нет. Смех у нее был похож и не похож на смех той, первой. Та смеялась открыто, задорно, эта — потихоньку, но все равно это был настоящий русалочий смех.

— Знаешь, — она вдруг перестала смеяться. — Нам рассказывают всякие… всякое про берег. Про людей на берегу. Но ведь надо самой хоть раз посмотреть, правда? Хоть одним глазком. Но своим собственным. Свое суждение. Правда?

— И как, посмотрела? — спросил он не очень приветливо.

— Да, — она погрузилась в воду по самый подбородок.

«Теперь вали отсюда! Скорее!»

Виталик облизнул сухие губы:

— И… как тебе?

— Врут, — она улыбнулась. — Смотрю на тебя и понимаю, что врут.

— Что же во мне такого? — спросил он почти с отчаянием. — Вот во мне что такого, чтобы приплывать, смотреть…

Он снова прикусил язык. На этот раз больно.

— Ты принц, — сказала она еле слышно. Он скорее догадался, чем разобрал ее слова.

— Я… спасатель на пляже.

— Ну да. Принц.

Тусклая лампочка над лодкой мигнула и сделалась еще более тусклой. Садился аккумулятор.

— Ты завтра будешь рыбу ловить? А то мне уже надо возвращаться…

Меня если хватятся… Ух ты. Они никогда не поверят, что я на такое способна! — ее голос зазвенел, сделавшись вдруг очень похожим на голос той, первой. — Я всегда послушная… И вот. Я это сделала. И еще сделаю… Завтра.

«Ты когда-нибудь нарушал запреты?»

— Как тебя хоть зовут? — спросил Виталик.

— Иза. Изабелла. А что, с тобой уже кто-то здесь знакомился? В ее голосе больше не было опаски, только кокетство.

— Нет, — сказал Виталик через силу. — Разговаривали — было. Но не знакомились. Так, ерунда.

— А тебя как зовут?

Он назвался и потом долго смотрел, как она уплывает. Специально для него она шла близко к поверхности, иногда выпрыгивая, почти как дельфин, часто оборачиваясь и маша рукой.

* * *

«Соль». Эта книга снилась ему. Эрвин выучил ее на память; где-то между строчками прятался механизм, работающий десятилетия, заставляющий земных девочек плакать над книгой, а морских — плыть и плыть к берегу. Миф родился из ниточки букв и пробелов, но механизма его появления Эрвин не мог ни поймать, ни вычислить, ни осознать. Как в детстве, когда вот она, бабочка, живая, — и вот уже мертвая, хотя крылья и лапки нисколько не изменились.

Знакомый литератор написал для него историю подлеца и

циника, повстречавшего на берегу русалку и жестоко поглумившегося над ее любовью. По объему повесть превосходила «Соль», была хорошо написана и понравилась редактору крупного издательства — но Эрвин понимал, что книга эта выйдет бездейственной, как пластилиновый макет парового котла.

Дом был выставлен на продажу. Приходили чужие люди, критически осматривали стены, трубы, перекрытия, качали головами, сбивали цену. Велька старалась быть с ними любезной и приветливой, но уголок ее рта то и дело подергивался, и у Эрвина болело сердце, когда он на это смотрел.

— А ты помнишь, как мы встретились?

Была глубокая ночь. Он дремал за компьютером, тупо глядя на экран. «Она улыбнулась». «Он кивнул, он ответил…» Как из этих слов, уже сказанных тысячу раз, составить информационный объект разрушительной силы?! Он дремал, в очередной раз отступившись, и Велька, подобравшись сзади, прикоснулась щекой к его горячему уху.

— Я помню… Я всегда помню, Вель. И я тебе обещаю: эта беда закончится, она уже заканчивается, мы уедем.

— Тогда тоже был штиль. Как сегодня. Нет ветра. И море, наверное, совсем спокойное… Знаешь, мне ведь все равно, где жить.

— Знаю, Вель. Потерпи, это последние недели… Еще немного.

* * *

Виталик уговаривал себя, что Изабелла больше не приплывет. Даже почти поверил. Усаживаясь в лодку на вторую ночь, заводя мотор, отплывая от пристани, он повторял про себя, как заклинание: сегодня ее не увижу.

Ему хотелось верить, что ее родители, или воспитатели, или кто там у них на дне поставлен смотреть за девчонками — что этот «взрослый» или «полицейский» перехватит Изу на полпути к запретному берегу. Перехватит, накажет, может быть, посадит на время под замок далеко на дне. Подальше от клеток, сетей, от хитроумных приспособлений, которые охотники на русалок совершенствуют с каждым днем, и нет предела этому совершенству.

Он бросил якорь и стал насаживать кусочки мяса на крючки, но руки опускались сами собой. Вокруг было тихое море, волна медленно покачивала лодку, и ни всплеска, ни проблеска.

Виталику вдруг стало одиноко и грустно: он окончательно поверил, что Иза не придет больше никогда.

Чтобы обрадоваться (а ведь надо было радоваться!), он засвистел маршевую песню, под которую его тренер любил устраивать разминку в спортзале. Сперва получалось плохо, потом получше, потом пересохли губы. Готовясь забросить снасть, Виталик оглянулся на море…

— Ты так здорово свистишь!

Изабелла лежала на волнах, как на диване — на самой границе освещенного круга. Увидев ее, Виталик обрадовался до неприличия. И тут же устыдился своей радости.

— Привет, — сказал довольно грубо. — Пришла? Она обиженно выпятила губы:

— А что, нельзя?

Виталик спохватился. Сегодня управляющий опять говорил про долг, намекал насчет родственников — долг, мол, все равно придется кому-то отдавать, даже если Виталик потонет…

— Можно, — сказал через силу. — Я… рад тебя видеть. Как дела? Она подплыла поближе, улеглась на спину и закинула руки за голову.

— Ты очень странный парень. У нас таких нет.

— А какие у вас есть?

Она улыбнулась не то насмешливо, не то кокетливо.

— Другие. Ты, когда радуешься… у тебя глаза светятся.

— Как?!

— Ну… Немножко. Но я-то вижу.

— А когда я радуюсь?

Она нырнула. Вынырнула с другой стороны лодки.

— Когда меня увидел. У наших парней другие глаза. Зеленые. А у тебя… а ну, наклонись.

Он пригнулся к борту. Девушка ухватилась за лодку руками, подтянулась; Виталик впервые видел ее так близко.

— Голубые, — сказала она удивленно. — Прямо синие. Удивительно. Лодка закачалась. Русалка скользнула под воду, вынырнула за кормой.

— Погоди, — сказал он испуганно. — Я не успеваю за тобой следить…

— Спускайся ко мне, — сказала она весело. — Поплаваем. Хочешь?

* * *

Прощаясь, он подарил Изабелле фонарик. На третью ночь,

подплывая, она подавала сигналы. Она дразнила его, описывая круги, то приближаясь, то удирая.

Собираясь на свидание, Виталик выпил полбутылки вина. Оставшиеся полбутылки принес Изе. Она пила из пластикового стаканчика, сперва недоверчиво, потом с интересом.

— Мне такого нельзя, наверное. Голова кружится. Ой!

Вино пролилось в воду. Сладкие красные капли перемешивались с солью на ее губах. Виталик опьянел окончательно.

Он захватил из дома очки для плавания, Изабелла очень смеялась, когда он впервые надел их. Теперь он мог видеть Изабеллу под водой. Теперь он был с ней почти на равных.

Впервые в жизни он ощутил под водой невесомость — без акваланга. Каждый раз, ныряя, он оставался под водой какое-то немыслимое время, кажется, минуты по три-четыре. Это было невозможно, но в ту ночь Виталику верилось, что он вот-вот сможет отказаться от воздуха вообще. Будет дышать водой, как русалка.

Она играла фонарем. То светила на себя, корча страшные рожи. То направляла луч в лицо Виталику. А потом уходила на глубину и светила снизу, танцевала с фонарем, и Виталик видел то край ее плавника, то подводный камень, покрытый водорослями, то облако распушившихся под водой волос, то бледное лицо с серьезными глазами. Даже дурачась, она умудрялась оставаться серьезной.

Вода была прохладная. Виталик скоро протрезвел, вспомнил, зачем он здесь, и ему захотелось утопиться.

— Ты видел звезду там, внизу?

Она говорила под водой. Голос звучал странно, но Виталик слышал каждое слово.

Звезду? Он помотал головой.

— Пошли вниз, это вон там… Она указала лучом фонарика.

Он вынырнул и набрал побольше воздуха. Ушел вниз, вслед за светом. На дне, на большом камне, лежала морская звезда, огромная, как сковородка. Иза взяла ее в ладони, что-то пробормотала, возложила звезду себе на голову, подсветила фонарем. Виталик навсегда запомнил эту картину: темнота вокруг, водоросли на дне, девушка с морской звездой на макушке. Звезда красная. Глаза зеленые. Волосы стоят темно-каштановой копной.

— У нас кладут на голову звезду, когда загадывают желания. Виталик рванулся наверх, схватил воздух, секунд тридцать отдыхал, покачиваясь на волне. Изы вынырнула — без звезды в волосах.

— А где?…

— Там оставила. Ей нельзя на воздух. Ее дом на дне.

Виталик опустил лицо в воду. Она жалеет звезду, а саму ее никто не пожалеет. Выволокут из воды, забыв, что ее дом на дне. Это случится, может быть, завтра.

— Что с тобой?

— Ничего.

— У тебя что-то болит? Он улыбнулся.

Они долго молча плавали. Потом обнялись. Ее чудесный на ощупь серебряный хвост совсем не напоминал рыбий. Он был теплый, бархатистый, нежный. Виталик понял, что сходит с ума, и вдруг оттолкнул ее, кинулся в лодку, взобрался на борт, трясясь, и завел мотор.

* * *

Утром он больше всего боялся, что управляющий спишет ему долг и велит отдыхать. Но управляющий так и не вышел из административного домика, и Виталик пошел бродить по городу — просто потому, что некуда было себя девать.

Он зашел на вокзал и купил себе билет на сегодня, на вечер. Через полчаса сдал.

Он сидел на бульваре и смотрел на клерков, снующих туда-сюда, от одного офиса к другому. Время от времени подъезжала дорогая машина, шофер открывал дверцу, и некто вальяжный и толстый или, наоборот, спортивный и жилистый входил в вертящиеся стеклянные двери, или в деревянные резные двери, или в бронированные двери, обитые кожей. И всякий раз Виталик думал: покупал ли этот человек когда-нибудь русалок?

Он думал о тех, кто ставит капканы и силки под водой, кто бросает с лодок нейлоновые сети с грузилами, кто использует как приманку чужое доверие и симпатию к людям. О продавцах. О покупателях. Его тошнило.

Он думал о девушке со светлыми волосами, которая когда-то так смело с ним заговорила. Где она? Что они с ней сделали?

Виталику не хотелось спать. Просто мир немного плыл перед глазами.

* * *

Эрвин остановил машину на бульваре. С самого утра его мучила жажда, что бы он ни пил. Вот и теперь губы склеились, а

бутылка из-под минеральной воды в сумке-термосе оказалась пуста.

— Велька? Как дела?

— Все хорошо… Ты где?

— Я уже еду домой. Только воды выпью.

— Жду тебя. Рыбу пожарила…

Он зашел в первое попавшееся кафе.

— Два стакана апельсинового сока. И бутылку минеральной.

У стойки сидел, низко опустив голову, атлетически сложенный загорелый парень. Эрвин покосился на него с невольным интересом: на парне была оранжевая форма с логотипом какого-то пляжа, здорово помятая, с темными кругами под мышками. Эрвин присмотрелся; мальчишке было не больше восемнадцати, у него было открытое, мужественное, очень красивое лицо — не смазливое, нет. Красивое, несмотря на воспаленные больные глаза и черную щетину на подбородке. Эту красоту не могла убить даже застывшая гримаса не то отвращения, не то стыда, а может быть, тоски. Парень был, кажется, пьян. Не глядя ни на кого, он водил огрызком карандаша по меню на стойке.

Бармен принес заказ. Не отрываясь, Эрвин выпил сперва стакан сока, потом стакан воды и, передохнув, взялся за второй сок. Он уже решил, что заговорит со странным парнем. Чутье журналиста? Простое человеческое желание помочь мальчишке, кажется, попавшему в переделку?

Он еще не успел допить свой сок, когда мальчишка вдруг оттолкнулся от стойки, вскочил, чуть не опрокинув вертящийся табурет. Развернулся и кинулся из кафе, будто за ним гнались. Налетел в дверях на старичка в белых шортах. Старичок недоуменно отпрянул…

Мелькнула за стеклом оранжевая футболка. Эрвин поставил на стойку опустевший стакан из-под сока.

— Он хоть расплатился? — тихо спросил официант бармена. Бармен кивнул, глядя вслед беглецу.

— Кто это? — спросил Эрвин. Бармен пожал плечами:

— Спасатель с «Золотого Мыса»… Малахольный. И меню испоганил.

— Простите, можно мне…

Эрвин взял со стойки исчерканные листки за мгновение до того, как до них дотянулась цепкая рука официанта. Каракули, каракули, зачеркнутые слова, какие-то звезды, ничего не разобрать…

Картинка. Эрвин хлопнул глазами.

Голова рыбы с выпученными глазами и полураскрытой

губастой пастью. Тело рыбы, округлое, чешуйчатое, и ниже пояса — человеческий зад и гениталии. Тонкие ноги с большими коленками, с волосатыми ляжками, с торчащими в разные стороны пальцами. Эрвин поднес бумагу к глазам: отвратительная картинка, воплотившая и стыд, и отвращение, и тоску странного парня в футболке с логотипом пляжа. От этого уродца с рыбьей головой и толстым пенисом трудно было оторвать взгляд, хотя все время хотелось отвернуться.

Художник? Нет. Нарисовано любительски. Но картинка… Картинка.

Образ.

— Сколько я должен? — хрипловато спросил Эрвин. И тут же добавил: — Могу я это взять с собой?

Бармен и официант переглянулись.

— Ну разумеется. Забирайте.

Эрвин расплатился и вышел. Сел в машину. Завел мотор. «Золотой Мыс», «Золотой Мыс»… Дорогой пляж, хорошая клиентура… Красивые спасатели…

Образ. Русалка наоборот. Потерянный фрагмент головоломки. Соль.

В машине Эрвин достал телефон. Вспотели ладони; гудок. Гудок…

— Алло.

— Веля, почему ты сразу не берешь трубку!

— Прости… Все в порядке, Эрв. Пока… все в порядке.

* * *

Они лежали в лодке, обнявшись, и смотрели в небо. Нитки жемчуга на ее трикотажном лифчике разорвались, и мелкие жемчужины раскатились к бортам, забились в щели.

— Послушай, не возвращайся больше. Тебя поймают.

— Я очень осторожная!

— Ты мне не веришь? Я ведь специально… — Он не мог сказать правду. Не получалось. — Послушай, поверь мне! Они охотятся на таких, как ты.

— Мне это говорили двести раз. Я не боюсь.

— Ты дура! Зачем ты приплыла? Зачем? Уходи в море, они тебя поймают!

Она улыбалась. Ее чешуя, подсыхая, теряла блеск, но зато приобретала синевато-стальной, глубокий оттенок.

* * *

— Ты у нас молодец, Виталя, знатный рыбак. Принц, одно слово, — управляющий улыбался во весь рот. — Гуляй. Отдыхай. Завтра спишу тебе лодку… А сегодня гуляй.

Виталик взвесил конверт на ладони. Отлично. Должно хватить.

— Ну, я пошел?

— Вали, счастливчик!

Вежливо попрощавшись с Артуром и ребятами, Виталик вышел с пляжа и неторопливо двинулся вдоль по набережной.

«Наутилус» не был конкурентом «Золотому Мысу». Просто маленький пляж, где давали напрокат скутеры, лодки, акваланги; «Наутилус» не был конкурентом, но Виталик зашел в кабинку на городском пляже и сменил форменный костюм на обыкновенную майку и обрезанные выше колен джинсы.

Девчонки оборачивались ему вслед. Он шел и улыбался. Аккуратно завернул оранжевые принадлежности в полиэтиленовый пакет, оставил в урне у пристани. Конверт с деньгами переложил в сумку-пояс.

— Сертификат у тебя есть? — спросил инструктор с «Наутилуса», мужик лет тридцати, но уже лысеющий.

— Есть, — Виталик вытащил купюру.

— Смело, — пробормотал мужик. — Ну, покажи, как ты ныряешь. Виталик доплатил, надел акваланг, застегнул пояс, взял загубник.

Сел на дно метрах в десяти от берега, ухватился за камень и сидел, пока инструктор жестом не позвал его на поверхность.

— Ну ладно… Дам тебе свой старый комплект, типа поносить. Утонешь — я тут ни при чем.

— Спасибо.

Он упаковал тяжеленный баллон в грязный рюкзак, засунул туда же пояс и ласты, взвалил на плечо и медленно, нога за ногу, двинулся в обратный путь — по направлению к «Золотому Мысу».

Прошло полдня. Оставалось еще полдня. Виталик то и дело останавливался, чтобы выпить воды или пива. Ему хотелось пить, а вот есть — ни капельки.

Стоял сентябрь. По набережной прохаживались все больше не девчонки в коротеньких шортах, а дамы в широкополых шляпах, в живописных развевающихся балахонах. И дамы оглядывались на Виталика.

Рюкзак с баллоном совсем оттянул ему плечо.

Вертелась карусель. Прыгали дети на батутах. Завлекали огнями игровые автоматы. Виталик опустился на бровку и долго сидел, вытянув ноги в старых сандалиях. В выжженной траве цокотали ополоумевшие цикады. Можно было вернуться в

бассейн, можно было позвонить маме. Можно было догнать любую девчонку, вон хотя бы ту, в легком деловом костюмчике, и приятельски хлопнуть ее по плечу…

День тянулся нескончаемо. Тени остановились, не желая вытягиваться. Капля подтаявшего мороженого застыла в полете и никогда не долетит до голого девичьего колена. Мяч сплющился от удара и приник к асфальтовой дорожке…

Прыгнул. И капля упала. И тени наконец-то двинулись, удлинились, и солнце почти уже село, и на набережной зажглись огни.

По узенькой тропинке, известной ему и еще паре-тройке людей, Виталик пробрался к скалам. Здесь неподалеку он разбил лодку во время шторма. Здесь его никто не увидит; он вытащил баллон и тяжеленный пояс, еще раз проверил все трубки.

Ветер доносит музыку с набережной. На причале загорелся фонарь; вот лодка отошла от пирса и, неторопливо фырча мотором, двинулась в море…

Виталик испугался, что опоздает.

* * *

Внизу, в глубине, проплывали зеленоватые искры. Сентябрьская вода лежала пластами, Виталик оказывался то в холодном потоке, то в теплом, как молоко. Его знобило. Он старался работать ластами как можно тише, а после того, как на лодке заглушили мотор — вообще бесшумно.

«Ты когда-нибудь нарушал запреты?»

Над лодкой зажгли фонарик — совсем слабенький, чтобы нельзя было различить, кто сидит внутри. А судя по тому, как глубоко она зарывалась в волны, человек там был не один.

Виталик погрузился. Темно; ничего не разобрать… Зеленые искры, отражения далеких огней… Баллона хватит минут на сорок, а ждать предстоит всю ночь.

Он улыбнулся, вспомнив Изу с ее длинными каштановыми волосами, с ее нежной чешуей, с ее рассыпавшимися жемчужными бусами. Упрямая тварь, она клялась не приходить сегодня, но ведь придет же. Какое счастье, она придет.

Он вынырнул и прикрутил кран на баллоне. Холодно. Странно холодно сегодня ночью в море. Те, на лодке, ждут своего часа. Пускай ждут.

Ее чешуя хороша, когда мокрая, и очень красивая, когда сухая. Ее губы всегда теплые. Она говорит, даже на большой глубине, даже во льду — они всегда теплые. И еще она говорит,

что никогда ни с кем не целовалась.

Виталик испуганно вскинул голову над водой. Ему показалось, что у лодки — совсем близко — вынырнула голова… Нет, это просто волна. Показалось. У Изы хватит ума посветить сперва фонариком, а уже потом…

А если фонарик увидят с лодки?

А если она решит подшутить над ним, подплыть вплотную и вдруг выпрыгнуть из воды, как дельфин? Она однажды так сделала… А если…

Он крутнулся на месте, как сверло, и увидел далекий свет.

Иза. Она плывет, игриво посвечивая сквозь толщу воды фонариком, вчера он поставил ей свежие батарейки…

Он сжал челюстями загубник. Чуть не забыл отвинтить вентиль… вспомнил, отвинтил. Погрузился… пожалуй, слишком сильно плеснул ластами. Теперь там, на лодке, насторожились.

Иза плыла со дна, из глубины, ему навстречу. Увидела его и замерла. Виталик сорвал маску. Она узнала его и засмеялась над своим секундным страхом. Только русалки умеют смеяться под водой.

Он схватил ее за руку. Теплая рука. Он обернулся, показывая на лодку, знаками изображая опасность.

Она склонила голову к плечу. Волосы развевались. По-настоящему русалки прекрасны под водой, Виталик пожалел, что снял маску. Плохо видно без маски, а тут еще эта темень…

— Что-то случилось? — спросила она.

Виталик закивал, показывая сперва назад, потом вперед и в сторону. Обернулся…

Лодка была рядом.

Он забыл про пузыри. Про воздух, который он выдыхает в воду, который уходит вверх. Всплеск ласт, потом пузыри, потом…

Он с силой оттолкнул от себя девушку. Он швырнул бы ее, но вода замедляла движения. Между Изой и упавшей сверху сеткой было несколько миллиметров, но русалка оказалась снаружи.

А Виталик запутался. Сетка была очень тонкая, резала руки и не рвалась, но Виталик все равно освободился бы через пару минут, если бы его не подтащили к поверхности и не ударили чем-то тяжелым по голове.

* * *

— Сука! С-скотина, что удумал…

— Хватит! Хватит, говорю, потом еще лодку отмывать… Кровищи столько…

— Куда его?

— За скалы… да не снимай с него баллон, идиот! Наоборот, пусть его найдут с баллоном и скажут, что сам утопился, дайвер гребаный!

— Ага, дайвер. С рельсом на шее.

— Потом нырнешь и веревку снимешь… Чего морду воротишь? Сделаешь как миленький! Из нас шеф таких дайверов скроит… за эту девку… блин, первый раз осечка! За столько времени…

Мотор стих. Еле слышно плескалось море у скал.

— Сначала тело, потом рельс. Давай. Раз, два…

Виталик полетел вниз, в темноту. Привычно потянулся плыть, но веревка захлестнулась вокруг горла и дернула вниз. Вспыхивали ярко-зеленые искорки от каждого движения, Виталик видел себя, летящего на дно в изумрудном сиянии, а искры кружились вокруг, будто живые светлячки.

А потом из темноты, подсвеченной искрами, вылетела девочка с зеркальным хвостом, с белым лицом, с огромными зелеными глазами.

— Виталик! Виталик, дыши!

Она попыталась поднять рельс. Удар хвостом, другой. Слишком тяжело, слишком медленно. Она кинулась к веревке на его шее, вцепилась зубами. Только нож, отстраненно подумал Виталик. Маленький острый ножик.

— Виталик, дыши!

Для нее это было так просто и естественно — дышать под водой. К зеленым светлячкам добавились темно-красные. Очень хотелось вздохнуть. Как это больно — вода в легких…

— Дыши! Дыши! Родной… дыши!

Он улыбнулся и покачал головой. Тогда она обняла его и завыла.

ЭПИЛОГ

— Посмотри, что я принес.

Эрвин протянул жене книгу в глянцевой обложке. С обложки смотрел герой — наполовину рыба, наполовину мужчина. Голова его, включая мутные глаза, слюнявые губы, и покрытый чешуей торс были рыбьи, зато все, что ниже пояса, выглядело вполне человеческим: большой зад, и огромные гениталии, и толстые коленки, и жесткие волосы на ляжках, и даже пальцы, торчащие в разные стороны, с нестриженными грязными ногтями.

— Это и есть… образ? — спросила Велька, помолчав. —

Соль?

— Скорее, перец. Книга так и называется — «Перчик»… Все говорят, что очень смешно. Но ты лучше не читай.

Велька положила книгу на стол, будто боясь запачкаться.

— И это поможет?

— Может быть… Во всяком случае, я очень на это рассчитываю… этот красавец станет червем в теле старого мифа. Кто его видел один раз — не забудет. Появятся комиксы, адаптации, экранизации, анекдоты, сплетни. И всякая русалка, подумав о суше и о береге, увидит не цепь огней на мысу, не корабль под парусами, не веселого парня с гитарой или удочкой. Не старую крепость у моря, не вереницу автобусов, не парашют под красным куполом. Не моторную лодку с матросами, не пляж, где визжат и смеются. Не прибой, не пловца, не костер среди скал. Она увидит вот этого… его. Понимаешь?

— Если это спасет их, — сказала Велька, подумав, — это хорошо, ведь верно?

Эрвин провел рукой по ее волосам.

— Во всяком случае, мы сделали, что могли. Он взял ее на руки и отнес в постель.

— Вель, по-моему, я уже говорил тебе…

— Что?

— Я тебя люблю. И буду любить, что бы ни случилось.

Она засмеялась. Он бережно уложил ее и сам лег рядом, плотнее прижавшись коленями к ее теплому чешуйчатому хвосту.

ВИДЕОДРОМ

Александр Ройфе
КАК ВОЛКОДАВ ВОЛКОДАВОМ СТАЛ

Создатели кинокартины «Волкодав» подошли к своей работе масштабно: параллельно с этой лентой был снят и 12-серийный телефильм «Молодой Волкодав» с тем же актером в заглавной роли. На российские телеэкраны сериал, однако, не попал, а сразу был выпущен на DVD. Что ж, любители творчества Марии Семёновой и жанра славянской фэнтези теперь знают, какой подарок заказывать себе на день рождения. А все остальные могут выяснить необходимые подробности у нашего автора…

Только профессионалы киномаркетинга могут с уверенностью сказать, чем руководствовались продюсеры фильма «Волкодав» (фирма «Централ партнершип» и издательство «Азбука»), затевая еще и сериал о юных годах заглавного персонажа. То ли планировалось при помощи сериала «разогреть» интерес публики к киноленте, то ли, наоборот, сериал должен был выйти на телеэкраны позже и на волне успеха большого «Волкодава» собрать много-много рекламных денег. Однако не получилось ни того, ни другого (по крайней мере, если говорить о центральных российских телеканалах), и в результате — выпуск сразу на DVD с непонятными перспективами «отбить» средства, затраченные на производство (включая съемки в Египте).

Впрочем, не станем считать чужие деньги, тем более что все

нюансы едва ли известны даже государственным налоговым органам. Обратимся к несравненно более интересной теме — художественным достоинствам и недостаткам сериала «Молодой Волкодав». В конце концов, читателям «Если» важнее всего понять одну простую вещь: стоит ли смотреть сие произведение или же лучше провести свое свободное время более разумным способом? Так вот, с моей точки зрения, смотреть «Молодого Волкодава» очень даже можно. А уж если сопоставить его с «кинособратом», сравнение окажется отнюдь не в пользу последнего.

Сопоставление это, кстати, буквально напрашивается еще и по той причине, что события, показанные в «Молодом Волкодаве» (режиссер Олег Фомин), бегло, в форме флэшбэков были поданы и в «Волкодаве», поставленном Николаем Лебедевым. Речь идет об убийстве родителей героя, его пленении и пребывании на каторге в Самоцветных горах, поединке с надсмотрщиком Волком и обретении свободы. Даже несколько удивительно, что Фомин с Лебедевым порой радикально расходятся в своих трактовках первоисточника, а продюсеры спокойно относятся к возникающим противоречиям. Так, у Лебедева Волкодав лишается родителей, будучи совсем еще ребенком, тогда как у Фомина герой к тому моменту уже вполне созревший юноша, прошедший обряд инициации — вступления во взрослую жизнь.

Вообще, версия Фомина выглядит существенно более связной и логичной, хотя и этот режиссер с текстом Семёновой (роман «Истовик-камень») обошелся несколько вольно. Дело тут, думается, в специфике жанра: все-таки роман очень трудно «втиснуть» в двухчасовое экранное действо, а формат телесериала — как раз то, что надо. Можно спокойно, не торопясь, рассказывать истории разных персонажей. Можно грамотно чередовать напряженные сцены с теми, что снимают напряжение. И, главное, не возникает соблазна вставить какого-то героя или сюжетный поворот без достаточной сценарной мотивации, только потому, что он был в литературном оригинале. А в «Волкодаве» Лебедева таких «атавизмов», как мы помним, предостаточно.

Что отдельно радует? Конечно, боевые сцены! После того маловразумительного мельтешения, которое мы сподобились посмотреть в киноверсии, драки и поединки в сериале, можно сказать, приятно удивляют. Понятно, что происходит, кто куда побежал и как упал. Более того, в сценах бойцовского турнира создатели «Молодого Волкодава» ухитрились показать несколько различных стилей боя. Это уже по-взрослому!..

Что огорчает в сериале? Некоторая невнятица со жрецами, которые поначалу вроде бы служат богам-близнецам, а потом оказываются адептами Мораны, строящими козни против всего

населения…

Что оставляет равнодушным? Честно говоря, игра исполнителей главных ролей. Александр Бухаров старательно делает героическое лицо, Эльвира Болгова и Анна Азарова изображают великую любовь и великую ненависть, но правды чувств не достигает никто. А вот некоторые эпизодические роли, напротив, на редкость хороши. Поди забудь, например, добровольного сторожа веннской деревни в исполнении Александра Лойе…

В целом же плюсов в сериале заметно больше, чем минусов. Если учитывать то обстоятельство, что фантастическое кинопроизводство в России по-прежнему носит случайный характер и не может похвастать устоявшейся школой, «Молодой Волкодав» — вполне достойный шаг в правильном направлении. Побольше бы таких шагов — глядишь, и до своего «Властелина Колец» дотопаем.

РЕЦЕНЗИИ

ШРЭК ТРЕТИЙ

(SHREK THE THIRD)

Производство компании DreamWorks Animation, 2007.
Режиссер Крис Миллер.
Роли озвучивали: Майк Майерс, Эдди Мерфи, Камерон Диаз, Антонио Бандерас, Руперт Эверетт и др.
1 ч. 30 мин.

Первая часть о похождениях забавного зеленого огра задумывалась компанией DreamWorks как «наш ответ Диснею» и была обречена на успех. Зритель, уставший от однообразных мультфильмов про добрых зверюшек, влюбился в Шрэка с первого взгляда. Сиквел не только не уступил оригиналу, но и, что бывает крайне редко, превзошел его. Во многом благодаря появлению новых удачных персонажей, вроде Кота в сапогах.

В третьей части без новичков тоже не обошлось. Встречайте: Арти — наследник трона и тот еще неудачник. Именно его предстоит отыскать Шрэку и доставить в Тридевятое королевство, дабы уберечь себя любимого от такого ненужного и противного царствования. Родное болото милее всех замков и дворцов!

Сомнение, что триквел опустит планку качества, закралось после сообщения о смене режиссера. Первых «Шрэков» создавал большой балагур Эндрю Адамсон, продолжение почему-то решили поручить малоизвестному Крису Миллеру. И, к сожалению, проиграли. Причем споткнулись на ровном месте.

Причины неудачи видны невооруженным глазом. Число пукально-стукальных шуточек и отрыжек, за которые ругали предыдущие части, увеличилось, в то же время количество эпизодов, пародирующих известные фильмы, резко сократилось. Да и присутствующие отсылки к популярным кинолентам нельзя назвать удачными. Сцену полета вертолетов из «Апокалипсиса сегодня» не спародировал только ленивый. Арти, он же король Артур, и придурковатый волшебник Мерлин не идут ни в какое сравнение с харизматичными ослом и котом, теряются на их фоне. Что мы неудачников да волшебников не видели? Не могут новые персонажи развеселить зрителя, сколько ни пытаются, а старые постоянно занимаются самокопированием. Нет, забавные

моменты есть, но их можно пересчитать по пальцам одной руки.

Вряд ли работа Миллера повторит успех прежних картин, а вот похоронить интересный сериал может.

Степан КАЙМАНОВ

МОСКВА ZERO

(MOSCOW ZERO)

Производство компаний Valentia Pictures и S. L. Nephilm Producciones, 2006.

Режиссер Мария Лидон (Луна).

В ролях: Винсент Гало, Оксана Акиньшина, Вэл Килмер, Хоакин де Алмейда, Сейдж Сталлоне, Рейд Сербеджия, Джосс Экланд и др.

1 ч. 19 мин.

Когда в прошлом веке иностранцы снимали фильмы об СССР («Красная жара», «Русский дом», «Святой» и др.), то в них, по крайней мере, участвовали советские актеры, отчего в этих картинах присутствовала некая осмысленность. Сейчас же, когда железного занавеса нет, все, кому не лень, едут к нам снимать кино (и все им тут дозволено). Кино это становится все более убогим, даже более бредовым, чем клише про пьяных русских с ушанками-водкой-балалайками.

Пугает также, что златоглавая Москва с ее многочисленными храмовыми куполами в очередной раз преподносится как врата в преисподнюю.

В московских подземельях, где живут бомжи и уголовники, пропал профессор МГУ, разыскивающий в катакомбах открытые врата в ад. На поиски ученого приезжает священник Оуэн и нанимает троицу бандюков и девицу себе в проводники.

Далее начинается чудовищная галиматья. Полтора часа герои блуждают в подземке, параллельно с ними в лабиринтах бегают какие-то грязные дети с повадками киллеров — откуда? кто такие? К середине фильма предыстория всплывает в паре фраз, что окончательно разбивает всю интригу, которой и так кот наплакал.

Относиться серьезно к этому балагану невозможно. Потрясающе глупое, безобразно снятое кино с чудовищными диалогами — русские фразы героини Акиньшиной вплетены в англоязычную речь. Как герои понимают друг друга? Мимолетная панорама Новодевичьего монастыря (прости Господи, но именно под ним по замыслу авторов и находятся «адские врата»), съемки

района Раменок и пятачка возле «Юго-Западной» из окошка такси, да четырехминутное появление растолстевшего Вэла Килмера в роли главаря православных бандитов — это все, на что хватило фантазии и денег.

В результате проект честолюбивой молодой испанской режиссерши оказался примером откровенного вздора.

Вячеслав ЯШИН

ЧЕЛОВЕК-ПАУК 3: ВРАГ В ОТРАЖЕНИИ

(SPIDER-MAN 3)

Производство компании Columbia Pictures, 2007.
Режиссер Сэм Рэйми.
В ролях: Тоби Магуайр, Кирстен Данст, Джеймс Франко, Томас Хейден Черч, Тофер Грейс и др.
2 ч. 36 мин.

Не успел Питер Паркер насладиться покоем и сделать Мэри Джейн предложение, как в Нью-Йорке опять стало тревожно. Истинный убийца дяди Бена сбежал из тюрьмы, попутно превратившись в Песочного человека. Замаячил на горизонте Гарри Осборн, все еще не теряющий надежды отомстить за отца. Метеорит принес с собой черную жижу, пробуждающую в человеке темные начала…

Ах, как это по-голливудски! Метеорит несет сверхсилу. У злодея в итоге оказывается вполне человеческое лицо. Герой мучительно гибнет в кадре, спасая старого друга от неминуемой смерти. В попытке связать все сюжетные линии воедино, довести их до логического конца создатели фильма наполнили его едва ли не всеми киношными штампами и махнули рукой на правдоподобность происходящего, которое нужно и фантастике.

Многие моменты кинокартины откровенно надуманны. Например, получение суперспособностей. Бежал-бежал убийца Бена Паркера от полиции, перемахнул через ветхое заграждение и упал в яму, где в ходе научного эксперимента его тотчас смешал с песком большой «миксер». А дворецкий Осборнов? Что он мелет, доказывая Гоблину-младшему невиновность Человека-паука: «Я видел раны на теле твоего отца, его не убивали»! Как он это определил? И откуда вообще такая осведомленность? Непонятно. Словом, не нашлось на Сэма Рэйми Станиславского с его сакраментальной фразой.

Несмотря на многочисленные недостатки, последнюю часть

истории о Человеке-пауке все-таки нельзя назвать полным провалом. Рядом с каким-нибудь несуразным «Призрачным гонщиком» она и вовсе смотрится как нечто значительное. Наблюдать за бесчисленными лихими прыжками да перелетами героя, как и раньше, интересно. Особенно здорово выглядят выходки и выкрутасы в исполнении темного Паркера. Юмор, мораль и христианский мотив всепрощения тоже сыграли в пользу фильма. Однако от блокбастера с огромным, даже по голливудским меркам, бюджетом в 250 миллионов долларов ждешь большего.

Степан КАЙМАНОВ

ВСЕМ ХАНА!

(DISASTER!)

Производство компаний Dream Entertainment и Bleiberg Entertainment, 2006.

Режиссер Рой Т. Вуд.

Роли озвучивали: Томми Ли, Мик Марс, Никки Сиккс и другие участники группы Motley Crue.

Русский дубляж: Гоблин, а также ди-джеи радио «Максимум» Геннадий Стиллавин и Сергей Бачинский.

1 ч. 23 мин.

Создатели пластилиновой мультипликации «Всем хана!» продолжили традицию «Команды «Америка». В мире торжествующей политкорректности и установки «на добро» должно быть место здоровому человеконенавистничеству. Для баланса. В результате имеем полтора часа непрерывного кровавого издевательства над голливудскими штампами и ценностями американского общества. Фильмы-катастрофы, истории о несгибаемых суперменах, слезливые драмы — всё без исключения подверглось жестокой деструкции и глумлению.

Итак, на Землю надвигается очередной армагеддон в виде планетоида, начиненного различными катастрофами — от торнадо до цунами с акулами-людоедами. Разрушить адский планетоид послана команда суперпрофессионалов: порнозвезда — специалист по бурению, пышногрудая блондинка — ядерщик, робот — специалист по нетрадиционным сексуальным ориентациям, а также другие не менее колоритные персонажи.

Авторы выдохлись уже на двадцатой минуте. Сказали все, что хотели сказать. Плюнули в лицо всем и вся. Потоптались по

святыням. Шутка, повторенная дважды, уже не смешна, а шутка, повторенная раз десять, становится тупостью. Фильм, несмотря на все свои претензии, превращается в пошлейшую самопародию. К финалу зрелище утомляет, а то и вовсе делается тошнотворным, поскольку сюжетные лакуны заделаны отходами человеческой жизнедеятельности, что льются на зрителя нескончаемым потоком. Сортирный юмор — вот чем нынче пытаются подменить сатиру, в том числе политическую.

«Нам поможет только чудо!» — восклицает один из героев, делая реверанс в сторону классики. Но воистину никто не переиграет неполиткорректного стёбщика Мэла Брукса на его поле. Даже чудом.

Елена НАВРОЦКАЯ

28 НЕДЕЛЬ СПУСТЯ

(28 WEEKS LATER)

Производство: Fox Atomic, DNA Films и UK Film Council (Великобритания), 2007.

Режиссер Хуан Карлос Фреснадильо.

В ролях: Кэтрин Маккормак, Роберт Карлайл, Имоген Путс, Роуз Бирн, Макинтош Магглтон, Харольд Перриньо.

1 ч. 39 мин.

«Зомби-фильм» — жанр многоликий. Здесь можно встретить и откровенный трэш, и едкую сатиру, и компьютерную стрелялку с Милой Йовович, и, наконец, экзистенциальную драму Дэнни Бойла «28 дней спустя». И вот почти двести восемь недель спустя после премьеры оригинального фильма 2003 года на экраны вышло продолжение. Сам Дэнни Бойл ограничился ролью исполнительного продюсера.

Британские острова поразила эпидемия «вируса гнева» — болезни, способной в считанные минуты превратить человека в кровожадную тварь. Через семь месяцев территория объявлена безопасной. В обезлюдевший Лондон возвращаются беженцы. Две сестры находят свою мать, инфицированную вирусом, и эпидемия снова захлестывает город. Беженцы оказываются между толпами разъяренных зомби и войсками, которые стремятся не допустить распространения инфекции.

Как и полагается сиквелу, фильм сохраняет ключевые моменты оригинала, но увеличивает масштаб событий. Однако по стилистике «28 недель спустя» ближе к недавней фантастической

драме Альфонсо Куарона «Дитя человеческое». Действие показано максимально реалистично, снято в документальной манере, часто ручной камерой, но шок кровавых эпизодов смягчается быстрым клиповым монтажом. Авторы не удержались и от постмодернистского цитирования, причем даже в подборе актеров: Кэтрин Маккормак уже была жертвой кровососа в «Тени вампира», а Роберт Карлайл отметился в фильме с красноречивым названием «Людоед». Впрочем, не будут разочарованы и зрители, далекие от подобных аллюзий: экшен-сцены весьма изобретательны.

В фокусе внимания режиссера — страх неконтролируемых социальных взрывов, силовое решение которых лишь увеличивает хаос и размывание нравственных границ на этом фоне. Ленту можно смотреть как метафору едва ли не всех общественных потрясений недавнего времени: от войны в Ираке до событий в Таллине. Как знать, может, хотя бы 28 месяцев спустя в мире станет меньше «вируса гнева»?

Аркадий ШУШПАНОВ

АДЕПТЫ ЖАНРА

Дмитрий Караваев
С ИГЛЫ — К СОЛНЦУ

«Ходоки» и «пришельцы» в современной кинофантастике не редкость. Классический пример «ходока» — это Спилберг, режиссер, который сегодня может снимать юрских динозавров, а завтра — уйти «на сторону», чтобы запечатлеть высадку союзников в Нормандии. Примеры «пришельцев»? Стивен Содерберг, снявший свой первый фантастический фильм («Солярис») лишь через пятнадцать лет после дебюта в режиссуре. Иногда за этим стоят превратности кинобизнеса, иногда — свойство по-настоящему универсального таланта. Судя по всему, англичанина Дэнни Бойла можно причислить к когорте таких универсалов.

Родившийся в Манчестере в 1956 году, Бойл сформировался в эпоху, когда в политике правили бал неоконсерваторы, в музыке — панк-рокеры, а на экране — «чокнутые» герои Кубрика, Скорсезе и Копполы. Вообще, кинематографические ориентиры Бойла представляются не вполне однозначными. Сам он вспоминает, что первым фильмом, который он увидел в кинотеатре, была военная эпопея «Битва за выступ» Кена Аннакина (это несколько странно, если учесть, что фильм вышел в мировой прокат в 1965 году — то есть когда Бойлу было уже девять лет). Среди картин, ставших для Бойла культовыми, упоминаются «Апокалипсис сегодня» Копполы и «Заводной апельсин» Кубрика. Кроме того, есть все основания считать, что,

уже ступив на творческий путь, Бойл внимательно смотрел «черные» криминальные драмы братьев Коэнов и Квентина Тарантино. Однако, по-видимому, молодой британец не был равнодушен и к фильмам совершенно другого рода — например, к картинам своего соотечественника Дерека Джармена («Себастьян») с его декадентскими мифологическими образами и нетрадиционной сексуальностью.

Жизненная ориентация Бойла тоже отмечена известными отклонениями от курса. Родители готовили его к поступлению в семинарию и стезе католического священника, но почему-то эти планы были перечеркнуты. Бойл не стал служить в церкви, но отдал себя служению Мельпомене: он устроился в театр, где работал помощником режиссера отнюдь не во второсортных коллективах. Новой сферой его творческих амбиций стало телевидение. Начиная с 1987 года, Бойл стабильно выступает в качестве режиссера-постановщика телефильмов и эпизодов известных сериалов (в частности, знаменитого детектива компании ITV «Инспектор Морс»).

Сюжеты этих телепроектов не имели никакого отношения к фантастике — точно так же, как не был связан с ней сценарий кинодебюта Бойла, молодежного криминального трагифарса «Мелкая могила» (1994). Единственное, в чем эта иронически злая лента о похождениях шайки молодых отморозков-грабителей выходила за грань реализма — так это в режиссерском стёбе, благодаря которому события в современном Глазго порой приобретали фантасмагорический оттенок (вспомним хотя бы огромные дыры в потолке, через которые один из героев наблюдал за своими конкурентами). Хотя зритель мог посмеиваться над героями Бойла, симпатии они не вызывали. Критики обращали внимание на «дышащую холодом жестокую пустоту в самой сердцевине фильма». Впрочем, именно за эту жестокую до цинизма холодность Бойл и удостоился главных похвал и даже приза на престижном фестивале в Сан-Себастьяне. Вероятно, ее нашли адекватной той молодежной стихии, которая утвердилась в Британии в начале 90-х, а также, безусловно, кинематографической моде, в лице все того же Тарантино. Вдохновленный успехом, в своем новом фильме Бойл сделал зрителей свидетелями еще более жестоких экспериментов — и попал в самый нерв. Словно иглой. Фильм «На игле» (так, не без оснований, в нашем прокате назвали наркодраму «Отслеживание поездов», 1996) сделал режиссера всемирной знаменитостью.

Подробный разбор этого культового и часто обсуждаемого фильма едва ли уместен в контексте фантастики, но на одну его особенность надо обратить внимание. Дело в том, что вопреки

сложившимся стереотипам Бойл снимает кино о наркоманах, героине, наркотической ломке, психозах и прочих мерзостях в достаточно трезвой, ясной и даже приятной для глаза манере. Колорит фильма скорее свеж и светел, чем мрачен, в кадре нет размытых силуэтов и вибрирующих объектов, монтаж прост и удобен для зрительского восприятия. Несмотря на обилие довольно мерзких натуралистических подробностей, в стилистике фильма подспудно присутствует та самая буффонадно-театральная аура, которая характерна для «Заводного апельсина» Кубрика (а оттуда есть и буквальные цитаты) и привносит в действие известную долю гротеска. Добавим, что в картине есть и откровенно фантастические эпизоды — будь то ползающий по потолку младенец или нырок героя в канализацию, и если первое однозначно воспринимается как «глюк» искалеченного героином сознания, то второе поначалу даже озадачивает.

«На игле» стал во всех отношениях успешным фильмом, и у Бойла появилось искушение взяться за более дорогие голливудские проекты. Однако уже первый из них — экранизация романа Алекса Гарленда «Пляж» — вызвал разочарование. Скорее всего, потому что в драме вокруг молодежной тусовки на тропическом острове было слишком много от несвойственного Бойлу гламурного телешоу, а лучезарный Леонардо Ди Каприо по тем же причинам проигрывал меланхоличному интроверту Эвану Макгрегору, ставшему не без помощи Бойла восходящей звездой.

Впрочем, по времени выхода на экран эти два фильма отстоят друг от друга на целых четыре года, и между ними вклинилась еще одна картина — снятая для компании «XX век Фокс», романтическая комедия «Почти обычная жизнь» (1997). Журналисты, берущие интервью у Бойла, не считают нужным вспоминать о ней, да и сам Бойл, очевидно, полагает ее незначительной. Действительно, в истории об уволенном с работы уборщике, который похищает дочь своего босса, а затем влюбляется в нее, нет ни особой оригинальности, ни драйва. Но нам она интересна тем, что именно здесь у Бойла впервые появляются фантастические персонажи — это два ангела-хранителя, которые начинают вмешиваться в судьбы героев и доводят дело до счастливой развязки.

Надо признать, что в данном случае обращение к ресурсам фантастики практически ничего не изменило. Про «Почти обычную жизнь» быстро забыли, зато «На игле» стал фильмом десятилетия, объектом молодежного культа, и от его создателя ждали новых картин в том же духе. Многообещающая схема с романом Гарленда и Ди Каприо в главной роли, казалось бы, давала такой шанс — но не сработала. Фильм даже наполовину

не оправдал вложенных в него денег. После этого Бойл снимает пару картин для телевидения, но фактически простаивает. Новая попытка сделать что-то для кинотеатрального проката оборачивается новой досадной неудачей. В «многоклеточном» проекте британской «Дименшн Филмз» Бойл должен был снимать одну из трех получасовых новелл. Однако на беду две другие «клетки» разрослись до нормальных полнометражных фильмов, а новелла Бойла так и осталась в зачаточном состоянии. Самое интересное, что это был проект в жанре фантастики, отпрысками которого стали «Мутанты» Гильермо Дель Торо и «Самозванец» Гэри Фледера. Что до новеллы Бойла, то она известна сегодня как короткометражка «Любовный треугольник «чужих» (2001) и представляет собой довольно банальный пародийный сюжет с трансвестией: в паре влюбленных землян героиня на самом деле оказывалась лишь оболочкой для проникшего в нее космического пришельца мужского пола, на поиски которого устремлялась озабоченная самка-пришелец.

Невнятные или даже просто неудачные опыты обращения к фантастике, по идее, должны были набить оскомину, но Бойл упрямо делает очередной заход на ту же цель. Все тот же Алекс Гарленд пишет для него сценарий на пересечении жанров экологического хоррора, триллера и антиутопии, из которого в 2002 году рождается фильм «28 дней спустя». Сказать по правде, история про неведомый вирус, который передается через кровь и делает человека агрессивным звероподобным мутантом — это всего лишь очередная бесхитростная модификация сюжета о бродячих мертвецах из фильмов Джорджа Ромеро. Оттуда же позаимствованы и эпизоды осады одинокого форпоста живых ордами инфицированных зомби. Скорее всего, Бойл знал об этом и сознательно использовал старое ноу-хау (не случайность, что сейчас он принимает участие в видеопроекте «Жизнь и фильмы Джорджа Ромеро»). Его единственным козырем могло стать пересаживание избитого сюжета на британскую почву, оригинальную не только по культурно-историческому ландшафту, но и с точки зрения типичных героев, причем не пародийных болванов, как в комедиях Джеки Чана, а отмеченных знаком психологической и социальной драмы.

То, что фильм снимался в Англии, одновременно упрощало и осложняло задачу. Британский «фабрикат», изготовленный к тому же таким своеобразным мастером, как Дэнни Бойл, изначально обладал несхожестью с американскими прототипами. Монтаж, манера съемки, лица актеров — у Бойла они всегда были «свои». С другой стороны, а легко ли найти в Британии такого актера из молодых, который способен драться с осатаневшими упырями и

при этом не потерять лицо драматического героя? С Макгрегором у Бойла произошла размолвка еще перед съемками «Пляжа» (тот претендовал на главную роль), да и согласился ли бы он на пике своей карьеры сниматься в проектах местного значения? Нового «патентованного» исполнителя Бойл нашел в лице Килиана Мёрфи. Не британца, но ирландца. Это вновь флегматичный интроверт, с собольими бровями и затуманенным взглядом водянисто-голубых глаз. Если учесть, что герой Мёрфи, лондонский курьер Джим, проводит 28 дней в коме, а очнувшись, становится свидетелем разгромленного и почти покинутого жителями мегаполиса, то его затуманенные очи представляются вполне уместными.

Начальные лондонские эпизоды оказались самыми сильными в фильме. Знаменитые улицы, площади и мосты со следами разгрома выглядят очень реалистично. Одинокий многоэтажный дом, где обороняется от нелюди таксист Фрэнк со своей дочерью, становится средоточием проблем и в чисто бытовом смысле: откуда брать воду (разноцветные кастрюли и тазы на крыше — средство для сбора дождевой воды — это еще и операторская находка), на чем готовить пищу, куда девать нечистоты? Среда правдоподобна, актерам есть что играть, зрителю есть чего бояться, а в целом достигается столь редкий для жанрового кино баланс между «интересным» и «серьезным».

Баланс нарушается, когда герои покидают свое убежище. Авария в туннеле, капля крови из растерзанного трупа, упавшая прямо в глаз Фрэнку, солдаты с военной базы, на поверку оказавшиеся изуверами и насильниками, сидящий на цепи зомби — это все чисто ромеровские «прибамбасы». Наверное, противясь этому, Бойл хотел дать фильму трагическую концовку, но продюсеры не пожелали рисковать, и в результате был придуман более оптимистический финал: герои, нашедшие приют в буколической сельской местности, раскладывают на лугу сшитые в форме букв полотнища, из которых образовывается слово «HELLO». Может быть, их заметит пролетающий самолет?

И все же Бойлу воздалось за упорство. «28 дней спустя» имели на удивление хорошую кассу. Режиссерский рейтинг британца определенно повысился. На этой волне он быстро взялся за новую постановку, и опять не без фантастических коллизий в сюжете. Правда, на сей раз, к удивлению многих поклонников, героями его фильма стали дети — совсем еще недомерки братья-манчестерцы Дэмиан и Энтони. Они отнюдь не юные наркоманы или мошенники, хотя, подобно ловцам удачи из «Мелкой могилы», тоже становятся обладателями чемодана с огромной суммой. Фильм получил название «Миллионы», потому

что ребятам казалось — именно столько фунтов стерлингов им необходимо срочно растратить. Уже в самой этой срочности была первая фантастическая коллизия: оказывается, Британия резко переходила на евро, после чего сказочную сумму можно было обменять только с уплатой 40 % налога. Коллизией номер два стало общение семилетнего Дэмиана с целым пантеоном дружелюбных и рассудительных небожителей — святыми Петром, Франциском, Иосифом, Кларой и т. д. Святые, которые общаются с мальчиком в духе добрых соседей, прекрасно вписались в стилистику светлого, увлекательного и умного фильма. «Никто и не ожидал, что режиссер, получивший мировое признание за фильмы о наркоманах и зомби, способен так благотворно развлечь зрителя», — писал один из сетевых рецензентов.

Какие еще вершины должен был покорить Бойл, чтобы окончательно утвердиться в звании корифея кинофантастики? Поставить очередной сиквел «Властелина Колец» или «Чужого»? Шутки в сторону — он почти готов был взяться за второе. «Чужой-5» мог стать его очередным проектом, но Бойл, по-видимому, побоялся сгинуть в чреве очередного голливудского колосса. Вместо этого он употребил круглую сумму в 26 миллионов фунтов (не те ли самые «миллионы»?), чтобы направить гигантский звездолет «Икар-2» к Солнцу.

В финансировании фильма «Пекло» (2007, оригинальное название — «Солнечное сияние») приняла участие американская компания «XX век Фокс», ставшая мировым дистрибьютором ленты. Оператором был немец Элвин Кюхлер. Роли второго плана сыграли китаянка Мишель Йо и японец Хироюки Санада. И все же можно сказать, что его конструкцию и «физиономию» определили британцы из постоянной команды Бойла: сам режиссер, сценарист Алекс Гарленд, продюсер Эндрю Макдональд, композитор Джон Мёрфи. Главную роль сыграл «почти что» британец Килиан Мёрфи, а научным консультантом выступил астрофизик Брайан Кокс.

Сразу же оговоримся, что научная достоверность «Пекла» вызвала больше всего упреков, порой издевательски-язвительных. «Солнце не может начать гаснуть так быстро — уже в нашем веке». «Никакой защитный экран не предохранит корабль от сверхвысоких температур и других видов агрессивного солнечного воздействия». «В вакууме ракетный двигатель не может грохотать». «Прыжки через открытый космос без скафандра — это детский лепет!» «У вас не хватило силенок даже на то, чтобы изобразить невесомость!»

Некоторые из этих колкостей Кокс парировал в своем интервью, которое дал перед премьерой «Пекла» в Москве (по

поводу тех же прыжков через космос). Но дело даже не в этом. Обычно автор этих строк довольно остро реагирует на прегрешения против науки и здравого смысла, которые допускает фильм, претендующий на принадлежность к научной фантастике. Однако в случае с новым фильмом Бойла, как мне кажется, к его «научности» можно не предъявлять особых претензий. Постараюсь объяснить почему.

С точки зрения антуража космической миссии, Бойл сделал вполне серьезный фильм. Интерьеры корабля, поведение людей на его борту, космические панорамы с Солнцем и Меркурием — все это, в принципе, позволяет сказать «верю!». Что же касается самой прогностической составляющей («долетим мы до самого Солнца!»), то ее нельзя воспринимать буквально. В данном случае Солнце есть почти такая же философская абстракция, как и мыслящий Океан в «Солярисе» Тарковского. Только если у Тарковского вердиктом высших сил было «не вмешивайся!» (не уничтожай Жизнь жестким излучением), то у Бойла наоборот: «вмешайся!» (взорви бомбу «размером с Манхэттен» и продли Жизнь).

Данные глубокомысленные сентенции вовсе не означают, что «Пекло» нужно безоговорочно признать новым шедевром жанра. Драматическая оснастка фильма слишком проста, если не сказать примитивна. Герои, будь то персонажи Килиана Мёрфи, Мишель Йо или кого-либо еще, предстают перед нами только в ипостаси космических «профи». Сегодня даже в телерепортажах с орбитальной станции зритель хочет видеть как можно больше «человеческого, слишком человеческого», надо ли говорить, что он ждет того же в игровом фильме?

Впрочем, читая форумы в интернете, убеждаешься, что у «Пекла» уже есть свои горячие поклонники. Кое-кто из них даже готов воспринимать фильм в том же духе, что и «2001: космическую одиссею» Кубрика в Сан-Франциско 1960-х. Например: «Икар-2» — это игла, которую воткнули в Солнце, и оно снова ожило!»

Не знаю, как относится к таким трактовкам своего фильма Бойл. Пока он заявил, что никогда в жизни больше не будет связываться с научной фантастикой. В его планах — съемки сиквела фильма «На игле» в виде экранизации романа Ирвина Уолша «Порно», где героев сыграют те же самые, но заметно постаревшие актеры. Правда, Бойл все же не удержался от того, чтобы стать продюсером (и, говорят, даже постановщиком одного из эпизодов) в фильме «28 недель спустя», сиквеле «28 дней спустя», где режиссером выступил испанец Хуан Карлос Фреснадильо. Кинематографическая жизнь показывает, что, став

«ходоками», «пришельцы» неизбежно возвращаются к объекту своего прежнего увлечения — фантастике.

ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ

Евгений Войскунский: «ЛЮДИ — ЭТО САМОЕ ГЛАВНОЕ»

Краткая аннотация к последней книге Евгения Львовича Войскунского «Румянцевский сквер» начинается так: «Один из старейших российских писателей в своем новом романе…» Это так. Евгению Львовичу исполнилось 85 лет. А среди отечественных писателей-фантастов он просто самый старший. Строго говоря, «чистым» фантастом Войскунского называть не следует. Он просто очень хороший писатель, автор многих прекрасных книг, среди которых немало фантастики.

Несколько читающих поколений начинали знакомство с жанром со знаменитого «Экипажа «Меконга» Е. Войскунского и И. Лукодьянова — классики советской НФ. Книга вышла в 1962 году, почти полвека назад, выдержала много переизданий и совершенно не устарела. Потом последовали «Черный столб», «Очень далекий Тартесс», лиричный и романтический «Плеск звездных морей», «Ур, сын Шама», «Незаконная планета»…

Поэтому первый вопрос, увы, банален, но неизбежен.

— Почему фронтовик, кадровый офицер Евгений Войскунский начал писать фантастику?

— Да потому что любовь к такой литературе у меня была с самого раннего детства. Читал Жюля Верна, Александра Беляева и, конечно же, Герберта Уэллса. Одна из первых прочитанных фантастических книг — «20 тысяч лье под водой». Меня навсегда

поразил образ: капитан Немо и Аронакс идут по морскому дну и беседуют.

— Некоторые семинаристы-малеевцы, к слову, утверждали, что вы и сами очень похожи на капитана Немо… А ваша морская профессия тоже связана с любовью к Жюлю Верну?

— Нисколько не связана. Я о море и не помышлял, хотя родился на берегу моря и очень его люблю. Но на флоте служить никогда не собирался. В 1939-м году окончил десятилетку в Баку и поехал в Ленинград поступать на архитектурный факультет Академии художеств. Однако оказался недостаточно подготовлен по рисунку и не прошел. Зато на факультет истории и теории искусств меня как отличника приняли без экзаменов. Одновременно поступил на подготовительный курс по рисунку, намереваясь перевестись на архитектурный.

Но подошли мои годы, и осенью 1940-го, несмотря на ходатайство Академии об отсрочке, меня призвали в армию. Предложили на выбор топографическое училище, артиллерийское и, кажется, даже кавалерийское. Но я свое будущее с армией не связывал, намереваясь через два-три года вернуться в Академию, и от предложения отказался. Тогда послали служить рядовым. Нашу команду привезли в Кронштадт а оттуда на полуостров Ханко, который достался нам от Финляндии после закончившейся несколько месяцев назад войны.

Тогда там везде были развешаны лозунги: «Превратим полуостров Ханко в неприступный советский Гибралтар!» Я и сам потом малевал такие же, когда меня взяли в клуб батальона художником.

— Там, на Ханко, вы встретили войну…

— Да. Оборона Ханко продолжалась 164 дня. Мы ушли на Кронштадт в ночь на 2 декабря с последним конвоем на огромном турбоэлектроходе «Иосиф Сталин» в сопровождении нескольких эсминцев, тральщиков, морских охотников и торпедных катеров. Финский залив был сильно минирован, и каждый такой переход сопровождался большими потерями. Транспорт был набит людьми страшно. Во втором часу ночи погас свет, и раздался ужасающий взрыв. Это была мина. За ним — второй. Мы были вместе с Михаилом Дудиным, который потом стал знаменитым поэтом. Кругом паника, крики, что тонем… Настроение, конечно, жуткое. Не то чтобы страх, а тоска какая-то… Нам сунули носилки, и мы с Дудиным носили из трюма раненых в кают-компанию — там врачи развернули лазарет. В какой-то момент Дудин затащил меня в нашу каюту где были составлены винтовки, и сказал: «Не хочу рыб кормить. Давай…» Я вырвал у

него винтовку…

К концу ночи мы с ним выбрались на верхнюю палубу. Сыпал снег, и здорово штормило — баллов пять, наверное. Наш транспорт осел и накренился. Мы увидели, что к нам подходит тральщик. Волны то с грохотом наваливали его на борт «Сталина», то отбрасывали. Улучив момент, люди просто прыгали на него с тонущего корабля. Не всем удавалось попасть на палубу тральщика, некоторые промахивались и падали в воду. В какой-то момент Миша Дудин тоже прыгнул — удачно! Слышу его голос: «Женька, прыгай!» Не знаю, что меня удержало. Буквально в то же мгновение волна отбросила тральщик далеко от транспорта. Заработали его двигатели, и он ушел. Ощущение было такое, что все для меня закончилось…

Не знаю, сколько прошло — пять минут или полчаса, мне казалось, что вечность. И вдруг подошел еще один тральщик, БТЩ-217, я навсегда запомнил его номер. И я на него прыгнул. Корабли конвоя были перегружены людьми, но снять всех с транспорта так и не смогли. Весь день мы шли сквозь незатихающий шторм. Однажды налетел «Юнкерс», но его встретили безумным огнем, стреляя из всего, что было на борту. Он отвалил в сторону и улетел. К вечеру мы пришли на военно-морскую базу на острове Гогланд.

А транспорт не затонул. На нем осталось больше, чем спаслось — около трех тысяч людей. Течением его прибило к южному берегу занятому немцами, все попали в плен, и судьба их была страшной. Выжили немногие…

— Тема войны постоянно присутствует в вашей реалистической прозе. И все же пер вой книгой был написанный в соавторстве с И. Лукодьяновым «Экипаж «Меконга».

— Не первой. Когда я в 1956 году ушел в запас и вернулся в Баку, у меня уже вышла книга морских рассказов. Исай Борисович Лукодьянов, мой двоюродный брат, был старше меня на девять лет. И если в детстве мы с ним не слишком общались, то тут очень сблизились. Я писал о том, как родился замысел книги. Как-то раз мы с Лукодьяновым и моим сыном Аликом вышли из цирка и вдруг услышали визг тормозов на перекрестке. Мы увидели, как из-под колес грузовика вынырнул пешеход, которому чудом удалось спастись в самый последний миг. Но впечатление было такое, будто он прошел невредимым сквозь машину. Именно это происшествие и стало толчком к рождению сюжета романа.

— Последней вашей книгой в жанре фантастики стала «Незаконная планета», вышедшая в 1980 году. После нее, к

великому разочарованию своих читателей, вы фантастику уже не писали…

— В семидесятые годы в советской фантастике происходили не слишком приятные события. Сменилось руководство редакции фантастики и приключений в издательстве «Молодая Гвардия» — фактически оно стало монополистом в области издания фантастики. Мы с Лукодьяновым, как и братья Стругацкие, попали в немилость и у нового руководства, и у чиновников Госкомиздата. За книгу «Ур, сын Шама», героем которой был шумерский юноша, нас даже обвинили в сионистской пропаганде. Мол, какой-то семит учит уму-разуму советскую молодежь. Вообще я не знаю, кто такие были древние шумеры. Олжас Сулейменов, например, утверждал, что они тюрки.

Но дело не только в этом. Я почувствовал, что мне необходимо написать о виденном и пережитом. Война надвинулась на меня с такой неодолимой силой, что противостоять этому я не мог и не хотел. У меня созрел замысел, который был реализован в романе «Кронштадт».

— Потом были еще книги о пережитом вами и вашими сверстниками. Последняя из них — недавно вышедший роман «Румянцевский сквер» — охватывает почти семидесятилетний период истории нашей страны — с тридцатых годов до сегодняшних дней. Трудной истории, зачастую горькой. Скажите, а какое время вспоминается вам с наибольшей приязнью?

— Пожалуй, хрущевская оттепель. 1956 год, между XX съездом и венгерскими событиями, с февраля по октябрь — это было удивительное время. Вспыхнувшие надежды, страна оживала, люди перестали бояться, начали говорить нормально. Это была попытка возрождения, попытка прийти в себя. Страна, люди после долгих лет оледенения осматривались, оглядывались. Какие перспективы разворачивались! Культ сброшен с плеч, перестали сажать, из тюрем возвращаются невинно осужденные. Мы ожидали многого, и жаль, что это время длилось так недолго.

— А перестройка? Сегодняшнее время?

— О сегодняшнем времени хочу сказать, что, прежде всего, оно мне не нравится. Думаю, не стоит объяснять почему. Перестройка? Да, мы встретили ее с интересом. Это были лихие, неожиданные времена, с диспутами на съезде народных депутатов, которые мы смотрели с таким же интересом, как, вероятно, французы читали сообщения с заседаний Конвента в 1791 году. Наступили годы новой надежды, которая затем сменилась разочарованием. Не то чтобы я пошатнулся в своих либеральных взглядах, но происходящее в девяностые годы

вызывало противоречивое впечатление. У Макиавелли в статье о государстве была такая мысль: «Результатом тирании может быть только развращенное общество». Вот это самое мы и получили. А результатом этого развращенного общества стало все, что произошло — дикая приватизация, непонятные залоговые аукционы, нувориши из бывших комсомольских работников…

— Полагаю, огромное число наших сограждан думает так же. И каждый неравнодушный, конечно же, задается вопросом: что же делать? Как быть? А что вы отвечаете на такой вопрос?

— Мой рецепт очень прост. Что касается меня, моих сверстников и тех, кто несколько моложе — конечно же, доживать свой век, стараясь сохранить свою душу. А для молодых, для страны… Завтрашний день зависит не от того, сколько мы добудем и продадим нефти и каков будет профицит бюджета, а от того, кто, какие люди станут жить в государстве. Прежде всего нужно пересмотреть всю систему обучения и воспитания. Нужно готовить настоящих учителей. Знающих, нравственных, умеющих говорить и убеждать, которые смогли бы воспитать новые поколения такими, какими и должно быть настоящим людям…

Почти у каждого человека есть много раз повторяющиеся, «возвратные» сны. Кому-то постоянно снится сдача институтского экзамена, кому-то — служба в армии. «Возвратный» сон Войскунского был таким: он сидит с винтовкой Мосина под стеной в разрушенном городе, и вдруг стена начинает на него падать. Охваченный ужасом, он убегает из-под обломков в самый последний момент. Этот сон из войны возвращался к Войскунскому долгие годы…

Он прошел через многие испытания, сохранив колоссальный нравственный потенциал, без которого настоящий писатель состояться просто не может. Поэтому нельзя не упомянуть еще одну ипостась Войскунского.

Много лет Евгений Львович вместе с Дмитрием Биленкиным и Аркадием Стругацким руководил Московским и Всесоюзным семинарами молодых писателей-фантастов. Для нас Войскунский был не учителем — научить писать никого невозможно. Он и не пытался. Войскунский давал каждому из нас намного большее — он учил нас, как следует жить. Но вовсе не проповедями или нотациями, а просто присутствием, самой возможностью общения с ним. Ведь это невероятно важно, когда рядом находится талантливый и мудрый человек. Он и теперь остается для нас Наставником — внимательным, строгим и чрезвычайно доброжелательным. Его интеллект и талант неподвластны времени — Войскунский продолжает писать замечательные,

умные и честные книги, радуя своих читателей и друзей.

Беседу вел Борис РУДЕНКО

ВОСПОМИНАНИЯ

Евгений Войскунский
РЕФЛЕКС ПОИСКА

В настоящее время патриарх отечественной НФ Е. Л. Войскунский работает над книгой воспоминаний. Немало страниц в ней посвящено, конечно же, людям фантастики, с которыми Евгения Львовича связывали тесные дружеские отношения. Предлагаем вашему вниманию фрагмент книги — рассказ об удивительной судьбе знаменитого советского фантаста.

В мае 1979 года мы отправились на выездное заседание Совета по приключенческой и фантастической литературе в Новосибирск. В составе делегации был калининградский писатель Сергей Снегов.

Это имя мне знакомо довольно давно. Мы тогда еще жили в Баку, и однажды Лукодьянов сказал: «Ну надо же! Появился писатель, которому лень придумать свое название книги, взял у Уэллса — «Люди как боги». Это же нахальство!» И он протянул мне ленинградский сборник фантастики, в котором была напечатана первая часть романа Снегова. Потом я прочел этот роман целиком. Он поразил мощью фантазии и своей, так сказать, энергетикой — она была сродни энергетике ефремовской «Туманности Андромеды». Не берусь судить, насколько оправдан «заем» у Уэллса названия романа. Но снеговские герои — люди XXV века — и впрямь обладают могуществом богов. Они умеют управлять земной осью — так ориентировать Землю в пространстве, что смягчились различия в климате разных широт. Они заселили другие планеты. Даже на суровом Плутоне расцвели сады: там зажжены искусственные солнца, работают заводы синтетической атмосферы («Над заводом гремели ветры — три тысячи тонн изготовленного воздуха ежесекундно вгонялись в атмосферу»). На верфях Плутона строят галактические крейсеры, отсюда и начинается необычайное космическое путешествие адмирала Эли и его спутников. Сильно написано их столкновение с агрессивной цивилизацией Разрушителей, «зловредов». В споре с Эли Верховный Разрушитель утверждает, что единственная задача разумного сообщества — сеять всюду хаос; примитивизация, искусственность важнее естественности… Конечно же, всей своей мощью человеческий разум обрушивается на «зловредов»…

Не стану пересказывать содержание известного романа.

Когда мы познакомились в Новосибирске, Сергею Александровичу было под семьдесят, но он вовсе не выглядел стариком. Плотная прямая фигура, лысоватый череп, лицо гладкое, без морщин, приветливая улыбка и молодые внимательные глаза. Я спросил, согласен ли он с тем, что его «Людей как богов» называют космической оперой.

«Нет, — сказал Снегов, улыбаясь. — Это не опера, а утопия в чистом виде. Такое будущее, в котором мне хотелось бы жить. Я взял название уэллсовского романа не для того, чтобы соревноваться с ним. Тут философский смысл. В природе человека, в самом возникновении разума заложено нечто божественное. Разве не так? Разум человека изначально созидателен. Вот мои герои и вступают в схватку с энтропией, персонифицированной Разрушителями…»

В Новосибирске поселились в новой гостинице «Обь». У нас с Димой Биленкиным двухкомнатный люкс на 12-м этаже. Из окна видна широкая серая Обь с зеленым островком Медвежий. На берегу черными толчками дымит высокая труба, дальше — башня элеватора, от которой спускается к причалу бетонная галерея.

В гостиничном ресторане, куда мы пришли поужинать, громыхает джаз: почти беспрерывно поздравляет с «днями рождений» и лабает заказанные вещи. Танцуют твист. За одним столом вспыхнула драка, у кого-то отняли нож и вывели из зала. И снова разгоряченные молодые люди истово отплясывают, прыгают, кружатся…

Утром автобус везет нашу группу на левый берег в НЭТИ — Новосибирский электротехнический институт. Там и начинается совещание. Кроме москвичей и ленинградцев в нем участвуют сибиряки, два якута, два тувинца и казах, а также юноши из местного КЛФ «Амальтея».

А вот и Геннадий Прашкевич — новосибирский писатель, поэт и публицист. Мы с ним знакомы по недавнему московскому семинару, и я рад видеть его долговязую, поджарую фигуру, его черную шотландскую бородку, обрамляющую узкое лицо, его раскосые, усмешливые глаза. Что-то пиратское есть в облике Прашкевича.

Он журналист, но так долго работал с геологами и вулканологами на Камчатке, Сахалине и Курильских островах, что перенял и усвоил их повадку, их манеру говорить, их остроту зрения. Впрочем, эта острота у Прашкевича прирожденная. У него и проза острая, очень своеобразная, с неожиданными сравнениями. «Снежная пыль казалась алмазной. Она могла бы,

как наждак, порвать горло, если б не таяла на губах». «Утром океан был, как роман Бальзака, — велик и скучен»… В «Людях Огненного Кольца» — первой своей книге — Прашкевич пропел гимн Курилам, людям, населявшим острова, океану, их омывающему. Он и в других своих книгах часто возвращался к излюбленному герою — океану («…Тебе начинает казаться, что океан — это тоже живое существо, в его реве скрыта некая информация, он хочет поделиться с тобой этой информацией…»).

Мы дружески обнялись с Геннадием Прашкевичем, и он был с нами в течение всей поездки.

В НЭТИ, в лаборатории голографии, я впервые увидел чудо того времени — голограмму. Вставляется рыжая, в пятнах, пластинка, в нее упирается зеленая лазерная нить — и тут же возникает объемное изображение: накрытый стол, бутылка вина, ваза с фруктами. Так и хочется потрогать рукой картинку, повисшую в воздухе.

Ранним утром едем в Академгородок — там, в Доме ученых, у нас встреча с сибирскими деятелями науки. Очень интересны сообщения генетика Салганика, социолога Когана. А потом Прашкевич, живущий в Академгородке, на Золотодолинской улице, пригласил к себе домой Снегова, Гуревича, Биленкина и меня. В гостиной на подоконнике дремал крупный серый кот. При нашем появлении он неодобрительно посмотрел на вошедших и снова зажмурился.

«Это Голонджап, член нашей семьи, — объявил Прашкевич. — Он тибетской породы и не скрывает, что очень умен».

Это-то нам было ясно. Но существовало еще множество проблем, и, конечно, ничто так не способствовало их обсуждению, как дружеское застолье.

Новосибирские фантастические посиделки продолжались пять дней. Мне запомнились не столько наши речи, сколько встреча со студентами НГУ и головастыми мальчишками из физматшколы. Ну и вопросы они задавали! Отрадно было видеть, что не оскудела земля России «быстрыми разумом Невтонами». (Небезынтересен вопрос: что сталось с тогдашними мальчишками из Академгородка в нынешнее время, столь трудное для развития интеллекта?)

А еще запомнились прекрасная выставка Рериха в картинной галерее и отличные балеты «Кармен-сюита» и «Барышня и хулиган» в оперном театре.

Отложился в памяти и прощальный ужин в ресторане гостиницы «Обь». Было весело и обильно. Напротив меня сидел пьяненький, очень благообразный человек, он посматривал на

меня, улыбался и бормотал: «Войскунский и Лукодьянов… «Экипаж «Меконга»…» Вдруг он покачнулся, рюмка с недопитой водкой выпала из его руки. Гена Прашкевич, сидевший рядом, поднял его и, держа под мышки, повел в номер. Вскоре Гена вернулся за стол и сказал: «Он вошел в номер и говорит Борису Лапину: «Ты был прав, Боря, там одни жиды». Я спросил, кто этот благообразный антисемит? Оказалось, он бывший редактор иркутского альманаха «Ангара», напечатавший несколько лет назад крамольную «Сказку о тройке» Стругацких. Вот так-то. Удивительно, как вяжутся между собой, казалось бы, несовместимые явления. Впрочем, как известно, закон несообразности не дремлет.

После ужина вшестером-всемером набились в номер, занимаемый Снеговым и Гуревичем. Сергей Александрович рассказывал о своей жизни — ровным голосом, с неизменной улыбкой, с поистине философским снисходительным спокойствием говорил о пережитых им ужасах ГУЛАГа.

Мы слушали, затаив дыхание.

Сергей Александрович Снегов был человек необычайный. В своей последней книге он напишет: «…Я помнил тысячи дат, имен и событий, которые были мне абсолютно ни к чему. Мой мозг был засорен великими пустяками. Я мог сообщить, в какой день вандалы Гензериха взяли приступом Рим, когда родился Гнейзенау и произошла Варфоломеевская ночь, и как звали всех маршалов Наполеона, капитанов Колумба, офицеров Кортеса. Зато я понятия не имел о том, без чего зачастую было невозможно прожить — друзья возмущались моей житейской неприспособленностью…»

Снегов напишет на склоне лет: думая о прожитой жизни, он видит, что она складывалась из иллюзий и миражей и что в этом «нет ничего необычайного. Ибо маленькие иллюзии и миражи маленькой личной жизни лишь повторяли огромные иллюзии и колоссальные миражи времени, всего того, что именуется нашей эпохой».

Снегов родился в 1910 году в Одессе. В его детских воспоминаниях плескалось море под высоким берегом Большого Фонтана, гремели выстрелы, валялись трупы на городских улицах, и все это, включая голод 1921–1922 годов, обозначало наступившую эпоху…

Но революции не бывают без жертв. Революция будоражила молодые головы. «Мы наш, мы новый мир построим…» Все в наших силах, все можем охватить мыслью, всего достичь… Юный Сергей много, жадно читал, писал стихи, начал сочинять роман

— ощущал в себе силы необъятные. Будучи студентом физического факультета Одесского университета, написал трактат «Проблемы диалектики». Незаурядность молодого философа была замечена — Снегова-студента назначили преподавателем диалектического материализма, произвели в доценты.

Оказалось, однако, что углубленное изучение философии не только не нужно, но и вредно. Некая комиссия проверяльщиков установила, что Сергей отклоняется в своих лекциях от догматов марксизма-ленинизма («гнило-либеральный уклон»!), и отстранила его от преподавания диамата. («Я оказался малопригоден для роли попугая, тупо повторяющего предписанные формулы».) Более того, Сергея исключили из комсомола.

То было первое болезненное столкновение с эпохой. Но — прощай, провинциальная Одесса! Окончив физфак, Снегов уехал в Ленинград. Поступил на завод «Пирометр» инженером, занялся исследованием высоких температур в производственных процессах. Писал стихи. Задумал диссертацию по теоретической физике. Его отлучили от философии, но оставались физика, литература — все было под силу этому ярко одаренному молодому человеку.

В июне 1936 года Снегова арестовали и привезли в Москву — прямо на Лубянку. Неужели вспомнили одесские прегрешения в лекциях по диамату? Нет, следователь наносит ошеломляющий удар: обвинение в заговоре против советской власти, в терроризме, в создании контрреволюционной организации. По трем самым тяжелым пунктам 58-й статьи — ни больше ни меньше. Неторопливо раскручивается следствие, и лишь постепенно узнает потрясенный Снегов, откуда взялось чудовищное обвинение… («Я был горячий сторонник нашей власти, а моя власть кричала мне в лицо: «Гад!»)

Итак, вот что произошло — не в Ленинграде, а в Москве, на праздничной демонстрации 1 мая 1936 года. В колонне демонстрантов шел Евгений Бугаевский, молодой экономист, друг Снегова. При вступлении на Красную площадь колонны из разных районов столицы смыкаются, их разделяют только цепочки красноармейцев. И Бугаевский увидел, что в соседней колонне, шедшей впритык к Мавзолею, идет его юная жена, студентка музыкального училища, идет, обнявшись с каким-то парнем. Бугаевский, человек очень ревнивый, заорал жене, но та не услышала: гремели оркестры. И тогда он рванулся в соседнюю колонну (к Мавзолею!), чтобы проучить жену. И был схвачен солдатами…

Вздорная выходка необузданного ревнивца («талантливого сумасброда», как назовет его в своих воспоминаниях Снегов) имела тяжелые последствия. На Лубянке стали шить «дело о попытке террористического акта», даром что у Бугаевского, конечно, не было ни бомбы, ни револьвера. Из списка его друзей выдернули Снегова и еще одного, не знакомого ему ленинградца. Трое — это уже организация! А за раскрытие «организаций» следователи НКВД получали немалое денежное поощрение. Вот и старались с поистине дьявольским усердием.

Десять месяцев на Лубянке, в Бутырках, в Лефортове. Девятнадцать допросов. Обвинительное заключение, подписанное самим Вышинским. Но громкого открытого процесса не получилось. Новоиспеченным «врагам народа» дали по 10 лет: несуществующая вина требовала сурового наказания. И началось скитание по срочным тюрьмам и лагерям. Бугаевский не выдержал: через год умер в Вологодской тюрьме. У Снегова здоровье было покрепче — выдюжил, хотя и доходил на Соловках почти до крайней степени истощения. «…Я с ужасом убедился, — напишет он впоследствии в книге воспоминаний, — что поднять лом еще способен и держу его, не роняя, но бить им по каменистому грунту, чтобы выковырять оттуда небольшой валун, уже не в состоянии. «Дохожу», — с горечью подумал я…»

Там, на Соловках, весной 1938-го, как и во всех лагерях ГУЛАГа, прокатилась ужасная волна бессудных расстрелов: приезжая расстрельная комиссия отбирала зэков, главным образом «политических», «врагов народа», и начиналась стрельба… «Я впоследствии прикидывал, — пишет Снегов, — сколько же казней без суда и следствия совершилось среди отбывавших срок заключения в ту страшную весну 1938 года, вскоре после суда над «право-троцкистским блоком» Бухарина, Рыкова и других. Если сохранить всюду то же соотношение, что в Соловках и Норильске, между числом заключенных, оставшихся в тюрьмах и лагерях, и выдернутых из них на казнь, то получается, что около 500–700 тысяч заключенных в течение одного-двух месяцев, без нового суда… были внезапно выведены из мест заключения и расстреляны. Раньше говорили, что политика — искусство мыслить миллионами. Для Сталина казни меньше миллиона людей казались недостойными его размаха. Знаменитая пирамида из черепов, наваленных Тамерланом, предстает крохотной кучкой костей рядом с горами голов, вознесенных сталинскими палачами по его приказу…»

Снегову и тут повезло: не только выжил на погибельных Соловках, но и избежал бессудного расстрела. Летом 1939 года он с огромной партией соловецких узников был отправлен на

пароходе к устью Енисея, в Дудинку, а оттуда по железной дороге — в Норильск.

Об этом заполярном городе тогда знали мало. Да и города еще, собственно, не было. Была улица из десятка деревянных домов в низине среди мрачных гор и холмов, и были обнесенные колючкой лагерные бараки и рудники, на которых вкалывали десятки тысяч зэков. Дымил металлургический завод.

В двадцатые годы геолог Николай Николаевич Урванцев разведал в безжизненной тундре минералогическую кладовую мирового значения — руды, содержащие никель, медь, кобальт и другие цветные металлы. Тремя экспедициями в этот ледяной край руководил Урванцев, а в четвертую первооткрыватель рудных богатств отправился в качестве зэка — так власть отблагодарила выдающегося геолога. Впрочем, и в новом качестве Урванцев продолжал геологические изыскания. (Николай Николаевич и его жена Елизавета Ивановна родились в один год и умерли почти одновременно в Ленинграде, прожив каждый по 93 года. Советские Филемон и Бавкида. Их прах привезли в Норильск и похоронили рядом с музеем, носящим имя Урванцева.)

Рабочую бригаду, в которую определили Снегова, называли «бригадой инженеров». До глубокой осени под ледяными дождями били кирками вечную мерзлоту, копали котлован. Размах строительства горно-металлургического комбината был огромный, нужда была не только в землекопах — требовались инженеры, способные наладить и вести производственный процесс. Стали снимать с «общих» работ и направлять в заводские цеха инженеров — «вредители» и «шпионы» исправно плавили руду, выдавали ценнейшие цветные металлы стране, от которой были безвинно, жестоко отторгнуты.

Долгие годы Снегов заведовал лабораторией теплоконтроля на Большом металлургическом заводе. Здесь производили никель. Уже шла война, и потребность в никеле, столь необходимом для выделки танковой брони, резко возросла. Ну а то, что специалисты из числа «вредителей» и «шпионов» так здорово работали, энкавэдэшное начальство ставило в заслугу себе: дескать, если б не их бдительность, то осужденные инженеры немедленно навредили бы. В каком-то смысле Норильск был фантастическим (чтобы не сказать: фантасмагорическим) городом. С его редкой, как и металлы недр, судьбой слились судьбы не только крупных, даровитейших инженеров, но и заключенных военных, ученых; даже профессор-ассириолог был тут, да и будущий знаменитый историк Гумилёв Лев Николаевич.

В июле 1945 года (на год раньше окончания срока) Снегов вышел на свободу. Ну, это так называлось, на самом же деле свобода была резко ограничена хитрыми паспортными знаками, запрещавшими жить там, где хочешь. Снегов остался в Норильске, теперь у него вместо барака была комнатка в коммуналке. А в 1949-м по стране прокатилась волна повторных арестов: отсидевших по политическим статьям и освободившихся снова хватали, шили «дело» и отправляли в лагеря или ссылку. В Норильске с «бывшими» и вовсе не церемонились: отобрали паспорта и выдали свидетельства о ссылке. Работа, квартира, зарплата оставались, но если отдалишься от места поселения на 12 километров, то комендатура без всякого суда влепит тебе каторгу на двадцать лет. Это была, как прозвали ее бывшие зэки, «ссылка без отрыва от производства».

Когда-то академик Павлов обозначил как врожденное свойство человека жажду знаний, рефлекс поиска. Это качество было присуще Сергею Александровичу в наивысшей степени. Бесправный ссыльный, казалось бы, навсегда погребенный в снегах Крайнего Севера, он открыл в заполярных озерах повышенное содержание тяжелого водорода — дейтерия. Открытием заинтересовались физики из «хозяйства» Курчатова: тяжелая вода могла быть использована как замедлитель ядерной реакции. Ну, это особая тема, не стану ее здесь развивать. (Завод по производству тяжелой воды начали было строить в Норильске, но, не достроив, заморозили ввиду непомерного количества электроэнергии, необходимой для электролиза.) Снегов разработал теорию электролитического разделения изотопов водорода и получил формулу, точно описывающую этот процесс.

Но — не только физика. Он пишет философский трактат о логике. По-прежнему его влечет литература. Стихи Снегов сочиняет постоянно. Но вот и закончен роман «В полярной ночи», Снегов отправляет его в лучший журнал страны «Новый мир». И роман принят к изданию! Но — на дворе 1952-й, далеко не лучший год в истории России, и печатать сочинение ссыльного «политического» запрещено. Нет, в романе Снегов умолчал о советских каторжниках, чьим рабским трудом осваивался Север, это — табу. (Еще десять лет должно пройти до появления «Одного дня Ивана Денисовича»!) Но — сильно написаны картины освоения сурового Севера. И настанет время, год 1957-й, когда в «Новом мире» снеговский роман напечатают.

Более восемнадцати лет провел Снегов в тюрьмах, лагерях и ссылке — главным образом в Норильске. Немилосердная эпоха обрекла этого ярко одаренного человека на гибель. Но он выжил. Более того, в Норильске ему улыбнулась судьба: полярной ночью,

морозной зимой 1951 года он познакомился с Галиной Ленской. Она была «вольняшкой», в Норильск приехала с мужем, майором-финансистом, но прожила с ним, горьким пьяницей, недолго — ушла, поселилась в гостинице, устроилась на работу библиотекарем. Ее, 23-летнюю комсомолку, тянуло к интеллигентным людям. Должна была чураться ссыльных, а она влюбилась в Снегова. Начальство отговаривало Галину от безрассудной связи, но она не отступилась. Ее из комсомола исключили, из гостиницы выпроводили — не сдалась, не отреклась. В комнатке Снегова поселилась Большая Любовь — и осталась на всю жизнь.

«Глубоко убежден, — напишет он в книге воспоминаний, — многие мои произведения вообще не были бы созданы, если бы рядом со мной не была она, моя Галка, моя подруга и помощница, первый ценитель сделанного мною, критик и секретарь-машинистка одновременно».

В 1955 году Снегова реабилитировали. Наконец Норильск отпустил его, но еще долгие-долгие годы будет сниться бывшему узнику, как дым заводских труб застит переливающиеся сполохи северного сияния. Вместе со своей Галей Сергей Александрович уезжает на «материк»: надо начинать новую жизнь.

Снеговы поселяются в Калининграде. (Еще один необычный город в его судьбе.) Теперь делом жизни Снегова становится литература. Нестесненная мысль писателя уносится в отдаленное будущее (подальше от тяжких испытаний действительности?), и так хочется видеть его разумным, прекрасным. Поспевает фантастический роман «Люди как боги»…

Впрочем, не забыта и физика. Великая атомная эпопея XX века продолжает волновать Снегова. Он пишет повесть «Прометей раскованный» — о первооткрывателях ядерной энергии. Тут действуют в своих лабораториях знаменитые ядерные физики Резерфорд, Бор, Ферми, Штрассман, Чадвик и другие. О советских атомщиках Снегов не пишет: тут всё сплошь секретно, цензура не пропустит. «Прометей» выходит в 1972 году и вызывает большой интерес у читателей. Один из них звонит Снегову в Калининград и предлагает приехать в Москву для очень важного разговора. Это не кто иной, как Яков Борисович Зельдович, главный теоретик атомного проекта в СССР. Больше часа продолжается разговор в Москве. Академик Зельдович предлагает Снегову написать книгу о советских исследователях атома. Беседа интереснейшая, Снегов очарован умом и эрудицией теоретика — но остается сомнение. Вряд ли, учитывая прошлое Снегова, такая книга пройдет сквозь железобетонные заграждения цензуры.

И все же что-то сдвинулось. Спустя какое-то время пришла

телеграмма от другого атомного академика Георгия Николаевича Флерова с просьбой срочно приехать в Дубну. Флеров решительно отмел сомнения Снегова: «Вы реабилитированы, вы физик и писатель, грех не использовать такое неординарное сочетание. Я беру на себя пробивание книги».

И пробил! Разрешение на книгу было спущено «с небес» на грешную землю. Флеров не только рассказал Снегову массу важных подробностей, но и организовал встречи и беседы с другими виднейшими атомщиками. Результатом этих встреч стала первая документальная книга о создателях советского ядерного оружия и атомной энергетики — книга Сергея Снегова «Творцы», опубликованная в 1976 году в журнале «Знамя», а затем вышедшая отдельным томом. Книга читается как увлекательный остросюжетный роман. Жаль только, что сюжет обрывается 1945-м годом. Снегов написал и вторую часть «Творцов» — о дальнейших исследованиях и разработках, но на эту часть разрешение не было дано, она так и осталась неопубликованной.

В 1980-е годы выходят одна за другой научно-фантастические книги Снегова, он становится корифеем этого жанра. Летом 1980-го ему исполнилось семьдесят. Я поздравил Сергея Александровича телеграммой. В ответ пришла бандероль с книгой и запиской: «Дорогой Евгений Львович! Сердечное спасибо за поздравление! Печально все-таки — тащить на плечах такой груз годов. Но и отрадно — не отдал по этой длинной дороге концов, по-вашему, по-морскому, а по-нашему, по-интеллигентному — не откинул копыта, не сыграл в ящик, не дал дуба, не натянул на плечи деревянный бушлат и т. д. — много хороших синонимов для нехорошей сей операции. Посылаю Вам новую книгу — в основном сокращенный вариант «Творцов», но и много нового. В октябре собираюсь в Москву. Душевно Ваш С. А. 6.IX.80».

Я созвонился со Снеговым. Сергей Александрович пригласил нас с Лидой на Куршскую косу, на турбазу «Дюны» — они с Галиной Николаевной снимали там дачный щитовой домик из двух комнат.

Снегов в те дни читал труд Льва Гумилёва. Он находил интересной гумилевскую идею о пассионарных волнах как некоей двигательной силе истории. А вот рассуждение о значении степи в русской истории казалось Снегову натянутым, чрезмерным.

«А знаете, — сказал он за вечерним разговором, — Гумилёв однажды вызвал меня на дуэль. Мы вообще-то сдружились в Норильске. Бараки у нас были разные, но зона-то одна. Характер у Льва был, скажем так, весьма сложный. Мы много спорили. В чем-то сходились, ну, например, в том, что в ортодоксальном

марксизме есть элемент фантастики. В чем-то расходились, скажем, в оценке взглядов Ницше и Монтеня. Это были всегда очень животрепещущие для зоны темы… Да, так вот. Один из нас, Евгений Рейхман, инженер-металлург высочайшего класса и к тому же знаток итальянского Возрождения, затеял конкурс норильских поэтов. Соискатели представляли по нескольку стихотворений — анонимно, под девизами, — и оценивались они по двенадцатибалльной системе. Жюри было строгое и компетентное, в него входили, кроме Рейхмана, профессиональные литераторы. Всем было ясно, что победит Лев Николаевич. Первое место ему полагалось не только от природы — ну как же, сын таких прекрасных поэтов, — но и потому, что он и впрямь писал очень хорошие стихи. И вдруг, совершенно неожиданно, первое место присуждают мне — 8,7 балла, а у Льва — 8,2. Другой на его месте посмеялся бы, а Лев прямо-таки взъярился. Кричал, что это нечестно… что он на воле непременно станет писателем, а я всего лишь физик и дилетант в литературе, на воле в лучшем случае буду работать в науке… Вот такая размолвка… А через несколько дней мы схватились в другом споре — на богословскую тему, и Лев обвинил меня в том, что я оскорбил его религиозное чувство. Ничего обидного я ему не сказал, но таков уж его характер: вспыльчивый, нетерпимый… Словом, он вызвал меня на дуэль. Я вызов принял. Но на чем же драться? Где взять — в лагере! — шпаги или дуэльные пистолеты? Лев кипел, кипел и наконец предложил отложить дуэль до будущих времен, когда мы будем на воле. Вот такая история».

«Но вы встретились с ним, когда освободились?» — спросил я.

«Встретились. — Снегов тихо посмеялся. — Двадцать лет спустя, в шестидесятые годы. Мы с Галей приехали в Ленинград и навестили Льва Николаевича. Он профессорствовал в ЛГУ. И набирал известность как оригинальный историк. Да, мы побывали у него, он жил тогда на Московском проспекте в небольшой комнатке, заваленной книгами. Пустились, конечно, под коньячок, в воспоминания о лагерном прошлом, и я между прочим напомнил Льву об отложенной дуэли. Он это помнил, но забыл о причине нашей ссоры. Я подробно рассказал. И не удержался от злорадного вопроса: скажи-ка, профессор, кто из нас стал писателем, а кто ученым?»

Три дня мы гостили у Снеговых на турбазе на Куршской косе, и эти дни навсегда остались со мной как одно из самых ярких событий жизни.

В 1994 году Сергей Александрович скончался. Книга его воспоминаний «В середине века (в тюрьме и зоне)» вышла в Калининграде два года спустя.

Галина Николаевна пережила мужа на несколько лет.

Люди смертны. Но их души… Конечно, это из области иррационального, вопрос веры, а не знания, но хочется верить, что души не исчезают бесследно. Что они встречаются… Особенно души, познавшие Большую Любовь…

Есть у Снегова фантастический рассказ «Умершие живут». Ученые-физики братья Рой и Генрих (излюбленные персонажи, проходящие через многие снеговские рассказы) занимаются расшифровкой излучений человеческого мозга. Волны мозга, излученные в космос, фиксируются на стереоэкране — это огромная мешанина неясных голосов, лиц, строений. Но в этом «шуме» выделяются и опознаются братьями излучения выдающейся интенсивности, они принадлежат давно умершим людям, чей мозг генерировал особо мощно. Так они, Рой и Генрих, опознают (и видят на экране) знаменитого Пьера Ферма в тот счастливый день, когда он нашел доказательство великой теоремы. Видят и опознают Франсуа Вийона, в тюрьме читающего свои стихи сокамерникам в тот день, когда ему заменили виселицу десятилетним изгнанием из Парижа…

Мне кажется, что где-то в галактическом пространстве мчатся излучения мощного мозга Сергея Снегова.

РЕЦЕНЗИИ

Александр ЗОРИЧ
РИМСКАЯ ЗВЕЗДА
Москва: АСТ — Хранитель, 2007. — 288 с.
(Серия «Интеллектуальный детектив»).
5000 экз.

Доля фантастического в новом романе Александра Зорича относительно невелика: поэт Овидий Назон пережил маленькую одиссею после того, как в реальности-1 его биография должна была исчерпаться, а Гай Юлий Цезарь мало того, что миновал последний срок, еще и стал чем-то вроде божества-покровителя Римской цивилизации. Зорич дает ссыльному поэту, из которого Иосиф Бродский сделал почти что советского человека, прийти к согласию со своими врагами и со своими властями. В этом нравственном изменении — суть книги. До отправки в провинциальный город Томы Овидий был одиночкой-в-людской-массе. Человеком на особицу. Немножечко сластолюбцем, немножечко баловнем судьбы, ужасным фрондером и даже чуть-чуть диссидентом. Патриархальные основы имперского строя его нимало не интересовали. И лишь донос человека, считавшегося другом, ссылка, а затем изощренное издевательство все там же заклятым другом, «поставленное», как ставят спектакли, воспламенили в поэте ярость и ненависть, способствовавшие дальнейшей метаморфозе. Овидий проходит стадии воина, беглеца, мстителя и, местью своей доведенный до полной духовной немоты, томясь в страшной дыре и наблюдая за врагом, сидящим рядышком, находит в себе силы простить предателя, — ради того, чтобы в нем самом душа не умерла. Отказ от мести в нашей фантастике, наполненной призывами «убей гада или он убьет тебя!» — случай уникальный. А уж отказ от зла ведет к прощению и принятию родного мира. Овидий впервые осознает собственную судьбу как часть огромной всеримской судьбы.

«Римская звезда» достойна серьезного и основательного литературоведческого разбора. К настоящему времени это, может быть, лучшая работа А. Зорича. Рядом можно поставить только дилогию о Карле Смелом, но если там текст был наполнен хаотическим мраком творческого роста, то здесь повествование освещено отблесками истины.

Дмитрий Володихин

Сергей и Елена ПЕРЕСЛЕГИНЫ
ВОЙНА НА ПОРОГЕ. ГИЛЬБЕРТОВА ПУСТЫНЯ

Москва: Яуза — ЭКСМО, 2007. — 640 с.
(Серия «Война. Имперский генеральный штаб»).
5000 экз.

Эту книгу можно рекомендовать только фанатичным поклонникам творчества С. Переслегина (а таковые есть). Всем же остальным стоит держаться от нее подальше. Ну хотя бы, чтобы не разочаровываться в талантливом аналитике и оригинальном мыслителе.

«Война на пороге…» не заслуживает даже названия романа. Это то, что в советской критике обозначалось снисходительно: «слабо беллетризованный трактат». А еще перед нами новое воплощение «фантастики ближнего прицела», так сказать ее реинкарнация в новых исторических условиях. Но если раньше «мастера» такой НФ сочиняли про «любимый лунный трактор», то теперь они рассуждают о политтехнологиях и войнах спецслужб. Однако от этого чтение увлекательнее не становится.

Начинается роман в 2001 году и уныло течет сквозь все «нулевые» годы. Какой-то намек на живость начинается на 290 странице, когда в 2012 году Япония нападает на Россию. Единственно ценное в книге — это именно описание короткой и яростной войны на российском Дальнем Востоке. И если бы соавторы ограничились этой половиной книги, рецензия была бы написана совсем в иной интонации. Для ленивых читателей сразу сообщаю «итоговый счет»: воевали мы храбро, но в финале все же пришлось отдать японцами Южные Курилы и пол-Сахалина. Потому что в процесс бойни влезли американские миротворцы и велели безобразие прекратить. Поклонникам же Переслегина приказываю: «Главком написал новую книгу! Изучать и конспектировать!»

Главная проблема книги: ее неинтересно читать человеку «со стороны». Герои не внушают никакой симпатии, им не сопереживаешь. То, что в статье могло бы засиять ярким светом неожиданной идеи, в романе погружено в вязкий и многословный текст потеряло остроту среди бытовых подробностей жизни картонных персонажей. Обидно за соавторов, обидно за читателей. А ведь какая могла бы футурологическая монография получиться…

Глеб Елисеев

Крис МОРИАРТИ
ОДИНОЧКА
Москва: ЭКСМО, 2007. — 656 с.
Пер. с англ. С. Зубкова.
(Серия «Фантастический бестселлер»).

3100 экз.

Будущее оказалось не столь уж прекрасным, а жестокости в нем даже прибавилось. Мир, в котором разворачиваются события книги, отстоит от нашего на несколько столетий, однако он унаследовал многие черты современного общества. Проблем хватает: столкновения между компаниями и профсоюзами, стычки на национальной почве, противостояние войск Объединенных Наций силам сепаратистов и Синдикатов.

В этот плавильный котел, определяющий будущее человечества, следует добавить также генетические конструкции-клоны и сообщества искусственных интеллектов. Все они также участвуют в закрученной интриге вокруг открытия, сделанного гениальным физиком.

«Одиночка» — дебютное произведение Мориарти, и это многое объясняет. А именно: восхитительное смешение тем и жанров в книге, которая начинается как фантастический боевик, потом смещается в нуар, прикидывается киберпанком, квазинаучной скороговоркой, то и дело мимикрирует под «твердую» НФ, а под конец и вовсе обнаруживает в себе черты любовного романа — если это подходящее определение для обозначения взаимоотношений искусственного интеллекта и бисексуальной генетической конструкции.

Удивительно, что столь эклектичное произведение на поверку оказывается весьма увлекательной книгой. Сегодня «постантропное» будущее редко оказывается в центре внимания фантастов, предпочитающих четкие контуры более близкого и «человеческого» времени.

Дебют удался (роман номинирован не несколько жанровых премий), даже несмотря на очевидный «синдром отличника», вываливающего на читателей все и сразу. К чести Мориарти стоит упомянуть, что определенная работа над ошибками автором была проделана, и вторая книга этого цикла — непрямое продолжение «Одиночки» — получила премию имени Филипа Дика.

Сергей Шикарев

Михаил УСПЕНСКИЙ
ТРИ ХОЛМА, ОХРАНЯЮЩИЕ КРАЙ СВЕТА
Москва: ЭКСМО, 2007. — 384 с.
(Серия «Жихарь и К°»).
30 100 экз.

Новый роман Михаила Успенского — детективная сказка-антиутопия, вернее, сказочная пародия на множество утопий-антиутопий былого и грядущего, касающихся глобализма-антиглобализма и особого пути России.

Действие происходит во времена, последовавшие за нынешним нефтяным бумом, и разворачивается по преимуществу в сибирском областном центре Малютине и его окрестностях, хотя и Москву автор не обошел своим язвительным вниманием.

Из барселонского частного музея с умопомрачительной системой охраны дерзко похищен рисунок малютинской второклассницы Кати Беспрозванных «Три холма, охраняющие край света». Рисунок этот, как выясняется, обладает некоей мистической силой. Землячка девочки Кати, художница, дочь погибшего малютинского олигарха, супердевушка Лидия Туркова вместе со своим женихом, лордом Теренсом Фицморисом, отправляются на поиски загадочной второклассницы, а за ними устремляется двойная погоня. Тройной квест позволил автору дать остросатирическую панораму мира и России, а экстраполяция сегодняшних реалий в недалекое будущее делает эту сатиру еще более беспощадной, хотя — таково уж фирменное свойство сказок Успенского — ничуть не злобной.

Триста с лишним страниц головоломных, фантастических, ужасных и смешных приключений завершаются, как и следовало ожидать, близ тех самых трех холмов, в волшебной деревне Шалаболихе, видимо, не без умысла напоминающей быковское село Дегунино.

Нельзя сказать, что все приключения многочисленных персонажей идеально состыкованы, но в сказке не это главное. Главное — как водится, победа сил добра над силами зла. Но и здесь не все так просто, и не случайно автор устами одного из самых обаятельных своих героев упоминает о той силе, которая, вечно желая добра, творит зло.

Аркадий Штыпель

Виктор КОСЕНКОВ
РУССКИЕ НАВСЕГДА
Москва: ЭКСМО, 2007. — 448 с.
(Серия «Русская фантастика»).
8000 экз.

Очередной роман Виктора Косенкова, как водится у этого автора, построен трехслойно. Сюжетный слой — борьба спецслужб за сверхценный документ, попавший в руки «левых» людей, непрофессионалов. Политический слой — традиционно сильный у Косенкова — сконцентрирован на проблеме иссякающей на планете нефти и противостоянии великих держав, стремящихся контролировать последние ее источники. Наконец, слой философский сфокусирован на мести, которую автор представляет в качестве одной из величайших ценностей.

Так вот, политическая составляющая Косенкову удалась. Стычки небольших групп спецназа, бандитов и частных лиц представлены как действия исключительной важности — на фоне мировых конфликтов. Работа СМИ показана как одна колоссальная обманка, «занавеска», в большей степени таящая от людей суть происходящего, нежели раскрывающая ее.

С другими слоями дело обстоит не столь благополучно. Прежде всего, «большая похвала мести» подана слишком прямо, чрезмерно публицистично, если не сказать навязчиво. Для нашей фантастики публицистичность характерна аж с начала 1990-х, но всему же есть границы! Излагать — статья за статьей — содержимое несуществующего сайта, вместо того чтобы использовать художественные образы, это в лучшем случае… простовато. А попытка автора с той же агитаторской целью соединить проповедь Христа и кшатрические доблести огнепоклонничества аналогична намерению приспособить «для фронта, для победы» гибрид грузовика с мопедом.

Фабула украшена несколькими удачными батальными сценами и добротным описанием работы большого спецслужбиста Калугина. Однако в итоге сюжет вышел водянистым — до такой степени он «разбодяжен» апологетическими отступлениями, связанными с «кшатрическим духом».

Дмитрий Володихин

Робин ХОББ
ДОРОГА ШАМАНА
Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2007. — 672 с.
Пер. с англ. В. Гольдича, И. Оганесовой.
(Серия «Короли фэнтези»).
10 100 экз.

«Дорога шамана» — первый роман новой трилогии Робин Хобб «Солдатский сын». Поклонники творчества Хобб знают, что в ее книгах интересно проработанный фэнтезийный мир сочетается с глубоким психологизмом и динамичным сюжетом. Вот и здесь поначалу ждешь того же…

Итак, есть некое королевство Герния, есть экспансия на восток, покорение равнинных земель и их жителей — дикарей-кочевников (коим несут свет цивилизации). Дикари владеют магией, но против лома (то есть оружия из железа) нет приема. Герния — государство феодально-демократическое, власть с королем делит совет лордов, куда входят аристократы как старой закваски, так и молодое поколение политиков, получивших титул за недавние боевые заслуги. Естественно, обе партии грызутся между собой. Ко всему этому — сравнительно недавно

утвердившаяся монотеистическая религия, согласно которой всякому сверчку определен один-единственный шесток. К примеру, родился ты вторым сыном лорда — быть тебе воином и никем более.

И есть у нас этот самый второй сын, Невар Бурвиль, правильный мальчик, который на пятерку выучил, что такое хорошо и что такое плохо. Вот с ним-то и происходят вялотекущие приключения — то он у мага-дикаря учится всяким дикарским штучкам (привет, дон Хуан), то в военной академии страдает от муштры и несправедливых нападок начальства (привет, мистер Хайнлайн). Ну, и чтобы жизнь совсем уж мёдом не казалась — у парня раздвоение личности. Некоей частью его сознания завладела колдунья из древнего народа спеков, мечтающая изгнать захватчиков-цивилизаторов и спасти восточные леса…

Увы, написано все это слабенько. И тому виной не только несовершенный перевод (от канцелярских оборотов просто рябит в глазах). Роман искусственно раздут как минимум вдвое, а более или менее интересно становится только ближе к концу. Что ж, посмотрим, чем нас порадуют очередные тома трилогии.

Виталий Каплан

Элисон БЭРД
ИМПЕРИЯ ЗВЕЗД. ИЗ ЦИКЛА «ТРОН ДРАКОНА»
Москва: АСТ — Хранитель, 2007. — 510 с.
Пер. с англ. М. Левина.
(Серия «Век Дракона»).
3000 экз.

Канадская фэнтези (как и канадская популярная литература вообще) известна нашему читателю определенно хуже, чем американская или английская. В том есть и плюсы, и минусы. С одной стороны, далеко не со всеми стоящими внимания текстами мы знакомы. С другой же — знакомимся, как правило, уже действительно с достойными, победно прошествовавшими по всему англоязычному миру. Так было с Г. Г. Кэем. То же самое теперь и с Элисон Бэрд.

«Империя звезд» — второй роман из цикла «Трон Дракона», опубликованный на родине три года назад. Цикл этот писательница создает в модной ныне манере скрещивания космической оперы с классической фэнтези. Бэрд подробно разработала мир системы Аурии, ассоциирующейся с нашей Солнечной системой. Расписанные в деталях народы и их языки, история, обычаи, мифы, плюс философские, мифологические, религиозные аллюзии на нашу реальность — все это заставляет

вспомнить лучшие образцы жанра фэнтези. И все это на фоне захватывающего и масштабного волшебно-героического действа. Нельзя сказать, что романы Бэрд лишены не менее модного ныне «ревизионизма», стремления переосмыслить вечные ценности, но этих мелочей практически не замечаешь.

Теперь о менее вдохновляющем. Все-таки впору уже составлять указатель сюжетов и мотивов фэнтези по образцу известных указателей расхожих фольклорных сюжетов. Вот, скажем, мотив «Принцесса — главная героиня космооперы». А вот — «Древняя мудрая раса с названием на букву «эль». А вот — «Волшебный Артефакт, от коего зависит судьба мира». Штампов у Бэрд хватает. Возможно, талантливые мастера находили бы более оригинальные ходы. А может, и нет. И как бы то ни было никакая критика их популярности не вредит. В конечном счете, тезис «Современная фэнтези есть собрание расхожих штампов» — сам не более чем расхожий штамп.

Сергей Алексеев

КРУПНЫЙ ПЛАН

РАЗВЕ МЫ С ВАМИ УЖЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ?
Мария Галина. БЕРЕГ НОЧЬЮ
Издательство «форум»

Ну да, такая она — «вся противоречивая, порывистая вся…». Все время разная. Кажется, везде пытается успеть. Ей тесно и скучно подолгу носить один и тот же литературный наряд… Из-за этих вот литературных нарядов она даже прервала в середине 1990-х успешно складывавшуюся карьеру гидробиолога. И выпустила в 1997 году НФ-роман «Гладиаторы ночи» под псевдонимом Максим Голицын (а немногим ранее успела издать два сборника стихов), за ним последовали еще семь романов и три авторских сборника — как под своим именем, так и под псевдонимом.

Конечно, прозаические книги М. Галина выпускает редко, зато всегда они становятся объектом обсуждения любителей фантастики и коллег по цеху. А их жанровый диапазон удивителен: НФ-боевик, сатирическая фантасмагория, фэнтези, «твердая» НФ и мейнстримовская проза.

И вот теперь московская писательница неожиданно обратилась к жанру хоррор. Сборник «Берег ночью» прячет под своей обложкой ряд мистических историй, демонстрирующих,

насколько разнообразной может быть литература необъяснимого в умелых руках.

Повесть «Луна во второй четверти» более других напоминает классический триллер с примесью не менее традиционного «ужастика». Группа рефлексирующих подростков, таинственные просторы Карелии и дремучая жуть, выползающая из-под замшелых валунов (американцы с удовольствием оторвут такую повесть на сценарий). Тем более, что коварный автор так и не дает однозначного ответа на вопрос «кто есть кто», поддразнивая читателя двусмысленным финалом. Заглавная повесть «Берег ночью» могла бы смело войти в дом научной фантастики. Но не тут-то было. Постапокалиптика, оснащенная всеми необходимыми атрибутами, история оступившегося человечества в изложении Марии Галиной приобретает непривычный смысл. Будто свежий слой краски ложится поверх нарисованного полотна. И цепочка рациональных объяснений превращается в хоровод ухмыляющихся призраков. А знакомая с детства по романам «Путешествие Иеро» и «Сос по прозвищу Веревка» разновидность НФ преобразуется в нечто совершенно необычное.

Повесть «Дагор» и рассказ «Сержант Ее Величества» уже выходили в периодике; первая — в журнале «Если». Сама Галина называет эти произведения «колониальной прозой». Главные герои — «железные» британцы, бесстрашные путешественники, охотники на тигров и покорители чужеземных стран. «Но и железо гнется», — утверждает Галина, сталкивая сынов Туманного Альбиона с исчадиями древнего мира. Вдохновленная двумя замечательными Говардами — Лавкрафтом и Робертом, — она испытывает на прочность сначала тела, а потом и души несгибаемых бриттов. В рассказе «Сержант Ее Величества» с неназываемым сталкивается сам Артур Конан Дойль. Некогда убежденный материалист, он обращается к спиритическим сеансам, дабы выяснить, какой враг говорит с людьми голосами их умерших родных. В рассказе также появляется еще один небезызвестный господин по имени Редьярд Киплинг, открывающий впечатлительному Мортимеру Мемпесу отдельные аспекты африканской магии.

Тема оборотничества, кочующая из произведения в произведение, создает у читателя ощущение бесконечного маскарада, бушующего вокруг нас. Различные истории, послушные воле автора, приобретают как бы единый стержень. Они, как и населяющие их персонажи, вовсе не те, за кого себя выдают.

Банальная трансформация человеческого в животное и обратно не интересует автора. Читателю предлагается заглянуть

несколько дальше классических представлений о вервольфах и людях-ягуарах — туда, где за тонкой пленкой рационального и упорядоченного раскинулся темный океан хаоса. Именно из него время от времени приходят в наш привычный, обустроенный мир неопределимые, пугающие сущности. Не то боги, не то скитальцы, не то демоны — они обретают различные формы, играют с человеческими чувствами, смущают дух; а затем вдруг пропадают, чтобы возникнуть вновь, но в другом обличье.

Что ж, московская писательница убедительно доказала: крутые литературные галсы, совершенные опытным капитаном, не только не мешают писателю создавать полноценные произведения, но, напротив, придают работам новый колорит и новый смысл.

Все еще не верите? Тогда самое время поближе познакомиться с мирами Марии Галиной — поэта от биологии и писателя от критики.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ВЕХИ

Вл. Гаков
ВЕК АДМИРАЛА

Не было в истории американской science fiction фигуры столь же бесспорно почитаемой, как Роберт Хайнлайн, столетний юбилей которого отмечается в этом месяце. И столь же противоречивой. Не раз и не два писатель вызывал огонь на себя, справа и слева — и одинаково шквальный. Хотя, если внимательно перечитать им написанное, многие противоречия снимутся сами собой, обнажив нечто бесспорное. По-своему цельные характер и творчество. Суть обоих чеканно сформулировал литературовед Брюс Франклин (непримиримый оппонент писателя и автор одной из лучших монографий о нем): «Хайнлайн — самый американский из всех американских фантастов».

Сейчас уже не восстановишь, кто первым назвал его Адмиралом. Во всяком случае, так Хайнлайна при жизни величали друзья. И дело даже не в том, что, подобно многим мальчишкам, Хайнлайн с юных лет грезил о море и с отличием окончил военно-морскую академию. (Не подкоси его на самом взлете злосчастный туберкулез, к концу карьеры уж точно примерил бы адмиральские шевроны…) И не в тех отличительных особенностях его произведений, что сразу выдают в авторе «офицера и джентльмена», человека дисциплины, для которого честь, долг, звук горна и стяг на мачте — не пустой звук.

Просто он и в истории американской НФ навсегда остался капитаном, бессменным лидером и непререкаемым авторитетом. Можно любить или не любить его конкретные книги, с некоторыми просто невозможно не спорить, другие сегодня вызывают лишь вежливое снисхождение — увы, научная фантастика устаревает быстро. Но не признать его исключительного вклада в то, что называется «американской НФ», также невозможно. Со всеми ее противоречиями и парадоксами, взлетами и падениями. Создатель одной из первых «историй будущего» и нового направления в англоязычной литературе — научной фантастики для подростков. Первый четырежды лауреат «Хьюго» (звучит почти как четырежды Герой!) и первый обладатель титула Великий Мастер. Лучший научный фантаст всех времен по результатам опроса, проведенного журналом «Locus» (первое место читатели отдали все-таки Толкину, но его при всем желании не назовешь научным

фантастом).

А если вносить оценочные категории, то еще и истовый патриот Америки — и ее же язвительный критик. Строгий моралист — и последовательный защитник «свободной любви» и «свободной религии». Бесстрашный солдат сражавшийся «за нашу и вашу свободу» — и ради ее царства готовый всю Галактику превратить в образцовую казарму.

Наконец, автор двух самых спорных, взрывоопасных, провокационных романов в англоязычной НФ — «Звездный десант» и «Чужак в чужой земле», — к тому же противоположных друг другу! Первую книгу многие считают квинтэссенцией «имперского духа», милитаризма и ксенофобии. А вышедшую годом позже вторую, напротив, подняли на щит либералы, иконоборцы и вожди многих духовных революций ушедшего XX века.

Хотя критики и той, и другой — единое целое. Парадоксальный симбиоз, называемый американским сознанием. Или американским «коллективным бессознательным», что точнее. Своим фантастическим дублем Хайнлайн замечательно высветил весь тот клубок из идеологем, мифов, подсознательных страхов и чаяний, что зовется средним американцем.

С одной стороны — крайний индивидуализм с уклоном в анархизм (либертарианство). С другой — поразительное чувство стадности, стремление к тотальной стандартизации всего и вся. Культ высоких технологий — и трогательное пренебрежение материями гуманитарными. Романтический до наивности идеализм — и меркантильный до мелочности прагматизм. Показная тотальная набожность — но и редкий в наши дни принципиальный отпор малейшим посягательствам институциональной религии на власть, на дела светские. Наконец, также возведенная в культ демократия — и вечная ставка на силу (которой, как известно, ума не надо). При том, что от кумира американцев, победителя и оптимиста, который не рефлексирует, а ломится напролом, остается один шаг до специфического американского мессианства с явным привкусом казармы: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим»…

Все это в совокупности — Америка. И все это — Роберт Хайнлайн.

Теперь, когда все его произведения изданы на русском, автор «юбилейного портрета» избавлен от необходимости подробно останавливаться на творчестве писателя. Поэтому я лишь напомню (благо повод представился) о главных событиях жизни Роберта Хайнлайна. И о вехах, оставленных им в американской литературе.

* * *

Роберт Энсон Хайнлайн родился 7 июля 1907 года в городе Батлере, что в штате Миссисипи, неподалеку от границы с Канзасом. По американским меркам, в совершеннейшей глуши, да еще и в семье убежденных протестантов-методистов, чьи предки-немцы прибыли в Новый Свет за полтора века до рождения будущего писателя. Для супругов Хайнлайнов воспитание многочисленного потомства (Роберт родился шестым ребенком, а вскоре на свет появился и седьмой) означало строгость, строгость и еще раз строгость. Никаких милых радостей юношества, будь то карты, пиво или, упаси боже, девочки, Роберт Хайнлайн не знал вплоть до начала самостоятельной жизни.

Впрочем, кроме авторитарных родителей, в воспитании будущего несостоявшегося адмирала и состоявшегося писателя большую роль сыграл другой родственник — дедушка-доктор, научивший мальчика играть в шахматы раньше, чем читать. Он же занимался формированием личности подростка; от деда, а не от отца с матерью, Роберт Хайнлайн перенял такие качества (позже переданные его литературным героям), как уважение к труду, мужество, чувство долга, верность слову, целеустремленность и здравый смысл.

Потом семья переехала в Канзас-сити, где Роберт закончил среднюю школу. А затем, проучившись два года на физика в университете штата, он подал документы в Академию военно-морского флота США в Аннаполисе. Для того чтобы поступить в это элитное заведение, абитуриенту нужно было заручиться письменной рекомендацией какого-либо сенатора или конгрессмена, после чего сдавать вступительные экзамены. Характера Хайнлайну было не занимать — он получил рекомендацию и блестяще сдал экзамены. А в выпускном рейтинге своего курса (одна из традиций американских вузов) занял почетное двадцатое место — из 240 выпускников. Не говоря о том, что за годы учебы способный кадет стал чемпионом академии по фехтованию, борьбе и стрельбе.

Словом, если и не адмиральский, то, во всяком случае, капитанский китель «отличнику боевой и политической подготовки» светил наверняка. Однако, отслужив пять лет на флоте (в том числе на новейшем авианосце «Lexington»), молодой офицер-артиллерист вынужден был выйти в отставку. У него обнаружили туберкулез, что автоматически ставило крест на морской карьере.

Очутившись на «гражданке», комиссованный моряк

перепробовал многое. Поступил в аспирантуру Калифорнийского университета, но, не проучившись и месяца, бросил, занимался риэлторским бизнесом, служил на серебряных приисках… С тоски, видимо, даже ударился в политику, и что любопытно, откровенно левого толка! В 1930-е годы Хайнлайн активно поддержал известного писателя и сторонника идеи «ненасильственного социализма» Эптона Синклера, когда тот решил баллотироваться в губернаторы Калифорнии от Демократической партии. Эта попытка оказалась провальной, и Хайнлайн разочаровался и в политике, и в социалистических идеях.

* * *

Единственным утешением перед самой войной стала для Хайнлайна научная фантастика, в которой молодой автор быстро нашел свое призвание! Но о его литературной биографии — чуть позже.

Едва начавшуюся — и блестяще — писательскую карьеру пришлось если и не прервать, то существенно ограничить. Произошло это 12 декабря 1941 года, когда японская авиация разгромила военно-морскую базу США в Перл-Харборе на Гавайях и Америка вступила в войну. На действующий флот офицера-туберкулезника, разумеется, не пустили. Но кому-то из однокашников Хайнлайна по академии пришла в голову идея, которую на удивление легко поддержало военное начальство. Хотя предложение было из ряда необычных. Чистая фантастика, сродни той, которую писал Хайнлайн вместе с другими «птенцами гнезда Кэмпбеллова». Было решено откомандировать нескольких молодых писателей-фантастов с техническим образованием в секретную исследовательскую лабораторию морской авиации, расположенную в Филадельфии. Там «фантазерам» предложили напрячь все их хваленое воображение, чтобы решить некоторые практические задачи для нужд обороны.

Компания собралась достойная: офицер ВВС Спрэг де Камп, отставной офицер ВМФ Роберт Хайнлайн и штатский специалист-биохимик Айзек Азимов. К ним на помощь были командированы еще два офицера — Джек Уильямсон и лейтенант Королевских ВВС англичанин Артур Кларк. Чем они там реально занимались? В частности, проектировали первые системы «автопилота», решали проблему обледенения фюзеляжей самолетов на больших высотах, разрабатывали для летчиков высотные герметичные костюмы — прообразы будущих космических скафандров. Кому

же, как не фантастам, заниматься такими материями! Хайнлайн и не скрывал, что одну из моделей скафандра позаимствовал из романа коллеги, Эдмонда Гамильтона… А еще они с энтузиазмом готовили тот самый сенсационный «Филадельфийский эксперимент», растиражированный в книжках-бестселлерах и на экране. Впрочем, любители конспирологической и уфологической литературы могут спать спокойно. Азимов позже вспоминал: «Мы-то раньше других поняли, что занимаемся втиранием очков военному начальству!»

После окончания войны Хайнлайн снова ненадолго ушел в политику. Но к тому времени его взгляды кардинально изменились. Он уже стыдился своих социалистических заблуждений молодости и отныне всегда — открыто и последовательно — поддерживал американских ультраправых. В пятидесятых годах — это был печально знаменитый сенатор Маккарти, десятилетием позже — столь же одиозный Голдуотер, а в восьмидесятых — Рейган.

К 1948 году Роберт Хайнлайн успел второй раз жениться. На сей раз его избранницей стала Вирджиния Герстенфельд, с которой он познакомился в той самой секретной лаборатории. Это была женщина новой формации: задолго до полной победы феминизма Вирджиния имела дипломы биохимика и авиационного инженера-испытателя (в чине лейтенанта ВВС), увлекалась бодибилдингом и свободно владела семью языками, в том числе русским. Кроме того, она разделяла политические взгляды мужа (хотя Азимов остался при убеждении, что переменой взглядов Хайнлайн обязан именно Вирджинии). Брак их оказался крепким — они прожили вместе все оставшиеся сорок лет, отпущенные Хайнлайну.

Их постоянным домом стал маленький приморский городок Санта-Круз в северной Калифорнии. Лучшего места для туберкулезника не найти — не исключено, что именно благодатный коктейль из солнца, морского воздуха и хвойных зарослей секвой, покрывавших все окрестные горы, позволил Хайнлайну прожить эти сорок лет. Роберт и Вирджиния много путешествовали, не раз обогнув земной шар. Теперь мы знаем, что проблемы с публикацией произведений Хайнлайна в СССР были связаны не только с их содержанием, но и с двумя опубликованными путевыми заметками, посвященными единственной поездке супругов в нашу страну. Угораздило же их попасть к нам в мае 1960 года, когда над советской территорией был сбит американский самолет-разведчик U-2!

Первые серьезные проблемы со здоровьем, если не считать хронического туберкулеза, начались у Хайнлайна в 1970 году.

После тяжелого перитонита писатель почти два года приходил в себя. А спустя восемь лет он свалился с сердечным приступом на райском тропическом Таити… Но и на тот раз все обошлось — Хайнлайну одному из первых успешно провели операцию коронарного шунтирования.

Однако после второго «звонка» здоровье все чаще давало сбои. Он еще успел получить диплом почетного доктора литературы Восточно-Мичиганского университета. Но другую премию — Почетную награду НАСА (за вклад в пропаганду космических исследований) — получала уже его вдова. Ранним утром 8 мая 1988 года Роберт Хайнлайн, у которого началась эмфизема легких, уже не проснулся.

Адмирал отправился в свое последнее плавание.

* * *

Творчество Роберта Хайнлайна делится на три периода — ранний, средний (пиковый) и поздний (закатный).

В 1939 году, по единодушному мнению историков американской НФ, начался его подлинный «Золотой век». Великий редактор Джон Кэмпбелл, обладавший невероятным чутьем на таланты, незадолго до этого получил в свои руки «инкубатор» — журнал «Astounding Stories», где стал выращивать эти таланты десятками. Один кэмпбелловский «выпуск 1939-го» чего стоит: Азимов, Ван Вогт, Дель Рей, де Камп, Старджон, Бестер. И Роберт Хайнлайн. В августовском номере вышел его дебютный рассказ «Линия жизни», за который автор получил 70 долларов. Вскоре последовали хорошо знакомые нашему читателю «Реквием», «Взрыв всегда возможен», «Дороги должны катиться», «Логика Империи»…

Ранние рассказы Хайнлайна составили одну из первых «историй будущего» в англоязычной фантастике — и, безусловно, одну из самых детализированных и прописанных. Она охватывает период с конца XX по XXVI век и посвящена как технологическим и социальным переворотам на Земле, так и этапам освоения космоса, от первых баз на Луне до первых межзвездных экспедиций. Автор подробно расписал хронологию своего «будущего», повесив схему у себя в кабинете и постепенно заполняя ее лакуны рассказами. Некоторые так и остались незаполненными, да и вся схема очень быстро перешла в разряд «параллельной истории» — потому что реальная развивалась совсем не по Хайнлайну. О большинстве его конкретных технических догадок и говорить нечего.[4]

Но если отвлечься от футурологических и научных прогнозов… Разве устарел слепой космический бард Райслинг из «Зеленых холмов Земли», оттого что космическая экспансия человечества развивается не так и не теми темпами, как это виделось Хайнлайну более полувека назад? И что, хуже читается сегодня архетипичная повесть «Пасынки неба»? Первая из серии книг о «звездных ковчегах» с меняющимися поколениями, постепенно забывающими, куда и зачем направлялся их космический дом. А многие произведения не утратили актуальности и сегодня. Например, повесть «Взрыв всегда возможен» после Чернобыля уже и никакая не фантастика. Что касается теократической антиутопии, описанной в повести «Если это будет продолжаться…», то ее, как это ни печально, тоже рано списывать в архив.

Кроме «истории будущего», в конце 1940-х писатель начал новый цикл, на сей раз объединенный не сюжетом или единым пространством-временем, а жанром. Или, как бы сейчас сказали, форматом. В результате англоязычная литература обзавелась специфической «детской научной фантастикой». Невероятно, но до Хайнлайна никому не пришло в голову последовать примеру переводного Жюля Верна!

Поскольку это был «не формат», автору долго пришлось искать издателя. И все же, начиная с 1947 года, на каждое Рождество стало выходить по роману Хайнлайна для детей. Стартовала серия «Космическим кораблем «Галилео» (в 1950-х по роману был снят фильм «Цель — Луна»).

Конечно, многое в этих книгах безнадежно устарело, но главная проблема, заставившая писателя взяться за фантастику для детей, вероятно, относится к разряду вечных. Как воспитать из подростка мужчину? Что должен сделать отец, старший товарищ, любой, кто взял на себя ответственность учить, чтобы если не устранить целиком, то хотя бы максимально «сузить» щель непонимания между поколениями?

* * *

Два десятилетия — пятидесятых и шестидесятых — стали пиком в творческой биографии Роберта Хайнлайна. Не касаясь всех книг, написанных в этот период (хотя среди них были вполне достойные, например, неожиданно лиричный и теплый для этого автора роман «Дверь в лето»), достаточно назвать всего две. Те, о которых уже шла речь выше: «Звездный десант» и «Чужак в чужой стране».

Обе принесли писателю по премии «Хьюго» (впервые Хайнлайн стал ее лауреатом в 1957-м — за роман «Двойная звезда», или правильнее — «Звезда-двойник»). И буквально раскололи доселе монолитный мир поклонников Хайнлайна. Потому что ни одна из половин не могла взять в толк: как он смел написать ТАКОЕ?! Имелось в виду произведение, понравившееся как раз другой половине.

«Звездный десант» (1959) вызвал гневные нарекания со стороны тех, кто причисляет себя к либералам и демократам. Поскольку оба термина в наше время и в нашей стране изрядно дискредитированы, сразу же уточню, о ком веду речь. Разумеется, не о сторонниках либеральной экономики и не о доморощенных «либерал-демократах» (смысл кавычек, надеюсь, ясен). А о тех, кто привык размышлять, критически анализировать и делать осознанный выбор. Кто желал бы жить по законам общества, а не по казарменному уставу и не по милости вождя. Кто, наконец, убежден, что государство — для человека, а не наоборот. И никакие «высшие национальные интересы» и «великие идеи» не стоят простой человеческой жизни — если только она не приносится на их алтари добровольно.

Одними критическими выпадами дело не ограничилось. Ряд коллег Хайнлайна, задетых за живое, ответили ударом на удар — достаточно назвать роман-памфлет Гарри Гаррисона «Билл — герой Галактики», в котором только слепой не увидит жесткую полемику со «Звездным десантом». Другие, не разделяя взглядов Хайнлайна, пытались хоть частично реабилитировать его и прилагали немалые усилия, чтобы отыскать в романе некий скрытый «второй пласт». Будто бы свидетельствующий о том, что автор и сам отнюдь не в восторге от изображенного им мира, а просто, как и подобает уважающему себя фантасту, взял парадоксальную ситуацию и довел ее до абсурда…

С тем же успехом и недавнюю экранизацию книги Полом Верхувеном можно объявить пародией на роман. А «Mein Kampf» — полемикой с национал-социализмом. Автор этих строк уже дважды высказывался на страницах журнала по поводу военно-патриотической агитки Верхувена (заслуживающей «госпремии» из рук лично президента Буша, военного министра Рамсфельда и госсекретаря Кондолизы Райс), и повторяться нет смысла.

Конечно, фильм — это не роман. Но и литературный первоисточник, как мне кажется, совсем не нуждается в «реабилитации». Как не нужна она была самому Хайнлайну, никогда не скрывавшему теплых чувств к армии — и к демократии на штыках (или бластерах, не суть). В американской фантастике не было более искреннего и, увы, талантливого певца

военной романтики, защитника идеи, выраженной зычным сержантским: «Разговорчики в строю!»

В конце концов стоит задуматься хотя бы вот над чем. Как быть с демократией и гражданскими институтами в мире «Звездного десанта», если там чудесным образом прекратятся вообще все галактические войны? Например, с окончательной победой над «жукоглазыми»… Ведь в том мире граждане — лишь те, кто повоевал за свою планету а не просто тянул лямку по призыву в мирное время! А если не с кем воевать?

Впрочем, это разговор долгий. Что лишний раз доказывает: писатель задел больной нерв, а это уже удача для всякого пишущего. Тем более что вышедший в следующем году новый роман Хайнлайна стал бомбой почище «Звездного десанта»!

Социальной интуиции писателя можно только позавидовать, ибо в романе «Чужак в чужой стране» тонко уловлены флюиды того, что станет непреходящим символом шестидесятых. Казалось, этот огромный во всех смыслах роман принадлежит перу какого-то «другого Хайнлайна», доселе не известного широкой публике. Хотя позже автор признался, что раздумывал надо всем этим еще в начале 1950-х — и тогда же засел за «Чужака…». Но опубликовать его не рискнул, дабы не вываливать на неподготовленного читателя, до чего он «дозреет» десятилетие спустя. И то, как выяснилось в 1990 году, версия 1960-го была сокращенной почти на четверть.

Но даже и в этом щадящем варианте количество американских культурных икон, ниспровергнутых или осмеянных Хайнлайном, рекордно. Главному «поношению» подверглись, разумеется, сексуальные и религиозные. Хотя писатель, надо отдать ему должное, задевает не всякую религию, а лишь институциональную — иначе говоря, организованную и претендующую на власть (с ней он окончательно «расправится» в романе «Иов», вышедшем двумя десятилетиями позже). Что касается духовных исканий личности, общения с высшим, трансцендентным началом напрямую, интимно, без посредников, то это ради бога! Ведь и главный герой романа — «марсианский мессия» Майкл Валентин Смит — тоже не лишен «божественных» черт. А заканчивает свой земной путь так вообще в полном соответствии с текстом священной книги, где описаны аналогичные события двухтысячелетней давности.

Наверное, неслучайно роман Хайнлайна назвали «библией хиппи». Писатель вспоминал, как ему пришлось обносить свой дом в Санта-Крузе высоким забором, дабы не провоцировать толпы длинноволосых и расхристанных адептов сотворить со своим новоявленным Учителем (или апостолом-евангелистом) то

же, что сделали с мессией в романе…

* * *

Многие считают, что вершиной творчества Хайнлайна стал не «Чужак в чужой стране», а роман «Луна — суровая хозяйка», вышедший шестью годами позже (у нас его название переводили по-разному, например, как «Луна жестко стелет»). Но это дело вкуса, хотя умалять значение этой ироничной версии Американской революции, принесшей автору четвертую и последнюю премию «Хьюго», я не собираюсь.

Но дальше его творчество пошло на спад. Магия имени делала свое дело, и по инерции каждая новая книга Хайнлайна занимала место в списке бестселлеров. В его поздних романах — «Не убоюсь я Зла» (1970), «Пятнице» (1982), уже упоминавшемся «Иове» (1984) и других — по-прежнему хватало ярких, провоцирующих идей, эпизодов, характеров, но в целом «корабль» его творчества становился все более и более неуправляемым. Создавалось впечатление, что писателю все труднее и труднее справляться с потоком слов и идей, рожденных неуемной фантазией.

Он еще пережил, как минимум, два звездных часа в своей жизни. 20 июля 1969 года — когда комментировал в прямом эфире телекомпании CBS высадку американцев на Луне и первые шаги Нила Армстронга по ее поверхности. И 26 апреля 1975 года — во время присуждения первой премии «Великий Мастер». В том, что первым этот титул получит Роберт Хайнлайн, никто не сомневался — это даже не обсуждалось. По словам Айзека Азимова, «это было столь же естественно, как избрать первым президентом Джорджа Вашингтона». Потому что все они, рукоплескавшие в зале новоиспеченному лауреату, перефразируя русского классика, вышли из хайнлайновского «скафандра».

Для эскадры, имя которой — американская научная фантастика, он всю жизнь оставался адмиралом. Пока его штандарт развевался на мачте флагмана, все — от капитана до простого матроса — могли быть уверены: адмирал на борту. А значит, все в порядке, корабли идут правильным курсом. Наверное, он заслужил и традиционную последнюю почесть. Когда в космос отправятся звездные корабли, о которых мечтал Роберт Хайнлайн, высшей справедливостью будет дать имя адмирала флагману Звездного флота.

КУРСОР

ХРОНИКА

«Интерпресскон-2007»,

старейший отечественный конвент, проходил в пансионате под Санкт-Петербургом с 3 по 6 мая. Это уже семнадцатая встреча фантастов, проведенная бессменным организатором «Интерпрессконов» Александром Сидоровичем. На этот раз гостями фестиваля стали 150 человек. Следует отметить, что в следующем году питерская конференция не состоится, поскольку оргкомитет объединит усилия с москвичами для проведения «Еврокона-2008». В программе фестиваля были представлены семинары, круглые столы, литературные студии, вечеринка на берегу Финского залива «Пикник на обочине», концерты, кинопоказы, а также семинар памяти И. А. Ефремова. Как всегда, вручалось множество премий. Упомянем основные.

Премию Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка» (сам мэтр не смог посетить конференцию по причине нездоровья) получил в номинации «Крупная форма» Евгений Филенко за роман «Бумеранг на один бросок», в номинации «Средняя форма» — Геннадий Прашкевич за повесть «Божественная комедия», в номинации «Малая форма» — Андрей Саломатов за рассказ «Серый ангел», в номинации «Публицистика» — Сергей Соболев за работу «Альтернативная история: пособие для хронохичхайкеров».

Премию «Интерпресскон» вручили Александру Громову за роман «Исландская карта» и еще одну за его повесть «Прыткая и Потаскун», Святославу Логинову за рассказ «Барская пустошь», Светлане Бондаренко за книгу «Неизвестные Стругацкие» (том 3). Лучшим дебютантом признан Всеволод Мартыненко (книга «Собачий глаз»), лучшим издательством — Лениздат, художником (обложка) — Владимир Бондарь, художником (иллюстрация) — Всеволод Мартыненко. В номинации «Микрорассказ» победил Андрей Щербак-Жуков («Сказка о самом нелепом оборотне»).

НФ-премии — примета конца весны. В Нью-Йорке 11–13 мая были вручены престижные премии «Небьюла» (по результатам голосования многочисленных членов организации фантастов SFWA). Победителями объявлены роман «Исследователь» Джека Макдевитта, повесть «Ожог» Джеймса Патрика Келли, короткая повесть «Два сердца» Питера Бигла, хорошо знакомая читателям «Если», а также рассказ «Эхо» Элизабет Хэнд.

Лучшим сценарием года признали сценарий аниме «Ходячий замок Хоула» (Хаяо Миядзаки, Синди Хьюит, Дональд Хьюит). Премия имени Андре Нортон за лучшую детскую фантастику

досталась Жюстин Ларбелестье за книгу «Магия безумия». Также были вручены ранее объявленные почетные призы «Гранд-Мастер» и «Эмеритус». Их получили Джеймс Ганн и Дэвид Комптон.

Чуть ранее, 2 мая, в Лондоне во время шестого фестиваля научной фантастики и кино Sci-Fi-London была вручена премия имени Артура Кларка. Цель премии — поддержка британской научной фантастики. На этот раз обладателем денежной суммы стал М. Джон Гаррисон за роман «Новая звезда».

Не отстают от литературных собратьев и кинематографисты, они тоже вручают свои премии за фантастику. В этом году безусловным лидером стал фильм «Супермен возвращается», завоевавший призы в пяти номинациях, в том числе «Лучший фильм-фэнтези» и «Лучший режиссер» (Брайан Сингер). 33-я церемония вручения премий «Сатурн» проходила 10 мая в Юниверсал-Сити (Калифорния). Среди лауреатов: лучший НФ-фильм — «Дитя человеческое», лучший хоррор — «Спуск», лучший триллер/боевик — «Казино «Рояль», лучший мультфильм — «Тачки», лучший зарубежный фильм — «Лабиринт Фавна», лучший актер — Брэндон Роут, лучшая актриса — Натали Портман, лучшие сериалы — «Герои» и «Боевой корабль «Галактика».

В кино определяют не только лауреатов года, но и лучшие фильмы за гораздо больший промежуток времени. Так, журнал «Entertainment Weekly» провел среди своих читателей опрос: какой фильм можно считать лучшей научно-фантастической картиной последних 25 лет? С большим отрывом победила «Матрица» братьев Вачовски. Второе место занял сериал «Боевой корабль Галактика» (нет, не тот римейк, который только что завоевал премию «Сатурн», а оригинальный цикл), «бронза» досталась «Бегущему по лезвию» Ридли Скотта. В первой десятке оказались также сериалы «Секретные материалы» и «Звездный путь», фильмы Стивена Спилберга «Инопланетянин», Терри Гиллиама «Бразилия», Джеймса Камерона «Чужие», Джона Карпентера «Нечто».

Пионеру советского фантастического кино, экранизации знаменитого романа А. Н. Толстого, посвящена книга А. И. Игнатенко «Аэлита» — первый опыт создания блокбастера в России».

Книга выпущена в 2007 году в Санкт-Петербурге Лениздатом и издательством СПбГУКиТ. Как уже понятно из названия, автора интересует не столько история создания фильма, сколько исследование пиар-технологий того времени, рекламной кампании, сопровождающей выход и продвижение «Аэлиты» к зрителям. Небольшая по объему книга А. И. Игнатенко содержит

множество любопытнейших архивных материалов (воспроизводятся рецензии тех лет), редких фотографий и афиш. Единственный недостаток книги — ее коллекционный тираж (всего 400 экземпляров).

Люк Бессон поведал журналистам, что был очень расстроен по выходе своего знаменитого фантастического фильма «Пятый элемент», ведь буквально в течение года после окончания съемок в технологии производства спецэффектов произошел качественный скачок, и возможности визуализации существенно выросли. Поэтому теперь, закончив «Артура и минипутов», режиссер планирует вернуться к научной фантастике. Он задумал создать НФ-трилогию в духе «Пятого элемента», но на более серьезном техническом уровне.

Свой звездный путь уже после смерти обрел актер Джеймс Дуган, сыгравший в сериале «Звездный путь» инженера Скотти. Кремированные останки актера вместе с останками еще двухсот человек (в том числе и астронавта Гордона Купера) побывали в космосе. Ракета стартовала с коммерческой стартовой площадки Spaceport America, недавно построенной в штате Нью-Мексико. Это был первый запуск с нового космодрома. На орбиту ракета не выходила, спускаемый аппарат после недолгого присутствия в космосе на парашюте вернулся на Землю. Напомним, что не так давно в космос запустили и останки создателя «Звездного пути» Джина Родденберри.

Крис Коламбус,

снимавший первые фильмы о Гарри Поттере, задумал проект, весьма напоминающий «поттериану». Режиссер планирует снять фильм «Вор молний» по мотивам детского сериала-бестселлера Рика Риордана «Перси Джексон и олимпийцы». В центре повествования двенадцатилетний мальчик, неожиданно выяснивший, что он потомок греческих богов. В современной Америке ему предстоит с помощью сатира и дочери богини Афины поймать вора, укравшего оружие массового уничтожения, — жезл Зевса.

Агентство F-пресс

PERSONALIA

АМНУЭЛЬ Павел Рафаэлович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год) **Корр.:** Большинство ваших произведений последних лет основано на идеях относительно новой науки — эвереттики. Чем вызван такой интерес к данной проблематике?

П. Амнуэль: Эвереттика — скорее, даже не наука, а направление, включающее физику (кстати, в нынешнем году исполняется 50 лет со дня публикации пионерской работы Хью Эверетта), математику, философию, психологию. Эвереттика — представление о Многомирии (Мультиверсуме), состоящем из множества вселенных, отличающихся от нашей и развивающихся независимо, но имеющих с нашим миром самые разные связи — как духовные, так и материальные.

Для НФ эвереттика открыла столько же (если не больше) новых перспектив, как в свое время идея путешествий во времени. Если научной фантастике суждено возродиться из того состояния полунебытия, в котором она сейчас находится, то произойдет это, на мой взгляд, именно благодаря новым идеям, связанным с Многомирием. Литература предвидела появление эвереттики («Сад ветвящихся тропок» Хорхе Луиса Борхеса), эвереттика же позволяет прийти к выводу об онтологической ценности всякой литературной фантазии, поскольку в результате практически бесконечного количества ветвлений мироздания, произошедших после Большого взрыва, в Мультиверсуме могут существовать (и, скорее всего, реально существуют) все или большая часть описанных фантастами универсумов. В этом смысле фантастическая литература, создаваемая авторами в нашей Вселенной, может быть (и, скорее всего, действительно является) сугубо реалистической прозой в другой части Мультиверсума.

АТТАНАЗИО Альфред Анджело (ATTANASIO A. A.)

А мериканский писатель Альфред Анджело Аттаназио родился в 1951 году в городе Ньюарке (штат Нью-Джерси) и закончил Университет штата Пенсильвания с дипломом филолога. Защитив диссертацию в Колумбийском университете в Нью-Йорке, Аттаназио полностью переключился на литературную деятельность. В научной фантастике он дебютировал рассказом «Луп-Гару» (1975). С тех пор писатель, многие произведения которого — и научно-фантастические, и в жанре фэнтези — критики характеризуют как «магический реализм» в духе Борхеса и Маркеса, опубликовал более двух десятков рассказов и

повестей. Они составили два сборника — «Знаки зверя» (1984) и «Дважды мертвые» (2006). Кроме того, перу Аттаназио принадлежат семь романов: «Королевство Грааля» (1992), «Жена Луны» (1993) и другие; трилогия «Доминионы Ирта» и две тетралогии — «Артор» и «Источник». За научно-фантастический роман «Источник» (1981) Аттаназио был номинирован на премию «Небьюла», аза роман «Охота за танцующим призраком» (1991) — на Всемирную премию фэнтези. Последние годы писатель постоянно проживает в Гонолулу (Гавайи).

ГАЛИНА Мария Семеновна

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 3 за этот год) **В** предисловии к сборнику «Берег ночи» писатель и критик Наталья Резанова так охарактеризовала московского писателя-фантаста: «Мария Галина — автор весьма коварный, что для писателя скорее достоинство, чем недостаток. Стоит читателю, проглотившему одну-две книги Галиной, решить: он-де знает, «что там внутри тикает» — как она его обманывает. Вот вышли книги в жанре «твердой» научной фантастики — «Прощай, мой ангел», «Волчья звезда», «Глядящие из темноты», а потом серьезного читателя «обломали» — воспоследовали культурологические фантасмагории: «Гиви и Шендерович» и «Хомячки в Эгладоре». Но, едва расслабившись, читатель настроится посмеяться, как его постигает книга вжанре хоррор…»

ДЯЧЕНКО Марина Юрьевна ДЯЧЕНКО Сергей Сергеевич

Один из самых заметных творческих дуэтов русскоязычной словесности последнего десятилетия. К моменту образования творческого (и семейного) союза Сергей Дяченко (р.1945), профессиональный врач-психиатр и спортсмен-подводник, кандидат биологических наук, участник многих научных экспедиций и выпускник сценарного факультета ВГИКа, уже успел стать заметной фигурой в кинематографе. Ему принадлежат сценарии многих документальных и научно-художественных картин (самая известная — «Звезда Вавилова»). Но настоящее признание пришло к нему после работы над сценариями телеэпопеи «Николай Вавилов» и фильма «Голод-33». Как кинодраматург он неоднократно премировался на всесоюзных и международных кинофестивалях.

Биография Марины Ширшовой (р. 1968) также тесно связана с театрально-кинематографическим миром. Она профессиональная актриса театра и кино (окончила актерское отделение и аспирантуру Киевского театрального института, где и по сей день преподает искусство сценической речи). С

кинематографом супруги не расстаются и сегодня — именно по их сценарию Федор Бондарчук снимает экранизацию повести братьев Стругацких «Обитаемый остров».

Литературная же звезда супругов взошла в 1994 году с выходом дебютной книги — романа в жанре героико-романтической фэнтези «Привратник», завоевавшего сразу две престижные награды: приз «Хрустальный стол», как лучшее произведение украинской фантастики, и поощрительный приз «Еврокона». Впоследствии М. и С. Дяченко собрали полный букет жанровых премий — «Сигму-Ф», «Бронзовую улитку», «Аэлиту», «АБС-премию», «Странник», «Интерпресскон» и другие.

Зарекомендовав себя в качестве талантливых авторов фэнтези, супруги тем не менее довольно быстро отошли от канонов жанра. Героико-романтические атрибуты уступили место выраженному психологизму и философскому подтексту. Сегодня Дяченко — признанные лидеры философской фантастики, в которой переплетены элементы фэнтези, НФ, нео-мифологизма и городского романа. Их перу принадлежат такие книги, как «Ритуал» (1996), «Скрут» (1997), «Ведьмин век» (1997), «Пещера» (1997), «Казнь» (1999), «Корни камня» (1999), «Армагеддом» (2000), «Магам можно все» (2001), «Долина совести» (2001), «Последний Дон Кихот» (2001), «Пандем» (2003), «Судья» (2003), «Трон» (2003), «Варан» (2004), «Авантюрист» (2005). В этом году вышел новый роман дуэта — «Vita Nostra». В 2001 и 2005 годах изданы романы, написанные в соавторстве с Г. Л. Олди и А. Валентиновым — «Рубеж» и «Пентакль». Кроме того, супругами Дяченко создан целый ряд сказочных произведений для детей: «Жирафчик» (2004), «Пандочка» (2004) и другие.

ОВЧИННИКОВ Олег Вячеславович

Московский прозаик Олег Овчинников родился в 1973 году в Оренбурге. Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ, где специализировался на компьютерной лингвистике. Ныне живет в Москве, работает ведущим программистом в компании «ACDLab Inc».

В 1998 году стал победителем конкурса «Альтернативная реальность»: его рассказ «Глубинка», напечатанный в журнале «Если», одновременно явился и дебютом автора в жанре. С тех пор опубликовал более двух десятков рассказов и повестей в журналах, сборниках и антологиях. В 2003-м повесть О. Овчинникова «Семь грехов радуги» была удостоена премии «Сигма-Ф». В 2004 году вышла первая книга писателя — сборник «Семь грехов», в 2005-м получивший главный приз фестиваля «Звездный мост» — «Золотой кадуцей». 2006 год оказался для

автора, не столь часто публикующегося, на редкость урожайным: у него вышли сразу две новые книги — романы «Арахно. В коконе смерти» и «Prometро», а рассказ «Звезда в подарок», опубликованный в «Если», получил премию «Бронзовая улитка». Наконец, в 2007 году премиальная коллекция Овчинникова пополнилась еще одной «Сигмой-Ф» — за рассказ «Педант».

СИНЯКИН Сергей Николаевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год) **В**олгоградский фантаст дебютировал в печати в 1988-м (повесть «Шагни навстречу»), однако после выхода в 1991 году второй книги «Лебеди Кассиды» неожиданно замолчал почти на 10 лет. Возвращение в жанр — поистине триумфальное — состоялось в 1999-м на страницах журнала «Если». Опубликованная здесь повесть «Монах на краю Земли», по мнению большинства критиков, стала главным событием отечественной фантастики 1999 года и собрала коллекцию престижных жанровых наград: «Сигму-Ф», «Бронзовую улитку», АБС-премию, «Интерпресскон».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

Возлюбленная (итал.)

2

В положенный срок движение небесных тел в созвездии Ориона разомкнет знаменитый Пояс и превратит привычную трапецию торса Охотника в наковальню. И, что гораздо важнее, задолго до того красный гигант Бетельгейзе исчезнет, взорвавшись сверхновой и оставив по себе поразительную туманность Голубая Роза, ко времени нашего повествования — сосредоточие пурпурных и лиловых газовых облаков, возможно, более уместно именуемое туманностью Синяка. (Прим. авт.)

3

Быстро (итал.)

4

Хотя кое-что все-таки угадал. Так, описанная в одном из произведений «водная постель» вполне заслуживала патентной заявки (Хайнлайн спроектировал ее еще на заре своей писательской карьеры, измучавшись на больничных койках). Но автор не догадался сделать это — и позже локти кусал от досады, видя, как water beds становятся таким же обыденным домашним удобством, как телефон или стиральная машина. (Прим. авт.)